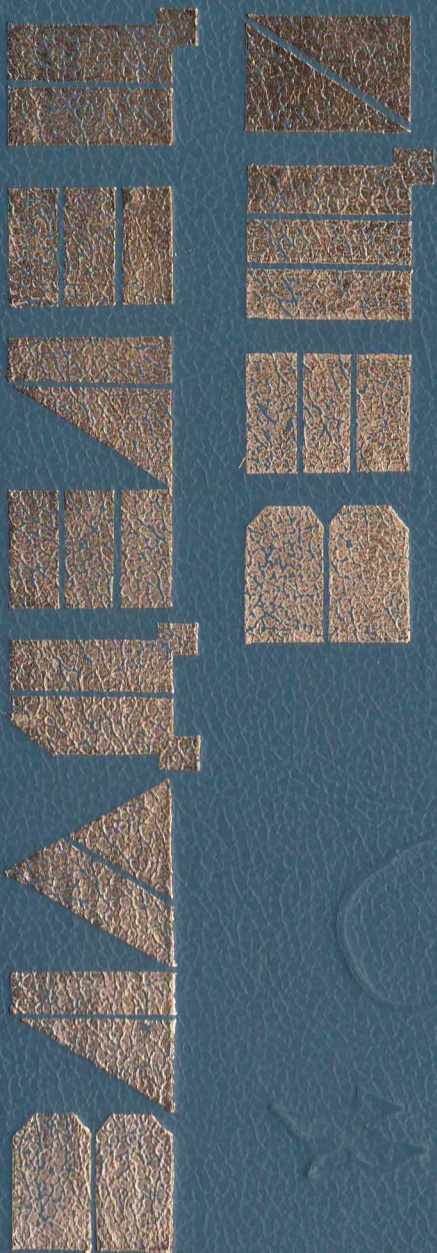
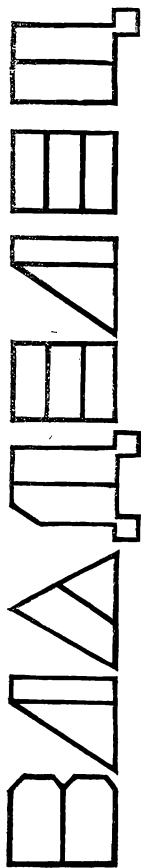
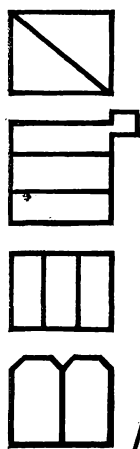

АРТСЕТ

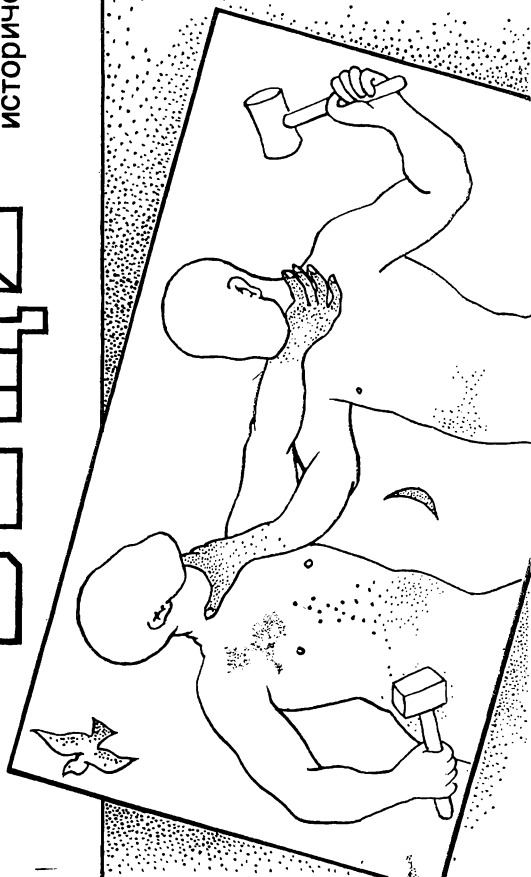
ИЛИ ОНТОЛОГИЯ
СУБЪЕКТИВНОСТИ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

АФИТ
ЙОШКАР-ОЛА
1993

Русская
аналитическая
философия

● Артсер

Научный редактор —
Чиликов С. Г. канд. филос. наук

Консультант —
Карпов И. П., канд. филол. наук

Оформление —
Клюкин А. П.

Иллюстрации —
Любовь Ямская

Ответственный за выпуск —
Михайлов В. М.

Настоящее издание знакомит с малоизвестным течением русской философской мысли — аналитическим подходом к рассмотрению человеческого духа и предпосылок творческой деятельности.

The given edition acquaints the reader with a little known trend in Russian philosophical thinking — the analytical approach, consideration of human spirit and premises of creative activities.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Человек обычно называется разумным существом, и потому он так называется, что обнаруживает у себя способность мыслить.

Это так очевидно, что человек имеет мышление, что, как правило, обычного человека застает врасплох вопрос: а на чем, собственно, основана уверенность человека в том, что он мыслит? Человек начинает лихорадочно искать ответ и приводит в качестве доводов первое, что придет на ум: мол, потому, что совершает разумные действия; что у него есть вторая сигнальная система и т. п. И каждый такой ответ, хотя и очевиден, но не убеждает и не убедит до тех пор, пока не укажется, а что при этом совершается, когда мы мыслим. Возникшее затруднение не остановит поисков, ведь ясно же, что наличие мышления — еще не достаточное условие для того, чтобы знать о том, какой способностью обладает человек, когда он мыслит. И если человек в состоянии себе представить, что он «мыслит», или что мыслит «он», то для этого есть ближайшее основание — наблюдение за самим собой, наблюдение, о котором у него такое же туманное представление, как и о самом мышлении. А оно так очевидно, — и наблюдение тоже, делающее его еще очевидней. Не эта ли ясность встает серьезной преградой к пониманию данной очевидности, никогда не переживаемой как открытие и принимаемой как известное, необходимое, данное изначально и навсегда. Этому непреложному обыденному факту в качестве исключения может противоречить только рефлексия юношеского восторга от открывающегося мира, от себя, полного сил и способностей. Но эмоциональный взрыв быстро иссякает, а самое очевидное — наличие у человека мышления — обнаруживает свою достаточность и остается неприкосновенным несмотря на первые, иногда очень бурные, приступы рефлексии.

Становящееся рефлектирующее мышление и не догадывается о том, что есть помимо поверхностного вопроса, касающегося очевидности мышления, еще и другие, более академичные и глубокие вопросы — «что такое мышление?», «как происходит мышление?» Если пренебречь осторожностью и позволить испытать мыслящего человека еще и таким образом, то от этой затеи не придется ожидать чего-либо, кроме того, что мы станем свидетелями глубокой задумчивости человека, чей напряженный внутренний взор будет представлять туманные контуры различных впечатлений, но не сможет явить самого «мышления». И опять — отрывочность высказываний, судор-

жные попытки удержать перед собой такой предмет, как «мышление». А чтобы убедиться в верности рисуемой картины борьбы рефлектирующего мышления с самим собой, достаточно почитать древних авторов, людей, по общему признанию, достаточно мудрых, но по этому поводу несущих разный вздор. На самом деле, как можно знать, что такое мышление, если мы не знаем самое очевидное — на основании чего мы уверены, что мы мыслим? Разве не эта очевидность должна дать нам понимание того, о чем мы ведем речь, когда говорим, что мы мыслим? Разве так уж сложно увидеть наше действие тогда, когда мы мыслим, и что мы совершаем, когда это действие называем мышлением?

Ближайшей достоверностью того, что человек мыслит — и он может об этом знать — есть то, что он пользуется словом.

§ 2. Из всего того, чем пользуется человек, он выделяет слово особо, считая, что оно имеет «смысл».

Пользование словами сопровождает человека всю его жизнь, даже если он ни разу не задумается, а что собой представляет слово и не является ли использование слов его собственным мышлением. Поэтому каково бы ни было его представление о своей собственной деятельности (которую он согласится или не согласится назвать мышлением), он употребит эту способность отнюдь не для ее определения, а сугубо для тех, обстоятельств жизни, которые возникают перед ним сиюминутно. Точно также, выделяя слово особо и задумываясь над тем, а что это такое, он будет испытывать те же затруднения, как и при попытках дать определения своей собственной деятельности, своего собственного мышления. Поэтому, если продолжать настаивать на рассуждениях, не свойственных природе обыкновенного человека, то лучше остановиться на вопросе, более соответствующем его действительной природе: почему же человек пользуется словом? Вряд ли что-нибудь будет для него более здравым, чем такой ответ: если человек использует слово, то только потому, что «оно обладает смыслом». Казалось бы, с этой точки зрения суждение противоположное, а именно — «слово не имеет смысла», — абсурдно и лишено права участвовать в выяснении природы слова. Но как быть с тем, что только человек распоряжается словами, и они не являются теми «субъектами», которые сами по себе могут чем-либо «обладать» или что-нибудь «иметь», ибо все, что «принадлежит» слову, на самом деле принадлежит его хозяину —

говорящему человеку. Но таким образом, в привычном представлении о словах, будто бы «имеющих смысл», утрачено трезвое понимание обстоятельности деятельности человека, когда его собственные продукты приобретают природу, присущую их создателю, творцу, и становятся самостоятельными сущностями и существуют без человека, наряду с человеком и над человеком. Обыкновенно человек, здраво рассуждающий, соглашается с этими доводами. Но как только речь пойдет о том, «имеют» слова смысл или «не имеют», он категорически останется на прежней точке зрения, наотрез отказываясь признать то, что утверждал только что и с чем соглашался. Исправлять же обыденные представления окажется делом безнадежным в силу укоренившейся привычки принимать очевидность в качестве окончательного вывода. Вряд ли на него произведут впечатление и такие хитроумные доводы. Если всякий нормальный человек не отказывается от своего предположения, что «слова имеют смысл», то сможет ли он отказаться считать себя творцом данного суждения и его смысла. В той же мере и суждение «слово не имеет смысла» имеет собственного творца. А оба утверждения вместе покажут, что разные люди, используя одни и те же слова, создают разные, даже противоположные смыслы. Но разве не потому, что человек и остается единственным творцом собственных слов и их смыслов?

Слово получает смысл от того, кто его употребляет, и только тот, кто его употребляет, наделяет его смыслом или не наделяет этого смысла, а слово само по себе, вне творца, смысла не имеет.

ПРИМЕЧАНИЕ

С аналогичной ситуацией мы встречаемся в раннем диалоге Платона «Евтидем». Платоновский Сократ спорит с софистами, и попытка последних разрушить здоровое понимание вещей наталкивается на вопрос: имеют ли словесные выражения смысл? Софисты спрашивают Сократа:

- Считаешь ли ты, что мыслящие существа мыслят, имея душу, или они ее лишены?
- Мыслят существа, имеющие душу.
- Ну, а знаешь ли ты речь, которая имела бы душу?
- Клянусь Зевсом, нет.
- Почему же ты недавно спрашивал, какой смысл в моем выражении?
- Да почему же еще, как не ошибаясь, по своей тупости? А может быть, я не ошибся и верно сказал, утверждая, что речи имеют смысл? (Евтидем, 287 d—e).

Платон, сталкивая различные взгляды, подходит к проблеме, но как и во многих других случаях, его подход остается первым, приблизительным схватыванием проблемы.

Секст Эмпирик также обнаруживает, что «никакая речь в качестве речи не бывает значащей» (Против логиков, II 134). Но у него другое основание:

Ибо [для этого] нужно было бы, чтобы все воспринимающие звук элины и варвары воспринимали и обозначаемый им предмет (там же).

Но по природе оно [слово] ничего не значит вследствие того, что не все понимают всех, например: греки не понимают варваров, а варвары греков (Против этиков, 241).

Секст Эмпирик берет факт, лежащий прямо на поверхности словоупотребления. Но он не ограничивается этим и приводит пример из специальной области, из грамматики, чтобы показать, что язык сам по себе ничего не значит:

Одни и те же люди произносят одно и то же различно, один раз в мужском роде, другой раз в женском... Следовательно, одни имена мужского рода, а другие женского не по природе, но одни бывают такими и другие такими вследствие обычая. Далее, если бы одни имена были мужского рода и другие женского по природе, то мужские существа должны были бы всегда именоваться и мужскими именами, женские — женскими, и те, которые не являются ни мужскими, ни женскими, именоваться в среднем роде. Однако этого нет, но мы зовем и мужские существа по-женски и женские по мужски, а те, которые не являются ни мужскими, ни женскими, — или по-мужски или по-женски, а не в среднем роде (Против грамматиков, 149—151).

§ 3. Человек в повседневной жизни, употребляя слова, не особенно озабочен вопросом об их роли в своей собственной жизни.

Понятно, почему в своей непосредственной жизни человек не придает решающего значения употреблению слов, ибо ему приходится прежде всего заниматься обеспечением своего существования. Он пользуется словом только как средством, помогающим ему в его практических действиях с окружающими вещами. Каким бы делом, какой бы деятельностью он ни занимался, его основная цель открывается ему в конечном, конкретном и готовом результате, который выступает для него вещью и который обеспечивает ему его существование. Вещи, включенные в орбиту его влияния, какой бы круг они не проходили, в каком бы качестве ни находились — и промежуточным результатом, и средством для другой деятельности, — под-

чиняются в своем движении общей направленности: быть условием становления и существования человека,— и весь этот многообразный круговорот вещей в жизни человека происходит потому, что ближайшая природа человека вещественна. Соответственно тому и существование его является прежде всего вещественным существованием.

*Тот, кто действует практически, обеспечивая свое существование среди вещей, будучи сам существом вещественным и использующим слова только в обстоятельствах своего насущного дела, является **практическим субъектом**.*

Человек, действующий практически, не знает о своих достоинствах, потому что производит свое существование, но именно в этом и заключено его достоинство

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЕСТЕСТВЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. То, на что направлена деятельность практического субъекта, есть конкретная вещь.

В соответствии со своей природой человек направляет свои усилия на вещь, стремится овладеть ею — и в этом проявляется его единственность, поскольку человек отличается от всего действительно природного, вещественного, не похожего на человеческое, своим обращением с вещью. Несмотря на то, что состояние дел человека не могло бы быть таким успешным, каким мы его находим на сегодняшний день — без громады употребляемых слов, все же не слово является тем главным, на что направлена деятельность практического субъекта, а та вещь, с которой образуется единый мир человека — мир, безусловно, в своей основе вещественный. То, «что» человек присваивает себе из природы, есть вещь, но присваивая часть природы себе, тем самым он делает вещь частью своей природы. А это есть прямая перспектива того, что он тем самым уподобил себя части естественной природы и тем самым доказал, что и он часть природы.

Действительная природа практического субъекта заключена в его владении вещью, а это есть деятельность человека в полном смысле этого слова.

**АКСИОМА — ПЕРВАЯ —
«тождества субъекта и вещи»:**

всякая деятельность субъекта есть владение вещью, есть уподобление вещи субъекту и уподобление субъекта — вещи.

ПРИМЕЧАНИЕ

Одно из самых ранних представлений о тождестве субъекта и вещи мы находим в положении о том, что «подобное по природе своей постигается подобным же». Так утверждают **пифагорейцы и Филолай** (Секст Эмпирик. Против логиков, I 92), **Демокрит и Платон** (там же, 116; см.: Платон. Тимей, 45 В). Аристотель приводит это положение, разбирая взгляды **Эмпедокла** (см.: О душе, 410 а 5).

Что же касается основания подобия, то найти его в книгах древних авторов не представляется возможным, и остается оценить только саму идею в свете предложенной аксиомы.

Другое, известное высказывание **Протагора** — человек есть мера всех вещей — удачнее выражает мысль о тождестве субъекта и вещи и в настоящем случае означает не более чем то, что человек соизмеряет вещи с самим собой. И даже **платоновский Сократ**, иронично уверяющий, что точно также и свинья есть мера всех вещей, равным образом признает тождество предложенного им субъекта с вещью (см.: Теэтет, 161 с.).

Довольно темпераментно, хотя и в отрицательной форме отстаивает тождество субъекта и вещи **Шопенгауэр**, он говорит:

Если бы исчезло и его (субъекта) единственное существо, то не стало бы и мира как представления. Эти половины (мир и субъект), таким образом неразделимы даже для мысли, ибо каждая из них имеет значение и бытие только через другую и для другой, существует и исчезает вместе с нею (Сочинения, М., 1992, т. 1, с. 56).

Поскольку Шопенгауэр сам создает «субъект» и сам же заставляет его владеть его же собственным представлением и его же миром, т. е. вещью, то он же и распоряжается дальнейшей судьбой этого «субъекта», предопределяя его «исчезновение», а следовательно, и всего того, чем владеет этот субъект.

Следствие аксиомы

Практический субъект не знает о том, что он владеет вещью, когда он ею владеет, так как у него нет необходимости убеждать себя знанием этого факта, — знанием, которое не добавляет ничего к той вещи, которой он действительно владеет.

§ 2. Практический субъект может владеть вещью только в том случае, если применяет к ней свою материальную, вещественную силу.

Даже дикий плод, выросший без участия человека, пройдет ряд действий, сопряженных с усилиями и затратами физиче-

ского состояния человека, прежде чем будет потреблен человеком. Но преобразование вещей у практического субъекта заходит так далеко, что он извлекает из себя силы, не знакомые дикой природе, но являющиеся продолжением сил самой этой природы, что нисколько не меняет того обстоятельства, что по-прежнему человек может присвоить себе только то, на что употреблена его сила: сообразно тому, как человек затрачивает свои силы, он и присваивает вещь, до этого находящуюся вне его отношений к ней,— вещь, внешнюю к его собственному существованию. Однако вещь остается внешней по отношению к практическому субъекту и во всех дальнейших своих превращениях, и только потому, что при каждом акте ее присвоения возникает необходимость применить к ней материальную силу. И в самом процессе взаимодействия практического субъекта с ней она продолжает быть внешней к нему, какое бы единство они ни образовывали друг с другом.

Практическая сила человека постоянно соприкасается с внешним вещественным основанием человеческого бытия, то есть вещами, его окружающими и им созданными.

§ 3. Материальная сила практического субъекта и есть его достояние, неотъемлемое от него, принадлежащее ему,— достояние, утверждающее его достоинство среди других вещей.

Как бы силы практического субъекта ни назывались — ловкостью, физической мощностью, чувствами, воображением, потребностями и др., — но только они, постоянно осуществляясь, включают в орбиту вещественное основание, обеспечивают существование человеку как практическому субъекту и сообщают ему действительное природное, то есть направленное на его естественность, собственное бытие. За пределами этой деятельности нет никакого другого человеческого бытия. Но можно брать разнообразные стороны этого бытия, и все они окажутся производными от деятельности с вещами, так что овладение вещью является бытием практического субъекта, а бытие его — деятельностью, без которой, что бы мы ни брали человеческого, остается мертвым агрегатом или безжизненными его частями.

Деятельность, понимаемая только в этом смысле слова, как деятельность с вещами, как овладение вещами, есть само бытие человека и есть онтологическое основание всех сторон человеческого существования.

§ 4. Практический субъект, обладая вещественной материальной силой, применяет ее к вещи, которую присваивает в том отношении, в котором находится его материальная сила.

Материальная сила, примененная к вещи, соизмерима с внутренним состоянием человека и всегда направлена на такое положение вещи, когда ее преобразование будет соответствовать природе пользующегося ею субъекта. Он должен производить такие изменения, при которых преобразованная вещь становится его собственным продолжением — условием его существования. Жизненное пространство человека устанавливается в той мере, в какой устанавливается их единство, тем самым вещь подчиняется его вещественной природе, и способности развиваются соответственно изменяющейся природе вещи. Направленность силы человека на вещь соразмерна его внутренним материальным возможностям. Поэтому всякая деятельность заявляет о той или иной возможности практического субъекта, в соответствии с которой происходит выражение его силы и тем самым поддерживается стабильность состояния практического субъекта в отношениях с окружающими вещами.

Побудительные силы практического субъекта, — реализующиеся в вещах суть экзистенции, и в совокупности они образуют внутреннюю экзистенциальную сферу человеческого бытия.

ПРИМЕЧАНИЕ

Поиск внутренних источников деятельности человека можно найти уже у ранних авторов. Так об этом говорят стоики, согласно Диогену Лаэртскому:

Первым побуждением живого существа, говорят стоики, является самосохранение, ибо природа изначально дорога сама себе... Ближе всего для всякого живого существа его собственное состояние и сознание такового... И поэтому оно противится всему, что вредно, и идет навстречу всему, что близко ему... Природа сама по себе стремится к тому, что соответствует состоянию, и достигает этого, именно так резвятся животные и цветут растения; а между растениями и живыми существами природа не сделала никакой разницы. Правда в растениях она обходится без побуждений и чувствований, как, впрочем, и в нас кое-что совершается растительным образом. Но животные, которым вдобавок уже дано побуждение, с помощью его сами ходят за тем, что им нужно; поэтому для них жить по природе — значит жить по побуждению. А разумным существам в качестве совершенного вождя дан разум, и для них жить по природе — значит жить по разуму, потому что разум — это наладчик побуждения (VII 85—86).

В этом отрывке можно выделить, как констатации, те внутренние силы человека, которые включаются в рассмотрение

разными философами: «самосохранение», «стремление к наслаждению», «чувствование», «разум», «побуждение». Нет необходимости высказываться в пользу той или другой экзистенции, искать более глубокие бытийные основы человека,— для настоящих целей достаточно будет обратить внимание только на определенную часть проблемы, касающейся «разума»: действительно ли «разум» относится к экзистенциальной сфере или же он надстраивается над более глубинными жизненными стремлениями и является их следствием?

Платон отмечает совершенно обычный порядок дел:

Ощутимые же вещи сродни каждому из этих ощущений: все — возможные зрению — всевозможные цвета, слуху — равным же образом звуки, и прочим ощущениям — прочее ощутимое, возникающее совместно с ними (Федр, 156b—c).

Глаз, приблизившись к чему-то ему соответствующему, порождает белизну и сродное ей ощущение — чего никогда не произошло бы, если бы каждое из них сошлось с тем, что ему не соответствует (там же, 156 e).

Решающее для философии **Шопенгауэра** понятие «воля» в своем начале имеет не что иное, как экзистенции, не требующие познания и осуществляющиеся слепо, без всякого сознания:

Да и в нас самих... воля многообразно действует слепо: во всех функциях нашего тела, не руководимых познанием, во всех его животных и растительных процессах, пищеварении, кровообращении, выделениях, росте, воспроизведении. Не только действия тела, но и оно само... всецело есть проявление воли, объективированная воля, конкретная воля; поэтому все, что происходит в нем, должно совершаться волей... (Сочинения, М., 1992, т. 1, с. 144).

§ 5. Экзистенция обнаруживает себя только в приобретенной вещи, освоенной и вовлеченной в человеческую деятельность, в состояниях практического субъекта,— предвосхищающих и соответствующих овладенной вещи.

Вещь, безусловно, имеет свое собственное существование и потому требует от человека расходования материальных сил и независимых от нее воздействий, хотя и соразмерных природе вещи. Но вовлеченная в орбиту деятельности практического субъекта вещь приобретает новую форму, новую сторону своего существования,— сопряженную с материальной природой человека,— она несет на себе отпечаток израсходованной реализованной материальной силы человека. Поэтому характер деятельности практического субъекта в самой вещи обнаруживается как преобразование вещи в соответствии с израсходованной материальной силой; и как результат этой деятельности он застывает в преобразованной форме вещи как овнеш-

ненная, овещвленная материальная сила, ставши неотъемлемой стороной вещи.

Бытие экзистенции, не безразличной к бытию вещи, обнаруживает себя в человеческой деятельности как реализация сущностных сил человека в вещи.

ПРИМЕЧАНИЕ

Соразмерность затраченной для овладения вещи силы — самой этой вещи может быть представлена термином «подобие», о котором говорят древние авторы:

Одни объясняют [ощущение] принципом подобия, другие — принципом противоположности [органа и объекта ощущения]. Парменид, Эмпедокл и Платон — принципом подобия, последователи Анаксагора и Гераклита — принципом противоположности... (Фрагменты, 31 В 420).

Что же касается «противоположности», то она заключается в том, что осиление вещи всегда требует затрат сил, а в этом вещь противостоит практическому субъекту, его вещественной природе. Вещь, таким образом, как осиленная вещь, является продолжением природы практического субъекта, но то, что она требует затрат его сил, оставляет ее вне практического субъекта.

Платон продолжает характеристику чувственной деятельности:

Действующее и страдающее произвели сладость и ощущение, одновременно несущиеся в разные стороны: ощущение, предназначенное для страдающего, делает язык ощущающим, а сладость, направляясь к вину, заставляет его и быть сладким и казаться (Теэтет, 159 d).

Аристотель не только конкретизирует характер сущностных сил, но и изобретает механизм их реализации в виде существа-гомункулуса, соизмеряющего изнутри способности человека с вещью:

По той же самой причине мы называем также знание и чувственное восприятие мерою вещей, а именно потому, что мы нечто познаем при посредстве их, хотя они скорее измеряются, чем измеряют. Но с нами получается так, как будто кто-то другой измеряет нас, и мы узнаем свой рост благодаря тому, что столько-то раз прикладывают к нам меру длины — локоть. Протагор же говорит: «Человек есть мера всех вещей», что равносильно тому, как если бы он сказал «человек знающий» или «воспринимающий чувствами» [есть мера всех вещей], а они — потому, что обладают: один — чувственным восприятием, другой — знанием, о которых мы [и так] говорим, что они меры предметов. Таким образом, это изречение ничего не содержит, хотя кажется, что содержит нечто особенное (Метафизика, 1053 а 30—35).

В другом случае Аристотель идет еще дальше, соизмеряя не только человеческие способности с вещью, но и человека

с человеком, вещь с вещью, а мера этого соизмерения есть все та же экзистенция, в данном случае «потребность»:

Ведь [общественные] взаимоотношения возникают не тогда, когда есть два врача, а когда есть [скажем], врач и землевладелец и вообще разные и неравные [стороны], а их-то и нужно приравнять.

Поэтому все, что участвует в обмене, должно быть каким-то образом сопоставимо. Для этого появилась монета и служит в известном смысле посредницей, ибо ею все измеряется, а значит, как избыток, так и недостаток, и тем самым сколько башмаков равно дому или еде... Не будет же этого, если [обмениваемые вещи] не будут в каком-то смысле равны. Поэтому, как и было сказано выше, все должно измеряться чем-то одним. Поистине такой мерой является потребность, которая все связывает вместе, ибо, не будь у людей ни в чем нужды или нуждайся они по-разному, тогда либо не будет обмена, либо он будет не таким, [т. е. не справедливым]; и, словно замена потребности, по общему уговору появилась монета; оттого и имя ей «носима», что она существует не по природе, а по установлению (nomó) и в нашей власти изменить ее или вывести из употребления (Никомахова этика, 1133 а 15—30).

§ 6. Экзистенция, воплощаясь в вещи, получает несвойственное ей внешнее бытие, а именно бытие в вещи.

Какой бы необъятной ни казалась рассудительному человеку природа его самого, он как вещественное существо имеет ограниченное количество побудительных сил — экзистенций, направленных на восполнение своего существования. Необходимость в питании, в защите от внешних стихий и в продолжении рода — вот, пожалуй, и весь перечень материальных побуждений практического субъекта, его экзистенций, направляющих его действия с вещами, для чего используется материальная сила всего организма, его частей и сообщества людей в целом, — представляющего овеച്ചвленную силу множества индивидов. Экзистенция и вещь настолько приспособлены друг к другу, что в едином акте деятельности с вещами практический субъект не отличает экзистенцию от вещи. Что такое зрение для него, как не сама зримая вещь, что такое горький вкус, как не горькая на вкус вещь, что такое тяжесть, как не мускульное усилие, направленное на тяжелую вещь. Вещь, которой овладевает практический субъект, становится его собственным продолжением, его собственной частью, продолжением его экзистенций. Вещь превращается практическим субъектом из условий его природного существования в продолжение его собственной природы, утверждением его реализованной силы. Он раскрывает себя тем, что окружает себя вещами и образует единый с ними организм. Лишенный своего окружения практический субъект лишается и своего достойного, главным образом, собственного человеческого существования, как живое существо, потерявшее

свои конечности. Все это потому, что вещь есть реализованная сила человека, и он пользуется ею только как своими собственными силами. Поэтому он стойко защищает овладевшую вещь как самого себя, бережет ее, приумножает, следит за ее состоянием.

*Экзистенциальная сфера человека, взятая по отношению к вещи, только и есть **собственность** практического субъекта, тогда как вещь практического субъекта является всего лишь продолжением его собственности.*

§ 7. Воплощаясь в вещь, материальная сила заключается во внешнее основание, отрывается от самого практического субъекта, отвергается от него и начинает существовать для него как внешний объект, требующий привлечения новой силы.

Это отвержение материальной силы и внешнее ее существование в вещи предопределено внешним собственным характером существования вещи, хотя уже приспособленной к человеческому бытию, но по-прежнему требующей при ее использовании затрат материальных сил. Вещь остается внешним потому, что каждый акт с ней требует материальных затрат,— но и основанием, производным от предшествующей деятельности, от предшествующих затрат. Это становится возможным потому, что вещью владеет только тот, кто вложил в нее часть самого себя. Потому вещь становится продолжением человеческого бытия, и только потому, что она — как внешнее — заключает в себе преобразованное внутреннее. Вещь, на самом деле выступая как преобразованная вещь, практическому субъекту повернута лишь внешней стороной, и за этим внешним вещественным основанием внутреннее, практически преобразованное — скрыто и представлено только как внешнее.

Скрытое, но реализованное в вещи экзистенциальное начало придает вещи характер собственного бытия практического субъекта и в своем внешнем выражении указывает на личностное основание всякой практической деятельности и всякого предмета этой деятельности.

§ 8. Вещь, ставшая своей вещью, личностной вещью, каждый раз, как только представится субъекту, все равно необходимо требует от него вложения новых сил, подтверждающих ее овладеенность.

Такова природа вещественности, требующей затрат энергии, труда, сил, какой бы вещь ни была освоенной. Но только преж-

няя освоенность вещи позволяет практическому субъекту использовать ее по своему усмотрению в любой подходящий для него момент, поскольку вещь сформирована им под самого себя и имеет в этом отношении запланированную форму, приспособленную для известных нужд. Поэтому каждый акт деятельности включает в себя и то, что уже сделано с вещью, и выступает в ней как ее созданная форма, и как то, что происходит с ней только в данный момент деятельности.

Всякая деятельность в настоящий момент является актуальной деятельностью, но в используемых ею формах содержит осуществленную ранее и застывшую прошлую деятельность.

§ 9. Преобразованная вещь все равно остается для практического субъекта внешней вещью, поскольку он не видит своего предшествовавшего и застывшего в вещественном основании труда.

Единственной ориентацией практического субъекта поэтому является направленность на внешнюю вещь, какова бы ни была ее непосредственная природа. Но каждый акт деятельности настраивается на результаты предшествующей деятельности, которые включены во внешнее основание. Да и сам практический субъект в этом смысле слова представляется результатом не только своей индивидуальной предшествовавшей деятельности, но и деятельности всех предыдущих поколений.

Актуальная деятельность извлекает из недр человеческого бытия,— его внешнего и личного основания,— предшествующую деятельность в качестве опыта практического субъекта.

ПРИМЕЧАНИЕ

Словом об опыте начинается «Метафизика» Аристотеля: о том, какое значение имеет опыт в человеческих делах, и в конечном счете опыт определяется как знание. Знание это не совершенно и отлично от отвлеченного знания и понимания причин. Находим здесь догадку об отсутствии представления практического субъекта о реализованной предшествующей деятельности, что для Аристотеля и выступает приблизительным, поверхностным знанием вещей: человек в опыте, по Аристотелю, знает «что», то есть вещь как предмет своей деятельности. Но на этом анализ опыта у Аристотеля завершается, и он переходит к рассмотрению начал, на что способна только философская мудрость (см.: 980 Б 25 — 982 а).

В дальнейшем изложении Аристотель еще раз возвращается к опытному знанию в форме «привычки» и подчеркивает ее властную силу, превосходящую собственно «знание»:

Усвоение преподаваемого зависит от привычек слушателя; какие у нас сложились привычки, такого изложения мы и требуем, и то, что говорят против обыкновения, кажется неподходящим, а из-за непривычности — более непонятным и чуждым, ибо привычное более понятно. А какую силу имеет привычное, показывают законы, в которых то, что выражено в форме мифов и по-детски просто, благодаря привычке имеет большую силу, нежели знание самих законов (там же, 995 а).

Аристотель все-таки связывает опыт с внешним вещественным основанием, а не прямо с предшествующей деятельностью, — говоря о воспоминаниях, образующих опыт. Но эти воспоминания остаются только воспоминаниями о вещах:

Таким образом, из чувственного восприятия возникает, как мы говорим, способность помнить. А из часто повторяющегося воспоминания об одном и том же возникает опыт, ибо большое число воспоминаний составляет вместе некоторый опыт. Из опыта же, т. е. из всего общего, сохраняющегося в душе, из единого, отличного от множества, того единого, что содержится как тождественное во всем этом множестве, берут свое начало искусство и наука... В самом деле, если одно, не отличающееся от другого, удерживается, то появляется в душе первое общее (ибо хотя воспринимается единичное, но восприятие есть [восприятие] общего, например человека, а не человека Каллия (Вторая аналитика, 100 а 5—15).

§ 10. Предшествующая деятельность, каждый раз возобновляясь в актуальной деятельности, не может существовать в той же форме, в какой она протекала в прошлом.

Она не может существовать сама по себе, не может существовать иначе, как только в вещественном основании и как только в личностном основании, и поэтому она включена в формы актуальной деятельности. А эта форма не совпадает с предшествующей формой. В каждом моменте своей непосредственной деятельности практический субъект актуализирует прошлую, осуществленную деятельность, но утратившую свою действительную форму и выступающую в изменившейся форме. Перенос прошлой деятельности в настоящую, актуальную деятельность осуществляет не только сам субъект, закрепляя обращение с вещью в качестве навыков, но и осуществляет вещь, которая востребует от практического субъекта такой акт с ней обращения, какой соответствует ее природе, а значит, и той прошлой деятельности, которая закреплена в преобразованной форме вещи, ибо форма вещи диктует только такое

обращение с ней, какое заложено предшествующей деятельностью. Проще говоря, вещь служит подсказкой практическому субъекту, что нужно с ней делать, при условии, что практический субъект уже раньше участвовал в овладении этой вещи.

Актуальная деятельность практического субъекта есть превращенная форма прошлой деятельности.

ПРИМЕЧАНИЕ

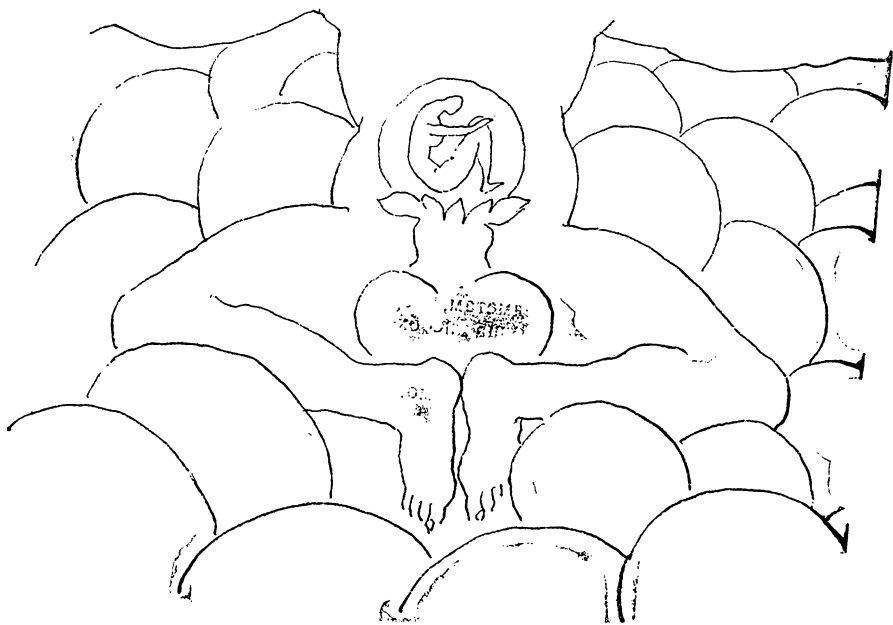
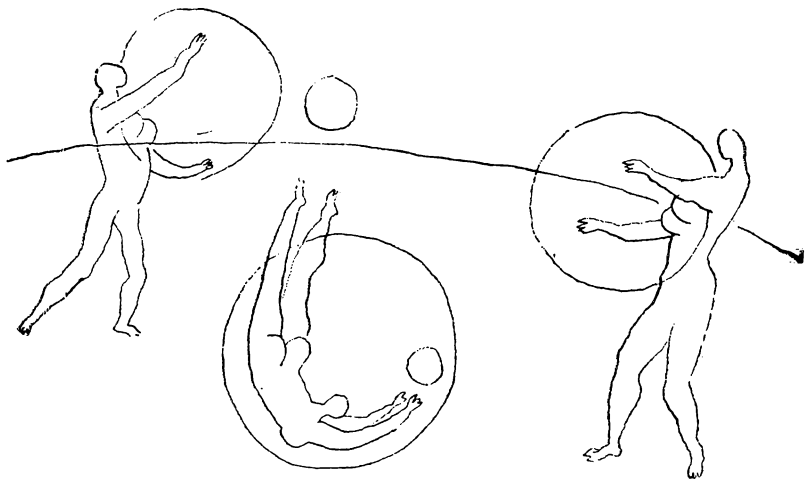
Можно было бы считать, что Платон открывает существование деятельности в превращенной форме:

Итак, я буду разбирать самый сложный вопрос, примерно следующего рода: может ли один и тот же человек, зная что-то, не знать того, что он знает? (Теэтет, 165 В).

Можно было бы так считать при условии, что Платон рассматривает переход прошлой в актуальную деятельность и процесс актуальной деятельности как реализацию предшествующих форм. То есть человеку представлено то, чем он владеет, но в то же время он не задумывается, как он овладел и как он владеет этим.

У Аристотеля констатируется представленность в душе превращенной формы предмета. Но в чем заключено это превращение, остается не ясным:

Способность ощущения и познавательная способность души в возможности тождественны этим предметам, первая — тому, что ощущается, вторая — тому, что познается. Душа необходимо должна быть либо этими предметами, либо их формами; однако самими предметами она быть не может: ведь в душе находится не камень, а форма его. Таким образом, форм, ощущение же — форма ощущаемого (О душе, 431 В 25—432 а).

АКСИОМА — ВТОРАЯ — «тождества превращений»:

всякий продукт деятельности человека есть превращенная форма, тождественная предшествующим основаниям этой деятельности, и в силу этого являющаяся следствием этих оснований.

Следствие аксиомы

Существование всякой превращенной формы указывает на то, что превращение носит необратимый характер и что ее воздействие на актуальную деятельность изменяет ее характер. В том случае, если форма проходит полный цикл превращения, создавшийся новый объект, включенный в актуальную деятельность, изменяет характер самой деятельности, получается новый вид деятельности. Но вторичность и производность превращенной формы от предшествующего основания свидетельствует об исходности и фундаментальности этого основания, поэтому оно и называется онтологическим основанием. В то же время практический субъект не замечает всех своих превращений, потому что в каждом из них он владеет вещью актуально, но как он владеет и что было в прошлом, хотя и самом ближайшем, остается за пределами его внимания в тот же самый момент деятельности.

§ 11. Чтобы не происходило с вещью в процессе деятельности, какие бы изменения ни происходили с ней,— в каждый момент практический субъект имеет совершенно определенную форму вещи, а в совокупности имеет все формы вещи.

Практический субъект не всегда может дать себе полный отчет о том, что представляет данная форма вещи в данный актуальный момент деятельности. Но то, что вещь, какой бы она сейчас ни была, является предметом его усилий, а потому она представлена ему в том виде, в каком он ее находит в каждый момент, и потому он продолжает с ней делать то, что ему нужно.

Актуальный момент деятельности характеризуется ясностью представленности вещи, но только в силу того, что она есть превращенная форма прошлой деятельности.

§ 12. Соответствие вещи тем усилиям, которые применяются для ее изменения, сразу же выпадает из области интереса практического субъекта, как только вещь овладеена.

Пока вещь превращается в другую вещь, практический субъект соотносит ее состояния со своим состоянием и регулирует процесс превращения настолько, насколько он желает получить результат. Но как только процесс завершен, то чтобы практический субъект ни делал с вещью дальше, он исключает из поля своего зрения то, что было вложено в вещь усилиями предшествующей деятельности. Поэтому каждый актуальный момент деятельности оставляет не раскрытым, не очевидным для практического субъекта все то, что относится к предшествующей деятельности.

Характер превращения вещи, как и вся предшествующая деятельность, включены неявной представленностью практическому субъекту превратившихся форм прошлой деятельности в вещи актуальной деятельности.

§ 13. Превращение прошлой, деятельности в актуальную изменяет и характер всей деятельности — прежде всего изменяется направленность актуальной деятельности.

Характер самой деятельности раскрывается не столько как опыт, сколько как вещь предшествующего опыта, и только через вещь обнаруживает свои отличительные черты, потому что вещь нужно владеть. А то, что представлено практическому субъекту, не имеет установленного им предела между предшествующей и настоящей формой в текучем и постоянно изменяющемся течении деятельности: практический субъект сталкивается с вещью и необходимыми способами употребления средств деятельности — и только это является ему как сама происходящая деятельность. Он овладевает вещью посредством других вещей и в этом обнаруживает то, что он сотворяет средства своей деятельности. Вещь как средство становится для него больше, чем просто овладеенная вещь, она становится продолжением его самого, его силой, его увеличенной вещественной природой, его материальным придатком. Можно ли сравнивать этот класс вещей с вещами, потребленными практическим субъектом и переставшими существовать, переведенными на его потребу? Сотворяя средства для своего существо-

вания, он увеличивает свои силы, используя материальность вещей, и как только он приводит их в действие, они источают силу как силу самого человека. Но прежде практический субъект творит средства своей деятельности, творит свою собственную все возрастающую силу, творит и самого себя, выходящим за свои физические пределы.

Только средство деятельности как вещь несет в себе всю совокупность предшествующей деятельности, и только эта вещь есть эквивалент человеческого бытия.

ПРИМЕЧАНИЕ

Изменение направленности деятельности с вещественного основания на способ самой деятельности отражено у **Аристотеля** в «Никомаховой этике»:

Когда же [достижение цели] представляется возможным, тогда и берется за дело. «Возможно» то, что бывает благодаря нам, /ведь [исполнение чего-то] благодаря друзьям и близким в известном смысле тоже зависит от нас, так как в нас источник [действия]. Поиски здесь обращены в одних случаях на орудия, в других — на их употребление; так и во [всем] остальном: в одном случае — на средства, в другом — на способ, т. е. на исполнителя (1112 В 25—30).

§* 14. Как продукты деятельности, средства деятельности ничем не отличаются от других вещей — другими их делает характер употребления.

Направленность практического субъекта на средства деятельности проявляется в том, что вещь им преобразуется в соответствии с ее будущим употреблением в качестве средства, но она преобразуется точно так же, как и любая другая вещь с иным назначением. Средства деятельности без использования представляют собой нагромождение предметов, и если бы это было так, то их совокупность производила бы удручающее впечатление своей неестественностью, ненатуральностью, надприродностью, как очень большая свалка. Только сила человека, создавшего их по своему подобию и предусматривающего их использование, оживляет этот чудовищно неестественный мир — мир, вполне соотносимый по своей мощи с остальной природой, приводимый в движение силой человека и надсозданный над ним самим. Поэтому в собственном смысле слова вещь является только то, что прошло превращение в его практической деятельности. Всякие же естественные предметы являются вещами лишь в силу сопричастности с человеком. Созданный

человеком вещественный мир подвержен сохранению, воспроизводству, усовершенствованию как все природное, и это служит доказательством того, что он овладел вещью и в ней бережет свою умноженную силу. Вот почему только производством прежде всего, а затем уже потребление, является богатством его возможностей. Если бы человек произвел орудия и съел их, то на этом закончилась бы его история. Существование орудий труда в форме их производства и их употребления и есть овладение вещью в собственном смысле слова. В качестве же преобразованной в средства деятельности вещь перестает быть объектом внимания практического субъекта, так как в актуальной деятельности предметом становятся другие вещи, к которым применяются произведенные ранее средства, потерявшие по форме значимость актуального объекта. Но тем самым прошлая деятельность незримо переносится на другие вещи, что остается за пределами представлений практического субъекта. И это повторяется в каждом новом цикле практической деятельности.

Только то, чем владеет практический субъект как средством своей деятельности, есть вещь в собственном смысле слова, но не в смысле просто физического, телесного предмета.

§ 15. Любая вещь берется практическим субъектом только в том отношении, в каком он овладел этой вещью, реализуя свою непосредственную, конкретную силу.

Тот факт, что ничто не представлено практическому субъекту до тех пор, пока остается за сферой его практического отношения, показывает зависимость открываемой предметной области от деятельности практического субъекта, реализующего свои силы в вещественном основании, а, следовательно, приносящего в него то, что не принадлежит самой вещи непосредственно. Он осиливает вещь, но только таким образом практический субъект открывает для себя то, что принадлежит самой вещи. Обычно эти стороны вещи называют «свойствами», «качествами», «отношениями», «процессами», «действиями», «функциями» и т. п. Все они обнаруживаются в процессе длительной вещественной деятельности человека.

Любая обнаруженная практическим субъектом сторона вещи является атрибутом, тождественным материальной силе практического субъекта, вложившего эту силу в вещь.

ПРИМЕЧАНИЕ

Гераклит: «Если бы все вещи стали дымом, носы бы распознали их!» (Фрагменты, 22 В 78 а).

Платон, например, обращает внимание не столько на индивидуальные различия в человеческом отношении к вещи, сколько на то, что отношения разных людей к вещи имеют общность:

Если бы мы измерили или потрогали что-то и оно оказалось бы большим, или белым, или теплым, то, попав к кому-либо другому, оно не стало бы другим, во всяком случае, если бы само не изменилось (Тэстет, 154 Б).

Но это и есть указание на общность экзистенциальной сферы людей, определяющих свое отношение к вещи объективированно, что выражается определением вещи через ее «атрибут».

Уже скептики указывали на то, что чувственные качества предметов не являются непосредственными данными:

Допустим, например, что мы никогда не натыкались на то, что является, по предположению, белым цветом, равно как и на черный, и что мы впервые видим белое. Мы не в силах будем на основании этого восприятия воспринимать и черный цвет. Пожалуй, можно понимать, что черный цвет иной и что он не похож на белый. Но воспринять черный цвет из наличия белого невозможно. Такое же рассуждение приложимо и к звуку и вообще к другим чувственным предметам (Секст Эмпирик. Против логиков, II 209).

Из всего этого скептики делают вывод в духе своего учения о непостижимости вещей. Однако именно критическое рассмотрение человеческих способностей позволяет им увидеть, что для представленности атрибута недостаточно единичного акта. Можно дополнить это положение тем, что для этого необходима предшествующая деятельность, опыт, нужна постоянная реализация сил субъекта и глубокое отождествление их с самим предметом.

У скептиков можно найти и различие между вещью и экзистенцией, а также указание на необходимость объективирования экзистенции в вещи как способа выражения атрибута вещи:

Как хлещущий по телу кнут хотя и доставляет страдание телу, но сам не есть страдание и как пища и питье доставляют удовольствие тому, кто ест и пьет, но само не есть удовольствие, так и огонь хотя и может жечь, но сам во всяком случае не обязательно жарок; и мед хотя и вызывает ощущение сладкого вкуса, но сам еще не оказывается сладким (там же, I 368—369).

АКСИОМА — ТРЕТЬЯ — «тождества субъекта и атрибута»:

всякий атрибут вещи является результатом осиления вещи человеком и уподоблением его практической силы — этой вещи.

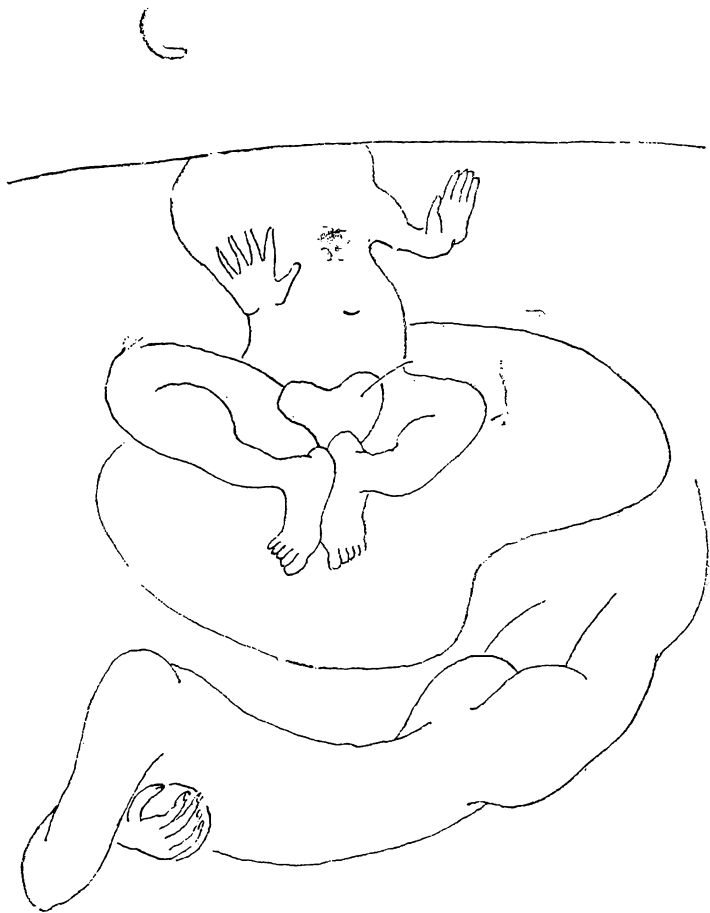
Следствие аксиомы

Практический субъект овладевает вещью в том отношении, в каком направлена его практическая сила, и в результате уподобления он видит атрибут, только как присущий самой вещи, но не видит своей практической силы, привнесенной, реализованной в эту вещь.

§ 16. Какие бы стороны вещи практический субъект ни затронул своей деятельностью, для него эти стороны остаются сторонами вещи.

Будучи объектом деятельности практического субъекта, вещь представлена ему вся целиком, а его предшествующая и актуальная деятельность реализована в этой вещи, цельной и на разные стороны неделимой. Всякий атрибут существует по отношению к вещи точно так же, как материальная сила практического субъекта — по отношению к той же вещи. И атрибут существует постольку, поскольку существует для субъекта вещь, в которой реализована его сила, но сама реализация не является условием существования вещи, но только той формы и стороны, которая повернута практическому субъекту в актуальной деятельности. Следовательно, как бы мы ни говорили о «существовании» атрибута, он для практического субъекта остается только вещью, хотя на самом деле при этом есть только действие и осиление им вещи. Само по себе не существует, например, «твердое», «железное», «единичное», «высокое», «теплое», «нечетное», «круглое», «черное», но существует какая-то вещь, например «труба». Поэтому актуальное «существование» атрибута представлено практическому субъекту как сама вещь. То, что, например, называется «зеленая трава», не воспринимается практическим субъектом отдельно как «трава» и отдельно как «зеленое».

Практический субъект, владея вещью в каком-либо конкретном отношении, владеет вещью в целом, как в разных отношениях осиленной вещью.

АКСИОМА — ЧЕТВЕРТАЯ —

«тождества атрибута и вещи»:

вещь для субъекта существует как таковая, поскольку в нее вложена сила самого субъекта.

Следствие аксиомы

Практический субъект, соизмеряя свою силу с вещью, осиливая ее, видит только вещь, но не саму эту практическую силу, реализующуюся в вещи.

§ 17. Практический субъект состоит в разнообразных отношениях с вещью.

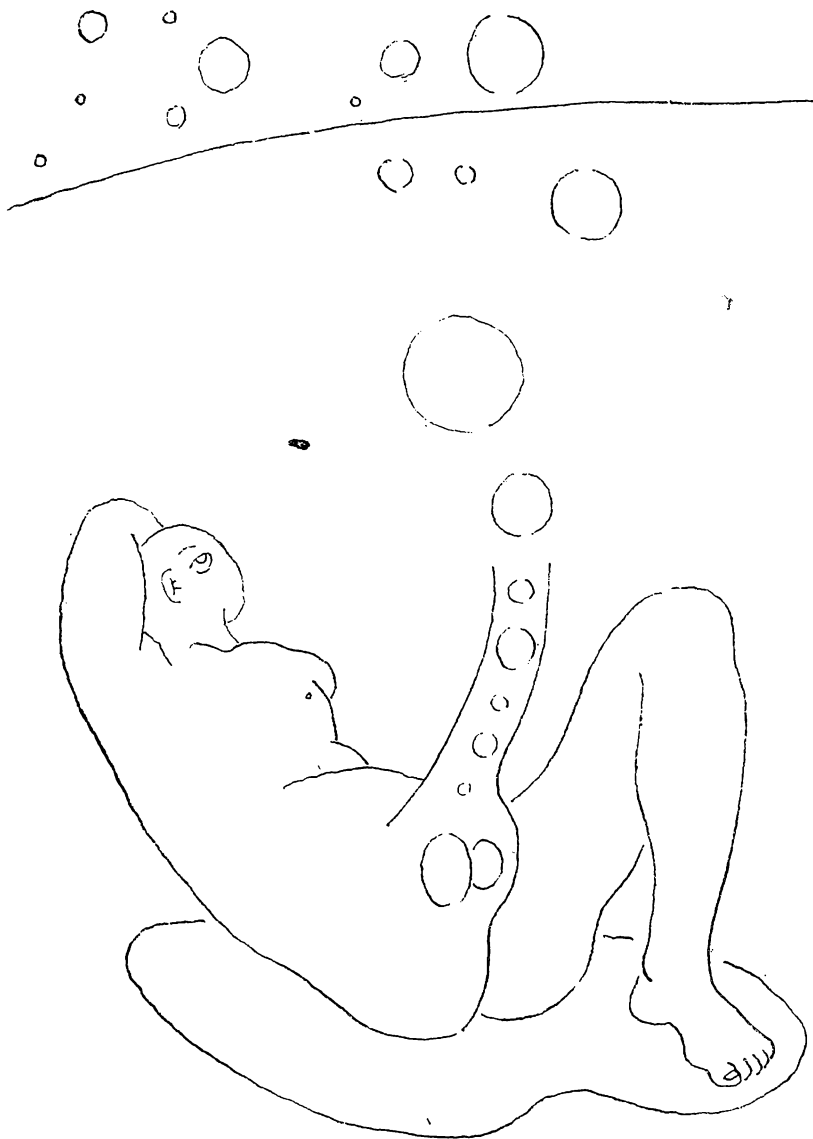
Вещь раскрывается субъекту разными сторонами и становится носителем какого угодно количества атрибутов, оставаясь самой собою. Но каждая практическая ситуация, актуально поворачивающая вещь какой-либо одной стороной, имеет дело с вещью как неограниченным рядом атрибутов. При этом практический субъект не воспринимает вещь и атрибуты как две реальности: вещь — одну, а атрибуты — другую, — и любое количество воздействий на вещь относит к вещи как таковой. Все ли стороны вещи принимает во внимание практический субъект, когда владеет этой вещью? Какому бы воздействию ни подвергалась вещь, она представлена практическому субъекту безотносительно ко всем другим воздействиям, поскольку все они требуют затрат совсем иных сил, и употребление только одной из них исключает из актуального момента деятельности использование всех других. Стало быть, если практический субъект отождествляет каждое свое воздействие на вещь с самой этой вещью, то ему не могут в актуальном владении вещью открываться все возможные формы владения ею.

Вещь представляется практическому субъекту не иначе, как только через актуально сформированное отношение, актуально происходящую деятельность, хотя на самом деле имеет неограниченный ряд атрибутов или континуум атрибутов.

ПРИМЕЧАНИЕ

Вполне ясно континуум атрибутов описывает Аристотель в «Метафизике»: «Невозможно перечислить все приходящие свойства, поскольку их имеется бесчисленное множество...» (1007 а 10).

Кроме того, Аристотель изобретает процедуру вычитания атрибутов из материи и приходит к следующему выводу:

Если материя не сущность, то от нас ускользает, что бы еще могло быть ею: ведь когда мы отнимаем все остальное, ничего другого, очевидно, не остается: а остальное — это состояния тел, произведенное ими, и их способности... (1029 а 10).

Поскольку ничего в вещи не обнаруживается без реализации силы, то исключение всех этих реализованных сил оставляет вещь нечто пустым и безжизненным. Но Аристотель не может представить атрибуты как реализованную сущность человека и поэтому заполняет «материей» и «сущностью»:

Длина же, ширина и глубина — это некоторые количества, а не сущности... и сущность есть скорее то, чему как первому все это принадлежит. С другой стороны, когда мы отнимаем длину, ширину и глубину, мы видим, что ничего не остается, разве только то, что ограничено ими, если оно что-то есть; так что при таком взгляде материя должна казаться единственной сущностью (там же, 1029 а 13—20).

Если атрибуты находятся только в сущности, то возникает вопрос: «определенного расположения внутри сущности вещи нет: как же здесь считать одно последующим, другое предшествующим?» (Там же, 1038 а 30) Если внутри вещи мы не находим упорядоченного положения атрибутов, континуума атрибутов, то не указывает ли это обстоятельство на то, что природа атрибутов заключена не в самой вещи, и что вычленение их из вещи есть производное от чего-то другого?

Компановку атрибутов в вещи рассматривает Эпикур:

Постоянная природа всего тела состоит из всех этих свойств [форма, цвет, величина, вес и все остальное], но не так, будто все они сложены вместе, как плотные частицы слагаются в более крупные составы или малые части в большие, а просто, как я сказал, постоянное естество всего тела состоит из всех этих свойств. Все эти свойства и улавливаются и различаются каждое по-своему, но всегда в сопровождении с целым и никогда отдельно от него... (Диоген Лаэртский, X 69).

В критическом свете идею множественности атрибутов проводят скептики:

Каждое из доступных нашему ощущению явлений производит на нас многообразное впечатление. Так, например, яблоко представляется гладким, благоуханным, сладким и желтым. Поэтому не ясно, имеет ли оно на самом деле только эти качества, или оно однокачественно и кажется разнообразным только в силу разнообразного устройства органов ощущения, или имеет еще больше качеств, чем нам кажется, но некоторые из них не производят на нас впечатления (Секст Эмпирик. Пирроновы положения, I 94).

АКСИОМА — ПЯТАЯ — «континуума атрибутов»:

какое бы количество воздействий ни испытывала вещь, она представлена субъекту в целом.

Следствие аксиомы.

Практическому субъекту кажется, что он владеет вещью в целом, и он не замечает того, что она претерпела разнообразные воздействия в прошлом. Но он не замечает и того, что вещью он овладел только в некотором отношении. И хотя он осилил вещь таким образом, но в то же время ему в неявной форме представлены и все другие осиления вещи, так что в его воле остается представить вещь таким или иным образом, но все равно вещь представлена ему во всех формах его предшествующей деятельности.

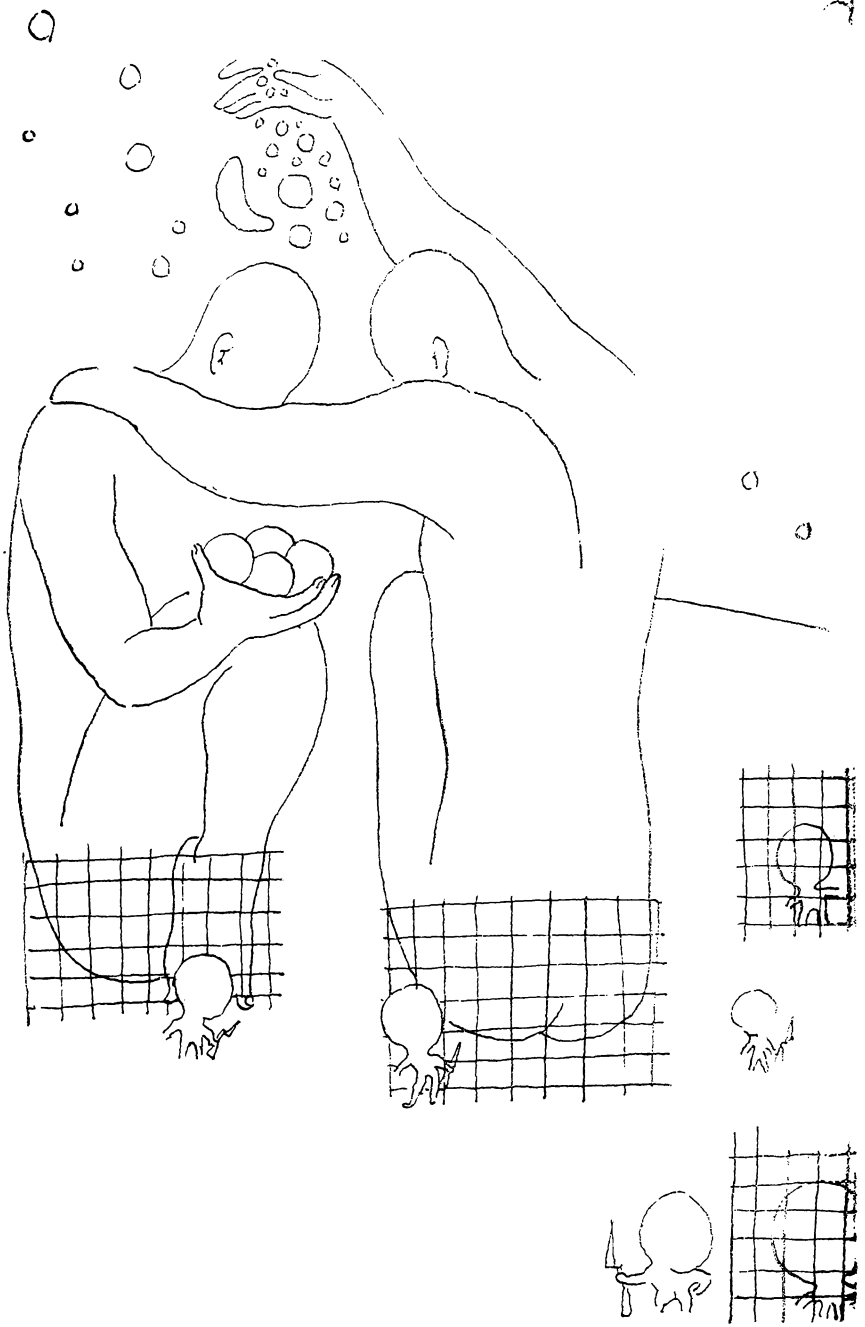
§ 18. Какое бы возможное количество атрибутов не имела вещь, практический субъект актуально владеет ею только в одном каком-то отношении.

Тождество субъекта и вещи есть на самом деле тождество субъекта и вещи, имеющей континуум атрибутов. Но вещь, существующая как континуум атрибутов, может в актуальной деятельности быть повернута практическому субъекту только одной стороной. Ведь практическому субъекту необходима концентрация усилия для каждого момента овладения вещью, и сам этот момент реализует только конкретную и одну силу, и каждая сила оставляет все другие незадействованными, а значит, и не представленными практическому субъекту явно в этой вещи, но только в данный момент. Ничто не может помешать практическому субъекту в следующий момент употребить другую силу, а все остальные, включая только что предшествующую, оставить за пределами следующего актуального момента деятельности. Поэтому континуум атрибутов не просто перестает существовать — или он не будет существовать вовсе, — он заключен в вещи как возможность представлять ее в разных превращенных формах, поэтому вещь есть континуум всех прошлых форм деятельности. Но вещь не безразлична к той форме, какую она принимает в актуальном моменте — она претерпевает превращение и преобразуется в определенном направлении. Чтобы практический субъект ни делал с вещью, у него есть возможность развернуть ее в любом направлении, соответствующем превращенным формам деятельности.

Вещь как континуум атрибутов есть превращенная форма деятельности практического субъекта и в актуальном плане выступает лишь в определенном направлении как предмет его деятельности.

АКСИОМА — ШЕСТАЯ — «тождества существования и вещи»:

человек, владея вещью, владеет богатством всех предшествующих форм деятельности, и только в этом случае вещь представляется субъекту.

Следствие аксиомы

Богатство вещи остается для человека скрытым, так как ему открывается вещь актуально только в определенном отношении.

§ 19. Как безразлична вещь к тому, что служит предметом вкладывания сил субъекта, так безразлична она и к тому, что может быть предметом овладения субъектами — разными.

В природе вещи нет указания на единственного избранника, должного владеть этой вещью, и каждый может приложить к ней свои силы, и каждый может представить ее продолжением своей собственности. Но таким образом всякая вещь является предметом отношений между субъектами, и каждый субъект относится к другому субъекту посредством этой вещи. В любом случае, кому бы ни принадлежала эта вещь физически, она является вещью общей для субъектов, так как каждый из них имеет возможность реализовать в ней свою собственность. Вещь, стало быть, несет в себе природу всех субъектов и сообщества этих субъектов. Но одновременно всякая вещь отделена от многих из них, следовательно, в ней отделяются и силы каждого из них. А владелец этой вещи становится владельцем, собственником отчужденных сил других субъектов, и эти силы включены в континуум атрибутов этой вещи.

Всякие отношения между субъектами являются отношениями по поводу владения вещью, вещью общей для их сообщества.

АКСИОМА — СЕДЬМАЯ — «тождества субъектов»:

общая природа всех субъектов обнаруживается в вещи, и она является предметом, общим для их природы.

Следствие аксиомы

Практический субъект видит в вещи только свою собственность, но не видит в ней сил, реализованных другими, и, овладевая ею, он сталкивается с этими силами в овнешненном виде как стремлениями других субъектов овладеть той же вещью.

§ 20. К одной и той же вещи применяются различные воздействия, и она становится обладательницей то одним предметом деятельности, то другим.

Практический субъект, воздействуя на вещь в одном направлении, может лишь только подразумевать возможные другие направления, и эти последние по отношению к актуальной стороне вещи находятся в неявном виде. Сосредоточение усилий на той стороне вещи, которая есть предмет этой силы, никогда не бывает представлено практическому субъекту как предмет другой силы, ибо это иная сила создает свой собственный предмет, а овладеенная вещь, хотя и концентрирует в себе любые усилия и осиливается разным способом, но эти усилия не пересекаются между собой, что обусловлено и самим характером актуальной деятельности — представленностью и реализацией только конкретной и одной силы — и природой человеческой экзистенции. Удовлетворение в пище не может служить защитой от дождя; строительство крова не может быть само по себе продолжением человеческого рода и т. п. Но точно также экзистенция реализуется и в одной вещи, в которой разные силы не восполняют друг друга: слуховые ощущения не являются измерением тяжести вещи; то, что вещь теплая или холодная, не свидетельствует о ее длине и т. п. Силы, извлекаемые практическим субъектом, различны по своей природе, и если действует одна, то либо ждет своей очереди другая, либо в лучшем случае содействует, имея все возможности стать главенствующей, но в следующем акте действия.

Атрибуты вещи, представленной как их континуум, не пересекаемы друг с другом, и не сводимы друг к другу в практической деятельности, ибо каждый из них есть форма реализации различных сил человека.

ПРИМЕЧАНИЕ

Мысль о непересекаемости атрибутов выражается в «Лакхете» Платона. Но вот, например, его рассуждение в «Теэтете»:

Ощутимое посредством одних способностей невозможно ощущать посредством других, например ошутимое для слуха — посредством зрения, а ошутимое для зрения — посредством слуха? (185).

О том же пишет Аристотель:

А то, что свойственно воспринимать лишь отдельному чувству, остальные чувства воспринимают привходящим образом не как они сами по себе,

а как нечто одно, когда в одном и том же одновременно воспринимается [разное], как, например, когда мы узнаем, что желчь горька и желта. Ведь во всяком случае не дело частного чувства судить о том, что эти два свойства составляют одно. Отсюда происходят ошибки, и, видя нечто желтое, полагают, что это желчь (О душе, 425 а 30).

§ 21. Одностороннее преобразование вещи как предмета деятельности преобразует и саму деятельность практического субъекта.

Практические воздействия субъекта, направленного на предмет, создают богатство вещи. Но одновременно практический субъект, имея дело с предметом, владеет и более бедным содержанием, если сравнивать предмет с реализованной в вещи совокупной человеческой деятельностью, поскольку предмет одноаспектен, узкофункционален и представляет специфическую направленность практического субъекта. Это реальное распадение вещи на совокупность предметов предопределено распадением самой деятельности на прошлую и актуальную. Поэтому предмет и вещь распадаются только в отдельном моменте самой деятельности. Практическая деятельность расчленяет вещь, расчленяется и сама, становится односторонней деятельностью, специфицируется, приобретает сугубо предметный характер, превращается в предметную деятельность.

Благодаря предметному характеру деятельности практический субъект вычленяет вещь из совокупного вещественного внешнего основания деятельности в силу исключительной специфичности затраченных на нее сил.

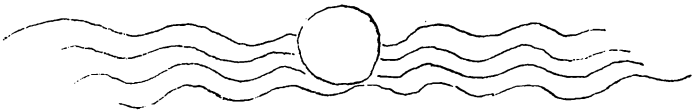
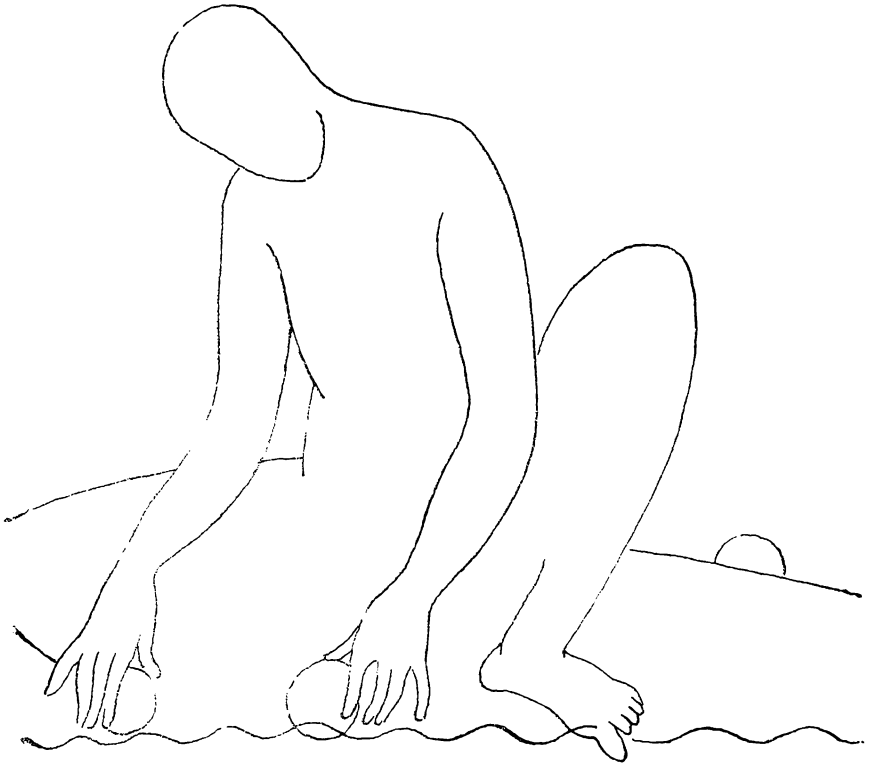
§ 22. Вычленение вещи как предмета деятельности происходит в форме новой деятельности.

Вещи выделяются не только самим практическим характером деятельности, как-то: выдергиванием их из совокупного множества других вещей, но и тем, что практическая деятельность сопровождается особыми действиями, указывающими на эти вещи. В таком случае используется сопровождение разного рода — жестикуляция и звуки голоса.

Действия, вычленяющие вещь, являются иной деятельностью, чем практическая деятельность, являются ее превращенной формой, использующей новые средства, прежде всего — указания.

5

§ 23. Практический субъект указывает абсолютно на все вещи, попадаемые в область его действий.

Практический субъект осуществляет разнообразные указующие действия и ими как средствами новой деятельности сопровождает любые вещи. А это значит, что практический субъект реализует этими новыми средствами свою способность обозначать любую вещь.

Деятельность практического субъекта, указывающего с помощью специальных средств на любую вещь, есть именование вещи.

ПРИМЕЧАНИЕ

Уже древние авторы отмечают способность человека звуками именовать вещи, ссылаясь на **Демокрита**:

Из голоса, первоначально невнятного и нечленораздельного, постепенно стали вылепляться слова, и люди, устанавливая между собой знаки для каждого предмета, создали для себя общепонятный способ сообщений обо всем (Лурье, 566).

Зависимость именующей деятельности от того, кто ею занимается, определяют античные авторы, считая, что имена приписаны вещам по установлению; согласно свидетельству **Платона**:

Какое имя кто чему-либо установит, такое и будет правильным. Правда, если он потом установит другое, а тем прежним, именем больше не станет это называть, то новое имя будет ничуть не менее правильным, нежели старое; ведь когда мы меняем имена слугам, вновь данное имя не бывает же менее правильным, чем данное прежде (Кратил, 384 d).

§ 24. Средство именующей деятельности отличается по своей природе от предмета этой деятельности.

Если любая используемая вещь заключает в себе в превращенной форме вложенные человеческие силы, то в той же мере средства именующей деятельности являются продуктом длительной предшествующей деятельности и результатом приспособления для выполнения только этой функции — именовать вещи.

Средство именующей деятельности есть наименование вещи.

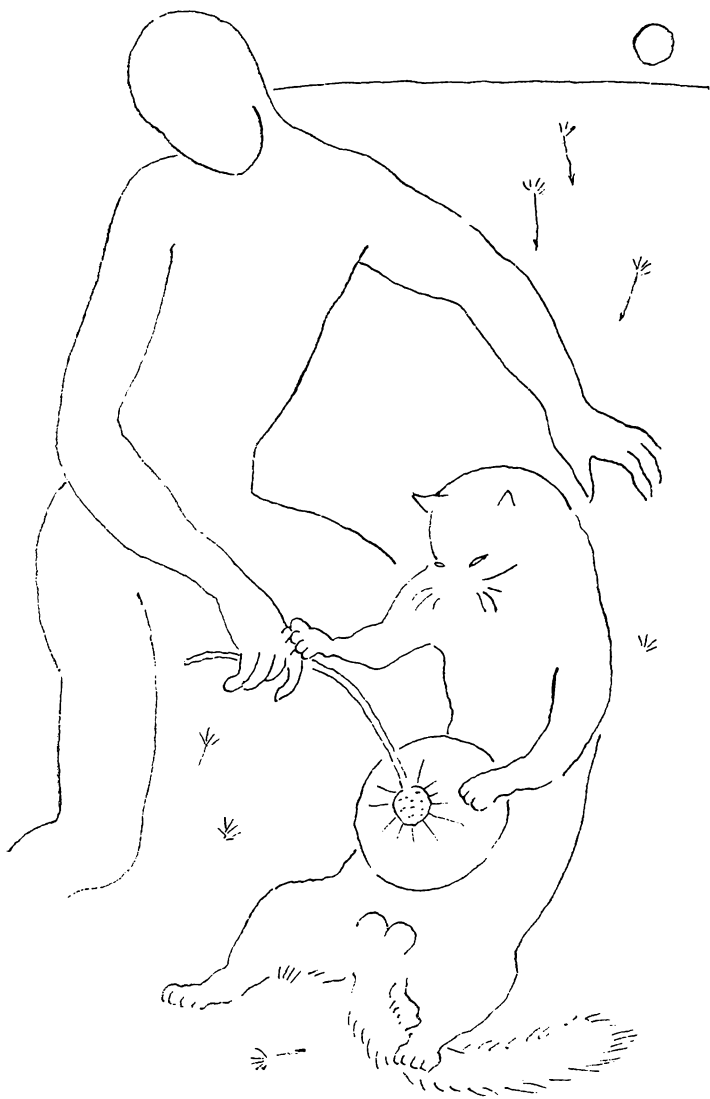
АКСИОМА — ВОСЬМАЯ —

«тождества наименования и именования»:

результат именующей деятельности совпадает со средствами этой деятельности и являет собой только наименование.

Следствие аксиомы

Практический субъект, использующий наименования, видит только именуемую вещь, но не видит самого средства, которое

он при этом использует, и не видит того, как он его использует.

§ 25. Как всякая вещь, наименование является превращенной формой прошлой деятельности, а значит, вещь претерпела в настоящей деятельности серьезные изменения и превращения.

Истоком употребления наименования является использование звукового сопровождения голосом естественных процессов жизнедеятельности. Очевидно по образцам из животного мира, что издаваемые звуки существом являются выражением его органического состояния и сопровождают в этом качестве все процессы овладения вещью. Как вещь приспособлена к экзистенциальной силе существа, точно так же и издаваемые звуки приспособлены к экзистенциям. Но если вещи несут реализованные в них силы в превращенной форме и совершенно неявной форме, то издаваемые звуки, прежде всего, приспособлены для выражения этих экзистенций. Тождество, с одной стороны, вещи, а с другой — издаваемых звуков, — с их общей экзистенциальной силой является основанием совпадения в длительном течении жизнедеятельности вещи и издаваемых при этом звуков. И чем более специфицируется вещь как предмет деятельности, тем более специфицируются издаваемые звуки для присвоения их этим вещам.

Средства именования являются превращенной формой средств выражения экзистенциальной сферы и приобретают в качестве превращенной формы функции присвоения их вещам.

ПРИМЕЧАНИЕ

Эпикур:

А вводя некоторые предметы, еще не виданные, люди, знакомые с ними, вводили и звуки для них: иные — произносятся по необходимости, иные — выбирая по разумению там, где были более сильные основания для такого-то выражения (Диоген Лаэртский, X 76).

Секст Эмпирик:

Те, кто впервые провозгласил эти имена, произвел [некоторое] «природное» их возгласение, подобно тому как от боли кричат или от удовольствия или удивления восклицают, так что по природе одни из имен оказались такими, а другие — другими (Против грамматиков, 143).

АКСИОМА — ДЕВЯТАЯ —

«тождества наименования и вещи»:

всякая именуемая деятельность основана на отождествлении наименования вещи с самой вещью.

ПРИМЕЧАНИЕ

Вещь настолько сильно спаяна с наименованием и, наоборот, наименование спаяно с вещью, что Платон полагает и неоднократно настаивает в «Кратиле», что имена у вещей от природы, хотя основные усилия тратит на то, чтобы показать, что имена создаются учредителями имен — законодателями:

Имя, видимо, есть подражание с помощью голоса тому, чему подражают, и имя тому, чему подражают, дается при помощи голоса (423 Б).

У Аристотеля такие вещи, как «ложе, плащ и прочие [предметы] подобного рода... соответствуют своим наименованиям и образованы искусственно» (Физика, 192 Б 15).

Следствие аксиомы

Практическому субъекту, указывающему на вещь посредством наименования, не представлено в явном виде все богатство превращенных предшествующих именуемой деятельности форм, он удовлетворяется только тем, что явно представляет себе то, на что указывает, хотя нет такой силы, которая могла бы встать поперек его возможностям использовать все богатство превращенных форм, скрытых за его именуемой деятельностью.

§ 26. Практический субъект, используя наименование вещи, использует и саму вещь, с которой у него установлена предметная связь.

Если практический субъект указывает с помощью наименований на вещь, то всякая вещь предшествует его именуемой деятельности, предшествует наименованию. Если бы это было не так, то он не смог бы пользоваться наименованием, ибо пользуется им постольку, поскольку он на самом-то деле пользуется вещами. Поэтому всякое наименование практического субъекта указывает на вещи им предварительно освоенные, и существование вещей для него есть предпосылка существования указателей этих вещей, ибо наименования всегда являются наименованиями чего-либо и указывают на чего-либо. При использовании вещи практический субъект уверенно пользуется наименованием, а пользование вещью сообщает наименованию определенное значение, равновеликое самой вещи, и следовательно, той предшествующей деятельности, которая в прошлом реализована в этой вещи. Если вещью, о котором будет, например, вестись речь, является картина, то, назвав ее «картиной»,

практический субъект прежде всего имеет перед своим взором эту вещь. И когда он ее имеет, сопровождая наименованием, то за ним непосредственно видит не наименование, а саму вещь. И владение этой настоящей вещью скрывает для него то, что он при этом одновременно владел и наименованием. Таким образом, за всяким наименованием открывается то, что практический субъект владеет вещью, а использование наименований не раскрыто ему самому.

Наименование вещи как превращенная форма деятельности практического субъекта представляет собой актуальное фиксированное именование используемой вещи в ее непосредственной форме.

ПРИМЕЧАНИЕ

Известная гносеология атомистов привязывает все формы духовной деятельности к вещам, но за этим кроется не что иное, как только неудачная форма выражения мысли о фиксируемости именуемой деятельности и перенесения ее на общую характеристику духовной деятельности:

Ощущение и мышление возникают вследствие того, что приходят известные образы. Ибо никому не приходит ни одно ощущение или мысль без попадающего в него образа (Материалисты, с. 80).

Платон склонен считать установление наименований по природе вещей: «для каждой существующей вещи есть свои слова»*(Евтидем, 285 е). А Кратил, персонаж его одноименного диалога, утверждает: «существует правильность имен, присущая каждой вещи от природы» (383). Видимо и здесь в основе рассуждения лежит общая природа наименований быть фиксируемыми за определенными вещами.

§ 27. Именование, имеющее общий предмет с практической деятельностью, выступает как момент этой деятельности.

Употребление наименования становится особой деятельностью, которая сопровождает практическую деятельность в особых действиях указания на вещи. Имея общий предмет — вещь — эти сопутствующие действия потому совпадают по своей направленности с овладением вещи, но в то же время становятся новой, превращенной формой деятельности, пользующейся для овладения вещи иными средствами, в данном случае наименованиями, и отличающейся в актуальном плане: практическая деятельность есть материальное усилие по пре-

образованию вещи, тогда как указание на эту вещь есть употребление каких-либо сигналов. Их общее предметное основание указывает на то, что второе есть порождение и следствие первого. Однако при всем самом очевидном совпадении предмета практической и указательной деятельности эти формы различаются не столько потому, что актуально используются различные средства в каждой из них, но прежде всего потому, что сама вещь как предмет и той и другой деятельности приобретает внутреннее различие. В материальной деятельности вещь представлена практическому субъекту как уже преобразованная вещь. Таким образом, вещь, не меняющая своей оболочки, ставится самой практической деятельностью то как ее исходным пунктом, требующим преобразования, то как ее результатом, включающим в себя это преобразование. Поскольку предмет именуемой деятельности есть вещь, а она тождественна наименованию, поскольку средство именуемой деятельности и есть само наименование, а сама именуемая деятельность в качестве результата не предполагает ничего кроме наименования, то выходит, все это — и предмет, и средство деятельности, и сама эта деятельность,— при именовании вещи представлено одним издаваемым звуком, одним употреблением наименования. Но в практической деятельности предмет и средство деятельности отличаются как разные вещи. Следовательно, присутствие вещи при именовании сохраняет это положение дел, представляя вещь, а с другой стороны, как средство — наименование. Но последнее все равно остается быть только звуком и все равно несет в себе все предшествующие формы деятельности: а к тому, что оно и средство, и результат, и тождественная вещь,— и сама деятельность,— следует добавить, что еще и превращенная форма реализованной материальной силы, и средства выражать экзистенцию. И все это в свернутом виде — в одном наименовании, а точнее в употреблении наименования.

Именование как деятельность является превращенной формой прошлой практической деятельности.

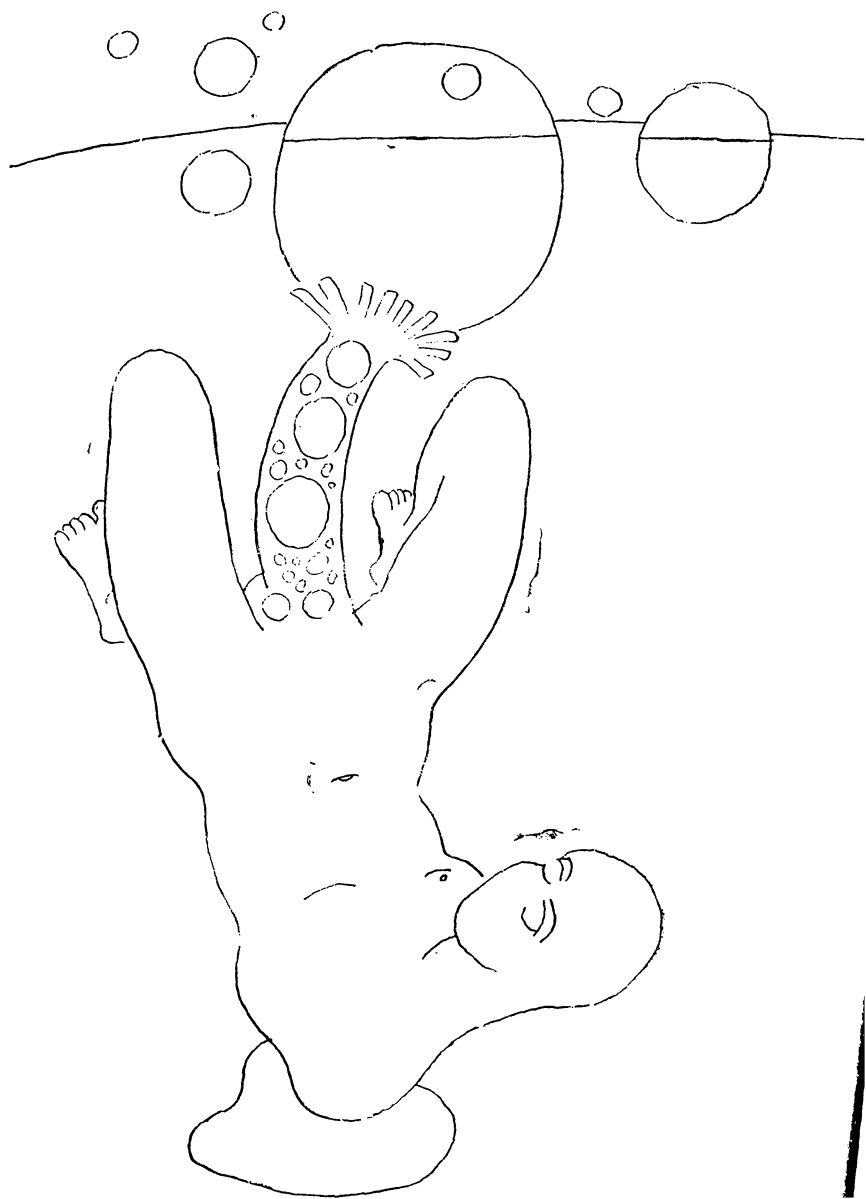
ПРИМЕЧАНИЕ

Секст Эмпирик:

Если же оно [слово] обозначает что-либо по установлению, то ясно, что уже раньше понявшие то, с чем соотносены словесные выражения, воспримут их не из [выражений], научаясь тому, чего раньше они как раз не знали, но [только] путем воспоминания и возобновления того, что они знали раньше [до всяких речений] (Против этиков, 241).

§ 28. Средства именуемой и практической деятельности в характере употребления имеют много сходного.

Как правило, ими выступают те же вещи, но приспособленные для воздействия на другие вещи, а для этого и используется все, что, выражаясь произвольно, лежит под руками. При именуемой деятельности используются телесные, вещественные возможности самого субъекта, и они используются точно так же, как и другие средства для овладения предметом деятельности, с той только разницей, что при именовании происходит овладение уже овладенной вещью. Как только реализуется эта возможность, так появляется другая — возможность указать на эту вещь. Хотя указующая деятельность постоянно включена в преобразовательную деятельность, она все равно остается техническим моментом практической деятельности и является ее превращенной формой. Ни одно из материальных средств практического субъекта не имеет такого характера уподобления с предметом деятельности, как наименование, но это становится возможным только в силу его превращенной формы. Более того, наименование как средство приобретает свое специфическое содержание именно в уподоблении вещи и в этом смысле средством является актуально: и то, что используется практическим субъектом, представлено как сама вещь, но не является этой вещью и не имеет в своем вещественном составе ни грамма вещественного подобия с вещью. Из того, что именование как процесс есть превращенная форма практической деятельности, следует, что его уподобление вещи есть порождение самой практической деятельности, а сам процесс именованья не является порождающим это уподобление. Только область практических действий, преобразующих вещь, есть действительное, онтологическое основание именуемой деятельности и средств, употребляющихся при этом; ибо практический субъект воспроизводит не столько внешнее основание — вещь — сколько действительное основание — овладение вещью, но только воспроизводит это в новой, трансформированной форме — в форме указания на вещь. С другой стороны, то, что практический субъект формирует особую, надстраивающуюся над материальной деятельностью деятельность, показывает, что он одновременно преобразует и самого себя, свою экзистенциальную сферу тем, что формирует способность обращаться с новыми средствами деятельности. Ведь нет для него ничего более экзистенциально важного, чем овладение для себя внешним. И то, что он указывает на то, чем овладел, есть указание на свои внутренние способности, есть овнешнение своих экзистенций. В той мере, в какой он осваивает вещь, в той же мере он осва-

ивает ее превращенную форму — овладеенную вещь, в той же мере он овладевает своими способностями указывать на это овладение.

Практический субъект в процессе овладения вещью формирует особые действия, указывающие на эту вещь, при этом он формирует особые средства-наименования, которые можно назвать логическими средствами.

ПРИМЕЧАНИЕ

Одно из начальных философских произведений, посвященных наименованиям — «Кратил» Платона. Согласно Платону, давать имена — это те же действия, согласованные с природой вещей. А имя — это такое же орудие как сверло, челнок (см.: 387 с — 388). Однако не найдя особого результата именующей деятельности, в отличие от практической, где таковыми выступают разные продукты, Платон извлекает из сравнения лишь то, что необходимо давать правильные имена, а следить за этим должны диалектики, умеющие ставить вопросы и давать ответы (см.: там же, 390 с—d). Ясно, что при таком подходе характер практической и именующей деятельности остается вне рассмотрения. Но их сравнение Платоном достойно внимания.

АКСИОМА — ДЕСЯТАЯ — «ТОЖДЕСТВА НАИМЕНОВАНИЯ И СУЩЕСТВОВАНИЯ»:

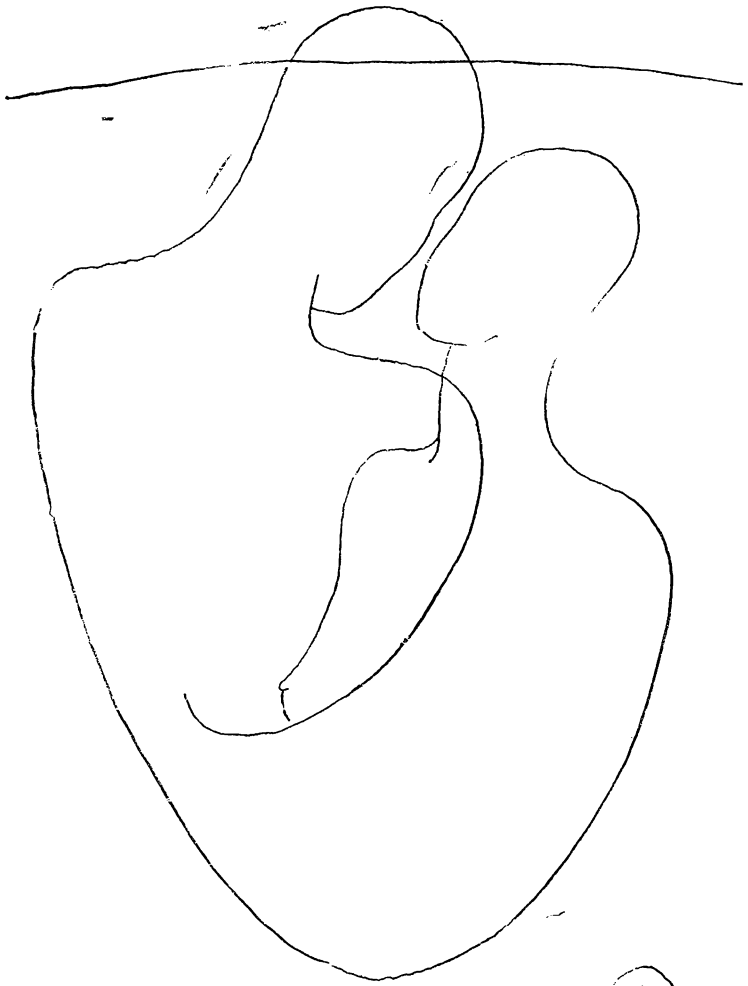
всякое наименование существует и указывает на существующую вещь.

Следствие аксиомы

Практический субъект не думает о формах существования ни наименований, ни вещей, для указания на которые он использует эти наименования. Само использование и того и другого остается в пределах практической ситуации, суть которой сводится к овладению вещью и использованию ее освоенной природы.

§ 29. Существование наименования в качестве логического средства никоим образом не определяет существование вещи.

Поскольку всякое указание как превращенная форма практической деятельности может быть произведено тогда, когда есть то, на что указывается, — то существование указательного средства приобретает не у вещи, а сам субъект использует свои материальные возможности и одно из них наделяет функцией указывать на вещи. Само же существование средств безразлично к той функции, которую они выполняют, когда используются только их технические, эксплуатационные качества. Постоянная фиксированность вещи этими средствами определяется функциями самого практического субъекта, имеющего вещь, располагающего ею, а потому и представленную средствами указания. В то же время наименование как средство отличается от средств, преобразующих вещь практически, оно становится средством представленности этой вещи и выступает как вместе с самой вещью и как самой вещью, а орудийные средства представляют только силу

9.

практического субъекта в актуальный момент и не являются предметом деятельности. Вещь настолько актуальна для практического субъекта, что он начинает ее представлять особым образом, используя наименования, довольствуясь ее представленностью.

Логические средства используются практическим субъектом исключительно в целях представленности ему вещи, и поэтому всякое наименование, указывающее на вещь, имеет для него значение самой вещи, то есть субстантивное или номинативное значение.

§ 30. Совпадение предмета практической деятельности и предмета именованного позволяет практическому субъекту не только указывать посредством одного на другое, но и использовать наименование вместо самой вещи.

Наименование таким образом дублирует вещь, то есть позволяет использовать его внешнюю логическую оболочку в качестве самой вещи при отсутствии этой вещи. В том случае, когда практический субъект располагает наименованиями, все его овнешненные формы деятельности базируются на внутренних трансформациях, происшедших в нем самом, поскольку представляют собой превращенные формы его же собственной деятельности. Поэтому отождествление вещи и наименования — что произошло еще на уровне фиксированного именованного — остается таким же полным, как и тогда, когда вещь отсутствует.

Фиксированное именование претерпевает превращение, и его превращенной формой становится нефиксированное наименование вещи, утраченной в момент именованного.

ПРИМЕЧАНИЕ

У Аристотеля находим:

В самом деле, так как нельзя при рассуждениях приносить самые вещи, а вместо вещей мы пользуемся как их знаками именами, то мы полагаем, что то, что происходит с именами, происходит и с вещами (О софистических опровержениях, 165 а 5).

Попытка представить фиксированное и нефиксированное именование в застывшей форме содержится у Аристотеля в терминах «первой сущности» и «второй сущности»:

Всякая сущность, надо полагать, означает определенное нечто. Что касается первых сущностей, то бесспорно и истинно, что каждая из них означает определенное нечто. То, что она выражает, есть нечто единичное и одно по числу. Что же касается вторых сущностей, то из-за формы наименования кажется, будто они в равной степени означают определенное нечто, когда, например, говорят о «человеке» или о «живом существе»; однако это не верно (Категории, 3 Б 10).

АКСИОМА — ОДИННАДЦАТАЯ —

«тождества фиксированного и нефиксированного именованного»: субъект уподобляет два разных вида деятельности — фиксированное и нефиксированное именование, используя общее для них средство — наименование.

Практический субъект не замечает того, когда он пользуется фиксированным, а когда — нефиксированным наименованием, при этом не замечает и того, что, употребляя наименование, он становится владельцем не только вещи, но и тем, что ее заменяет — владельцем этого наименования.

§ 31. При нефиксированном именовании актуальным моментом деятельности становится только указующая деятельность, но в ней отсутствует вещь, на которую производится указание и которую замещает наименование.

Но наименование не может указывать на самое себя, оно продолжает указывать на вещь, хотя из двух вещественных образований — вещь и практический субъект — остается только субъект, который владеет наименованием и как самой вещью, и как не самой вещью. Собственно практический субъект продолжает владеть вещью, но в иной форме, которую сам не замечает, поскольку ему нужна прежде всего сама вещь, ибо если бы она ему не была нужна, то он и не пользовался бы наименованием, ее обозначающим, на нее указывающим. Имея только наименование, практический субъект удерживает для себя вещь, используя свои внутренние возможности — по памяти. Следовательно, он, продолжая владеть вещью, владеет ею в превращенном, преобразованном виде, то есть мысленно, по представлению, по видимости. Действительное же, практическое владение вещью становится владением ею по видимости. Вещь, таким образом, перестает существовать для практического субъекта непосредственно, но существует в форме деятельности самого субъекта. Переход от непосредственной практической деятельности с вещью к мыслимому только именованию вещи свидетельствует об отрыве наименования вещи от физического, актуального наличия самой вещи, что являлось условием предшествующей формы деятельности — фиксированного именованья, когда присутствовала овладеенная вещь, и она становилась внутренне овладеенной вещью, а потому ее присутствие в данный, актуальный момент становится не обязательным, ибо обязательное отождествление наименования и вещи произошло в фиксированном именовании. При актуальном, нефиксированном именовании практический субъект все равно будет владеть только этой вещью, хотя и неоднократно трансформированной, но совсем не тем, чем он владеет при этом

на самом деле, хотя единственно чем он будет владеть, это — наименованием. При отсутствии вещи наименование не может фиксировать то, что отсутствует и что только представляется практическому субъекту, но в тот же момент эта вещь будет присутствовать как бы на самом деле. Поэтому нефиксированное именование по сути перестает быть именованием, как прямым указующим действием с вещью. Нефиксированное именование являет собой лишь означаемость самой вещи вместо непосредственного указания на вещь.

Предметом нефиксированного именованя становится не сама вещь, а только ее превращенная форма, только подразумеваемая вещь, вещь в кавычках — «вещь» — или видимость вещи.

ПРИМЕЧАНИЕ

Приоткрывает «видимость вещи» за термином «вторые сущности» Аристотель, сравнивая их с «первыми сущностями»:

Из-за формы наименования кажется, будто они в равной степени означают определенное нечто, когда, например, говорят о «человеке» или о «живом существе» (Категории, 3 Б 10).

По мнению Эпикура для каждой вещи существует двойник, называемый «видностью»:

Существуют оттиски, подобовидные плотным телам, но гораздо более тонкие, чем видимые предметы. В самом деле, вполне могут возникнуть в окрестном воздухе и такие отслоения, и такие средства для образования полых и тонких поверхностей, и такие истечения, которые сохраняют без изменения положение и движение твердых тел. Эти оттиски называем мы «видностями» (Диоген Лаэртский, X 46).

Более точно о представленности вещи как ее видимости говорит Эпикур в другом месте:

Предвосхищением они называют нечто вроде постижения, или верного мнения, или понятия, или общей мысли, заложенной в нас, то есть запоминание того, что часто являлось нам из вне, например: «Вот это — человек». В самом деле, тотчас, как мы говорим «человек», предвосхищение вызывает в нашей мысли его оттиск, предварением которого были ощущения. Точно так же и для всякого слова становится наглядна первичная его подоснова; и мы не могли бы даже начинать разыскание, если бы не знали заранее, что мы разыскиваем. Так, чтобы спросить: «Кто там стоит поодаль, лошадь или корова?» — нужно знать заранее, благодаря предвосхищению, облик и той и другой. Ведь мы не могли бы даже назвать предмет, если бы в силу предвосхищения не познали заранее его оттиск. Стало быть, предвосхищения имеют силу очевидности (там же, 33).

АКСИОМА — ДВЕНАДЦАТАЯ —

«тождества видимости вещи и вещи»:

человек уподобляет различные формы своей деятельности — представление о вещи с вещью.

Следствие аксиомы

Практический субъект не производит различий между формами своей деятельности, потому что каждая из них по-своему подчиняет вещь практическому субъекту и превращает в собственное достояние практического субъекта. Кроме того, различные формы деятельности претерпевают необратимые превращения, увеличивая арсенал воздействия на внешнее основание деятельности. Это же касается способностей практического субъекта, — которые изменяются вплоть до того, что при этом изменяется и природа практического субъекта. Однако сам он об этом не догадывается.

§ 32. Средством разных видов деятельности — фиксированного и нефиксированного наименований — является одно и то же наименование, а предмет их различен.

Основанием для использования одного и того же средства в разных видах деятельности служит практическая деятельность по овладению вещью; и вещь, являющаяся по видимости, остается овладеенной вещью, следовательно, она представлена как будто так же, как и ранее, хотя совсем не так. Превращение наименования в вещь-по-видимости глубоко затрагивает природу предмета деятельности и стало быть саму эту деятельность. В практической деятельности предмет — вещь, а в нефиксированной именуемой деятельности — наименование как вещь-по-видимости; и средство деятельности, не изменяясь ни на йоту, оставаясь тем же средством, становится еще и предметом новой деятельности. То, что оно — вещь-по-видимости — это от прежней и ставшей прошлой практической деятельности, но то, что этот предмет представлен наименованием, а не самой вещью — это актуальный момент нефиксированно именуемой деятельности, это нечто новое, отличающееся от того, с чем имеет дело практическая деятельность. Если раньше практический субъект закреплял какое-либо наименование за вещью, то теперь он за используемым наименованием вызывает представление о вещи. Но в таком случае практический субъект утрачивает предмет своей непосредственной практической деятельности и получает иной для себя предмет, являющийся

ему по видимости и не могущий быть предметом его преобразовательных, практических манипуляций и требующий от него новых способностей и новых действий.

Практический субъект, создавший такой предмет своей деятельности, что лишается возможности преобразовывать его материально, но владея им лишь по видимости, теряет непосредственно свое качество быть субъектом практическим и становится обыденным субъектом.

Обыденное мышление практического субъекта исключительно достоверно, ибо оно в целом опирается на видимость

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ОБЫДЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

§ 1. Обыденный субъект, производя нефиксированное наименование, использует в качестве предмета не вещь, а логическое средство предшествующей деятельности.

Логическое средство фиксированного наименования, превращаясь в предмет деятельности нефиксированного наименования, изменяет свои функции, внося в его природу — указания на вещь — серьезные изменения в виду утраты самой вещи, но не меняя общей направленности владения этой «вещью». Нефиксированное наименование может существовать только потому, что за ним открывается видимость вещи, которая актуально утрачена. А поэтому наименование, оставаясь только таковым и не имея от именуемой вещи ни одной молекулы ее телесности, продолжает нести в своей природе указание на вещь, — имевшее место лишь в предшествующей деятельности — деятельности практического субъекта. Но обыденному субъекту видится, что именно «вещью» наполнено всякое нефиксированное наименование, то есть его употребление без наличной вещи. Таким образом, нефиксированное наименование выступает превращенной формой наименования практического субъекта как актуального указания на вещь практического субъекта. Однако эта превращенная форма в той же мере претендует на указание на вещь, в какой обыденный субъект подразумевает ее существование, опираясь на свой опыт, на свою предшествующую деятельность, на свою бытность практическим субъектом. Если вещь для обыденного субъекта перестает актуально существовать, то это значит, что она продолжает для него существовать актуально лишь в превращенной форме, в которой эта вещь представлена и которой заявлена обыденному субъекту как видимость вещи. И эта форма настолько же реальна для обыденного субъекта, как и сама вещь, переставшая для него существовать актуально, и исключительно реальной и досто-

верной является для обыденного субъекта и видимость вещи, открываемой нефиксированным наименованием. Но это обусловлено не физической природой наименования, а обращением с этой формой практической деятельности, а отсюда — и превращениями этой формы, чему только и способствует физическая природа наименования. Вот потому превращенные формы и не могут существовать иначе, чем актуально выражаясь в какой-либо внешней форме, безразличной к природе предшествующих форм деятельности, но совершенно не безразличной к самому процессу несения этих превращенных форм, то есть к их актуальной выраженности. Деятельность с народившимися формами в силу их вторичности не имеет в своем разворачивании характера предшествующей деятельности и становится деятельностью надприродной, надпрактической. Ее же предмет в этом отношении замечательно приспособлен к этой исключительно не природной функции, оставаясь физическим, вещественным, но функционально — вытекающим из предшествующих форм деятельности. В этом случае изменения, коснувшиеся логического средства фиксированного наименования указывают на новую форму превращения вещи, как предмет нефиксированного наименования. Актуально выраженным основанием обыденной деятельности становится использование логических средств, следовательно, оно становится логическим основанием, то есть употреблением только наименований, но не самих вещей. Обыденный субъект при этом пользуется только видимостью вещи, которая может существовать только как сама процедура нефиксированного именованя. Поэтому, действительно, онтологическое основание обыденной деятельности осцается в прошлом и является для нее предшествующей, осуществленной деятельностью, которая переносится в логический процесс как видимость ранее освоенной вещи. Предметное основание новой деятельности, оставаясь основанием внешним, вынесенным субъектом за свои пределы, однако существует только как особая логическая деятельность в виде способности, сформированной деятельностью практической, — выделять вещь, объективировав в ней свою силу, — и способности, обыденным образом обнаруживаемой как связность вещи и ее наименования. Отрыв наименования от того, что именуется, тоже может рассматриваться как результат завершенного практического действия по овладению вещи, ибо он показывает, что вещь вполне освоена, если продолжает существовать даже тогда, когда она актуально отсутствует.

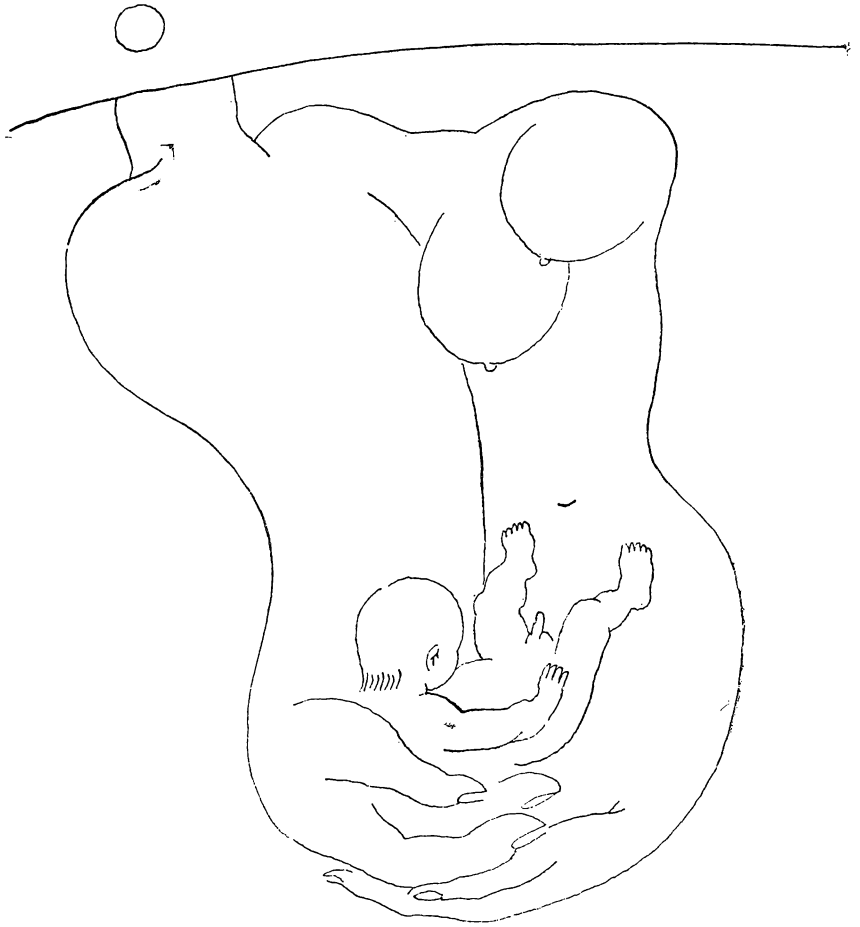
Нефиксированное именование представляет новый уровень надпрактической деятельности по указыванию на вещи и яв-

ляется новым способом овладения вещи — обыденной именующей или логической деятельностью.

ПРИМЕЧАНИЕ

Факт именующей деятельности слишком значительный, чтобы на него не обратили внимание уже древние авторы. Форма той мысли, что субъект в процессе овладения вещью владеет не самой вещью, а чем-то другим, но в то же время указывающим на вещь, является самой разной. Здесь и первые употребления термина «бестелесное», и отказ признать постижимость вещи на том основании, что деятельность субъекта отличается от самой вещи. Подобные свидетельства собраны **Секстом Эмпириком** (см.: Против логиков, I 46—260) и заострены собственными заявлениями представителей скептицизма.

У античных грамматиков Секст Эмпирик находит такое использование термина «бестелесное». «Они называют ею [речь] или телесный звук, или бестелесное «словесное», отличное от звука» (Против грамматиков, 155). Здесь только констатируется иная, чем у вещи, форма существования наименований.

АКСИОМА — ТРИНАДЦАТАЯ — «тождества существования и несуществования вещи»:

всякая вещь, наименованная, не существует, поскольку существует ее наименование.

Следствие аксиомы

Обыденный субъект открывает для себя видимость вещи, употребляя наименование, и вещь для него существует, хотя существует только по видимости. Представленность вещи наименованием вполне заменяет вещь в том случае, если практический субъект желает указать на вещь в ее отсутствии, не подразумевая ни само это отсутствие, ни использование при этом особых логических средств, то есть подразумевая только саму вещь.

ПРИМЕЧАНИЕ

Возможность логического существования не существующей в логической форме вещи практического субъекта пытались выразить древние авторы в понятии «бестелесное»:

Те, кто признает Вселенную единой и какое-то одно естество как материю, считая такое телесным и протяженным, явно ошибаются во многих отношениях. В самом деле, они указывают элементы только для тел, а для бестелесного нет, хотя существует и бестелесное (Аристотель. Метафизика, 988 Б 20—25).

Но как рассматривать «бестелесное» античные авторы еще не знают, поэтому прежде всего сопоставляют с анализом элементного состава «вещи».

Значительными представляются высказывания Секста Эмпирика, хотя они ему самому кажутся парадоксальными и потому неприемлемыми для существования порядка вещей, для чего он их использует как опровержения, неосознанно воспроизводя природу именующей деятельности:

Ведь если оно [преподаваемое несуществующее] преподается, оно преподаваемо, а будучи преподаваемо, оно окажется существующим и вследствие этого одновременно будет и несуществующим и существующим (Против разных наук, 10—11).

Именно таковой и является именующая деятельность, которая «преподает» субъекту, и одновременно «преподаваемое» и существует и не существует. Отсюда вытекает постановка

Секстом Эмпириком вопроса, определяющего последующее изложение:

Если речь является настолько обманчивой, что она почти скрывает от наших глаз явление, то как же не питать подозрение к ней в неочевидном, чтобы, последовав ей, не оказаться опрометчивыми? (Пирроновы положения, I 20).

Лосев А. Ф. отмечает соответствующее положение у **стоиков**:

В поисках исторической оригинальности стоицизма и обследуя те его черты, которыми он максимально отличается от предыдущей философии, мы натолкнулись на стоическое учение о «лектон», то есть о том, что не допускает квалификации ни в качестве существующего, ни в качестве несуществующего. Таковым является всякая словесная предметность, когда мы имеем какое-нибудь существующее слово, но когда смысл этого слова нельзя назвать ни просто бытием, ни просто небытием. Поскольку смысл каждого слова предполагает стихию материального звучания слова, он существует. Но невозможно сказать, что смысл слова также материален и что он в этом плане тоже существует. Однако сказать, что он совсем не существует, тоже нельзя (История античной эстетики. М., 1988, кн. 11, с. 181).

Алексиус Фон Мейнонг (1853—1920) высказывает гипотезу о существовании несуществующих предметов: «Существуют предметы, для которых справедливо суждение, что такие предметы не существуют», — что воспринимается парадоксальным только в том случае, если не указывается среда обитания таких «предметов» и не фиксируется их класс среди наименований.

Фритц Маутнер в «Очерках критики языка» (1901—1904) указывает на область существования парадоксальных объектов — на языковые явления, считая, что язык порождает сущности, в действительности не существующие. Такое положение вещей вызывает у автора разочарование в языковой реальности, скорее указывающее на эмоциональность его исследовательской позиции, как если бы пришлось услышать от кого-либо сетование на наличие у птиц крыльев вместо рук. Так что ж до того, что они летают?

§ 2. Вещь становится внутренней принадлежностью обыденного субъекта, поскольку является формой его деятельности.

Обыденный субъект представляет себе то, что он именуется, без актуального наличествования ее прежней формы, но формы, не отождествляемой с самим субъектом, которому она принадлежит, — он представляет «вещь» вынесенной за его пределы и находящейся там, где ему она кажется, как если бы там

находилась вещь практического субъекта. Следовательно, логическая деятельность как употребление наименований вещи свидетельствует не столько о вещественном преобразовании, сколько о глубоких изменениях личностного основания и его внешнего выражения в новых логических формах. Актуально утрачивается вещь, но актуально воспроизводится ее существование, хотя только по видимости. По видимости воспроизводится и тот континуум атрибутов, который присущ видимой вещи, как совокупность качеств предшествующего объективирования в ней человеческих сил. Эти процессы не осмысливаются обыденным субъектом, поскольку предметом его деятельности перестает быть практическая вещь, и настоящий способ овладения «вещью» поглощает всю деятельность обыденного субъекта.

Предметом деятельности обыденного субъекта является вещь по видимости, что возможно только при нефиксированном именовании.

ДОБАВЛЕНИЕ

Цицерон:

Когда я пишу что-либо тебе, [мне] является некий образ, так что ты кажешься как бы лично присутствующим предо мной. И это происходит не вследствие «появлений идолов [образов]», как говорят твои новые друзья, которые думают, что даже «умственные фантазии» вызываются Кацианскими спекторами — дело в том, что (говорю я это, чтобы не ускользнуло от твоего внимания) недавно умерший эпикурейский [философ] Каций Интубар называет «спекторами» те [образы], которые знаменитый гаргетянин [Эпикур] и уже раньше Демокрит называли «идолами». Хотя этими спекторами глаза могут быть ударяемы, так как, хочешь ли ты или не хочешь, они сами входят [в наши органы чувств], но чтобы они могли [ударять] душу, [этой возможности] я не усматриваю. Следовало бы тебе, когда ты вернешься невредимым, поучить меня, в моей ли власти находится твой спектор, так что лишь только мне заблагорассудится думать о тебе, он прибегает [ко мне], и не только [если я думаю] о тебе, чей образ держится у меня в мозгу, но и если я начну думать об острове Британии, [тотчас] «идол» его прилетит ко мне в сердце (Материалисты, с. 83).

§ 3. Обыденный субъект, используя наименование, представляет вещь, не задумываясь, чем обусловлено появление вещи в поле его видимости.

Видимость вещи начинает существовать для обыденного субъекта наряду с вещью, чему способствует наличие особого

предмета, с которым он имеет дело. С одной стороны, этот предмет предоставляет ему прошлая деятельность, а с другой— он реализует свою способность удерживать предмет прошлой деятельности и представлять его актуально по видимости и без всякого внешнего основания. Логическая оболочка этого предмета заменяет это внешнее основание и сама становится им, хотя существование слова остается только логическим существованием или существованием по видимости. На поверхности обыденной деятельности сам ее субъект все время натывается только на использование наименования, но когда он его употребляет, то утрачивает представление о своих действиях как об использовании особого объекта, совпадающего хотя и по видимости не только с существованием вещи, но и становится сосуществующим наряду с вещью,— употребляется вещь — употребляется и наименование.

Нефиксированным наименованием представляется вещь по видимости в качестве особого логического объекта, сосуществующего наряду с вещью.

§ 4. Разнообразные атрибуты вещи, получающие свои наименования от практического субъекта, также становятся предметом нефиксированного наименования.

Выражая свое состояние как проявление своих сил по отношению к вещи, практический субъект переносит это выражение на вещь, что проявляется как именование атрибута. Так как указание на вещь возможно в процессе фиксированного наименования, то практический субъект все равно указывает не на атрибут как нечто отдельно от вещи существующее, а только на вещь, как осиленную вещь, взятую в отношении к экзистенции, определяющей это указание. Поэтому для него именование вещи или именование осиленной вещи, взятой с определенной стороны, или именование вещи как континуума атрибутов суть акты однопорядковые, тождественные, поэтому и всякое именование атрибута выступает овладением осиленной вещи. В нефиксированном употреблении наименования атрибутов для обыденного субъекта также не представляется различным употребление нефиксированного наименования атрибута и нефиксированного наименования вещи, поскольку и то и другое наименование выступает логическим объектом. Но в силу того, что одно и то же, как тождественное, приобретает разные логические формы и выступает различными наименованиями, то наименование осиленности вещи, как наименование

атрибута, начинает существовать в логической форме точно так же, как и наименование вещи. Когда практический субъект употреблял наименование атрибута, то он указывал на осиленную вещь. Теперь же обыденный субъект указывает на атрибут, употребляя его наименование, но не указывает ни на вещь, ни на сам атрибут тем более. Но что же открывается ему, когда он использует наименование атрибута, если это не вещь? И может ли быть нечто совсем не-вещью? Может быть, если считать нечто практической силой субъекта и внешним выражением его экзистенций. Он только фиксирует наименованием атрибута подразумеваемую основу наименования атрибута, не имея актуально этой основы и заимствуя ее из прошлой деятельности. Таким образом, сущностная сила практического субъекта в обыденном наименовании атрибута и нефиксированном его употреблении обезличивается, приобретает овнешненную форму, тождественную превращенной форме вещи, которая тоже имеет свое наименование и употребляется точно также. Поэтому, когда обыденный субъект использует наименование атрибута, он может подразумевать любую вещь, а не только ту, с которой имеет дело практический субъект. И логическое существование наименования вещи и наименования атрибута уравнивает практическую силу и вещь в статусе существования. Атрибут, не могущий существовать как вещь, при нефиксированном наименовании начинает существовать как «вещь», хотя только по видимости, и это самостоятельное логическое существование «атрибута», — предопределяющие очень многие стороны последующей логической деятельности, начинается с нефиксированного употребления наименований. Атрибут, получающий различные именные выражения, но никак не существовавший для практического субъекта, если не считать постоянного для него объективирования экзистенций при овладении вещью, начинает «существовать» только тогда, когда представляется субъекту в наименовании. Только именование осиленности вещи указывает обыденному субъекту на атрибут — других способов бытия атрибута нет. Тогда же, когда обыденный субъект упоминает «хмурое», то подразумевает либо «утро», либо «лицо», либо другие вещи, в которых он может объективировать свою экзистенцию, как будто он практический субъект. Но для обыденного субъекта совершенно не обязательно перечисление всех возможных вещей или хотя бы упоминания даже одной, — для него самым существенным является акт нефиксированного употребления наименования, поскольку все необходимое указание на произвел уже раньше. Тяготение к вещественности у наименования всякого атрибута соблюдается в силу того, что обыденный субъект сохраняет для

себя в качестве предмета деятельности «вещь», и все, что он совершает с ней в нефиксированном именовании, приобретает овещвленную форму, тем более что логические формы его действий подогнаны под данный, логический, способ овладения вещью. Приобретенная возможность производить указание не столько жестом, сколько наименованием, является достаточной, чтобы зафиксировать, как объективирующаяся сила субъекта переходит в природу вещи, не производя при этом многочисленных практических акты, но распоряжаясь и силой, и тем, во что она объективировалась,— и все это в одном логическом действии нефиксированного именованя атрибута. С другой стороны, логическая именующая деятельность отделяет «атрибут» от «вещи», производя их превращения в наименования как самостоятельные логические объекты, уравнивая их в одинаковом способе логического существования в качестве двух совершенно равноправных «вещей». «Атрибут», следовательно, может существовать только выраженным в логических объектах, поскольку его реальным онтологическим основанием является овнешнение экзистенций практического субъекта. И его сила, объективирующаяся в вещи, либо существует в преобразованной форме как сама осиленная вещь, либо как наименование, логическим образом указывающее на процесс реального ее объективирования, но тогда существующее логически как «вещь». Поэтому указание на вещь есть одновременно и указание на нее как на самостоятельный объект и на то, что в ней присутствует не присущая ей сила, но превращенная в собственную силу вещи путем именованя. И только логическая форма указания на саму объективирующуюся силу, хотя и в скрытой, в превращенной форме, отделяет эту силу от внешнего предметного основания, как одинаковое употребление нефиксированных наименований «вещи» и «атрибута». Поэтому наименование атрибута есть единственная форма указания на человеческую экзистенцию как нечто особое, отличное от «вещи», но приобретающее статус существования «вещи», так как в природе вещь и субъект уподоблены, в том числе и посредством переливающейся экзистенции — из одного в другое.

Наименование атрибута утрачивает в обыденной деятельности указание на вещь и несет в себе указание только на характер практической силы, объективированной в видимой вещи, и к моменту именованя утраченной, и тем самым приобретает атрибутивное значение — значение принадлежности вещи.

§ 5. Употребление нефиксированных наименований, вызываемых определенным случаем, не делает нужным комбинирование всех возможных функций вещи и ограничивает все возможные способы употребления вещи самым случаем.

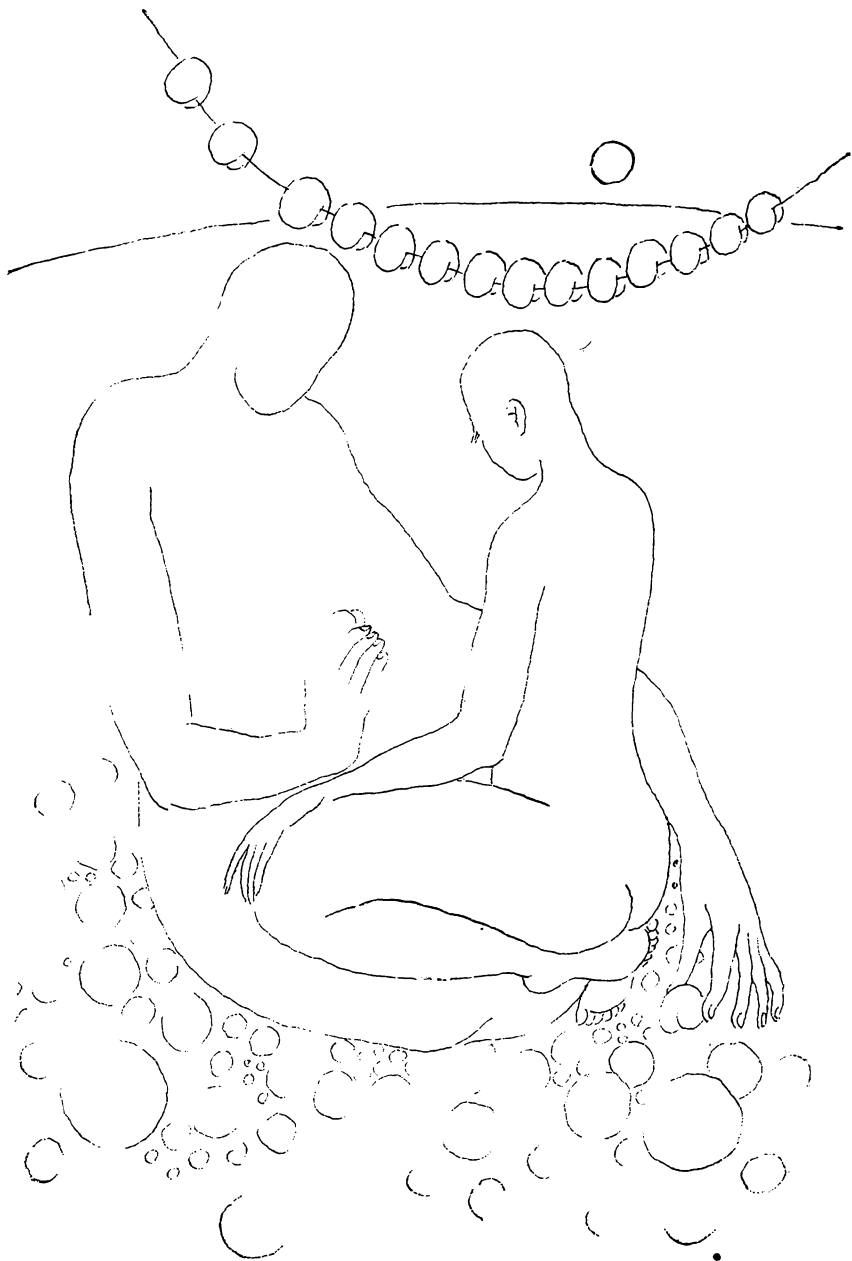
До определения сходства вещей на него указывает факт нефиксированного именованя, минимализирующего функции вещи в ее видимости, открытой обыденному субъекту, и сужающего континуум атрибутов к актуальной одноаспектности вещи. Этот акт позволяет обыденному субъекту использовать наименование для чрезвычайно широкого круга вещей. Он пользуется словами для нефиксированного воспроизведения обыденной ситуации, которой нет в момент речи. Ее воспроизведение заключается в наименовании вещи и наделении ее атрибутами. Фиксируемая область практического субъекта — положение вещей, которые необходимо изменить. Фиксируемая область обыденного субъекта — видимость обыденной ситуации. Это представление есть представление «вещи» наименованием, а собственно обыденная деятельность заключается в наделении фиксируемой только наименованием области различными «атрибутами».

Если фиксированное указание на вещь вызывает необходимость изобретения для каждой вещи особого наименования, то нефиксированное именование удовлетворяется одним наименованием для многих вещей.

ПРИМЕЧАНИЕ

...Кроватей и столов на свете множество...

Но идей этих предметов только две — одна для кровати и одна для стола (Платон. Государство, 569 Б).

АКСИОМА — ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ — «тождества наименования и всех вещей»:

наименование в логической деятельности перестает указывать на вещь, становясь на место этой вещи, но в силу этого указывает на многие вещи.

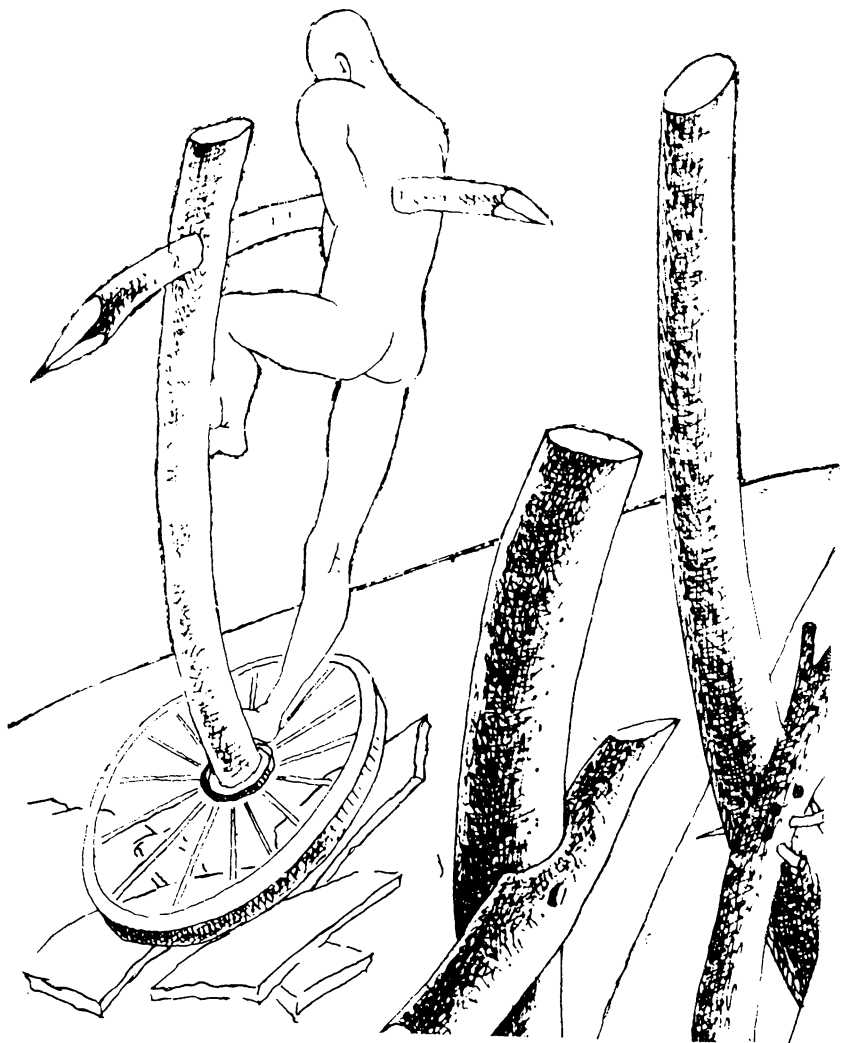
Следствие аксиомы

Единовременно протекающий акт нефиксированного именованья охватывает единственную «вещь» как ее наименование и в то же время подразумевает любые сходные вещи, хотя на них нет указания. Поэтому многие вещи содержатся лишь в видимости, но за нефиксированным наименованием обыденному субъекту актуально представляется только единственная вещь.

§ 6. В каждом из многочисленных наименований атрибутов вещи всегда представлено лишь одно какое-либо экзистенциальное измерение.

Наименования атрибутов, группирующихся вокруг некоторой «вещи», актуализируют разные экзистенции, и поэтому они не имеют иного общего основания, кроме как только «вещи», в которой и актуализируются, но сами по себе не имеют соприкосновения. «Красное» будет относиться к восприятию цвета, «тяжелое» — затратам мускульных усилий. Но проявление чувственных способностей не предполагает проявления непосредственно физических усилий, и наоборот. Хотя, скажем, если удастся увидеть связь между разными силами, то это значит только то, что у них общий корень происхождения. Следовательно, эти наименования, выступающие как различные логические объекты, не имеют общего актуального основания, пока они не объективированы в «вещи». То, что наименования атрибутов происходят от материальной силы, указывается употреблением наименований, происходящих от общей экзистенции и различающихся по степени вложения силы, наименьшей и наибольшей: например, «тонкий» — «толстый», «большой» — «малый», «быстрый» — «тихий» и т. п.

Наименования атрибутов имеют общее основание только в том случае, если они происходят от общей экзистенции; «вещь» же делает их «общими» лишь внешним образом благодаря логической форме и логической деятельности по видимости.

АКСИОМА — ПЯТНАДЦАТАЯ —

«тождества наименования атрибута и наименования вещи»:

всякое наименование атрибута относится только к наименованию вещи.

Следствие аксиомы

Обыденный субъект не может употреблять наименование атрибута без именуемой вещи. Это говорит только о том, что вещь овладевается разнообразными способами, но при наименовании атрибута ограничивается только одним из них и оказывается предметом определенной силы. Обыденный субъект при этом не может не относить наименование атрибута к наименованию вещи, поскольку характер предшествующего вложения силы в эту вещь и процесс длительного именованья не только вещи, но и самого вложения силы, остается для него не явным.

§ 7. Обыденный субъект с помощью наименования овладевает вещью по видимости только в том случае, если представляет ее предметом какой-либо силы, как осиленную вещь.

Поскольку наименования вещи и наименования атрибута представляются одной и той же практической силой как действительным основанием всякого указания, то актуально и нефиксированно связь этих наименований обусловлена тем же самым основанием, хотя эта обусловленность внешне не выражена для обыденного субъекта и утрачена в его представлениях, тем более, что разные эти наименования выступают разными логическими объектами. Их логические значения «вещи» и «атрибута» совпадают в открываемой видимости вещи, и внешнее основание этих логических действий скрывает их источник в задействованной в прошлом практической силе. Актуально в обыденной деятельности она расчленена и раздвоена логическим действием, имеющим овладеенную в прошлом вещь, и логическим действием, именующим осиление этой вещи, но все равно той же самой вещи. Как только он имеет разные логические объекты, исходящие из одного источника и выражающиеся в одном общем вещественном основании, то обыденный субъект не различает всех оснований и производимых действий, но за ними видит только «вещь», овладеенную и осилен-

ную. Но как только он имеет перед своим взором видимую вещь, и как овладеенную и как осиленную, так он не замечает различий между употребляемыми логическими объектами, имеющими разные логические значения, субстантивные и атрибутивные, точно так же, как он не замечает и того, что несоответствие этих логических объектов преодолевается, когда он относит их к видимой вещи. Стало быть, одно дело фиксированное употребление наименования вещи и наименования атрибута практическим субъектом, где эти наименования отождествлены одним указанием на вещь, и совсем другое — когда наименования вещи и атрибута отождествлены по видимости, то есть при актуальной утрате практической ситуации с вещью. В обыденном употреблении наименований вещи и атрибута от предшествующей деятельности остается только то, что для обыденного субъекта имеет смысл при их употреблении отнесение наименования атрибута к наименованию вещи, но не наоборот, ибо «вещь» для обыденного субъекта может иметь любой «атрибут», и ограничение континуума реализуется не наименованием вещи, а наименованием атрибута, представляющего вещь определенной для обыденного субъекта, поскольку она в таком случае только и становится предметом практической силы в прошлом, и в этой форме относится к наименованию вещи. Тем самым актуально обыденный субъект производит неоднократные действия, но не с вещами, а с их наименованиями. Однако эти сугубо логические действия все равно направлены на воспроизведение все той же «вещи», но уже преобразованной, трансформированной, превращенной в видимость вещи. И чем более в «вещи» актуализирована экзистенция, тем более определенной становится она для обыденного субъекта. А на поверхности обыденной деятельности, в актуальном ее логическом выражении «вещь» получает от обыденного субъекта свои собственные определения, за которыми скрываются неоднократные логические действия с рядом наименований — наименований вещи и наименований атрибута.

Обыденная деятельность, использующая нефиксированные наименования вещи и наименования атрибута, направлена на воспроизведение вещи, как осиленной вещи, как предмета предшествующей практической силы, актуализируемой в данный момент, и представляет собой логическую деятельность в форме суждения, или высказывания.

ПРИМЕЧАНИЕ

Вот некоторые определения такой формы логической деятельности. **Аристотель** пишет:

«Человек» что-то, правда, обозначает, но не обозначает, есть ли он или нет: утверждение же или отрицание получается в том случае, если что-то присоединяют (Об истолковании, 16 В 25).

Цицерон: «Коленом речи называется краткое высказывание чего-то о какой-либо вещи...» (Риторика к Нерению, IV 19, 26).

§ 8. Суждение обыденного субъекта, представляя собой логическую деятельность, в качестве ее предмета имеет «вещь» и поэтому является суждением о «вещи».

В любом суждении наименование, стоящее на месте предмета высказывания, воспроизводит обстоятельство предшествующей деятельности, а именно воспроизводит «вещь, в то же время любое наименование, воспроизводящее то отношение, в котором обыденный субъект рассматривает «вещь», воспроизводит положение «атрибута» этой «вещи». Но логическая природа наименования, указывающего на «вещь» или атрибут — в суждении перестает быть актуальной, поскольку их положение теперь обусловлено новыми отношениями — быть той или иной частью суждения, а их предшествующая функция указания на вещь или атрибут претерпевает превращение и переносится в скрытом виде — в форме логического значения. Если в обыденной деятельности никаких вещей нет, то решающее значение приобретает положение наименования в роли видимой вещи или видимого атрибута, то есть положение в той или иной части суждения. Таким образом, наименования в разных частях суждения приобретают логические функции по отношению друг к другу: наименование, выступающее предметом суждения несет функцию «вещи», а наименование, ставящее предмет в определенное отношение, несет функцию «атрибута» этой «вещи». Суждение является формой деятельности обыденного субъекта потому, что именно он воспроизводит обыденную ситуацию по видимости, если бы это было областью деятельности практического субъекта, то у него не было бы необходимости воспроизводить ситуацию, так как ситуация находится перед ним и его задача только овладеть ею. Но как только происходит смещение ситуации во времени и актуально требуется представить то, что уже утратило свою актуальность и необходимо поместиться в неактуальной ситуации или, напротив, ее разместить вокруг себя, тогда она делается актуальной по видимости в форме воспроизведения «вещи» и развертывания ее «атрибутов».

Наименование на месте предмета суждения имеет логическую функцию имени, а наименование, воспроизводящее «атрибут», имеет функцию предиката.

ПРИМЕЧАНИЕ

Платон в «Софисте» выражает это так:

У нас ведь есть двоякий род выражения бытия с помощью голоса... Один называется именем, другой — глаголом... Обозначение действий мы называем глаголом... Обозначение с помощью голоса, относящееся к тому, что производит действие, мы называем именем... Но из одних имен, последовательно произнесенных, никогда не образуется речь, так же и из глаголов, произнесенных без имен (261 е — 262).

Аристотель:

...Всякое утверждение и отрицание состоит или из имени и глагола, или из неопределенного имени и неопределенного глагола (Об столкновении, 19 Б 10).

§ 9. Предмет деятельности обыденного субъекта всегда представлен наименованием, которое в суждении стоит на месте имени.

О чем бы ни шла речь у обыденного субъекта, его высказывание имеет форму имени и предиката, где имя всегда представляет «вещь», то есть вещь по видимости или видимость вещи. Наименование, стоящее на месте имени, несет функцию указания, хотя нет того, на что оно указывает, кроме видимости вещи, следовательно, это беспредметное указание есть указание на себя как на собственный предмет. Поэтому имя суждения — это не просто наименование — это выполнение особой логической функции суждения, это указание на себя как на предмет суждения, заменяющего внешнее предметное основание практической деятельности и несущего в самом себе условия собственного употребления.

Любое наименование в качестве имени несет в себе превращенную форму вещи и является предметом суждения.

ПРИМЕЧАНИЕ

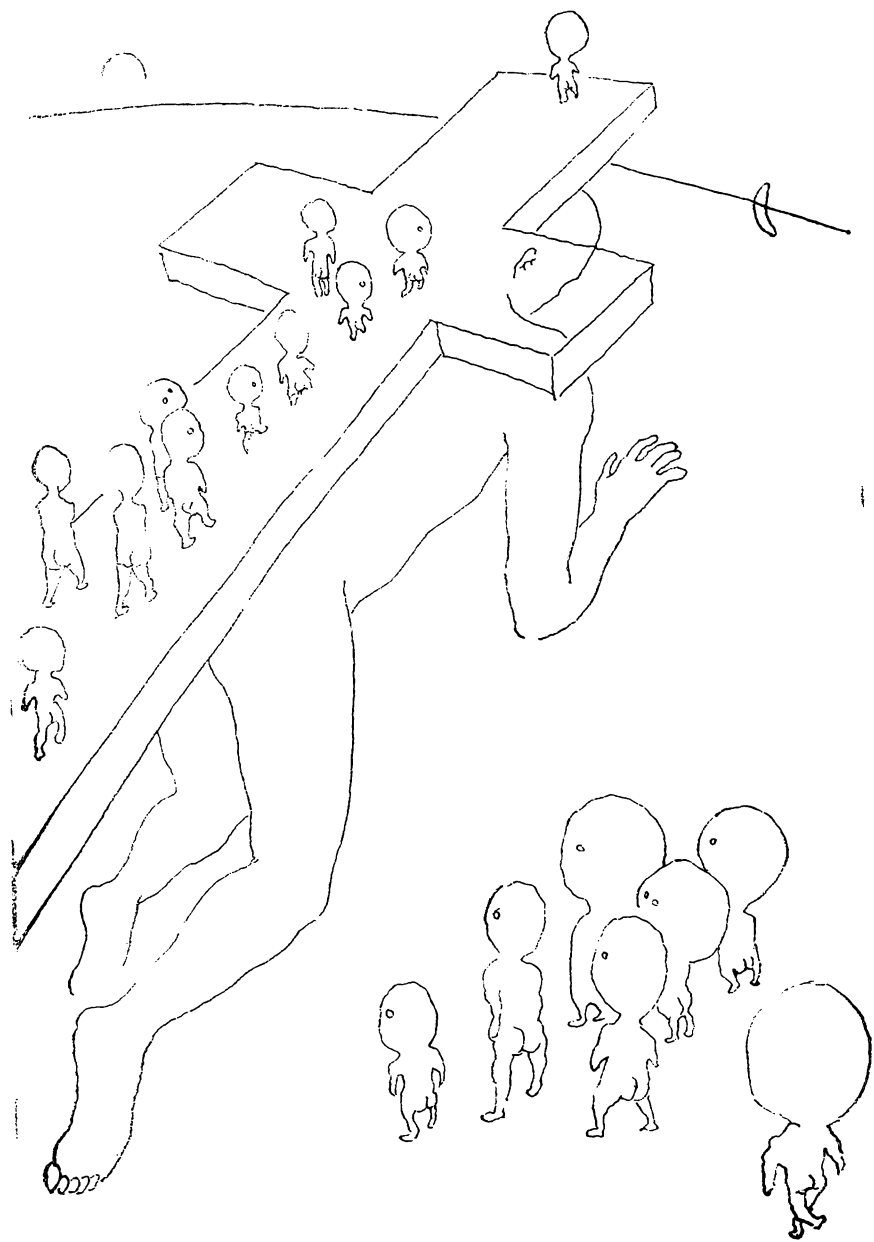
Речь, когда она есть, необходимо должна быть речью о чем-либо: ведь речь ни о чем невозможна (Платон. Софист, 262 е).

Аристотель обнаруживает многозначность слова, выискивая в нем нечто «определенное», а это возможно, если видеть связь значения имени с «вещью»:

...Не означать что-то одно — значит ничего не означать; если же слова ничего [определенного] не обозначают, то конец всякому рассуждению за и против, а в действительности — и в свою защиту; ибо невозможно что-либо мыслить, если не мыслят что-то одно; а если мыслить что-то одно возможно, то для него можно будет подобрать одно имя (Метафизика, 1006 Б 5).

Эпикур отмечает:

Предмет мнения также исходит из чего-то первично-наглядного, и мы в своих предложениях восходим именно к этой его основе... (Диоген Лаэртский, X 33).

АКСИОМА — ШЕСТНАДЦАТАЯ —

«тождества имени и вещи»:

всякое имя суждения является предметом высказывания и отождествляется с вещью.

Следствие аксиомы

Для обыденного субъекта является скрытым факт уподобления любого наименования в функции предмета высказывания с «вещью». Он сосредоточен на видимости, открываемой ему данной формой деятельности, и полагает, что высказывается о действительной вещи, и несмотря на то, что в его суждении нет самой вещи. Безгранично расширяя предметное основание своей деятельности — ведь он теперь в качестве «вещи» может представить все что угодно, — он пользуется произведенными в собственной деятельности продуктами, не выясняя их природы, но именно эта видимость позволяет ему овладевать новой формой вещи при помощи суждения.

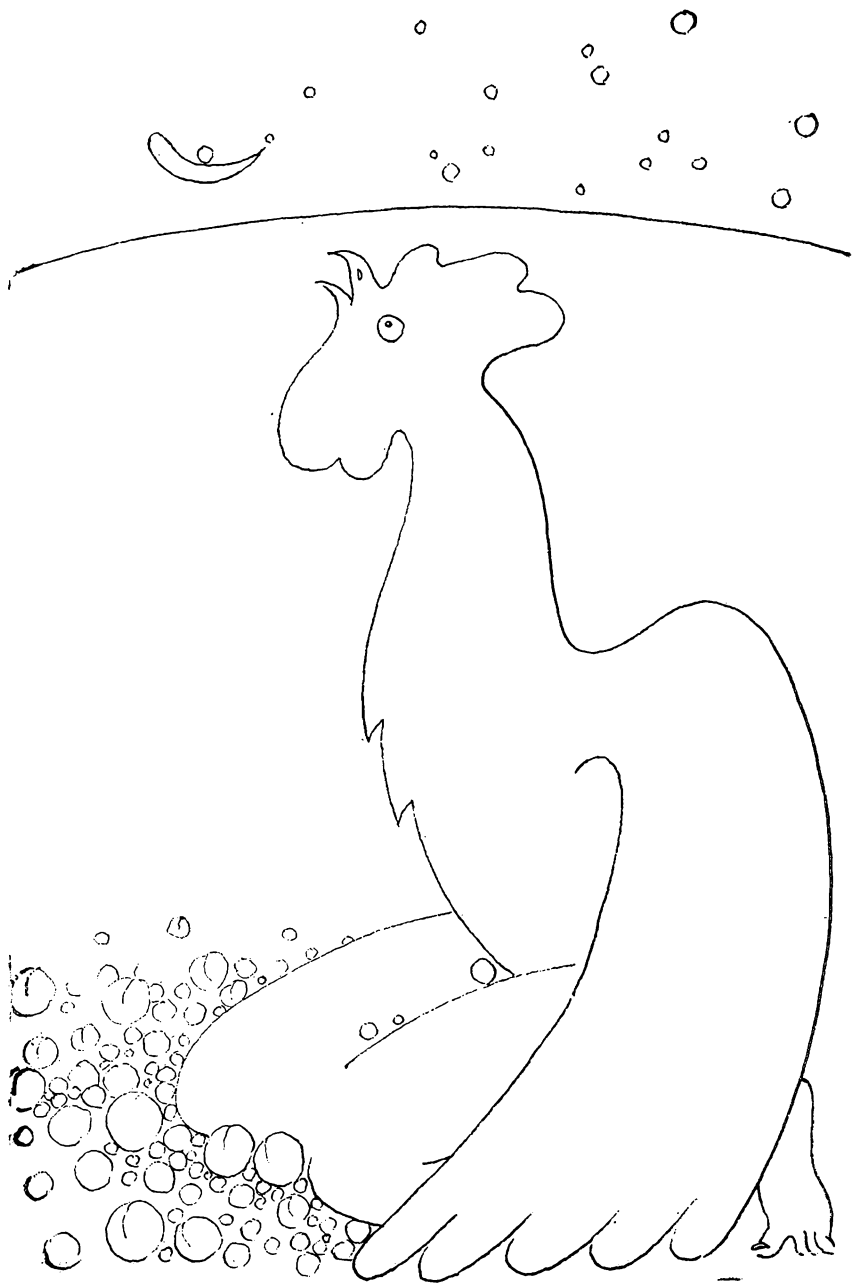
§ 10. Высказывание обыденного субъекта о «вещи» производится только в определенном смысле, указывающем на атрибут этой «вещи».

Наименование, стоящее на месте предиката, воспроизводит атрибутивное значение «вещи» — и точно также — по видимости, — как «вещь», представленная в качестве предмета высказывания, есть вещь по видимости. Таким образом, логическая функция предиката заключена в воспроизводстве атрибутивного значения видимой вещи. Но в силу тождества наименований значение «атрибута» получает наименование на месте предиката, — вовсе не имеющее его, т. е. наименование с субстантивным значением. Тем не менее они все равно становятся «атрибутами» «вещи».

Предикативная функция в суждении есть не что иное, как логическое превращение объективированной силы практического субъекта, — представленной в форме атрибута видимой вещи.

ДОБАВЛЕНИЕ

Именованье как логический процесс перерастает в предикацию как продолжение этого процесса. Элементарная форма

совпадения именованя и предикации — указательное суждение типа «это дом». Такое суждение в своих частях тавтологично: и имя и предикат указывают одновременно на вещь и одновременно значение предиката начинает принадлежать не только указываемой вещи, но и «вещи» только по логической функции, именно слову «это». Здесь явно просвечивает характер деятельности практического субъекта, который использует наименования в качестве своего собственного средства, но и начинается деятельность обыденного субъекта, поскольку он создает логические функции разных наименований, вступающих в отношения друг с другом. Но ни обыденный субъект, ни тем более практический субъект, не догадываются о характере своих действий.

ПРИМЕЧАНИЕ

О распределении логических функций в суждении мы можем прочитать у античного автора **Дионисия Галикарнасского** в произведении «О соединении слов»:

В последовательности рассмотрения словесной части соединения занимает лишь второе место, ибо подбор слов здесь первенствует и естественно предшествует ему, однако и приятность речи, и убедительность, и мощь гораздо более зависят именно от соединения (9).

АКСИОМА — СЕМНАДЦАТАЯ — «тождества предиката и атрибута»:

слово на месте предиката приобретает атрибутивное значение каким бы наименованием оно ни было выражено.

Следствие аксиомы.

Обыденному субъекту безразлично, какие наименования он употребляет, когда высказывается о «вещи»; главное для него — в каком отношении он берет «вещь», утверждая о ней что-либо.

§ 11. Обыденный субъект в качестве предмета высказывания может использовать наименования с любым логическим значением — субстантивным или атрибутивным.

Для обыденного субъекта любое наименование есть логический объект, есть средство его деятельности, и все, что он имел

в практической форме, используя теперь уже логические возможности, он берет и рассматривает как «вещь». Главным эффектом его новой превращенной формы деятельности, в качестве суждения, он имеет то, что может как «вещь» рассматривать все что угодно и даже то, что никакой вещью не является, например, именованные атрибуты. Действительным, онтологическим основанием употребления различных наименований — с субстантивным или атрибутивным значением — в качестве предмета суждения являются практические действия с вещами, располагаемыми в жизненном, природном порядке. Выбор же обыденным субъектом предмета суждения есть произвольный акт его логической деятельности, но не деятельности практической. Это объясняется тем, что независимо от форм практической деятельности, наименования в обыденной деятельности имеют одну и ту же форму — форму логического объекта, наименования как такового, способного употребляться нефиксированно. И любой логический объект становится предметом суждения, если каким-либо предварительным образом уже произошла деятельность, формы которой приобрели наименования.

Наименования, стоящие на месте имени, независимо от их прошлого значения имеют ярко выраженное функциональное предметное значение.

АКСИОМА — ВОСЕМНАДЦАТАЯ — «ТОЖДЕСТВА ИМЕНИ И НАИМЕНОВАНИЙ»:

любое слово может быть предметом суждения.

Следствие аксиомы

Обыденный субъект имеет возможность использовать любое наименование в качестве предмета суждения, хотя он не обращает внимания на то, что придает наименованиям особые логические функции, поскольку ему за данными превращенными формами открывается видимость вещи.

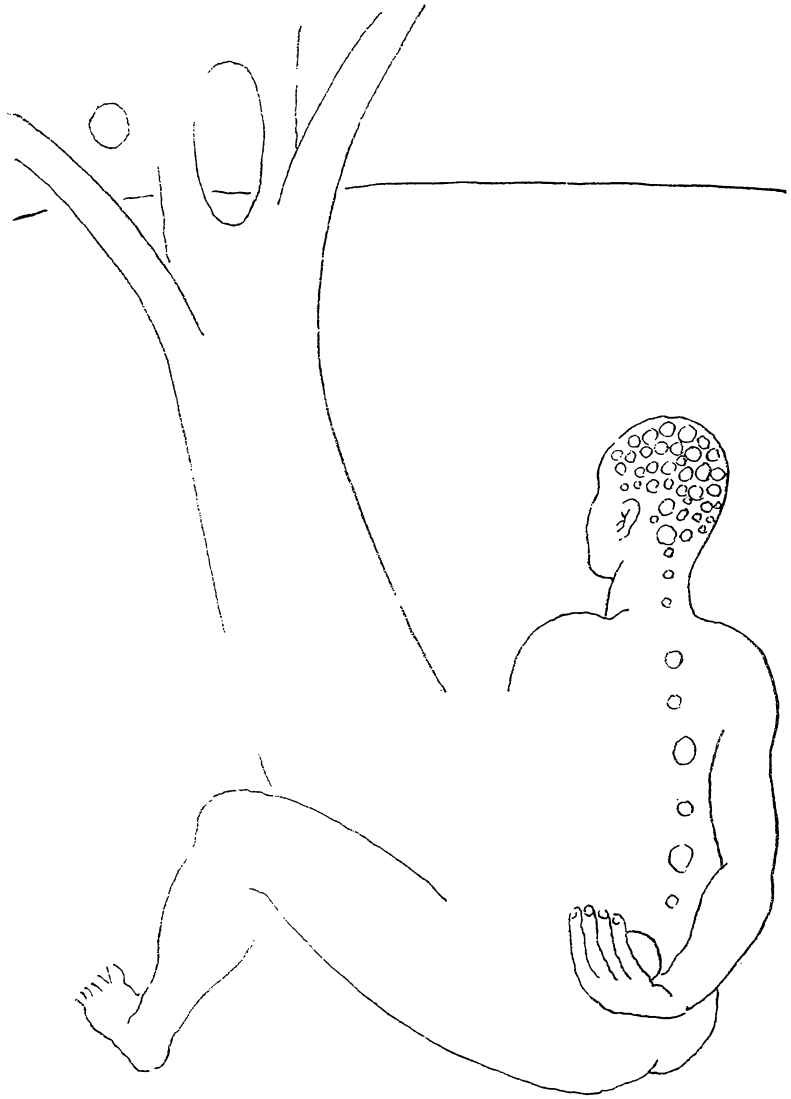
§ 12. Логическая функция имени суждения не остается во все безразличной к значениям наименований, используемых в этой функции и сформированных в предшествующей деятельности.

Тождество имени и наименований означает то, что предметом суждения начинает быть все то, что не является вещью

по сути своей. Обыденный субъект приобретает возможность судить обо всем, а не только о вещах, и все то, что не имеет вещественной формы, но приобретает «вещественность» или овещвление трансформированно, становясь предметом суждения как «вещью», через логическую функцию воспроизведения «вещи». Только таким образом происходит овещвление того, что вещью не является. Природе наименования пристало иметь значение «вещи» или значение «атрибута», то есть субстантивное или атрибутивное значение, но также пристало быть и именем суждения. Наименование с субстантивным значением в функции имени выступает адекватным природе вещи: наименование вещи ставится на место превращенной формы «вещи». Иное дело с предметом суждения, выраженным словом с атрибутивным значением. Такой «атрибут» несет в своей новой логической функции — имени суждения — видимость вещи, так как предмет суждения и есть превращенная форма вещи. Несовпадение предшествующей логической формы — логического значения «атрибута» — с актуальной логической функцией быть именем суждения не смущает обыденного субъекта, который, располагая возможностями логической деятельности, в равной степени высказывается о вещах, так и об их атрибутах, как о видимых только вещах. При этом, когда атрибут превращается в логическую форму «вещи», то он превращается из «атрибута» вещи в «атрибут как таковой», например: «движение», «цвет», «сила» и т. п. И все эти «вещи» получают возможность использования их в качестве не особых предметов, которым присваиваются какие-либо особые предикаты, а обычных «вещей» как таковых, которым приписываются обыденные предикаты. Фактически здесь происходит превращение «атрибутов» в одну из логических форм вещи, чем и является всякий предмет суждения. Это превращение обусловлено не природой вещи, а только характером и природой логической деятельности. В этом случае обыденный субъект производит действие не с атрибутом вещи, а с «атрибутом» как с «вещью». Таким образом, сформированный обыденным субъектом предмет суждения в качестве дальнейшей превращенной формы деятельности указывает на то, что на этом уровне деятельности обыденный субъект производит действия с таким предметом, который уже заведомо не может быть «вещью», но уподобляется «вещи», с тем, чтобы пройти дальнейшее овладение все той же исходной вещью. С одной стороны, «атрибуту» не пристало быть самой «вещью», а с другой — он представляется как «вещь», потому что выступает предметом суждения. Так как предметом суждения представлено только наименование, то новая форма его существования в роли предмета еще более

стирает предшествующую форму существования «атрибута» как объективированной экзистенции практического субъекта. Поскольку предшествующее онтологическое основание употребления наименования с атрибутивным значением вовсе перестает просвечивать через происшедшие превращения, то актуальное логическое основание становится определяющим в открывающейся видимости предметного значения. В силу этого предшествующее значение перестает быть актуальным значением, почему в одной и той же логической функции легко употребляются наименования с разными исходными значениями и одинаковым образом отождествляются с видимостью вещи. Но если для субстантивных наименований в исходе было предопределено указывать на вещи, то у наименований с атрибутивными значениями именная функция навязывает им быть не тем, чему они служили раньше — в фиксированном именовании. Так появляется произвольность логической деятельности, ставящей наименования на место имени в несвойственном им значении. Но теперь это значение остается только логическим, то есть осуществляющимся по видимости, хотя ранее это было не так, когда наименованию предшествовало объективирование практическим субъектом его собственной силы. Но именно логическое значение в своей превращенности не открывает обыденному субъекту своего онтологического основания. Из «зеленого», принадлежащего, например, «траве», получается «зеленое» как таковое. Если «дождь» имел атрибут «идти», то теперь «идти» становится «движением» как таковым. Эта форма логического превращения перевертывает отношения между элементами предшествующей деятельности. «Вещь» выделяется субъектом потому, что в ней реализована его сила, но она как предмет логической деятельности получает континуум атрибутов через предикативную функцию суждения. Трудно заподозрить во всех этих превращениях происки самих вещей, ясно, что все это зависит от характера самой логической деятельности, изменяющей свои собственные результаты на свои собственные предметы, но предметы, только как предметы новой деятельности,— но только так возможны все логические превращения.

Превращение наименований в предмет суждения означает, что обыденный субъект производит новое логическое действие, и превращенная форма этого действия есть субстантивирование атрибута в форме видимости вещи.

§ 13. Обыденный субъект за счет использования любых логических объектов в качестве предмета суждения безмерно расширяет внешнюю предметную область своей деятельности по сравнению с деятельностью практической.

Возможность использования любых «вещей», какими не располагает субъект практический, основывается не только на предшествующих формах деятельности, но и на самих превращениях актуально осуществляющейся деятельности обыденного субъекта. Совпадение деятельности обыденной и практической обеспечено цепью отождествлений, осуществляемых субъектом на всех уровнях деятельности. Таким образом, обыденный субъект открывает для себя перспективу рассматривать какие угодно «вещи», ибо он неявно знает, что они такое, хотя это только превращенные формы его предшествующей деятельности. Уверенность обыденного субъекта в знании «вещей», им употребляемых, хотя их актуальное наличие не является необходимостью, будет постоянно реализовываться в самых разнообразных суждениях, которые будут демонстрировать статус непосредственного существования «вещей», по поводу которых и будет осуществляться высказывание. Помимо того, что класс «вещей» у обыденного субъекта занимают бесконечные субстантивированные атрибуты, ставящие признаки «вещей» в один статус логического существования с «вещами», обыденный субъект вюда же относит наименования, касающиеся и своих собственных атрибутов и самого себя в качестве «вещи».

Обыденный субъект именует свою собственную сферу бытия и выносит ее во внешнее предметное основание логической деятельности с помощью субъектных суждений.

АКСИОМА — ДЕВЯТНАДЦАТАЯ — «тождества вещи и субъекта»:

человек выделяет себя среди вещей только потому, что уподобляет себя вещи в логической форме.

Следствие аксиомы

Обыденный субъект не знает того, что он выделяет себя в том случае, когда именует формы своего человеческого бытия, но так он сам становится превращенной формой вещи. Логиче-

ская деятельность дает возможность прировнять к вещи и самого субъекта, но не того, который производит эту деятельность, а того, который выступает ее предметом, так же как и любое проявление субъекта, в свою очередь становящееся предметом этой логической деятельности. Но все это осуществляется по видимости, на самом деле обыденный субъект совершает все превращения с самим собой, будучи носителем всех превращенных форм.

§ 14. Приобретение в качестве предмета логической деятельности субъекта этой деятельности оставляет природу суждения безразличной к новой предметности.

Вполне обычным предметом обыденной деятельности становится ее субъект и его атрибуты, имеющие достоинства «вещи». Их овещвленная логическая форма превращает экзистенциальную сферу в безличную форму реализации, менее всего обусловленную онтологическим статусом экзистенций, но более — логическим основанием деятельности. Подобно тому как в любых словах угасает всякая экзистенция, предопределившая и осиление вещи и овладение вещью, подобно тому и логическая функция предмета суждения еще более представляется отчуждением от экзистенциальной сферы. В то же время, имея предметом суждения все что угодно, обыденный субъект компенсирует произвольность выбора предмета и отсутствие экзистенциального основания овладения данной «вещи» тем, что определяет к предмету суждения свое отношение. Иначе говоря, задним числом оправдывает то, что производит произвольно. Если бы выражение его собственного отношения предшествовало его выбору, то обыденным субъект потерялся бы в обоснованиях своей произвольности, но никогда не совершил бы ни одного произвольного акта, тогда как вся его логическая деятельность есть сплошная произвольность. Но он совершает этот произвольный акт потому, что логическая форма его выбора включает в себе интуитивно ясную форму предшествующей деятельности, и он привязывает предмет выбора к этой предшествующей деятельности, выражая свое собственное отношение. Но все это находит свое воплощение в пределах логической деятельности.

Обыденный субъект в качестве превращенной формы экзистенциальной сферы практического субъекта имеет личностное основание деятельности, выражающееся как его собственное личностное отношение к вещи.

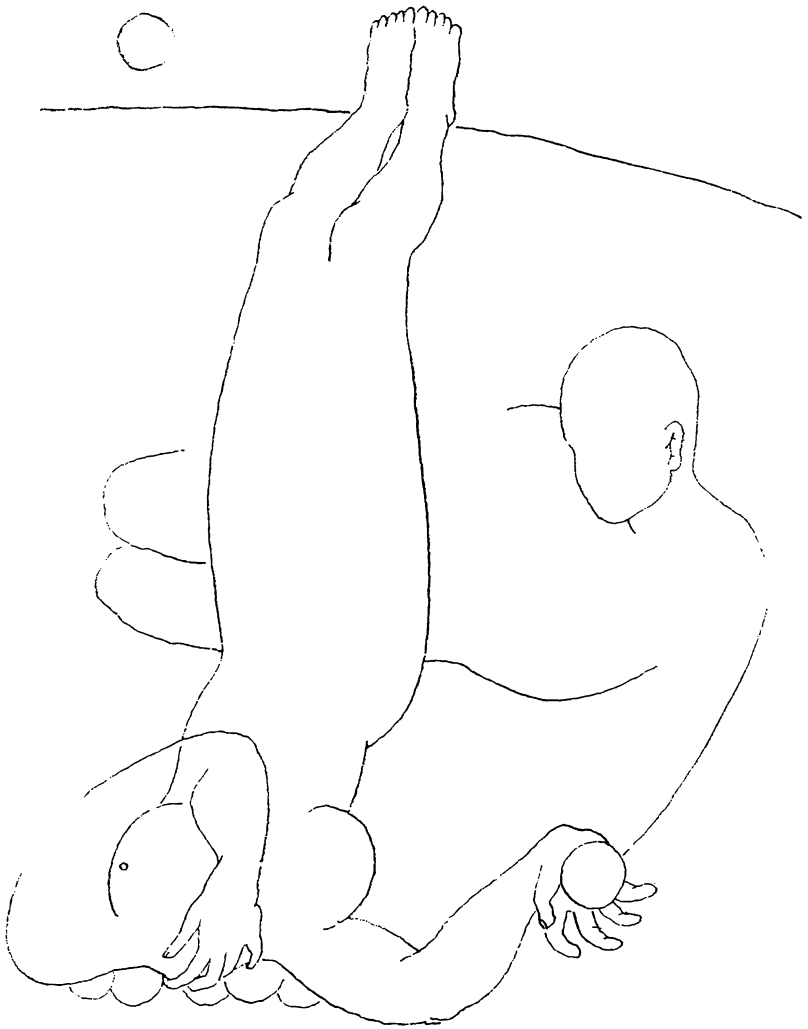
§ 15. Выказывая свое собственное отношение, обыденный субъект располагает для этого определенными средствами.

Так как в природе суждения нет ничего, кроме реализации именной и предикативной функции и реализации значений «вещи» и «атрибута» всех наименований, то выходит, что средства личностного отношения заключены только в них. Одним из таких средств является наименование, указывающие на пристрастное отношение к вещи. Такая «вещь» становится предпочтительной, а само наименование несет и значение этой «вещи» и значение этого особого отношения. В одних наименованиях значения пристрастия вполне уживаются с предметными значениями, например, в словах «мудрость» — указывается на отношение к познаниям человека, но точно так же и на сами знания. В других словах значение пристрастия становится основным и служит только для его выражения: «хорошо» — «плохо», «прекрасно» — «безобразно», «благо» — «зло» и т. п. Значения этих слов скрывают за собой предшествующую деятельность и актуализируют ее характер в избранном предмете обыденного суждения.

Обыденный субъект употребляет особые наименования для выражения собственного отношения к вещам, и эти наименования обладают личностными значениями.

§ 16. Всякая вещь существует в окружении других вещей.

Практический субъект в своей деятельности постоянно соединяет вещи друг с другом и ставит их в зависимость друг от друга, испытывая их друг другом. Поэтому вещь открыта субъекту с функциональной стороны как по отношению к нему самому, так и по отношению к другим вещам. Эта функциональность закрепляется в обыденном суждении как «атрибутивность» одной «вещи» по отношению к другой. В обыденной деятельности общие функции для этих «вещей» вытекают из прошлой деятельности, но сама обыденная логическая деятельность создает из одной «вещи» «атрибут» для другой «вещи», и только логическому акту принадлежит то, какая из них станет «атрибутом», а какая останется «вещью», которой будет принадлежать этот «атрибут». Предикативная функция в таком случае проявляет свою безразличность к исходному логическому значению наименования, стоящего на месте предиката, что бы ни представлялось им — хоть «вещь», самая веществен-

мая из вещей. Разумеется, что логическое значение такого наименования станет просвечивать сквозь логическую функцию, активно навязанную «вещи» и лишаящую ее собственного достоинства, превращая в какой-то «атрибут». Но такое превращение «вещей» в «атрибуты» других «вещей» является логическим действием, расширяющим класс атрибутивных значений. А «вещь», упроченная именной функцией в статусе предмета, становится носителем такого континуума атрибутов, который включает в себя функциональность других «вещей», а поскольку эти функции соразмерны с человеческими действиями, то любая «вещь» имеет в качестве континуума все любые другие «вещи».

Суждение обыденного субъекта, где предикат представлен субстантивным значением, является суждением принадлежности.

ПРИМЕЧАНИЕ

То, что одна вещь неизбежно указывает на другую, является легкой находкой для древних авторов:

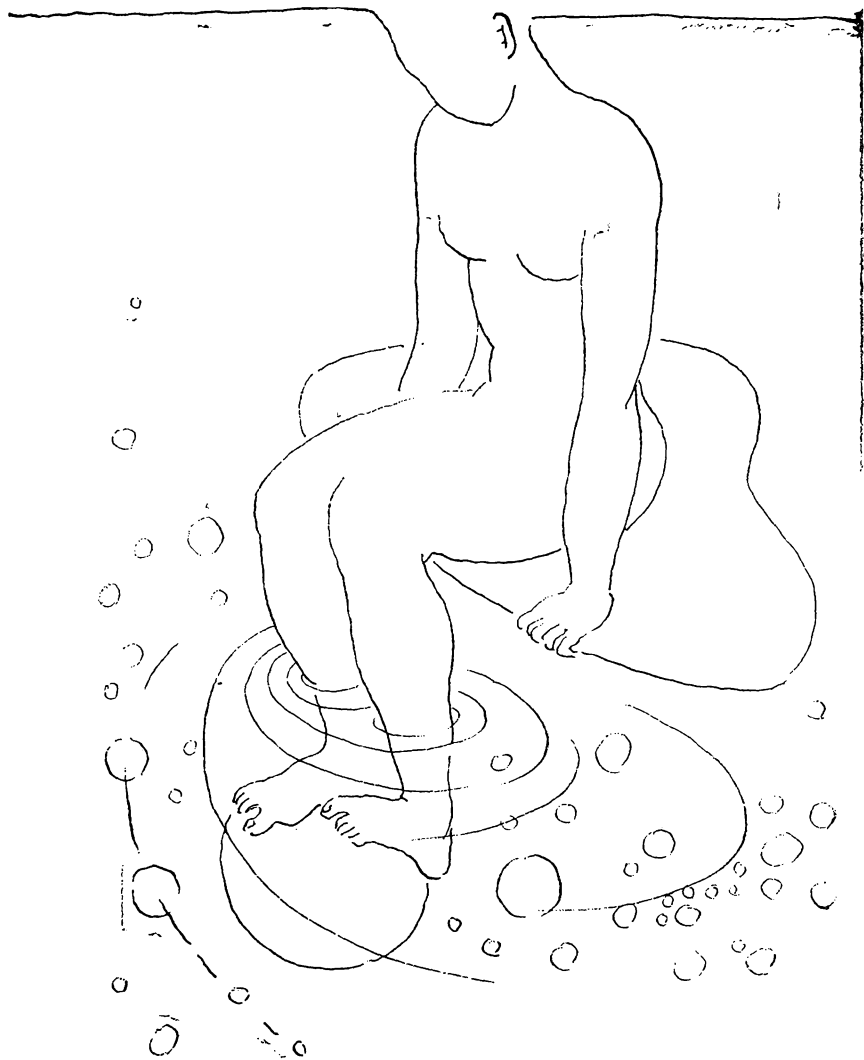
Напоминающим знаком они [догматики] называют тот, который, наблюдаемый вместе с обозначаемым в живом представлении одновременно со своим появлением перед нашими чувствами, хотя бы обозначаемое им было неочевидным, ведет нас к воспоминанию о том, что наблюдалось вместе с ним и теперь не представляется очевидным, как, например, обстоит дело с дымом и огнем (Секст Эмпирик. Пироновы положения, II 100).

АКСИОМА — ДВАДЦАТАЯ **«тождества вещи со всеми вещами»:**

всякая вещь в своем континууме содержит все вещи.

Следствие аксиомы

Обыденный субъект связывает между собой любые вещи и ему кажется, что эта связь определена природой самих вещей. Однако он не замечает, что это происходит потому, что в основе этого логического действия лежит практическая форма овладения вещами и выражение последних логическими средствами, актуализирующими общность вещей с человеческими экзистенциями.

§ 17. **Вещь** становится способной указывать на другую вещь, даже если последней нет в актуальном акте деятельности.

Находясь на месте предиката, слова с субстанциальным значением становятся «атрибутом» предмета суждения, поскольку всякий предикат в логической форме воспроизводит видимость атрибута. В результате обыденный субъект приобретает возможность ставить одну «вещь» в разные отношения к другим «вещам». Тем самым посредством суждения принадлежности безгранично расширяется класс «атрибутов», и посредством субстантивированных атрибуций — класс предметов; так что все, что входит в один класс, благодаря логическим действиям может входить и в другой, меняя свое логическое обличие. Актуальное положение и вхождение наименования в тот или иной класс зависит только от функции, которую определит обыденный субъект, — такое расширение объектов деятельности создает область деятельности, не доступную практическому субъекту, но и не охватываемую актуальной деятельностью обыденного субъекта, и представляется для последнего чисто логической возможностью комбинирования все и вся.

Обыденный субъект посредством суждения принадлежности обладает способностью воспроизводить в логической форме элементный состав наличного бытия как причастности одной вещи к другой, что исключает из суждения причастность вещи к субъекту деятельности для его самого.

АКСИОМА — ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ **«тождества суждения и наличного бытия»:**

человек получает представление о мире посредством суждения, связывая между собой все что угодно.

Следствие аксиомы

Обыденный субъект создает картину мира через многократные и бесконечные суждения, не догадываясь о том, что он владеет картиной мира, но и не сомневаясь в том, что он знает этот мир.

§ 18. Обе функции главных членов суждения выступают друг по отношению к другу не симметрично.

В самом деле, имя продолжает «именовать» предмет обыденной деятельности, предикат же реализует свободу комбинирования наименований в суждении, выступая «средством» преобразования предмета. Следовательно, вся произвольность комбинаторики между именем и предикатом сосредотачивается в реализации предикативной функции, а актуально это проявляется в том, что значение любого предиката приписывается заранее избранному, а следовательно, приобретающему «фиксированное» положение, значению имени. Таким образом, свобода выбора предмета логической деятельности предшествует свободе приписания предикативного значения этому предмету. Логическая функция имени заменяет фиксированную область предшествующей деятельности как области фиксированных именованных, поскольку продолжает указывать на предмет по видимости в той или иной логической форме, которая сама по себе не имеет возможности указывать обыденному субъекту, в каком направлении необходимо преобразовывать избранный предмет. И обыденный субъект тут же это делает, совершая акт предикации. В актуальном плане всякая предикация следует за именованием, поэтому является логическим превращением предмета высказывания. Точно так же, как практический субъект прикладывает свои орудия к материальной вещи, точно так же обыденный субъект, беря любую «вещь», логически предикатирует ее в каком-либо направлении, осуществляя по видимости такой же процесс «преобразования» «вещи», воспроизводя предикативной функцией то самое отношение, какое имеет существование атрибута к существованию вещи. Обыденный субъект, однако, при этом сам для себя определяет предмет своего отношения, в каком будет рассмотрено или поставлено значение имени суждения, как значение приписанного «вещи» «атрибута». Предикативная функция восстанавливает утраченную фиксированность логических объектов к вещи и в превращенной форме «фиксирует» предикативное значение как принадлежащее предмету суждения.

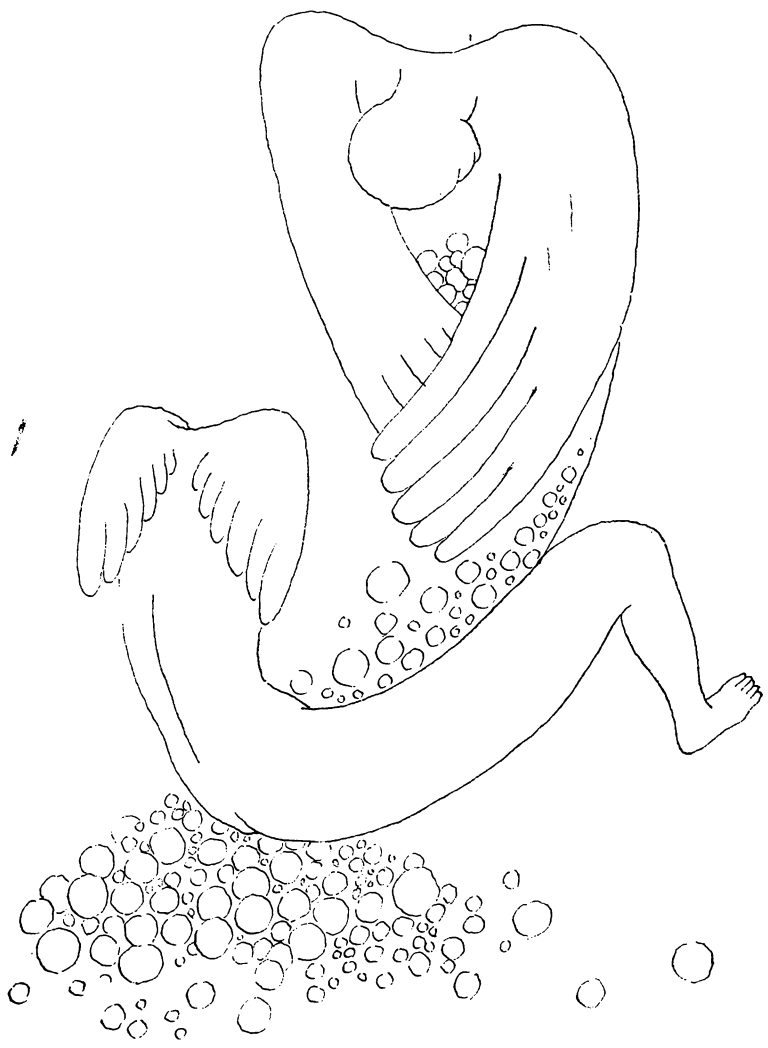
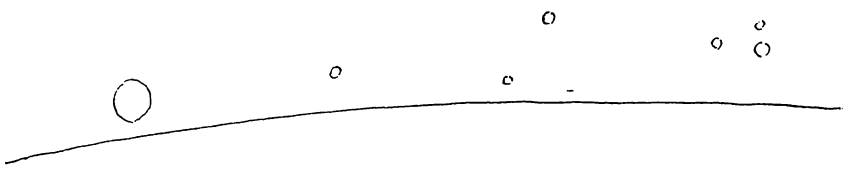
Завершение логической деятельности обыденного субъекта в суждении происходит в форме предикации, следовательно, природа предикативной функции, завершающей превращение предмета высказывания, заключается в приписании значения предиката значению имени.

ПРИМЕЧАНИЕ

На главенство в суждении предикативной функции, называемой «соединением», указывает **Дионисий Галикарнасский**:

Пусть только не покажется странным, что о подборе слов есть так много важных правил, о которых немало сказано и философами и риториками, между тем как соединение, занимающее лишь второе место по порядку и бывшее предметом далеко не столь многочисленных разработок, тем не менее, обладает мощною способностью всю работу подбора подчинять себе и над нею господствовать. Вспомним, что и в других искусствах (в строительном, например, в плотничьем, в вышивании и в других подобных, то есть во всех тех искусствах, которые строят то, что им нужно, из заранее собранных разнообразных материалов) возможности сочетаний стоят по порядку после возможностей подбора, а по силе — впереди. Стало быть, неудивительно, что совершенно так же дело обстоит и с речью (9—10).

В рассуждениях показательно сравнение логических действий с практическими, являющихся онтологическим основанием первых. Но анализ стилистики речи не позволяет античному ритору раскрыть логическую природу функций суждения.

АКСИОМА — ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ —

«тождество предиката и имени»:

значения слов имени и предиката относятся к одной и той же видимой вещи, поэтому совпадают в своих значениях.

ПРИМЕЧАНИЕ

Совпадение предикативного и именного значения в суждении отмечает **Аристотель** в «Категориях»:

Когда одно сказывается о другом как о подлежащем, все что говорится о сказуемом, применимо и к подлежащему (1 Б 10).

Надо иметь в виду, что такое толкование высказывания Аристотеля расширительно, ибо под «подлежащим» он понимает не логическое подлежащее — имя, а предметное как наименование вещи (слово с субстантивным значением); соответственное ему «сказуемое», однако, не имеет атрибутивных значений, а есть только наименование — другое — субстантивное — той же «вещи». «Сократ», «человек», — и «подлежащим» не могут быть субстантивированные атрибуты как «белое» («Белое есть человек»), но они допускаются как сказуемые. Хотя Аристотель приводит вполне суждение — «белое есть человек», но он не допускает его как норму, и таким образом, нормативное предписание не дает ему возможность рассмотреть логические функции действительных членов суждения. Цитированное выше высказывание Аристотеля, — применяемое им к частному случаю, тем не менее применимо и к общей природе суждения, а следовательно, и человеческого мышления вообще.

Следствие аксиомы

Обыденный субъект располагает указанным тождеством не потому, что он видит особый логический характер использования имен и предикатов, но потому, что, пользуясь данным средством деятельности, воспроизводит для себя видимость вещи, имеющей определенный «атрибут». Эта видимость вещи есть предметная область обыденной деятельности, и только она раскрывается обыденному субъекту.

§ 19. В актуальной форме обыденная логическая деятельность является производным обыденного субъекта, связывающего между собой главные члены суждения.

Именно обыденный субъект производит суждение, и ему принадлежит роль в выборе наименований и постановке их в

той или иной логической функции. Можно говорить об определенной степени произвольности — буквально, производного от воли — в действиях обыденного субъекта: с одной стороны, она — продолжение произвольности практического субъекта, а с другой — она в специфической логической деятельности приобретает свой собственный характер. В силу открываемой видимости вещи степень произвольности действий обыденного субъекта становится совершенно невероятной, если не смотреть на это глазами самого обыденного субъекта; она представляется не менее чем казуистикой, когда, например, превращенный в предмет высказывания «атрибут» начинает иметь свои собственные «атрибуты» в форме предикатов, или наименование вещи на месте предиката становится признаком, «атрибутом» любой другой «вещи». Но таковы комбинаторные возможности суждения. Так как логическое превращение наименования в новую форму «атрибута» посредством предикативной функции, или в непонятно какую «вещь» посредством именной функции — выступает в форме видимости, то все эти превращения не становятся для обыденного субъекта абсурдными, но приобретают новую степень произвольности как особое владение особыми «вещами». То, что обыденный субъект совершенно произвольно приписывает предикативное значение имени, унаследует врожденную несимметричность «вещи» и «атрибута» как овладеенной вещи и осиленной вещи, стало быть, врожденность эта обусловлена характером деятельности практического субъекта, который указывает на предмет своего преобразования — вещь — и указывает на осиление этой вещи. Следовательно, сквозь природу предикативной функции как приписания просвечивают прошлые затраты усилий практического субъекта, который волен испытывать вещь теми или иными своими силами, какими он только располагает. В произвольность обыденного субъекта входит поэтому и то, что ни одна затраченная сила не исчерпывает вещь и обыденному субъекту приходится удовлетворяться недостаточностью выражения того, чем он владеет. «Вещь» обыденного субъекта через предикативную функцию суждения востребует исключительно одномерную измеренность, продолжая оставаться «атрибутом», хотя атрибутом по видимости. Точно так же можно к «вещи» приложить то или иное значение предиката и тем самым «осилить» эту «вещь». Но вряд ли кто-нибудь, если, например, пожелает описать форму Земли, удовлетворится такими суждениями, как «Земля круглая», «Земля неровная», «Земля продолговатая» и т. п. Но только обыденный субъект отвечает за каждый акт предикации, а потому, как только он его осуществит, «вещь» приобретет измерение; следовательно, предикативная функция есть не толь-

ко средство «преобразования» «вещи», но и «результат» этого «преобразования». Отсюда не трудно заключить, что она и человеческое мышление вообще — одно и то же.

Природа суждения заключена в реализации логической функции предиката, то есть в приписании предикативного значения предмету суждения.

АКСИОМА — ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«тождества имени и предиката — вещи и атрибута»:

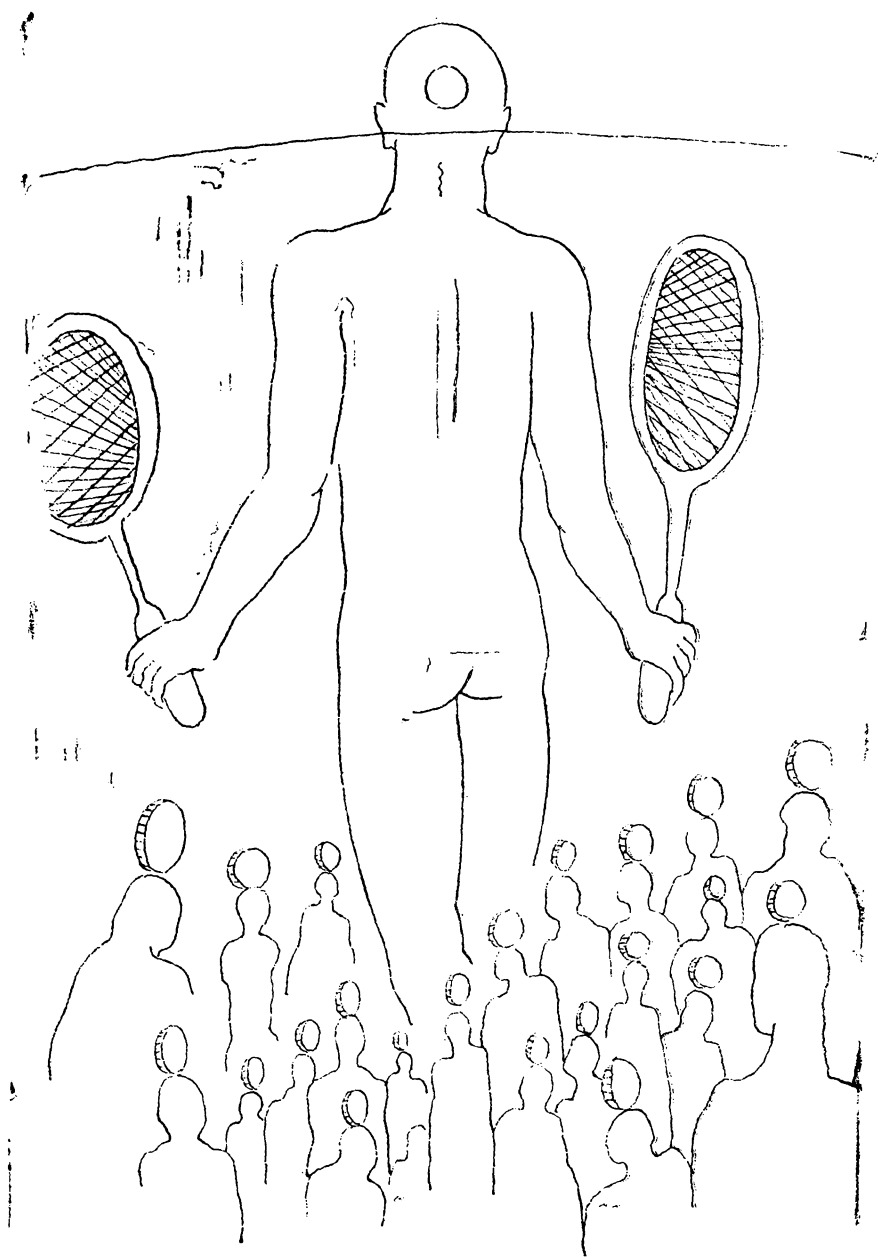
во всяком суждении именем и предикатом воспроизводится только вещь с атрибутом.

Следствие аксиомы

Обыденный субъект, высказывающий суждение, не предполагает, какие функции реализуются в его логической деятельности, но хорошо представляет то, о чем говорит, и в каком отношении он ставит то, о чем говорит.

§ 20. Логическая деятельность обыденного субъекта — вполне завершённый цикл особой деятельности, имеющей и свой собственный предмет и свои собственные средства.

Статус логического объекта позволяет любому наименованию быть любым главным членом суждения. Предмет обыденной деятельности представлен логическим объектом в форме имени, а «средства» — предикатом, ибо именная функция не существует без предикативной и наоборот. Если одни и те же наименования могут выступать либо именем, либо предикатом, то значит место, которое они занимают в суждении, определяется не тем, какое значение они имели в прошлом, а тем, как употребляет их обыденный субъект. Здесь обнаруживается логическая произвольность в деятельности обыденного субъекта, равная числу комбинаций между наименованиями, выработанными в практической деятельности. Следовательно, даже не в природе наименований выражена логическая деятельность, а только в тех функциях наименований, которые придает обыденный субъект этим наименованиям. Отношения, возникающие между наименованиями как именем и предикатом, существуют только при реализации логических функций в суждении, воспроизводящего предшествующие этим превращённым формам логические формы «вещи» и «атрибута», а в ещё большем отдалении — предметное и экзистенциальное основание практической деятельности. Раз так, то любое наименование приобретает в суждении одну и ту же логическую форму — форму логического объекта, — и становится нефиксированным по отношению к вещи, а произвольность обыденного субъекта в выборе логических объектов становится решающей для самой логической дея-

тельности. Нефиксированный характер использования логических средств превращается в такое их использование, когда они становятся фиксированными только относительно друг друга и только в суждении.

Природа человеческого мышления заключена в природе суждения, а значит, равным образом в предикативной функции, приписывающей собственное значение значению имени суждения.

АКСИОМА — ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ «тождества наименования и суждения»:

всякое наименование готово стать любым суждением.

Следствие аксиомы

Обыденный субъект, если видит за наименованием вещь, развертывая ее как континуум атрибутов, готов использовать наименование любого из них в качестве предикации, но он не видит самого процесса развертывания и приписания выбранного атрибута, и рассматривает его как неотъемлемо присущий самой «вещи».

ПРИМЕЧАНИЕ

Поскольку «вещь» выражается наименованием, то **Аристотель** логично считает, что высказывание об этой «вещи», содержащей «атрибут», будет тождественно самой «вещи», выраженной исходным наименованием:

Сам предмет и он же вместе со своими свойствами — это некоторым образом одно и то же, например Сократ и образованный Сократ (Метафизика, 1024 Б 30).

Однако в этом раскрывается только то, что видится лишь обыденному субъекту.

§ 21. Логические функции суждения безразличны к внешнему предметному основанию деятельности и производятся в раз и навсегда заведенном порядке.

Имя — предикат, имя — предикат, имя — предикат и так далее, до бесконечности, — это и есть человеческая речь, чело-

веческое мышление. При этом обыденный субъект не представляет то, что за механикой логической машины, где каждый шаг выражен и зафиксирован, скрываются в том же порядке шаги его произвольности, ограниченной только предшествующими формами деятельности. В каждый акт как выражение воли обыденного субъекта входит предмет деятельности и средства превращения этого предмета. А то, что видит при этом обыденный субъект, не совпадает с тем, как осуществляется его логическая деятельность. Видит он потому, что наименования несут в себе предшествующие формы деятельности. Одновременно они скрывают всю механику осуществляющихся действий. И только предикация подталкивает обыденного субъекта к границам его предшествующей деятельности. Например, тогда, когда приписывается предмету значение, которого не достаёт в видимости обыденного субъекта. Или тогда, когда осуществляется выбор предиката. Ведь избранный предмет суждения имеет континуум «атрибутов», но каждый акт предикации исключает его. К формам предшествующей деятельности приводит обыденного субъекта и комбинирование логическими возможностями суждения, ибо логическая машина исправно производит и такие суждения, как «Луна имеет молочные железы», «Круглый квадрат», «Птица извлекает квадратный корень», — где, как во всяком суждении, реализуются все те же логические функции и логические значения, и где только опыт субъекта ограничивает свои же логические возможности, безразличные к тому, что перемальвается логической машиной. Возможно, что обыденный субъект постарается не принимать на свой счет те из них, которые считаются бессмысленными, а тех, кто будет их производить, посчитает потерявшими разум и неспособными к мышлению и здравомыслию. Однако не наблюдающий за своей логической деятельностью обыденный субъект не заметит невероятной массы тех случаев, когда он сам постоянно будет выходить за пределы континуума овладеенной «вещи», ибо тяготение предметной видимости над его деятельностью не прекращает саму эту деятельность, в природе которой приписывать любой «вещи» любое значение предиката. Поскольку она возможна, она будет осуществляться постоянно: если «вещи» приписываются самые невероятные предикаты, то дело, значит, заключено не в природе вещей, а в тех логических действиях, возможность осуществлять которые имеет обыденный субъект. Пусть обыденный субъект отвергает такие формы своей мысли, но это укажет только на то, что им отвергается необходимость рассмотрения природы своей деятельности, и на то, что он остается полностью приверженным предметной стороне своего мышления. Можно ли ориентироваться на здравый смысл

обыденного субъекта, если он сам в своей деятельности производит самые невероятные предикации, не отдавая себе в этом отчета? Не будет ли в этом случае являться достаточно показательной детская речь, в которой, благодаря комбинаторному характеру предикации, открывается богатейшая возможность видеть в предмете то, чего не видят окружающие. Именно превращение наименований в суждения в функционально разные объекты и акт их предикации создают процесс конструирования «вещи», приобретающей «новые» «атрибуты». Поэтому несовпадение практической и логической деятельности по характеру и по направленности, но совпадение по видимости раскрепощает деятельность обыденного субъекта в его обязанностях перед вещью. Разумеется, для него все это остается скрытым за предметной видимостью, которая накладывает такие серьезные ограничения на произвольность предикативной функции, что каждый шаг в расширении континуума атрибутов есть для него выход за пределы здравого смысла, есть его собственный логический подвиг. Он так отождествляет суждение и «вещь», что всякая предикация им воспринимается как неперенная и необходимая. Почему его отталкивает всякая бессмыслица? Да потому, что все, что он посредством предикации представит при этом, будет для него неперенностью, и он воспротивится именно этой неперенности, которую обязательно навяжет предикативная функция суждения. Тем самым он покажет свою способность представлять «вещь» в форме суждения, а то, что раскрывается в «вещи», им полагается как то, что вытекает из самой «вещи», но не навязанное им самим посредством предикации. Таким образом, практический порядок действий воспроизводится логическими действиями в противоположном направлении, и в то же время и то и другое направления совпадут в суждении: отношение вещи и атрибута демонстрируют практическому субъекту то, что из вещи вытекает атрибут или атрибут неперенно принадлежит вещи; в логическом действии «атрибут» в форме предиката привносится в «вещь», каким бы ни был «атрибут» и каким бы ни была «вещь» — с железной неперенностью. Для обыденного субъекта загадкой за семью печатями является то, что «атрибут» призван вытекать из природы «вещи», тогда как на самом деле он приписывается предикатом — имени. Здесь уже становится понятным, что возможность распоряжаться всем богатством предшествующих и превращенных форм деятельности приобретает только в суждении именно за счет произвольности предикации, замаскированной предметными формами деятельности, овещвленными и объективированными. Предикация в суждении становится превращенной формой указания на «вещь», поскольку точно так

же, как произвольно вначале выбираются в качестве таковой «вещи» наименования, точно так же произвольно выбираются и предикаты. Но каждое из используемых наименований есть форма континуума атрибутов, и поэтому если имя воспроизводит весь континуум, то последующая предикация минимализирует его до одномерной измеренности функции этой «вещи».

То, что совершается в деятельности обыденного субъекта, кажется ему интуитивно ясным, потому что его деятельность опирается на предшествующие формы.

ПРИМЕЧАНИЕ

Остроумное утверждение **Демокрита** не лишено оснований:

Демокрит же... вознамерился истолковать понятие [человека], но достиг [этим] нисколько не больше простецкого утверждения, потому что он сказал: «Человек это то, что мы все знаем» (Секст Эмпирик. Против логиков, VII 266).

В раннем диалоге **Платона** «Лахет» его одноименный герой фиксирует определенную ясность в своих суждениях, но не свою способность каким-то образом определять эту ясность.

В диалоге «Хармид» дается определение качества знающего субъекта, которому предмет представлен смутно, но он знает о своей способности представлять предмет:

Итак, рассудительность и умение быть рассудительным — это не способность знать, что именно ты знаешь или чего не знаешь, но, как видно, лишь способность знать вообще, что ты — знающий или незнающий...

И значит такой человек не сможет испытать того, кто утверждает, что знает нечто, и выяснить, знает он это самое или нет; он сможет, по-видимому, только понять, что тот обладает неким знанием, но выявить, знанием чего именно, — в этом рассудительность не сможет ему помочь (170 d).

Афиняне да и все остальные эллины редко задаются вопросом, что справедливо, а что несправедливо, они считают, что это само собой ясно (Алкивиад I, 113 d).

Декарт вычленяет интуицию как наличную очевидность и отмечает, что она «некоторым образом заимствует свою достоверность у памяти» (Декарт. Сочинения в двух томах. М., 1989, т. 1, с. 85.— Далее везде: Декарт, том, стр.)

Его предшественники — **Жан из Мирекура** (14 в.): «Любая интуиция есть какой-то опыт». **Жан Жерсон** (15 в.): интуитивное познание есть «то же самое, что опыт и опытное восприятие». **Дунс Скотт**: интуитивное познание есть познание объекта, поскольку объект присутствует в актуальном существовании.

Уильям Оккам: интуитивное познание, будучи весьма неполным, и смутным, позволяет судить о существовании или несуществовании, но не о сущности объекта (см.: Декарт, I, 623).

§ 22. Направленность активных действий практического и обыденного субъекта совпадают: усилие прилагается к вещи.

Однако приложенные усилия к «вещи» оборачиваются тем, что «вещь» начинает быть обладательницей всем и все происходит от «вещи» в видимости обыденного субъекта. Следовательно, за суждением скрывается только природа человека — его онтология, его человеческое бытие — производить с «вещью» что-либо. Если именная функция переносит весь объем человеческих преобразований из прошлого в актуальный план, то предикация сокращает этот объем.

Направленность предикации суждения, как логического акта, противоположна направленности видения вещи, открываемой за предикацией.

АКСИОМА — ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ —

«тождества суждения и вещи»:

всякое суждение несет в себе представленность вещи субъекту.

Следствие аксиомы

Реализуя все логические значения и функции суждения, обыденный субъект производит значительный ряд логических трансформаций. И какое бы суждение ни производилось, оно полностью относится им на счет «вещи». Но обыденный субъект не представляет всех логических действий, которые он произвел, чтобы овладеть «вещью» посредством суждения, хотя богатство логических возможностей суждения позволяет ему владеть «вещью» так же уверенно, как практическому субъекту иметь вещь, если он ее присвоил себе.

§ 23. Обыденный субъект в суждении овладевает «вещью» и тем самым судит о ней, как о действительной вещи.

Представленность «вещи» обыденному субъекту исчерпывается теми целями, которые он ставит перед собой, используя эту «вещь». Действительность «вещи» воспринимается обыденным субъектом как ее неотъемлемое качество, следовательно, как «атрибут», и он получает свое наименование. «Вещь» таким образом приобретает «действительность», «реальность», «существование» и по логике обыденного субъекта совпадает с действительно существующей «вещью», хотя остается только мысленно существующей. Это то же самое, что и видимое или только мыслимое существование, ибо суждение не располагает вещью, никак не похоже на вещь, но тем не менее представляет «вещь», и не столько в силу актуального ее владения, сколько потому, что она является формой его предшествующей деятельности. Вещь представлена ему, и он начинает знать о том, что она: представлена ему, и он имеет о ней представление.

Обыденный субъект наряду с тем, что фиксирует «вещи» для себя, ограничивается этим и не задумывается о том, что «вещь» оказывается неявно представленной ему в силу превращенности актуальных логических форм и смутного просвещения сквозь них предшествующих форм деятельности.

ПРИМЕЧАНИЕ

Платон:

Мнение — это не знание, ни незнание...

Мнение более смутно, чем знание, но яснее, чем незнание (Государство, 478 с).

Стойки:

Непостигающие представления — это те, что возникают и не от существующего, а если от существующего, то впечатлевают его не так, как оно есть, но неясно и неотчетливо (Диоген Лаэртский, VII 46).

§ 24. Все основания деятельности,— присущие в том числе и суждению, входят в фиксируемую область суждения.

Каким бы ни казался предмет мышления обыденному субъекту, он всегда остается для него «вещью», и это внешнее, предметное основание прежде всего входит в фиксируемую область суждения. То, что «вещь», представленная суждением обыденного субъекта, явна для него, поэтому она служит его собственной «вещью», если он о ней высказывается; следовательно, каждое суждение имеет личностное основание как заявленное в логической форме отношение субъекта к тому, о чем он высказывается. Однако в том, как происходит обыденная деятельность, он не отдает отчета, но все, что происходит в суждении, происходит в обыденном субъекте, и только им производится суждение, а этот логический характер производимого суждения, механизм ее осуществления есть ближайшее основание всех форм обыденной деятельности, это есть ее логическое основание. Оно является превращенной формой онтологического основания как материального владения вещью, и как его превращенная форма лишь выражает его. Все это становится очевидным как только будут сопоставлены два ряда: видимость, открываемая деятельностью практического и обыденного субъекта, с одной стороны, и механизм их осуществления — с другой. Видимость подсказывает, что всякий атрибут присущ вещи, и это обнаруживает и практический субъект и обыденный. Но как ни тому, так и ни другому не открыт механизм этого вытекания: ни практический субъект не обнаруживает, что всякий атрибут вещи есть вложение его материальной силы, ни обыденный субъект — что значение предцизируемого «атрибута» вносится в значение имени. Для того и другого сохраняется полная видимость обратного, но это и указывает только на то, что характер их деятельности родственен, и что превращенная логическая форма деятельности базируется на онтологии практической деятельности — владении вещью. В связи с этим всякая речь представляется бесконечным потоком предикаций «вещам» их «атрибутов», в то же время всякая предшествующая деятельность — предлогической деятельностью, предмышлением.

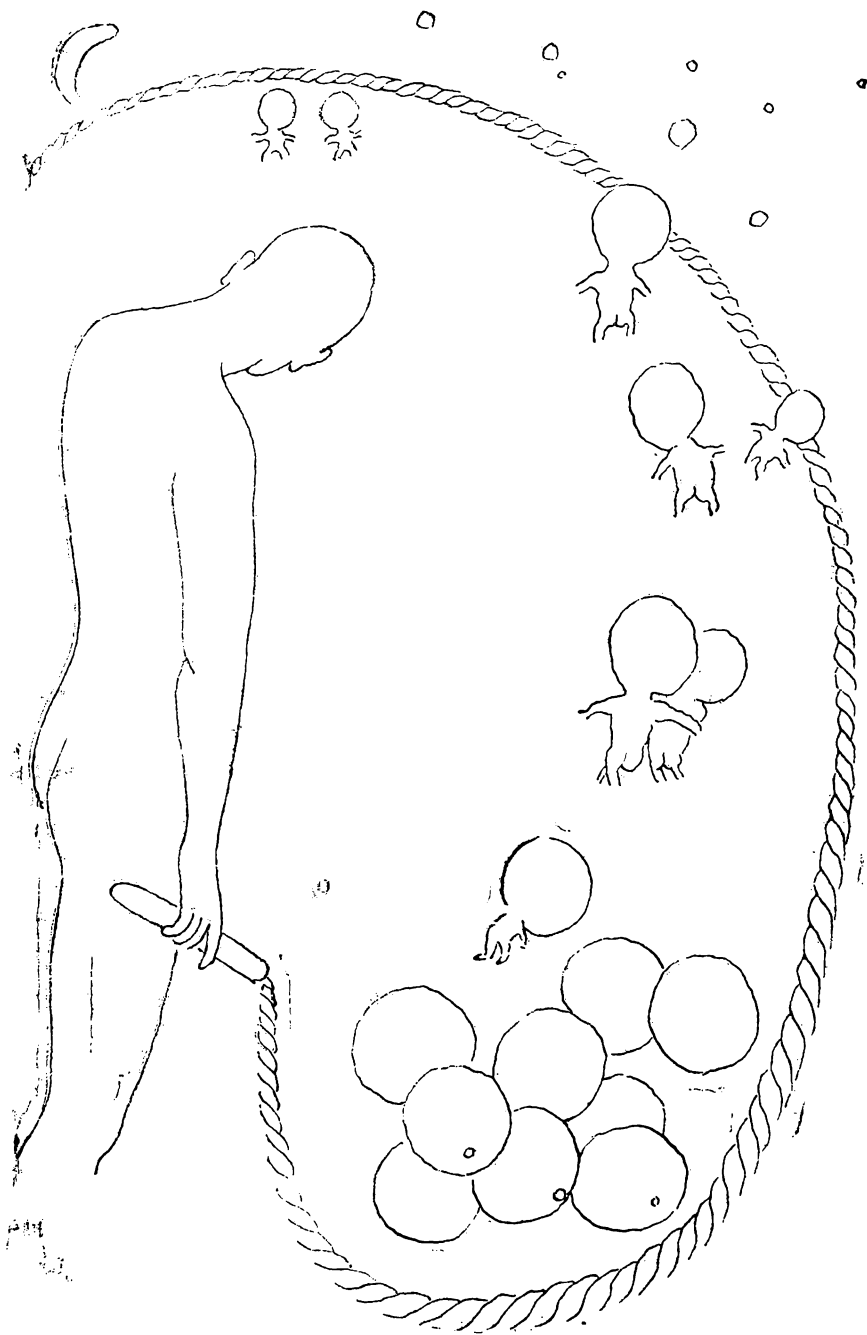
Собственно логической деятельностью можно назвать только суждение, то есть реализацию предикативной функции, приписывающей значение предиката значению имени, тогда как предшествующая деятельность — фиксируемое и нефиксируемое именование — есть только предлогическая деятельность.

Добавление

Всякое человеческое мышление основывается на действии механизма, указанного выше. Можно рассмотреть любой вид человеческой деятельности с символическими объектами, чтобы увидеть, что всякий из них основан на реализации предикативной функции. Будь это математическое действие, музыкальное произведение, визуальная композиция, архитектурный ансамбль, правила дорожного движения или описание формулы молекулы,— все это претерпевает один и тот же порядок превращений: именование и предикация. Самое синтетичное образование может являться только именованием и приписанием ему какого-либо значения. Хотя любому из специалистов кажется, так как он занимает позицию обыденного субъекта, что любой из объектов их деятельности располагает соответствующими свойствами, но на самом деле, обыденный субъект привносит эти атрибуты в предмет своей деятельности логическим путем.

§ 25. Обыденный субъект, используя видимость вещи, переносит форму бытия вещи, существующей для практического субъекта, на видимость вещи.

Подобно тому как практический субъект обнаруживает вещь и сталкивается с ее существованием в исключительно определенной форме собственного бытия, бытия своих экзистенций и в форме бытия самой вещи, и не задумывается об этом, так и обыденный субъект не задумывается о существовании видимости вещи, представляя «вещь» в форме бытия предмета практической деятельности. Указывая на вещь буквально, практический субъект использует средство указания как форму подтверждения бытия вещи. Точно такими же указаниями для обыденного субъекта является всякое наименование и суждение. Но поскольку предлогическая природа обыденного мышления начинается с нефиксированного именования, а собственно природа — с предикации в суждении, то само существование средств указания совпадает с существованием вещи, хотя остается только видимостью вещи. Для обыденного субъекта всякое суждение о любом предмете остается суждением о «существующем» предмете, хотя только по видимости существующем. Поскольку для него всякое суждение имеет смысл, когда утверж-

дается только «существующая» «вещь». Она для него является «существующей» не потому, что он высказался о ней, а потому, что при высказывании употребляются превращенные формы тех вещей, с которыми он имел дело в прошлом,— поэтому они для него действительно существующие. Ему нет дела до логической формы его актуальной деятельности, ему открывается объективированная форма его совокупной деятельности. «Вещь» получает подтверждение своему существованию только по видимости в силу тождественности фиксированного и нефиксированного наименования и тождественности суждения и «вещи», а также по возможности совершать логическое действие с помощью предикации, ограничивающей континуум атрибутов. Это логическое действие по видимости представляет то практическое действие, которое стоит за ним. Но в том и состоит деятельность обыденного субъекта, что в формах своей деятельности он производит все возможные действия с любой «вещью», не имея вещи, а только с наименованием, утверждающим «вещь» и как «действительно существующую вещь».

Всякое суждение по видимости, открываемой обыденному субъекту, является утвердительным суждением, ибо утверждает существующую для него «вещь», безразличную к форме своего существования — в качестве предмета практического субъекта или к форме наименования как предмета обыденной логической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЕ

Сходную мысль можно найти у Платона: «Всякое мнение бывает лишь о том, что существует» (Теэтет, 171),— но эта мысль показывает только то, что думает обыденный субъект, когда говорит о «вещи».

АКСИОМА — ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ — «утвердительного суждения»:

всякое суждение утвердительно и утверждает существование того, о чем высказывается это суждение.

Следствие аксиомы

В смысл деятельности обыденного субъекта не входит различение форм существования, ему открывается только то, что он имел в предшествующих формах деятельности. Действительность актуальных форм его производных позволяет ему действовать с логическими объектами как с действительно су-

существующими вещами и приписывать им действительно существующие атрибуты.

§ 26. Поскольку обыденный субъект имеет возможность присвоить вещи любой из атрибутов, то одним из них является атрибут существования.

Суждение «вещь существует» в этом смысле ничем не отличается от любого другого суждения. Хотя всякое высказывание тождественно видимости того, что все, о чем высказывается, существует, но обыденный субъект не производит высказывания о существовании данного предмета, ибо его вполне заменяет любое суждение, любой опыт предикации. Существование предмета высказывания подразумевается в словесном выражении, хотя и не осознается, не осознается и то, что отождествление всех предшествующих превращений вещи с существованием трансформируется и в логических функциях суждения. Именно поэтому предмет суждения не нуждается в особом акте предикации, где бы особо и каждый раз оговаривалось его существование, раз само суждение открывает видимость «существования вещи».

Атрибут существования воспроизводит практическую ситуацию владения вещью — существует то, чем владеет практический субъект, — и в логическом плане приписывает любой вещи действительное содержание деятельности практического субъекта, тем самым производя указание на «указание вещи».

§ 27. Обращение обыденного субъекта к атрибуту существования предполагает наличие объектов, имеющих существование.

Все, что бы ни было отнесено обыденным субъектом к существованию, наделяется таковым независимо от предшествующих форм бытия этих объектов. Но так как любая форма мышления воспроизводит «вещь», то статусом существования обладает все, что существует как вещь, в том числе и любая из превращенных форм деятельности.

В отличие от существования вещи все превращенные формы логической деятельности обладают лишь статусом существования вещи, — статусом, отличающимся также от логического существования, то есть существования по видимости.

§ 28. Обладание статусом существования вещи для логических форм позволяет обыденному субъекту указывать не только на то, что отсутствует, но и на само отсутствие.

Вещам практического субъекта не нужно обладать статусом существования, ибо они для него и так существуют. Однако, слово тоже существует — нельзя же сказать, что слово не существует — и в этом отражается только то обстоятельство, что всякая логическая форма обладает статусом существования вещи, хотя в строгом смысле вещью не является. Логическая форма, обладающая и статусом существования вещи и логическим существованием, позволяет иметь то, чего актуально нет, а именно вещи практического субъекта. Этот момент деятельности не может быть обойден обыденным субъектом, и он фиксирует отсутствие «вещи» суждением, приписывая атрибут отсутствия: «вещи нет», «вещь не существует», «вещь отсутствует». Констатация «отсутствия вещи» сама по себе возможна только тогда, когда освоена вещь. Не освоенную в каком-либо отношении вещь нельзя именовать, нельзя определять ее «континиум атрибутов», она не может занять место в ряду других «вещей». Поэтому констатация «отсутствия вещи» есть та сторона логической деятельности, когда «вещь» уже именовалась, она приобрела существование, выраженное логически. «Вещь» по видимости продолжает свое существование, но в то же время она отсутствует, и эта логическая ситуация воспроизводится обыденной предикацией, отмечающей отсутствие. Данная предикация может быть только следующей формой превращения логической деятельности, надстраиваемой над предыдущими. Она не указывает ни на какие другие обстоятельства деятельности, как только на овладение вещью, на возможность «существования вещи» в логической форме без самой этой вещи, то есть на возможность фиксированного-не-наименования.

Логическая форма, воспроизводящая ту часть логической деятельности, в частности нефиксированного именования, является предикацией «отсутствия» «вещи» и есть отрицательное суждение.

§ 29. Отрицательное суждение включает в себя только предикат отрицания к какому-либо наименованию.

Поскольку наименования могут быть либо субстантивными, либо атрибутивными, то отрицательные суждения, воспроизводят отсутствие либо «вещи», либо «атрибута». Всякие прочие

формы отрицания являются более сложными, состоящими из элементарных отрицательных предикаций. Будучи предикатом, отрицание относится только к наименованию в именной функции как «вещи», независимо от его логического значения. Следовательно, каким бы ни было отрицание в грамматической форме, оно всегда есть только воспроизведение «отсутствия вещи». В именной функции воспроизводится «вещь» в полном объеме континуума атрибутов, а поскольку это суждение, то следовательно, воспроизводится и «атрибут существования» этой «вещи». Предикат отрицания в свою очередь отождествляет «существующую вещь» с отсутствием, что равнозначно тому, что «существующая вещь не существует». Таким образом, в актуальный момент отсутствует сама эта «вещь», как «существующая вещь», и само «существование» этой «вещи», и весь континуум атрибутов, который подразумевается при наименовании этой «вещи». С практической точки зрения здесь нет ничего удивительного: была вещь, а теперь она отсутствует, но как факт речи, как факт мыслительной деятельности, отрицание насквозь парадоксально: оно — «присутствие отсутствующего», «существование не существующего» или «отсутствие присутствия», «несуществование существования». Оно есть признание полного перечня черт существующего и в то же самое время полный отказ от этого перечня. Отрицательное суждение несет в себе внешнее предметное основание точно так же, как и всякое другое суждение, и тут же — отказ от всего этого основания. Таким образом, с обыденной точки зрения отрицательное суждение не теряет своей предметности, упроченной именной функцией, и через предикативную функцию, воспроизводящую актуальный момент высказывания отрицание приписывает «существующему» предмету атрибут отсутствия. Прежде чем отсутствовать, «вещь» должна присутствовать. Так воспроизводится эта ситуация отрицательным суждением: «вещь» присутствует посредством имени, но отсутствует посредством предиката. Равным образом в суждении то, что отсутствие актуально, логически присутствует, и то, что отсутствует вообще, также присутствует, и только через отрицательный предикат начинает отсутствовать для обыденного субъекта актуально. Парадоксальное совмещение присутствия и отсутствия в отрицательном суждении так и воспроизводится обыденным субъектом, и он удовлетворяется предикативным значением как последующей формой — превращенной формой присутствия «вещи». На этом значении он ставит точку, но в его видимости в явном виде сохраняется предметное значение, ибо в каждый следующий момент речи, обыденный субъект может развернуть континуум атрибутов этой «вещи», помимо того, что она «отсутствует». По-

сколько «отсутствие» в качестве логического значения представляет собой актуальный момент обыденной деятельности и принадлежит только обыденному субъекту, то оно не может быть атрибутом вещи в полном смысле. Самой же «вещи» такой «атрибут» не присущ, если за ним не стоит прошлой практической деятельности. У «вещи» и природы в целом нет никакой ответственности за то, что у обыденного субъекта что-то отсутствует. Это дело случая, в какой попадает обыденный субъект, и только это он отмечает предикацией отрицания. Если вещь не ответственна за свое «отсутствие», и она сама для себя может только присутствовать, то ответственность за отрицательное суждение о «вещи» несет сам обыденный субъект, ведь именно он утратил то, что продолжает оставаться в его видимости. Учитывая, что все «вещи» он воспроизводит логической деятельностью, то в его силах остается сделать так, чтобы то, что он производит, зависело от него и не могло бы скрыться и отсутствовать без его разрешения. Но у обыденного субъекта изначально нет вещи, а только видимость вещи, и ему ничего не остается как только равным счетом производить вещь по видимости и равным счетом признавать наличие у себя только «отсутствие» этой «вещи». Какое бы количество логических объектов ни использовал обыденный субъект, каждому из них он может приписать атрибут отсутствия в логической форме предиката отрицания. Поэтому не всякий предикат воспроизводит атрибут в изначальном смысле этого термина, это атрибут по видимости, ибо за ним не скрывается предшествующих затрат материальной силы практического субъекта, а только указываются обстоятельства собственной логической деятельности обыденного субъекта. Но таким образом, обыденный субъект за логической формой утверждения «вещи» и отрицательной предикацией не раскрывает ни один из действительных атрибутов вещи, и отрицательное суждение не может иметь какое-либо предметное значение. На самом деле это так, если в отрицательном суждении не происходит «осиления вещи» и приписывается «вещи» то, что ей чуждо, не относится к ее природе. Хотя действительный характер отрицательного суждения обнаруживается в отказе от предметного значения, но в видимости обыденного субъекта это происходит не так. По видимости именная функция отрицательного суждения утверждает предмет отрицания, сообщает ему статус существования вещи, точно также и предикативная функция приписывает «атрибут», хотя атрибут только по видимости. Поэтому обыденному субъекту представляется, что в отрицательном суждении обязательно наличествует предметное значение, несмотря на то, что оно отрицается. Точно также он не замечает того, что в отрица-

тельном суждении утверждается только обстоятельство его собственной деятельности: если в природе вещи не заключено отсутствие, значит, самого обычного субъекта нет там, где вещь присутствует. И он логически восполняет присущий ему недостаток, но за счет «вещи», которая в его суждении вынуждена утратить самое себя. Таким образом, «вещь» не может получить предметное значение в отрицательном суждении, хотя за счет наименования сохраняет предметную видимость. Отрицательный же предикат ничего не добавляет к «вещи», но отнимает, а именно, ту же самую предметную видимость. Если отрицание не может быть действительным атрибутом вещи, то, следовательно, оно существует только в суждении и только как предикация. То, что приписывается «вещи», но не может быть ее действительным атрибутом, приобретает логическое значение— особое — по природе предикативное, и является исключительно производным обычного субъекта, реализующего обстоятельства своей же деятельности.

*Отрицательное суждение является не чем иным, как суждением утвердительным, имеющим особенный атрибут, воспроизводящий только обстоятельства собственной деятельности обычного субъекта, а потому имеющего **предикативное значение**.*

ПРИМЕЧАНИЕ

Аристотель справедливо относит «утвердительное» к «вещи», а «отрицательное» к логической форме — силлогизму, хотя он строго не различает вещь, слово, суждение:

А суть [вещи] есть во всех случаях общее и утвердительное, между тем силлогизмы бывают и отрицательными и не общими... (Вторая аналитика, 90 Б 5).

В ряде случаев Аристотель сталкивается с природой отрицательного суждения, но заслуживает внимания только его постановка проблемы:

«Не-человек» не есть имя; нет такого имени, которым можно было бы его назвать, ибо он не есть ни речь, ни отрицание. Пусть он называется неопределенным именем, [потому что он одинаково подходит к чему угодно — к существующему и к несуществующему] (там же, 16 а 30—35).

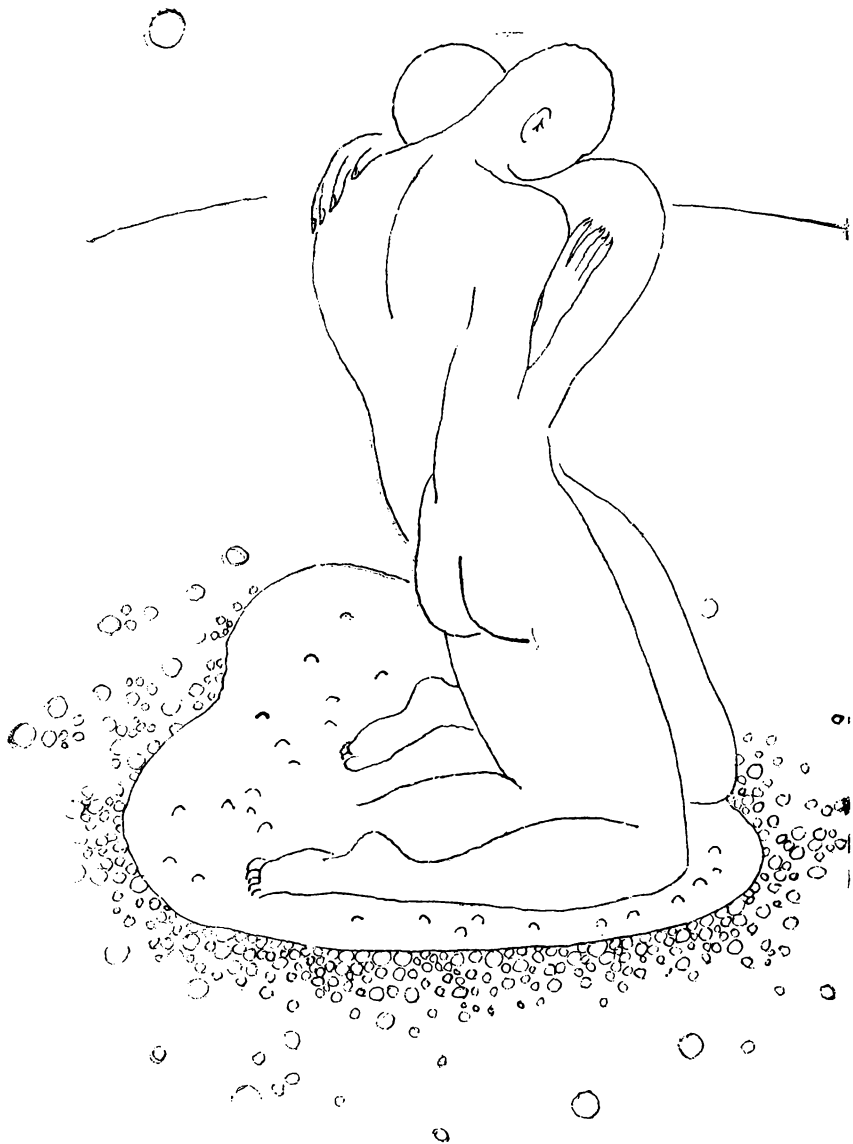
Здесь Аристотель не указывает на логическую природу отрицания (это — «ни речь») — на предикацию особого рода, а пытается отнести к неопределенной «вещи» — «к чему угодно».

Наиболее ясно природу отрицательности в античной литературе представили скептики:

Отсутствия мыслятся, как отсутствия какого-нибудь состояния, как, например, слепота — отсутствие зрения, глухота — отсутствие слуха, равным

образом и в остальном. Вследствие этого, чтобы воспринять отсутствие, нам раньше нужно воспринять то состояние, отсутствием чего считается отсутствие; тот, кто не мог бы мыслить зрение, не мог бы и сказать, что кто-нибудь не имеет зрения... (Пирроновы положения, III 49).

Отсутствие вещи как форму ее присутствия обнаруживает Хайдеггер: «...Отсутствие каждый раз проявляет себя как некоторый способ присутствия» (Разговор на проселочной дороге. М., 1991, с. 94). Но здесь анализ носит чисто бытийный характер, логических действий, которые совершаются при этом, мы не найдем.

АКСИОМА — ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ — «отрицательного суждения»:

всякое отрицательное суждение не имеет предметного значения.

Следствие аксиомы

Обыденный субъект хорошо представляет то, что он отрицает, и поскольку отрицательное суждение одной из своих частей восстанавливает предшествующие формы деятельности, то обыденному субъекту видится определенная «вещь» за любым отрицательным суждением, но не видится то, что оно воспроизводит обстоятельства его собственной деятельности, а потому не несет никаких предметных значений: «отсутствие вещи» не является указанием на какую-либо «вещь», кроме той, которая утверждается отсутствующей. Актуальное отсутствие этой «вещи», однако, не восполняется ее логическим утверждением. Но последняя функция доминирует в видимости обыденного субъекта, поскольку он — предметно ориентированный субъект.

ПРИМЕЧАНИЕ

Мелисс начинает свое сочинение так: «Если ничего нет, что можно сказать о нем, словно о чем-то, что есть?» (Фрагменты, 30 В 01).

В разных диалогах **Платон** высказывает догадку об отсутствии у отрицательных суждений предметных значений. В «Софисте»:

Следовательно, говорящий не о чем-либо, как видно, по необходимости я вовсе ничего не говорит...

Не должно ли поэтому допустить и то, что такой человек пусть и ведет речь, однако ничего не высказывает? Более того, кто пытался бы говорить о небытии, того и говорящим назвать нельзя?..

А сочтем ли мы возможным, чтобы к небытию когда-либо присоединилось что-нибудь из существующего?..

Понимаешь ли ты теперь, что небытие само по себе ни произнести правильно невозможно, ни выразить его, ни мыслить и что оно непостижимо, необъяснимо, невыразимо и лишено смысла? (237 е—238с).

В «Евтидеме»:

Никто не говорит о том, чего не существует: никто ведь не может выжить в слове то, что не существует (286а).

Аристотель в «Метафизике»:

Из тех, кто по-разному знает один и тот же предмет, больше, по нашему мнению, знает тот, кто знает, что такое этот предмет по его бытию, а не по его небытию (996 б 15).

Секст Эмпирик, ссылаясь на Платона, утверждает:

С помощью приобщения к отрицанию нельзя увеличить утверждение по сравнению с таким, которое не содержит отрицания (Против логиков, II 91).

Сам же он утверждает: «Не сущее не изучается, поскольку ему не свойственно никакой акциденции, в том числе и изучаемости» (Против этиков, 219—220).

§ 30. Обыденный субъект производит наименования, выражающие его собственное бытие.

Использование обыденным субъектом суждений существования и отрицательных суждений показывает, что он посредством предикативной функции может приписывать объектам то, что присуще только ему самому. Но это отличает деятельность самого обыденного субъекта и показывает, что он имеет совсем другие средства для реализации самого себя, чем субъект практический. «Вещь», хотя и преобразована им, но своей внешней предметной формой всегда представляется отчужденной от субъекта, тем не менее в своей превращенной форме она может содержать то, чего в ней нет, и что будет являться привнесением самого обыденного субъекта, и таким способом осваивающего «вещь». Он будет наделять ее своей собственностью через значения предикатов и видеть эти значения, как будто бы принадлежащие «вещи».

Наименования, выражающие собственное бытие обыденного субъекта и имеющие только это значение, реализуют его через предикативную функцию, представляя в «вещи» модальное значение.

АКСИОМА — ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ — «тождества наименований»:

наименование с любым значением является для субъекта только вещью, и поэтому любые наименования занимают место друг друга.

Следствие аксиомы

Обыденный субъект не догадывается о том, что каждое из наименований имеет логическое значение — субстантивное, атрибутивное, модальное, — восходящее к той или иной форме

реализации экзистенций,— когда он за ними открывает вещь.. Но их предшествующие и превращенные формы позволяют ему указывать на разный характер овладения вещью.

ДОБАВЛЕНИЕ

Исходность экзистенциальной сферы в развитии речи указана **Аристотелем**:

Природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо (Политика, 1253 а 5—15).

То же самое отмечает **Секст Эмпирик**:

Те, кто впервые провозгласил эти имена, произвел [некоторое] «природное» их возгласие, подобно тому как от боли кричат или от удовольствия или удивления восклицают, так что по природе одни из имен оказались такими, а другие — другими (Против грамматиков, 143).

§ 31. Обыденный субъект, имеющий опыт в производстве суждений, не занимаясь осмыслением их природы, независимо от этого обнаруживает произвольность суждения, а точнее произвольность производимой им предикации.

То, что это происходит на самом деле в обыденной деятельности, обнаруживается как постановка обыденным субъектом вопросов. По сути всякий вопрос — это то же самое суждение, в котором языковыми средствами — грамматически и интонационно — выражено отношение обыденного субъекта к акту производимой им предикации. Оно проявляется как сомнение в необходимости или возможности такой предикации, которая заключена уже в вопросительном суждении, и оно направлено на выяснение характера предикативной связи — реализованной. Это происходит потому, что он прекрасно знает о возможности любых предикаций, неоднократно производя их, а не только той, которую он актуально производит. И его предположение в форме вопроса сокращает перебор всех возможных способов предикатирования актуального для него предмета. Его «вещь», таким образом, наделяется «атрибутом», хотя он не придает такой предикации значение необходимости и непременности. Но само употребление такой необязательной формы всегда ос-

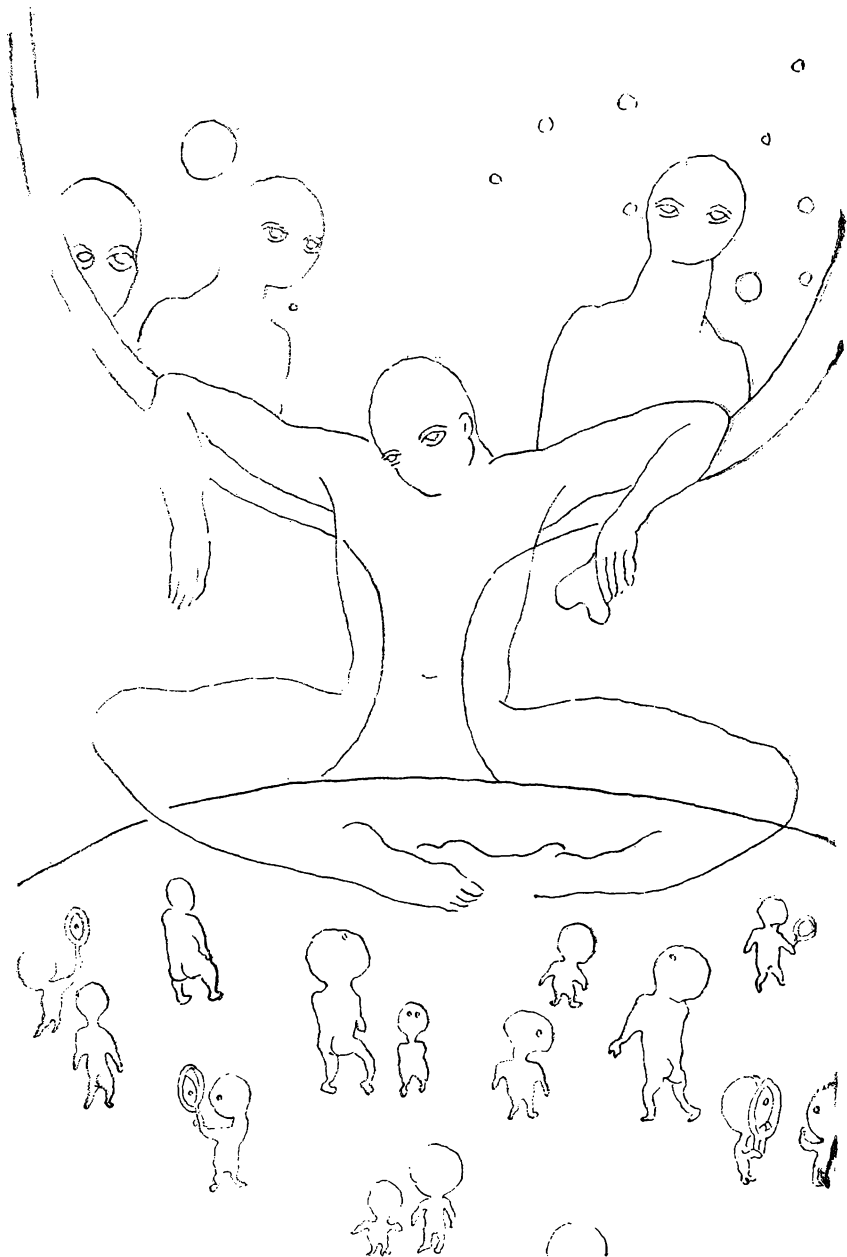
твояет возможность ее изменения. Любое разрешение сомнений в необходимости того или другого способа предикатирования разрешается в форме утвердительного суждения и служит «ответом» на вопрос. Однако обыденный субъект не замечает, что всякий ответ как утвердительное суждение содержится уже в вопросе и его произвольность востребуется этим вопросом. Следовательно, обыденный субъект сам того не зная, занимается исследованием способов приписания предикатов, но предметная видимость скрывает от него характер своей исследовательской деятельности и служит формой вероятностного представления «вещи» и ее «атрибута».

С логической точки зрения вопросительное суждение ничем не отличается по своей структуре от суждения как такового, воспроизводящего «вещь» и «атрибут».

§ 32. Использование суждений, касающихся приписания атрибутов, привнесенных обыденным субъектом в существо вещи, ставит логически действующее лицо в новую ситуацию выбора.

Обыденный субъект выбирает теперь не «вещь» и не «атрибут» этой «вещи» как превращенную форму практической силы, а только то, что он привносит в эту «вещь» от себя, а именно, «атрибут существования» — в утвердительной, отрицательной и вопросительной форме. Он может, однако, его привнести, а может привнести отсутствие этого атрибута. Но поскольку каждому виду суждения присуще «существование» и каждая часть суждения тождественна «существованию», то каждый логический шаг обыденного субъекта связан с выбором той или иной формы привнесения. Выбрана «вещь», следовательно, привносится ее «существование». «Вещь» отсутствует, следовательно, привносится существование «вещи», а затем приписывается отсутствие. Задается обыденным субъектом выяснение характера предикации, следовательно, он устанавливает ее необходимость, либо отказывается от необходимости данной предикации.

Выбор того или иного вида суждения есть реализация обыденным субъектом альтернативной функции суждения, есть продолжение логического владения несуществующей вещью.

**‘АКСИОМА — ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ —
«тождества отрицательного и утвердительного суждения
(альтернативности мышления)»:**

нет ни одного логического объекта, который бы в суждении не реализовал одну из двух форм выражения своей предметности — либо ее утверждения, либо ее отсутствия.

Следствие аксиомы

Обыденному субъекту кажется, что каждый совершившийся акт суждения вытекает из природы предмета, которому свойственно то или иное альтернативное значение предикативной функции. Обыденный субъект при этом не видит, что предикация, располагающая альтернативной функцией, реализует природу любого логического объекта, обладающего статусом существования и несуществования вещи, не видит и возможности обыденной логической деятельности через предикцию альтернативно фиксировать ту или иную логическую функцию превращенной вещи. Обыденный субъект не видит этого, поскольку как всегда ему открывается только вещь и то, что ей присуще как вещи.

§ 33.* К разряду суждений, где вещи приписывается атрибут с модальным предикативным значением, относятся суждения, выражающие личностное отношение обыденного субъекта.

В качестве предиката такого суждения используются слова с личностным значением, как воплощением в «вещи» предшествующего опыта, благодаря чему обыденный субъект признает «вещь ценной в каком-либо отношении». То, что «вещь ценна», достаточно для обыденного субъекта, даже если он не решил, в каком отношении она ценна. В таком суждении предшествующий опыт выступает в предельно обобщенном виде. Тем не менее обыденный субъект имеет возможность выразить свое личностное отношение более конкретно и придать ему предметное значение: для этого употребляются такие слова, как «мудрость», «истина», «добро», «справедливость», «польза», «красота» и др. Каждое из них имеет и обобщенное личностное значение и в то же время указывает на определенную область человеческой деятельности, а значит, и на предметность этой деятельности. Но слова «хорошо» и «ценно» являются одними

из немногих, в которых утрачен всякий намек на предметность, а остается ярко выраженное личностное значение. Предметность они могут получить только через именную функцию суждения, в котором употребляются.

Суждение, употребляющее в качестве предикатов наименования с модальным личностным значением, есть ценностное суждение, выражающее личностное отношение обыденного субъекта к предмету высказывания.

ДОБАВЛЕНИЕ

На каждом шагу люди бесконечно высказывают свои предположения, и у каждого автора мы найдем их в неограниченном количестве. Поэтому приведем примеры из наиболее древних источников.

Фалес: «Прекраснее всего — мир, ибо он творение бога... Мудрее всего — время, ибо оно раскрывает все» (Диоген Лаэртский, I 35).

О Солоне:

Крез, воссев на трон в пышном наряде, спросил Солона, видел ли он что-нибудь прекраснее; а Солон ответил: «Видел — и петухов, и фазанов, и павлинов: их убранство дано им природою и прекрасней в тысячу раз» (там же, I 51).

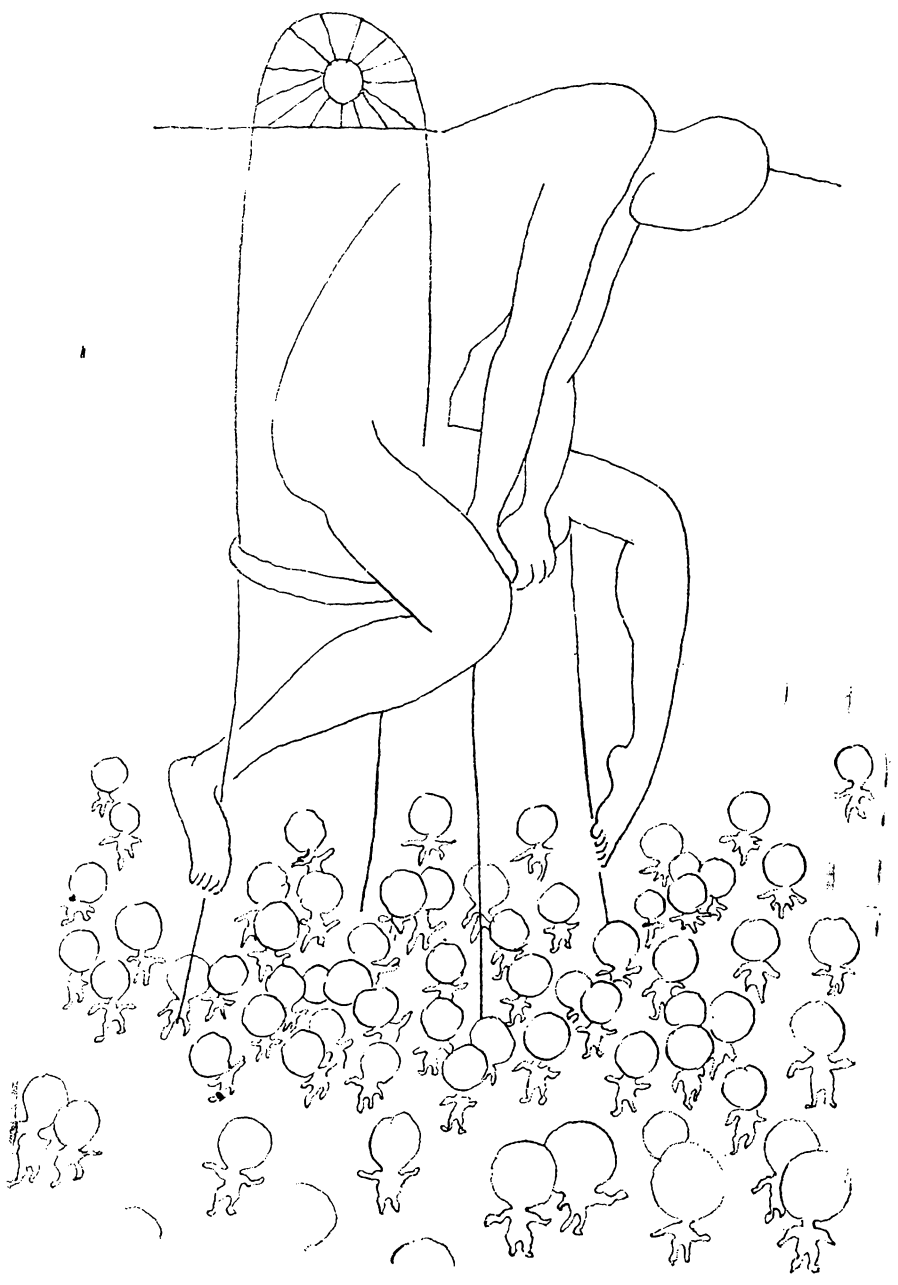
Гераклит: «Для бога все прекрасно и справедливо, люди же одно признали несправедливым, другое — справедливым» (Фрагменты, 22 В 91).

§ 34. Обыденный субъект выражает свое пристрастное отношение к вещи, утверждая «вещь ценная», используя при этом обычный для суждения механизм предикации.

Если взять любое суждение в обезличенной форме как логическую представленность «вещи и атрибута» и считать такое суждение «номинативным», то не трудно заметить, что «ценностное» суждение — «вещь ценная» — ничем не отличается от него по форме. И там и тут предметом суждения является «вещь», и там и тут у «вещи» указывается «атрибут». Различие будет

заключаться в характере предиката. В номинативном суждении атрибут выражает овещвленную экзистенцию, утратившую всякое практическое действие и реальную силу. В ценностном — экзистенция преобразована в личностное значение, и оно также утратило свою былую физическую непосредственную напряженность. И точно также личностное значение адресуется «вещи», которая становится предметом интереса обыденного субъекта, а значит, в этой «вещи» актуализируется его же прошлый опыт. Общий для номинативного и ценностного суждения механизм предикации позволяет обыденному субъекту видеть только вещь», а не то, что ей приписывается, и он относит все это к существу самой «вещи». Но таким образом, он не видит существенного различия в природе номинативного и ценностного суждения, а именно то, что последнее не располагает ничем тем, что может быть отнесено к природе «вещи», поскольку ценностный предикат приписывает «вещи» только значение самого обыденного субъекта, а не то, что по его же видимости присуще якобы самой «вещи».

Ценностное суждение обыденного субъекта не выражает ничего более, кроме как приписания вещи виртуального личностного значения, то есть значения, лишённого предметного качества, но только как значения предшествующей деятельности обыденного субъекта.

АКСИОМА — ТРИДЦАТАЯ — «ценностного суждения»:

в ценностном суждении происходит отождествление его предмета с личностным отношением субъекта.

Следствие аксиомы

Обыденный субъект в ценностном суждении видит только предмет, в котором он объективирует свое собственное отношение и видит у предмета особые ценностные качества предмета, хотя они представляют собой его собственные качества деятельности, но выраженные специальными логическими средствами.

§ 35. Употребление обыденным субъектом ценностных суждений показывает, что одна и та же вещь получает разные, зачастую прямо противоположные ценностные предикаты.

Произвольность ценностных суждений не сравнима с произвольностью какого-либо другого суждения. В номинативном суждении эта произвольность вообще не бросается в глаза, и любая предикация кажется исключительно непреложной и категоричной в том смысле, что если «вещь такая», то иной она быть не может. Другое дело с ценностными предикатами: они в своем, в общем-то небольшом, числе обслуживают всю предметную область, которой располагает обыденный субъект, и в один и тот же момент времени могут приписываться одной вещи или разным вещам. Одна и та же «вещь» получает разные ценностные суждения от одного и того же обыденного субъекта или разных субъектов, и при неизменности предметного основания выходит, что «вещь» не может повлиять на значение ценностной предикации, и это значение берется не у «вещи», а из предшествующей деятельности обыденного субъекта. Предмет может быть для обыденного субъекта «хорош», но в то же время он может быть и «плох». Именно это общее предметное основание указывает, что в ценностных суждениях реализуется пристрастие обыденного субъекта, или то, что, пользуясь одними и теми же ценностными предикатами, обыденный субъект имеет в виду различные обстоятельства своего дела,— отличные от природы «вещи».

Обыденный субъект, выражая свое пристрастие и предпочтение в ценностном суждении, придает предмету несовмести-

мые друг с другом личностные значения, что указывает на доминирование в ценностном суждении личностного основания.

ПРИМЕЧАНИЕ

Различие в отношении ко многим вещам указывается в художественных текстах, воспроизводящих обыденные представления в большей мере, чем в текстах теоретических:

Поэтому надлежащим образом высказались об этом и поэты. Пиндар, например, говорит: «Радуют одного почести и венки, украшающие ветроногих коней, других—жизнь в многозлатых хорах, а тот счастлив, направляясь в быстром корабле через морскую пучину». А поэт [Гомер] говорит:

Люди несходны: те любят одно, а другие другое.

Но и трагедия полна подобными же мыслями, именно там говорится: «Если бы всем одно и то же казалось вместе прекрасным и мудрым, то не было бы среди людей враждующего спора» [Еврипид]... (Секст Эмпирик. Пирроновы положения, I 86).

В афористической форме предпочтение к одному и тому же предмету выразил Гераклит, говоря, что «осел охотно предпочел бы золоту солому» (Аристотель. Никомахова этика, 1176 а 5). А «свиньи грязью наслаждаются больше, чем чистой водой» (Фрагменты, 22 В 36). «Врачи,— говорит Гераклит,— режут, жгут, всяко мучают зло [больных] и еще требуют платы [у больных], нисколько ее не заслуживая, ибо причиняют то же «добро», что и болезни» (там же, 22 В 46)

По-разному можно оценивать и человеческие поступки:

Как говорит Гераклит: «Не твори они шествие в честь Диониса и не пой песню во славу срамного уда, бессрамнейшими были бы их дела (Фрагменты, 22 В 50).

К более общим — родовым — отношениям сводит личностное основание всяких предпочтений древнегреческий поэт Эпихарм:

Всегда себе мы сами очень нравимся
И кажемся красавцами — не так же ли
Осел ослу, свинья свинье и бык быку
И пес другому псу прекрасным кажется?
(Диоген Лаэртский, III 16).

Точно так же Энесидем обнаруживает разные личностные основания в предпочтениях людей:

Люди спорят о благовидной и красивой женщине, причем эфиоп предпочтет самую курносую и черную, перс одобрит самую белую и горбоносую, иной же назовет красивее всех среднюю по чертам лица и цвету кожи... (Секст Эмпирик. Против этиков, 43).

Многочисленные попытки исследовать ценностные слова у Платона предворяются выяснением того, как люди различным образом выражают свои предпочтения с помощью употребления ценностных слов. Несколько примеров:

Ведь что каждому городу представляется справедливым и прекрасным, то для него и есть, пока он так считает (Теэтет, 167 с).

Здесь же Платон указывает на то, что в предметных значениях слов многие не расходятся, а в ценностных суждениях расходятся многие: справедливость или несправедливость — причина всех войн, страданий, гибели — из-за расхождения людей в этом вопросе.

В «Евтифроне» расхождения приписываются богам, за поступками которых видели действия простых людей даже сами греки:

А среди богов... одни, по твоим словам, почитают одно справедливым, прекрасным, постыдным, добрым и злым, а другие — другое: ведь не составили бы они друг на друга, если бы не спорили из-за этого (7 е).

Таким образом, Евтифрон, нет ничего удивительного, если то, что ты сейчас делаешь, стремишься покарать отца, окажется деянием, угодным Зевсу, но ненавистным Крону и Урану, любезным Гефесту, но противным Гере; то же самое получится и в отношении других богов, если между ними существуют расхождения по этому вопросу (8 б).

И люди, согласные совершать поступки, не согласны в их оценках:

Значит, они говорят и делают не все, что угодно. Ведь полагаю я, они не осмеливаются оспаривать необходимость нести наказание за совершенный ими проступок: я думаю, они просто не соглашаются с тем, что они преступники (8 д).

Аристотель в «Никомаховой этике»:

Для одних счастье — это нечто наглядное и очевидное, скажем удовольствие, богатство или почет — у разных людей разное; а часто [даже] для одного человека счастье — то одно, то другое: ведь, заболев, [люди видят счастье] в здоровье, впав в нужду — в богатстве, а зная за собой невежество, восхищаются теми, кто рассуждает о чем-нибудь великом и превышающем их [понимание] (1095 а 20).

А ведь во всем, что связано с поступками, их пользой [и вредом], нет ничего раз и навсегда установленного, так же как и [в вопросах] здоровья (там же, 1104 а 5).

...[В любом случае] добродетель есть нечто произвольное и порочность произвольна ничуть не менее. Соответственно и у порочного есть самостоятельность, если не в [выборе] цели, так в поступках. Итак, если добро-

детели, согласно определению, произвольны (ведь мы сами являемся в каком-то смысле виновниками [нравственных] устоев, и от того, каковы мы, зависит, какую мы ставим себе цель), то произвольны также и пороки, ибо [все здесь] одинаково (там же, 1114 B 15).

У Эпикура: «Они [мудрецы] полагают, что грех греху не равен; что здоровье для иных — благо, а для иных — безразлично» (Диоген Лаэртский, X 120 B).

Противоречивость ценностных суждений, высказываемых об одном и том же предмете, для скептиков является одним из главных аргументов в пользу воздержания от суждения. Пиррон из Диогена Лаэртского:

Все мы не можем назвать добром, ибо одно и то же кажется одному добром, а другому злом... Стало быть, одна и та же вещь окажется и добром и злом. А если мы будем называть добром не все, что кажется человеку, то нужно будет оценивать разницу мнений, а это неприемлемо, потому что доводы за эти мнения равносильны (IX 101).

§ 36. Обыденный субъект, характеризуя какой-либо предмет, употребляет ценностные наименования только в суждении и только на месте предиката.

Природа ценностного суждения ничем не отличается от суждения вообще, кроме значения наименования, которое употребляет обыденный субъект для характеристики предметов. Эти наименования стоят на месте предикатов, и значения их приписываются предикативной функцией, оставляя логический процесс без внимания. Как и раньше, тот факт, что обыденный субъект не обращает внимания на свои словоупотребления, не отменяет того, что он все же пользуется наименованиями. Но так как он продолжает овладевать «вещью», то и в этом случае он овладевает предметом, а ценностные наименования при этом являются лишь средством его деятельности.

То обстоятельство, что ценностные наименования в обыденной деятельности употребляются только как предикаты, можно назвать логическим основанием ценностного суждения, и это основание является ближайшим основанием в употреблении ценностных наименований в обыденной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЕ

Древнейшие философы связывали первоначально с «совершенством», а причину «совершенства» видели в разумной силе. Если «совершенство» — ценностное слово, то они предвосхитили

рассмотрение логической природы ценностных слов, усматривая ее в действиях ума:

Тот, кто сказал, что ум находится, так же как в живых существах, и в природе и что он причина миропорядка и всего мироустройства, казался рассудительным по сравнению с необдуманными рассуждениями его предшественников. Мы знаем, что Анаксагор высказал такие мысли, но имеется основание считать, что до него об этом сказал Гермотим из Клазомен. Те, кто придерживался такого взгляда, в то же время признали причину совершенства [в вещах] первоначалом существующего, и притом таким, от которого существующее получает движение (Аристотель. **Метафизика**, 984 B 15—20).

Таким образом, ценностное слово у древнейших было продуктом Ума, производным активного начала, и по всем правилам обыденного мышления это производное приписывается предметному основанию — «первоначалам существующего», о которых мы знаем, что они полагались как нечто вещественное.

Одним из первых указаний на ближайшее основание употребляемых ценностных слов произвел **Протагор**:

Что же касается... справедливого или несправедливого, священного или нечестивого, то протагоровцам угодно настаивать, что ничто из этого не имеет по природе своей сущности, но становится таким поистине лишь только тогда, когда представляется таким в общем мнении, и на такой срок, на какой это мнение сохраняется. И сколько людей ни перетолковывало всячески рассуждение Протагора, они так или иначе приходили к этой же мудрости (Платон. *Теэтет*, 172 B).

«Общее мнение» здесь вполне может сойти за логическое основание употребления ценностных слов. Но это только первое указание, поскольку найти логическую структуру и природу этого «мнения» у древних авторов не представляется возможным.

Обыденную деятельность по употреблению «лучшего» и «худшего» связывает с «мнением» **Аристотель** в «Метафизике»:

Но, как было сказано, всякий человек, совершенно очевидно, одного остерегается, а другого нет. Поэтому все, по-видимому, признают, что дело обстоит вполне определенно, если не со всем, то с тем, что лучше и хуже. Если же люди признают это не на основании знания, а на основании одного лишь мнения, то тем более им необходимо заботиться об истине (1008 B 20—25).

§ 37 Обыденный субъект, называя предмет ценным, безгласно полагает, что предмет действительно обладает таким свойством.

Природа логической деятельности полностью распространяется на ценностное суждение и открывает обыденному субъекту видимость вещи, из природы которой непременно вытекает

ее свойство «быть ценной». Хотя ценностный предикат им же самим приписывается «вещи», но обыденный субъект не замечает логической природы суждения и не знает о происхождении личностных значений ценностных наименований, поэтому он остается исключительно предметным существом и сохраняет беспрекословную уверенность в том, что каждая «вещь» может быть ценной, и следовательно, в природе «вещи» заключается это ее свойство. В то же время обыденный субъект какое-либо ценностное наименование относит к самым разнообразным «вещам». Например, «благом» может назвать и «золото» и «кошку, ловящую мышей», и «жизнь», и «идею», и «отечество», и все что угодно, даже «вещи», имеющие отрицательный смысл, но оправдывающиеся человеческими, гуманными целями — «насилие», осуществляемое против насильников, «причинение боли» как необходимость врачебного вмешательства и т. п. Во всех этих случаях невозможно найти общность предметного основания у ценностного предиката «благо». И отсюда следует только то, что не в самом предметном основании заключено значение ценностного наименования, и предметное основание никак не может быть действительным, онтологическим основанием употребления ценностных наименований.

В ценностном суждении обыденному субъекту представлено предметное основание только как выражение личностных значений его деятельности, и оно является общим для всей его деятельности, так что ценностное суждение не имеет особой предметности, характерной только для этого рода суждений, а обычный предмет не имеет в себе ничего от природы употребления ценностных наименований.

ПРИМЕЧАНИЕ

Платоновский Сократ в ряде диалогов допытывается у своих собеседников, каким же особым предметом обладает тот, кто владеет мудростью, справедливостью? И как правило, у этих слов не находится особая, присущая только им предметность, напротив, они начинают относиться к самым разным вещам, а порою очень несуразным.

Не обнаруживает такого предмета и **Секст Эмпирик**:

Если мы сочтем действием разумного человека почитание родителей, возвращение залога доверителям или что-либо подобное; то мы найдем, что и нехорошие люди делают то же самое. Поэтому нет ни одного действия, собственного мудрому, которым он мог бы отличаться от немудрых. А если так, то мудрость не может быть искусством жизни, поскольку муд-

рость не имеет никакого свойственного [только] ей искусного дела (Против этиков, 199).

Если выбор и отказ основываются на удовольствии и неудовольствии, а удовольствие и неудовольствие покоятся на ощущении и представлении, так как одно и то же одни выбирают, а другие избегают, то последовательным будет для нас заключение, что одно и то же оказывает на людей неодинаковое действие, потому что [иначе] они одинаково бы выбирали и отклоняли (Пирроновы положения, I 87).

§ 38. Актуальное употребление ценностных наименований, имеющих личностное значение, определяется предшествующей деятельностью обыденного субъекта и тем, насколько актуальная ситуация соответствует этой предшествующей деятельности.

Поскольку обыденный субъект включен в актуальную ситуацию, то именная функция ценностного суждения подразумевает ее, но эта ситуация не воспроизводится самим этим суждением. И в предмет суждения, сохраняющего предметные обстоятельства деятельности по видимости, привносится значение прошлой деятельности. Оставляя за пределами своей логической оболочки все, что происходит актуально, предметное значение «вещи», объявленной «ценной», становится носителем всех возможных отношений, и каждое из них подразумевается «ценным». Утверждая — «золото является ценностью», обыденный субъект не указывает, в каком отношении предмет суждения выступает как «ценность». Но зато такая форма выражения предполагает любое предметное отношение. Так, «золото» может выступать деньгами, но может быть необходимым материалом для ювелирных изделий, промышленных технологий, или вдруг предстанет редким полезным ископаемым и т. п. Эти ситуации, безусловно, не представлены самим ценностным суждением, хотя все они могут быть представлены как входящие в континуум атрибутов данного предмета. Выступающее во всех этих случаях общее предметное основание, выраженное именем ценностного суждения, способно нести в себе весь набор практических отношений, какие только осуществлены в прошлом. Но действительным основанием для значений прошлой деятельности может быть только сама эта осуществившаяся деятельность, но не внешнее, предметное основание. Это обнаруживается там, где «вещь» вдруг попадает в практические отношения, не востребующие ее «ценностных свойств». То же «золото», в качестве денег, не может быть использовано там, где нет товарных отношений и его «ценность» не будет определяться этой стороной практической деятельности. Поэтому

для человека; испытывающего жажду в пустыне и не имеющего возможности обменять наличное «золото» на глоток воды, оно не будет представляться «ценностью» и т. п. Или, предмет культуры, не доступный человеку, придерживающемуся иной культурной традиции, чем автор произведения, не будет являться «прекрасным» и т. п. То, в каком отношении предмет суждения оказывается «ценным» для обыденного субъекта, должно быть моментом его собственной деятельности, следовательно, и той практической ситуации, которая уже ранее складывалась в отношениях его к предмету, и это отношение выступает его собственным практическим значением, которое выражается в слове «ценность». Стало быть, та практическая ситуация, вытекающая из предшествующей осуществленной деятельности, сообщает значение ценностному предикату, но само суждение при этом не содержит никакой информации об этой практической ситуации. Именно потому, что для обыденного субъекта это, с одной стороны, практическое значение его прошлой, происшедшей деятельности очевидно, интуитивно ясно, а само это значение теперь уже как значение ценностного слова, или как значение предиката, номинативно не выражено и лишь подразумевается самим обыденным субъектом, тем не менее оно приписывается предмету,— вследствие этого двоякого обстоятельства — и интуитивной ясности предмета, и непредставленности предшествующих форм — ценностное суждение имеет видимый смысл только для данного обыденного субъекта и в тех пределах, в которых осуществляется его собственная деятельность. Если он приписывает «вещи» значение своего пристрастия, обусловленного предшествующей формой деятельности, то это пристрастие никак не содержится в именуемой «вещи», которой оно приписывается. Значит, только предшествующая деятельность, а не предметное основание ценностного суждения, является действительным основанием употребления ценностных предикатов.

Ценностные суждения базируются на прошлой, осуществленной деятельности, которая является действительным онтологическим основанием этих суждений.

ПРИМЕЧАНИЕ

В приводившемся выше высказывании **Протагора**, где он объявляет справедливое и несправедливое результатом общего мнения, он указывает и на действительность этого мнения «на такой срок, на который это мнение сохраняется» (Платон. Теэтет,

172 Б), — означающее лишь одно, что с изменением обстоятельств изменяется и мнение.

Демокрит:

От чего мы получаем добро, от того же самого мы можем получить и зло, а также средство избежать зла. Так, например, глубокая вода полезна во многих отношениях, но с другой стороны, она вредна, так как есть опасность утонуть в ней. Вместе с тем найдено средство [избежать этой опасности] — обучение плаванию (Материалисты, с. 156).

Вполне ясно, что характер наших действий придает личностное значение «вещи», которую субъект ценностно определяет.

Зависит «ценностный объект» от характера деятельности и у Эпикура:

Где с переменой обстоятельств ранее установленная справедливость оказывается бесполезной, там она была справедлива, пока приносила пользу в общении сограждан, а потом перестала быть справедливой, перестав приносить пользу (Диоген Лаэртский, X 153).

Секст Эмпирик:

Если бы мы заметили, что вода стала редкой, насколько показалась бы она нам более ценной, чем все, что мы считаем ценным. Или если бы мы вообразили себе, что золото брошено в большом количестве прямо на землю, совершенно как камни, то для кого, на наш взгляд, оно будет таким ценным или достойным сбережения? Итак, раз одни и те же вещи кажутся либо поразительными или ценными, либо вовсе не такими, смотря по постоянному или редкому их появлению, мы заключаем отсюда, что сможем, пожалуй, сказать, каковой кажется всякая вещь в связи с ее постоянным или редким появлением, но мы не в состоянии утверждать, какова в чистом виде каждая из внешних вещей (Пирроновы положения, I 143—144).

§ 39. Ценностные суждения входят в систему выбора предмета деятельности с позиции опыта предшествующей деятельности.

Таким образом обыденный субъект сокращает выбор предмета своей деятельности, если признает «вещь ценной» или «не-ценной» для себя. На самом деле шкала ценностного подбора «вещи» значительно шире: предмет может быть «хорошим — не-хорошим», «приемлемым — не-приемлемым», «допустимым — не-допустимым», «годным — не-годным» и т. п. Личностный заинтересованный характер отношения к предмету обнаруживается в том, что обыденный субъект признает или отказывается признать значение «вещи» для себя или устанавливает

ливаает несоответствие своих интересов с предметной ситуацией. Для этого используются и отрицательные ценностные суждения, чтобы отказаться от той или иной формы причастности к предмету. Природа ценностного суждения не изменяется, когда к нему добавляется отрицательный предикат. Такова уж природа отрицательной предикации, что она ничего не добавляет к предметному значению суждения, а следовательно, отрицательное ценностное суждение остается прежде всего ценностным суждением, то есть вначале приписывается предмету по видимости личностное значение, а затем уже к нему вторично приписывается отказ от этого значения как вроде бы отсутствия такового у «вещи». Но точно также обыденный субъект в поле зрения оставляет «вещь», хотя она становится обиталищем того, что ей не присуще, но как если бы присуще, а затем отказано в этом присутствии.

Альтернативная функция ценностного суждения в одинаковой мере за обеими противоположными формами оставляет возможность привносить в предмет суждения пристрастие обыденного субъекта.

ПРИМЕЧАНИЕ

Возможно, что в утверждении **Гераклита**: «Благо и зло одно и то же» (Аристотель. *Толика*, 159 Б 30), — содержится невольное признание одинаковости природы альтернативных ценностных суждений, несмотря на то, что в обыденной жизни люди, использующие альтернативные ценностные суждения, категорически расходятся друг с другом. Но может быть, он имел в виду то, что эти разные «вещи» относятся к одному и тому же предмету. Вряд ли что можно прояснить в античном тексте, но несомненно, что уподобление противоположных ценностных слов имеет смысл для раскрытия их логической природы.

«Знание лучшего и знание худшего — это одно и то же знание», — утверждает **Платоновский Сократ** (Федон, 97 d)

§ 40. Прошлая деятельность актуализируется при использовании ценностных наименований в суждении, представляемом предмет, в который привносится личностное значение.

Значение предиката вытекает из практических отношений, предшествующих ценностной предикации, а не из природы пред-

мета, который сам рассматривается только с позиции осуществленной в прошлом практической деятельности и который выступает по видимости носителем личностного значения обыденного субъекта. Это происходит потому, что личностные значения зависят от постоянно меняющейся деятельности, приходящей из прошлого и застывающей в ценностных суждениях, потому они виртуальны, изменчивы в пределах деятельности даже одного человека и разбросаны по способам употребления разными людьми. Высказывающий ценностные суждения обыденный субъект по этой причине одновременно выступает и как присутствующий субъект и как субъект прошлой деятельности, и только поэтому каждый человек, указывая на тот предмет, который ему кажется ценным, подразумевает что-то важное для себя, одновременно не отдавая отчета в основаниях своего определения, и каждый, употребляя одну и ту же форму, тем более не знает оснований ценностных суждений других людей. Таким образом, экзистенция, превращенная в личностное значение, и предмет находят друг друга, и ценностное суждение выражает это тождество, и в нем деятельность обыденного субъекта приобретает смысл, а предмет становится ориентиром для последующей деятельности. Ценностное суждение несет в себе и предметную представленность субъекту и вынесенность его, собственного, и привнесение этого собственного в предмет деятельности более открыто, чем в номинативном суждении. Угасшая в прошлом деятельность в ценностной предикации вспыхивает и озаряет актуальный момент и ситуацию, хотя является всего навсего мыслительной деятельностью. Освоенность предметного основания для обыденного субъекта такова, что когда он сталкивается со словом «ценность», то сразу же будет искать определенное предметное основание, с которым он попытается объективировать свои личностные значения. Само же личностное значение для обыденного субъекта не представлено как нечто данное и определенное, и оно остается не определяемым им, поскольку он определяет «вещь» с его помощью, и оно выражается только в ценностном наименовании, которое само служит средством определения все того же предметного основания. Виртуальность значения ценностного наименования такова, что его употребление даже безразлично к тем предметам, «атрибутом» которых оно является, так как ценностное наименование может быть присвоено любому предмету. Поскольку всякий предмет, выраженный суждением, есть превращенная форма собственности субъекта, а значит, к каждому из них реализовано собственное отношение обыденного субъекта. Поэтому он и не воспринимает различие суждений типа «золото желтого цвета» и «золото ценно». Собственно почему каждый из

этих атрибутов, с точки зрения обыденного субъекта, не может принадлежать указанной «вещи»?

Всякий предмет, являясь объективированием экзистенции в прошлом, в актуальном логическом плане объективирует личностное значение ценностного высказывания.

§ 41. В реальной языковой практике обыденный субъект пользуется исключительно широко классом наименований для оценки любых предметов, и многие из них не могут заменить друг друга.

Так если обыденный субъект имеет дело с предметом, инкрустированным драгоценными камнями, и может судить о нем, как предмете «прекрасном», то к этому же предмету не подойдет такое определение как «добрый», «справедливый». Но тут же можно убедиться, что рядом существуют ценностные наименования с более общим значением, и они подойдут и к «прекрасной вещи» и к «мудрому человеку», и к «честному поступку»: обыденный субъект будет считать их «благом» или «ценностью», и они для него «имеют значение». Более общие ценностные наименования отвлечены от специализированного употребления, и их значения выражают только личностные значения, лишенные каких бы то ни было специфических окрасок той или иной предметности, той или иной сущностной силы. Но только таким образом «ценность», как носитель личностного значения, может выражать пристрастное отношение обыденного субъекта вообще, и только так оно получает возможность быть объективированным в любом предметном основании и во всем предметном основании в целом. Поэтому ценностное суждение, взятое в предельно обобщенной форме, способно отнести обыденного субъекта к миру в целом: вся действительность в целом есть «ценность» — для обыденного субъекта. Но ряд специализированных ценностных наименований может быть приписан только определенному предметному основанию, за пределы которого не имеет смысла. Такие специфические предметы открываются обыденному субъекту как реализация его отдельных сущностных сил, и чем более специфичны последние, тем более специфичен предмет их реализации. В наименовании «ценность» обыденный субъект выражает экзистенциальную сферу вообще, потому и предмет берется как всеобщее предметное основание, и потому предмет ценностного суждения может быть любым предметом, в котором объективируется его общее личностное основание. Обыденный субъект, имея в ка-

честве предшествующей деятельности возможность пользоваться оценочными наименованиями «гармоничность», «полезность», «истинность» и т. п.— одновременно открывает за ними специфическую предметную видимость, отсюда создается впечатление, что сами эти ценностные предикаты обладают предметным значением. В обыденном же наименовании «ценность» отражена лишь абстрактная констатация субъектом своего заинтересованного отношения к предмету без указания на его специфику. Поэтому обыденное наименование «ценность», как одно из средств выражения личностного значения, может быть отнесено к довольно высокому уровню мыслительной деятельности обыденного субъекта. Хотя оно и обыденно по своей природе, но в нем личностное значение отвлечено от специфики конкретного вида человеческой деятельности, и поэтому обыденный субъект употребляет его не в каком-то конкретном отношении, например, экономическом (польза, стоимость), нравственном (добро), эстетическом (красота), социальном (справедливость), религиозном (божественное) и т. п., а выражает свое личностное отношение вообще. В суждении, употребляющем наиболее общий ценностный предикат, представлено в качестве тотального предмета «все что угодно», и в этой форме он будет нести объективированные в прошлом любые из экзистенций или все возможные экзистенции вкупе, а в качестве предиката может быть приписано ценностное наименование с тотальным личностным значением, выражающим в свою очередь те же самые любые из экзистенций или все их вкупе. Таким образом, вся экзистенциальная сфера в целом, представленная предметом суждения, здесь встречается сама с собою, выраженной предикатом, и здесь соединяется сама с собою и узнает себя в себе, как человек, встречающийся со своим изображением в зеркале, узнающий что он есть сам собою, и он видит, что это тоже он сам, но не совсем сам, а только свое удвоение. Природа «ценности» как такового объекта, который используется в реальной повседневной, обыденной жизни, заключается в том, что этот объект имеет сугубо логическую природу, то есть является наименованием, за употреблением которого стоит опыт практического овладения вещью. От того, что актуализация есть только употребление наименования, прошлый опыт не становится менее действенным, напротив, его действенность переносится в актуальный план употребления ценностных наименований и переносится достаточно навязчиво, хотя форма актуализации не соответствует форме действительной оболочки прошлой практической деятельности, тем не менее она связывает актуальные логические средства с предметным характером деятельности, и употребление логических средств, не совпадая с характером

предшествующих форм деятельности, все равно воспроизводят последний — по видимости. Надстраивающийся над прошлой деятельностью актуальный процесс объективирования личностных значений на поверхности человеческой деятельности представляет собой логическую деятельность с такими средствами как ценностными наименованиями, следовательно, существование «ценности» как логического объекта выражается в его логической природе — быть только наименованием, и употребляться на месте предиката, хотя обыденный субъект не представляет себе, чем может быть такой объект, кроме как «вещью».

Личностное значение наименования «ценность» в суждении обыденного субъекта воплощает абстрактно осуществленную деятельность, отвлеченную от специфических форм проявления в прошлом.

ДОБАВЛЕНИЕ

Может быть, при употреблении наименования «ценность» в теоретических текстах отражается то обстоятельство, что это слово возникает в более поздний и зрелый период человеческой мысли, если заметить, что «ценность» становится предметом теоретического анализа лишь в конце 19— начале 20 вв., тогда как до этого времени его обобщенным аналогом выступали другие слова, более всего «благо», но очевидно, что «благо» несет в себе частный оттенок «нравственности».

§ 42. В онтологическое основание употребления ценностных наименований входит общая деятельность людей, — выраженная обычаями, традициями, законами.

Хотя в ценностном суждении обыденный субъект выражает свое личностное отношение, но в качестве предшествующей деятельности здесь же воплощается общественный ее характер. Но так же как вся предшествующая деятельность находится в суждении в превращенной форме, то и общественный характер этой деятельности так же актуализируется в этой форме. Совсем не потому предмет разными людьми оценивается одинаково и получает ценностные суждения, что его природа такова, но только то, что в нем реализуется такая предшествующая деятельность, которая в прошлом имела общий характер. Это же не отменяет и другого обстоятельства, согласно которому оцен-

ка индивида может не совпадать с общим мнением многих, но это объясняется тем, что общественный характер деятельности преобразован личностью, и он всегда выступает только как его собственное, произведенное им самим, а значит, личностное значение. Потому только и упрочивается социальный опыт в ценностных суждениях, что он воспринимается обыденным субъектом как его собственный продукт, и высказывание данного суждения представляется таким естественным, что кажется, что и все другие, кто бы ни оценил предмет, должны судить точно так же. Ценностные суждения потому категоричны, что обыденный субъект, приписывая предмету значение особого ценностного «атрибута», настаивает на его общем для всех характере. Не права логика средних веков, называя номинативные суждения «категорическими», ибо нет более категорических суждений, чем ценностные. Об этом знает платоновский Сократ, говоря, что люди договорились бы о четных и нечетных числах, но о том, что справедливо, договориться не могут. Но и свое несогласие с чьими бы то ни было мнениями обыденный субъект высказывает ценностными суждениями, они в той же мере объективируют его собственное личностное значение.

Общественный характер обыденной деятельности актуально обнаруживается в превращенной форме как собственное, личностное значение обыденного субъекта.

§ 43. Наиболее общие ценностные наименования имеют беспредельно широкое предметное основание и беспредельно широкое личностное основание и выражают в себе возможность оценивать все что угодно.

Если ценностный атрибут затрагивает «вещь», то добавляется ли что-либо к континиуму атрибутов этой «вещи»? Если предметная видимость ценностного суждения с беспредельным основанием остается в сфере употребления обыденного субъекта, то само это предметное основание становится окрашенным пристрастием обыденного субъекта: весь мир для него может быть ценным. Таким образом, чтобы представить все моменты в употреблении ценностных предикатов, необходимо включить в область их употребления: все предметное основание человеческой деятельности — «все что угодно» или «все что-либо»; логическое основание — предикацию особым ценностным «наименованием»; личностное основание — самого обыденного субъекта, творящего бытие своих собственных продуктов, обладающих личностным значением — «кто-либо». Здесь не ука-

зано онтологическое основание употребления ценностных предикатов, но только потому, что в актуальном плане обыденной деятельности оно не лежит на поверхности. Короче говоря, в область употребления ценностных предикатов включается предметное, логическое и личностное основание обыденной деятельности.

К области употребления ценностных наименований обыденной деятельности относится «употребление наименования кем-либо о чем-либо».

§ 44. Обыденный субъект в одинаковой мере относит к «вещи» и номинативные, и ценностные суждения.

Обыденный субъект не различает формы употребления того или иного суждения, поскольку каждое из них по-своему является формой овладения «вещи». К тому же и природа осуществляющихся логических функций в каждом суждении неизменна и в процессе реализации не требует от обыденного субъекта изменения точки отсчета каждого акта деятельности. Но в номинативных суждениях умертвлены экзистенции практического субъекта, и они выступают бесстрастными констатациями положения «вещей». А каждое ценностное суждение выражает актуальное состояние обыденного субъекта, несущего живое из прошлого, и он не может безразлично относиться ни к предмету высказывания, ни к тому уровню овладения «вещью», — который выражен в предметном основании, ни к тому, как посредством ценностных суждений овладевают «вещью» другие люди. Однако результатом не безразличного самоотношения являются конкретные действия, но не обращения к логической природе мышления, таким образом, происходит возвращение к практической области, или согласование системы констатаций, выраженных номинативными суждениями, с оценками, выраженных ценностными суждениями, в пределах обыденной деятельности.

В результате совокупной обыденной деятельности, использующей и номинативные и ценностные суждения, обыденный субъект представляет не только позицию вещей, но свою собственную позицию по отношению к вещам.

ПРИМЕЧАНИЕ

На различие номинативных и ценностных суждений указывает **Платон**:

Если бы мы разошлись во мнении относительно большего и меньшего размера предмета, то, занявшись измерением, мы быстро прекратили бы спор... (Евтифон, 7 с).

Итак, каждый, считая что-либо прекрасным, добрым и справедливым, именно это и любит, противоположное же ненавидит...

Из-за этих-то споров между ними и происходят междоусобицы и войны (7 е).

§ 45. Обыденный субъект может использовать всю свою логическую деятельность фиксированно, то есть включаться в практическую ситуацию и судить о том, с чем он сталкивается.

Суждение о наличных вещах возвращает деятельность обыденного субъекта к положению практического субъекта и к актуальным фиксированным логическим действиям. Поэтому постфиксированные суждения не затрагивают природы обыденной деятельности. Однако, становясь снова практическим субъектом, он становится им только по видимости. На самом деле это означает, что опыт предшествующей обыденной деятельности переносится на вещи не только через материально повторяющиеся действия, но и мысленно, по видимости, через комбинаторные и конструктивные действия с логическими объектами. Этот процесс превращения обыденного субъекта, по видимости совпадающего с практическим субъектом, сообщает последнему, его материальным действиям то содержание, которое несут в себе превращенные формы предшествующей, теперь уже логической деятельности, рационализирующие формы материальной деятельности, предопределяющей выбор тех действий, которые приводят к более весомым результатам по овладению вещи. Если раньше это осуществлялось только в рамках непосредственной вещественной деятельности, то теперь это происходит и опосредовано, через мыслимую конструктивную модель преобразования «вещи», в качестве которой выступает суждение. Таким образом, происходит замыкание логического процесса: вещь—видимость вещи—вещь. Или: практическое овладение вещью—именование вещи—суждение о «вещи»—вещь как предмет фиксированного суждения. В последнем пункте сталкиваются два актуальных процесса: наличная предметная ситуация удостоверяется путем реализации способностей представлять предмет и наложение на нее той видимости, которая открывается суждением. Мера наложения определяется только самим субъектом, и в этом случае он сопоставляет две формы предшествующей деятельности: одна—реализация способности представлять предмет, другая—способность открыть видимость предмета за суждением. Но так как та и дру-

гая способность опирается на предшествующие формы деятельности, то эти превращенные формы в пределах субъекта есть одна и та же деятельность. Но таким образом и происходит совпадение или приведение к совпадению непосредственно видимой предметной ситуации с суждением. На поверхности это выглядит так: субъект просто высказывает суждение о наличных вещах, а все, что обеспечивает совпадение суждения и предметной ситуации, заключено в скрытом виде и не представлено самому субъекту суждением, потому что это не требуется из-за наличия в ситуации или по видимости прошлых форм, а обыденному субъекту свойственно иметь в суждении только направленность на предметную видимость.

Высказывание о наличной предметной ситуации не изменяет природы обыденного субъекта, но дает ему возможность освоить не только вещь с помощью суждения, но и суждение с помощью вещи, что является двумя сторонами, совпадающими в едином акте суждения — представленности вещи и представленности высказываемости о вещи.

§ 46. Обыденный субъект производит оценку и собственной деятельности, сравнивая ее с деятельностью практической.

Обыденный субъект производит предикации любой «вещи», но в силу их произвольности не все предикации будут являться такими, которые бы отвечали представлениям самого обыденного субъекта о «вещи», тождественной видимости субъекта практического, видящего в любых проявлениях «вещи» одновременно и ее «атрибут». Степень соответствия имени и предиката, когда обыденному субъекту увидится, что из значения имени вытекает значение предиката, на самом деле обнаруживается как тождество вещи и атрибута, и обыденный субъект, используя свой опыт, устанавливает «верно» ли такое соответствие, «правильно» ли оно, «истинно» ли оно. Используя видимость вещи как преобразованной вещи и возможный континуум ее атрибутов, обыденный субъект всегда установит область приемлемых значений «вещи» и «атрибута», отождествленных друг с другом обыденным суждением. Однако обыденный субъект никогда не станет уточнять, к чему относится оценочный предикат «правильно», «истинно», так как у него видимость «вещи» предопределяет это представление: для него актуальное логическое выражение, указывающее на «вещь с атрибутом» и будет представляться «истинным», но не само логическое выражение, а только открытая для видимости этим суждением

«вещь» и «атрибут». Таким образом, обыденный субъект оставляет без внимания то, что оцениваться им будет в конечном счете осуществленная им же самим предикация, и то, включается ли она в ограниченную область предикаций, или то, насколько его собственная предикация произвольна, что превышает эту практическую меру ограниченного континуума атрибутов полагаемой «вещи». Например, «птица летит» — для обыденного субъекта предикация вполне соответствует ограниченному континууму атрибутов данной «вещи». Но «курица летит» нарушает это соответствие и превышает уровень допустимого континуума атрибутов. Первое суждение вполне будет «истинным», а второе «неистинным» для того же субъекта. То, что он ограничивает континуум атрибутов, вполне определяется практической ситуацией, когда обыденный субъект вынужден использовать наименования фиксированно. «Стоит день» — «сейчас истинно», через два часа — «неистинно». Следовательно, само суждение по природе своей не является истинным или неистинным, а осуществляет всякую, любую из возможных, а потому и самую невозможную предикацию, а любая оценка «истинно» есть продукт обыденного субъекта, есть видение сферы употребления и ограничения произвола предикатирования. Он, который оставляет только за собой право относить оценку к предмету, как ему кажется, на самом деле относит ее к произвольности предикации и ограничивает ее теми или иными условиями, ведь предикация остается самой собой — это приписание любого «атрибута» любой «вещи». Это обыденное обращение к процессу своей предикации не обнаруживается им и содержит полную видимость «истинности вещи», при условии, что она имеет такой «атрибут». Обыденный субъект не разбирает: фиксированная это область применения суждения или нефиксированная, какое значение имеет имя и предикат, — самое большее, что он себе позволяет, это самодовольствование своей предикацией, называя «истинной», но не саму предикацию, а «вещь», представляемую суждением. Суждение воспроизводит как вполне возможную только предполагаемую область употребления. В ней воспроизводятся детали, делающие ее правдоподобной, включаются мотивы, условия и т. п. Оценка «истинность» может быть неоднозначной: в случае применения к области допустимых значений и к области фиксируемых значений. «Птица поет» — вполне «истинно» для обыденного субъекта с точки зрения обыденного субъекта, но «курица поет» — бессмысленно и «неистинно», хотя здесь налицо противоречие между областью допустимых и фиксированных значений. Но область допустимых значений выбирает обыденный субъект, и он не воспринимает как трагедию произвольность своих пре-

дикаций, заменяя их другими, более приемлемыми. Функция оценки «истина» возникает не из логической природы суждений обыденного субъекта, а как всякое ценностное слово оно приобретает значение из предшествующей деятельности и характеризует степень овладения «вещью» с помощью суждения. Суждение, как деятельность по видимости, не имеет наличной вещи и поэтому располагает только областью допустимых значений, и их видимость восполняется дополнительным суждением с предикатом «истинность», то есть признается смысл за всякой нефиксированной логической деятельностью для обыденного субъекта. Поиск обыденным субъектом рамок для своего мышления — «истинно-ложно» — можно сравнить с попытками шагать только определенной мерой шага. И следует из этого, что нельзя признать «шагающим» того, кто шагнет на один сантиметр больше или меньше. «Проблема истинности» является фантастической выдумкой теоретического мышления. Это проблема обыденная, житейская, и в каждой области она решается своими средствами повседневно и обыденно.

Оценочный предикат «истина» не добавляет к природе суждения обыденного субъекта о вещи ничего, лишь раскрывает сферу ограничений своей собственной деятельности, природа которой заключена в произвольности предикации.

ПРИМЕЧАНИЕ

Платон указывает на оценочный характер логических действий по отношению к самим суждениям:

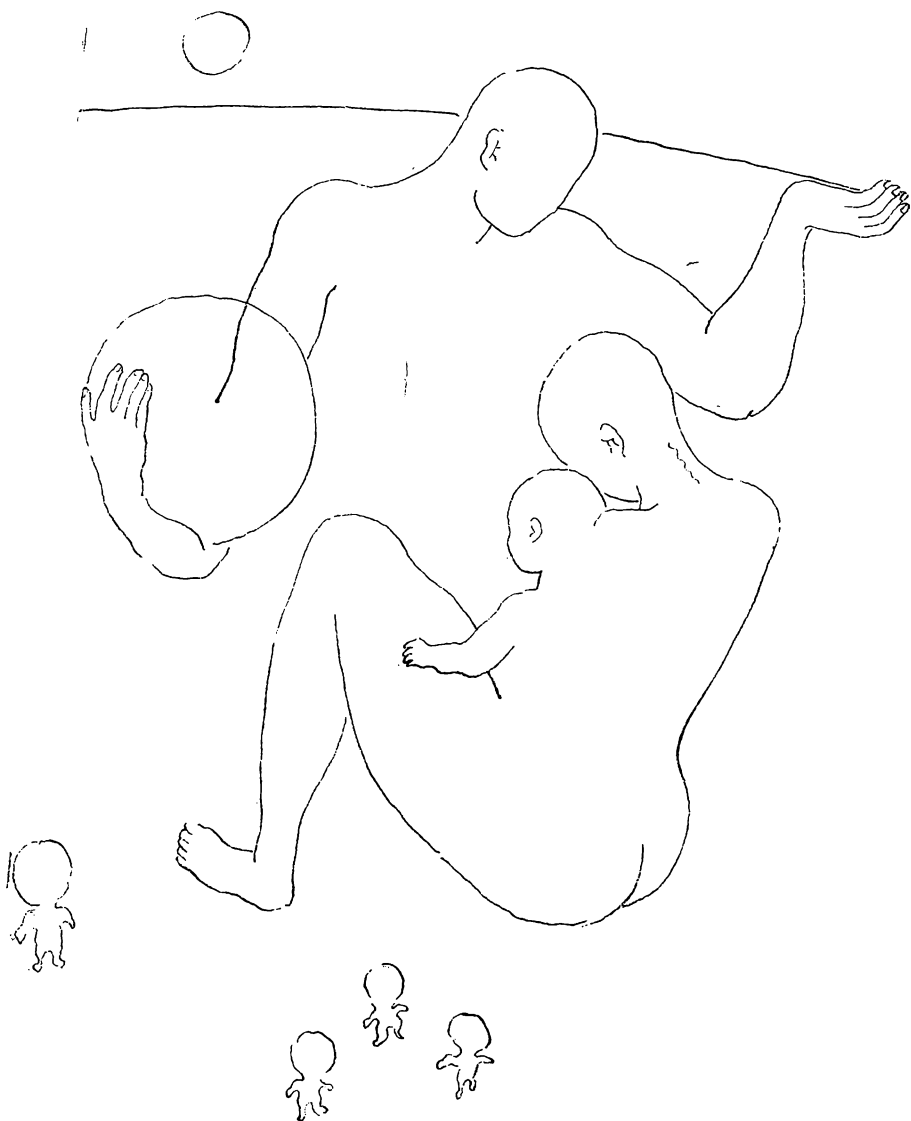
Если ты, составив о чем-то суждение, объявишь мне свое мнение об этом, то пусть даже оно будет истинным для тебя, нам-то или другим нельзя разве судить о твоём суждении? (Теэтет, 170 d).

§ 47. Предметом суждения обыденного субъекта становится и сам способ овладения вещью.

Поскольку суждение может рассмотреть что угодно, то в этом качестве приличествует выступить и способам действия субъекта по овладению вещами: «возьми», «встань», «принеси» и т. п. Вместе с осуществлением своего намерения обыденный субъект показывает, что необходимо делать, а акцент на способ действия осуществляется грамматическим выделением предикации. Предмет уходит из суждения на задний план, воспол-

няемый наличествующей ситуацией, а потому вполне ясный для обыденного субъекта, тогда как предикация становится главным условием этого акта логической деятельности. В подобного рода суждениях-повелениях, суждениях-предписаниях все остается на своих местах: а именно, способ действия, всегда являясь «атрибутом», воспроизводится предикацией, приспособленной к действующему лицу как предмету высказывания. Но что более важно, логический процесс подобных суждений прежде всего связан с областью личностных значений; для чего необходимо произвести то или иное действие? Но эта область логически не представлена даже самому обыденному субъекту в суждении, так как в цели деятельности его не входит определение того, зачем он производит те или иные действия, ибо они ему интуитивно ясны. Если обыденный субъект обращается к практической области и указывает на вещь, то, следовательно, в логической форме вывел из небытия свою прошлую деятельность, и таким образом он показал, что знает, как нужно поступать с предметом. Отсюда обыденному субъекту открывается видимость долженствования, которое есть не что иное, как концентрация его опыта и актуализация его сущностных сил для выполнения каких-либо практических действий.

Форма суждения обыденного субъекта,— выражающая долженствование его деятельности, есть установочное суждение.

АКСИОМА — ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ — «установочного суждения»:

всякое повеление есть сфера долженствования деятельности самого субъекта.

Следствие аксиомы

Обыденный субъект, хорошо представляя, что нужно делать в том или ином случае, не видит, что способы деятельности предопределены его прошлым опытом, но ему открывается видимость, что предмет его действий предопределяет эти способы деятельности и что он сам принимает решение каким образом овладеть вещью.

§ 48. Использование наименований по отношению к практической деятельности показывает, что они являются неоднозначными в силу расчлененности практической деятельности на прошлую и актуальную.

Любое использование наименований является результатом всех прошлых практических превращений. Но по отношению к актуальной практической деятельности обыденная деятельность может ей предшествовать, именно как обобщенный результат прошлой деятельности. Поэтому всякое логическое преддействие есть воспроизведение и конструирование актуального действия, на самом же деле это есть воспроизведение прошлой деятельности. Но обыденному субъекту кажется, что, прежде чем заняться практической деятельностью, он совершает логические действия, то есть попросту обговаривает характер своих будущих дел, то из его словес возникает нечто материальное, вещественное. Однако и на самом деле порядок логической деятельности отличается от того, как происходит предшествующая практическая деятельность. Этот порядок обусловлен производимыми предикациями, которые создают кажущееся нечто отличное от того, что происходит в жизни. Но точно так же последующий порядок практических дел будет отличаться от того, как протекает обыденное мышление, способствовавшее формированию новых способов овладения «вещью».

Как бы ни было развито обыденное мышление, практическая деятельность остается онтологическим основанием всякого логического действия.

ПРИМЕЧАНИЕ

Скептики — представители античной мысли, наиболее глубоко заглянувшие в сферу субъективности — так провозгласили первичность практических действий перед всякой словесной деятельностью:

Ведь и собака, когда выслеживает зверя по следу, пользуется знаками. Но для этого она не пользуется суждением «Если это след, то зверь здесь». И конь от прикосновения слепня или удара бича прыгает и обращается в бегство, но не пользуется диалектически таким умозаключением: «Если протянут бич, то мне надо бежать» (Секст Эмпирик. Против логиков, II 271).

§ 49. Какие бы формы суждения ни применял обыденный субъект, его деятельность остается только логической и только открывающей видимость вещи.

Обращение к практической деятельности и постоянная возможность обращать нефиксированные формы логической деятельности в фиксированные показывают, что обыденная логическая деятельность не выходит за рамки предметной видимости и нацелена на овладение «вещью», хотя это владение осуществляется по видимости, то есть логически. Тем не менее, указанные формы логического превращения вещи не исчерпывают возможности дальнейших логических трансформаций, однако исчерпывают возможности обыденной деятельности, которая не может выйти за пределы видимости вещи. Изменение направленности деятельности происходит тогда, когда полученные формы ее становятся вновь предметом преобразования. Таким предметом становится наименование, которое у обыденного субъекта остается лишь средством деятельности: какие бы наименования обыденный субъект ни применял, предметом его деятельности является «вещь», хотя и по видимости. Используя суждение, а следовательно, и произвольность предикации, он любые наименования превращает в предмет своей деятельности. Но как только обыденный субъект в качестве предмета берет логическую оболочку наименования, то он изменяет своему предмету — вещи по видимости — и имеет в этом качестве наименование и только наименование как логический объект, — но тем самым он изменяет и свою природу.

Как только наименование становится предметом мыслительной деятельности, так эта деятельность становится другой деятельностью — эмпирической, а ее субъект — другим субъектом — эмпирическим субъектом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАЗУМНЫЙ СМЫСЛ ЭМПИРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

§ 1. Обыденный субъект пользуется разнообразными логическими средствами для именованя всевозможных вещей и некоторыми из этих средств именуется саму возможность «именования каких-либо вещей».

Обыденный субъект приобретает возможность именовать собственный процесс именованя, хотя в основе его деятельности лежит овладение «вещью». Поскольку все становится для него «вещью», то и его собственные продукты тоже: и сам процесс именованя, и его средства. Овладевая «вещью» — теперь уже логически, — он и не заметил, как в качестве «вещи» овладевает и самим собою, и средствами своей деятельности, превращая все на своем пути в «вещи». Область его деятельности расширена настолько, что уже включает то, что «вещью» в строгом смысле назвать нельзя, но представляется в этом качестве по видимости. В результате тотального обнаименования расширяется внешнее основание его деятельности, и все становится предметом его внимания, раз он получает возможность, превращая в «вещи» все что угодно, представлять объектами своей деятельности, в том числе и сотворенное им же самим. Последнее он называет «словом», «именем», «логическим объектом» и т. п., точно так же, как и их использование называют «мышлением», «разумом» и т. п. Все эти «вещи» представлены данному субъекту, как и любая другая «вещь» в своих собственных наименованиях. Таким образом, его наименования получают свои «наименования» в ходе актуальной деятельности, не имеющей дело с вещами. Хотя «наименование» наименований ощутимо для него не является вещью, пусть даже если он пользуется ими как «вещами», он потому перестает быть тем субъектом, который постоянно имеет дело с «вещами» как с вещами, поскольку называет то, чем он сейчас пользуется, «словом»,

«мышлением», предполагая их отличие от вещей. Став другим субъектом — эмпирическим, — он начинает различать то, что он занимается не совсем «вещами», сколько «словами». Тем самым он формирует предмет своей новой деятельности, которым является наименование вместо вещи. В то же время называя каждое наименование «словом», эмпирический субъект не может не быть обыденным субъектом, так как использует те же самые логические средства, и ему открыта та же предметная область, что и обыденному субъекту. Эмпирический субъект берет из обыденной деятельности наименование и превращает его в предмет своего рассмотрения.

Предметом деятельности эмпирического субъекта является наименование, взятое из обыденного употребления.

ПРИМЕЧАНИЕ

Очень похож на эмпирического субъекта платоновский законодатель — учредитель имен, который их творит «и знает это искусство»:

Создавая и устанавливая всякие имена, он должен также обращать внимание на то, что представляет собою имя как таковое, коль скоро он собирается стать полновластным учредителем имен (Кратил, 389 I).

§ 2. Выбор наименования в качестве предмета рассмотрения опирается на видимость, открываемую эмпирическому субъекту обыденной формой употребления.

Всякое наименование, взятое из обыденного словоупотребления, теряет область употребления — ее нет в актуальной деятельности эмпирического субъекта, намеренного рассмотреть; что представляет из себя то или иное слово, осмысливающего то, с чем он имеет дело. Эмпирический субъект участвует в новом логическом превращении: средства деятельности обыденного субъекта он превращает в предмет своей деятельности, а так как они, как наименования, что-то значили в обыденной деятельности, то невольно открывается возможность рассмотрения этого обозначаемого, и тем самым происходит отождествление новоявленного предмета с тем, что имелось в предшествующей, обыденной деятельности в качестве наименования. Утрачивая формально указание на «вещь», наименование как предмет деятельности эмпирического субъекта продолжает удерживать видимость вещи, но по сути все-таки он продолжает или, может быть, только начинает понимать, что это лишь

«слово», что это не вещь, что ему нечто открывается и понимается при этом. Но в этой видимости эмпирического субъекта нет представления о логической природе того, чем владеет сам эмпирический субъект.

Эмпирический субъект, использующий обыденную оболочку наименования, производит своим выбором предмет своей деятельности — слово.

ПРИМЕЧАНИЕ

Тема становления эмпирического субъекта, использующего не обыденные наименования, а слова, заявлена Платоном. В диалоге «Алкивиад I» Сократ спрашивает юношу, знает ли он, что такое «справедливость» и «несправедливость», но добивается от него только то, что он совсем маленьким уже знал это, когда его обижали. Здесь Сократ, как субъект, вполне владеющий словами, предлагает другим встать на путь овладения ими. Аналогичным образом в другом диалоге юноша-раб, не зная математических определений, посредством пропедевтической беседы подходит к пониманию этих определений.

В самом деле, интрига подавляющего большинства диалогов Платона заключена в провоцировании обыденного субъекта к тому, чтобы тот превратился в субъект эмпирический, задумывающийся над основаниями своей логической деятельности. И в диалогах на первый план выходят ценностные слова, широко употребляемые в повседневной жизни, но имеющие виртуальные значения. Схема развития действий таких диалогов созвучна только что приведенной, и в этом смысле она традиционна для Платона: действующими лицами становятся любые, будто бы случайные прохожие. Провокация Сократу явно удастся, так как люди обычно употребляют слова, но распоряжаться ими не могут и все время попадают впросак, соглашаясь с той или иной трактовкой навязанного им слова, — трактовкой, также заведомо навязанной и предвзятой. Сократ тем самым получает право на сентенцию, после того как не удастся открыть однозначного смысла употребляемых слов: как же ты собираешься поступать справедливо, если даже не знаешь, что такое справедливость, но уж если это так, то хотя бы надо к ней стремиться.

Другое распространенное у Платона слово — эйдос. Оно как бы ни стремилось оторваться от «вещи», все равно постоянно связывается с ней: то с наименованием «вещи», то со словом «вещь», то со словом «слово». Но различает ли Платон все эти формы употребления своих логических продуктов?

§ 3. Эмпирический субъект употребляет слово, а то, что подразумевает за ним, выражено точно так же как в обыденном наименовании.

Но эмпирическому субъекту открывается видимость вещи, хотя он пользуется словом и утверждает его логическую оболочку. Та же видимость, которая открывается ему, перекрывается и перечеркивается тем, что фиксируется им как наименование. Предположим, «народ» — это наименование, равным счетом ничего не говорящее о том, что подразумевается под этим наименованием. Эмпирический субъект пользуется опытом обыденного субъекта и представляет, что наименование есть всегда наименование чего-то. Поэтому слово «народ» есть всегда «слово о народе». Когда субъект знает слово, он его просто употребляет; слово раздваивает представление эмпирического субъекта, и он затрудняется дать отчет: словесной ли оболочкой он пользуется при этом или же «вещью», пусть даже по видимости. Если он пользуется логической оболочкой как наименованием, то о какой «вещи» может идти речь? Если он продолжает указывать на «вещь», тогда зачем он направляет свои усилия рассматривать все это именно как слово, а не просто употребляет какие придется наименования. Но именно поэтому он направляет свое усердие на логическую сторону слова, что открывает для себя его логическое бытие, а затем уже стремится увидеть, что же кроется за ним. От этого видимость вещи становится более ущербной и призрачной, что начинает скрываться за новой формой предмета — логической природой слова.

В выяснении того, чем пользуется эмпирический субъект, когда употребляет слово, и заключается эмпирическая деятельность.

§ 4. Исходным пунктом появления слова является обыденное наименование, а поэтому слово не может не нести в себе глубокого отпечатка вещи.

В обыденном употреблении наименование используется в значении «вещи» или «атрибута». Если любое из них стоит на месте имени, то продолжает быть «вещью» в качестве предмета суждения, если — на месте предиката, то любое из них приписывается какой-либо другой «вещи». Но слово лишено возможности указывать на «вещь» в силу того, что эмпирическому субъекту открывается его логическое бытие. Что такое

«народ» или, скажем, «тяжесть»? Понятно, когда утверждается: «народ собрался» или «тяжелая работа» — это обыденные суждения. Но «тяжесть» или «народ» как таковые — это уже не столько «вещь» или способ указания на «вещь»; для эмпирического субъекта это что-то более того. Это — слово, выступающее в своей словесности. Эмпирический субъект не дает пока разъяснений, он только еще предуготовливается к этому. И собирается сделать это следующим образом. Если наименование, став словом, перестает указывать на «вещь», то эмпирический субъект привлекает и подтягивает «вещь» к этому слову. Следовательно, не относясь к «вещи» непосредственно, как обыденный субъект, он начинает относить «вещи» к слову, то есть совершает логический процесс, обратный обыденному, когда логический объект относился определенным образом к «вещи». Но слово, сохраняя логическую оболочку наименования, продолжает относиться к обыденной видимости так, что эмпирический субъект полагает, что он пользуется при этом тем, чем пользуется обыденный субъект, хотя утрачивает основания обыденной деятельности, ибо его не интересует «чем занимается народ» и «какая это тяжелая работа», а его интересует «народ как таковой» и «тяжесть как таковая». Как наименование, логический объект указывает на «вещь», имея любое из логических значений, субстантивное или атрибутивное, как одноименное слово — указывает на наименование как таковое, ставшее «словом как таковым». При этом утрачиваются основания обыденной деятельности и происходят глубокие трансформации с логическим объектом, который одновременно является и наименованием и словом, и который в разной деятельности имеет теперь уже разные функции.

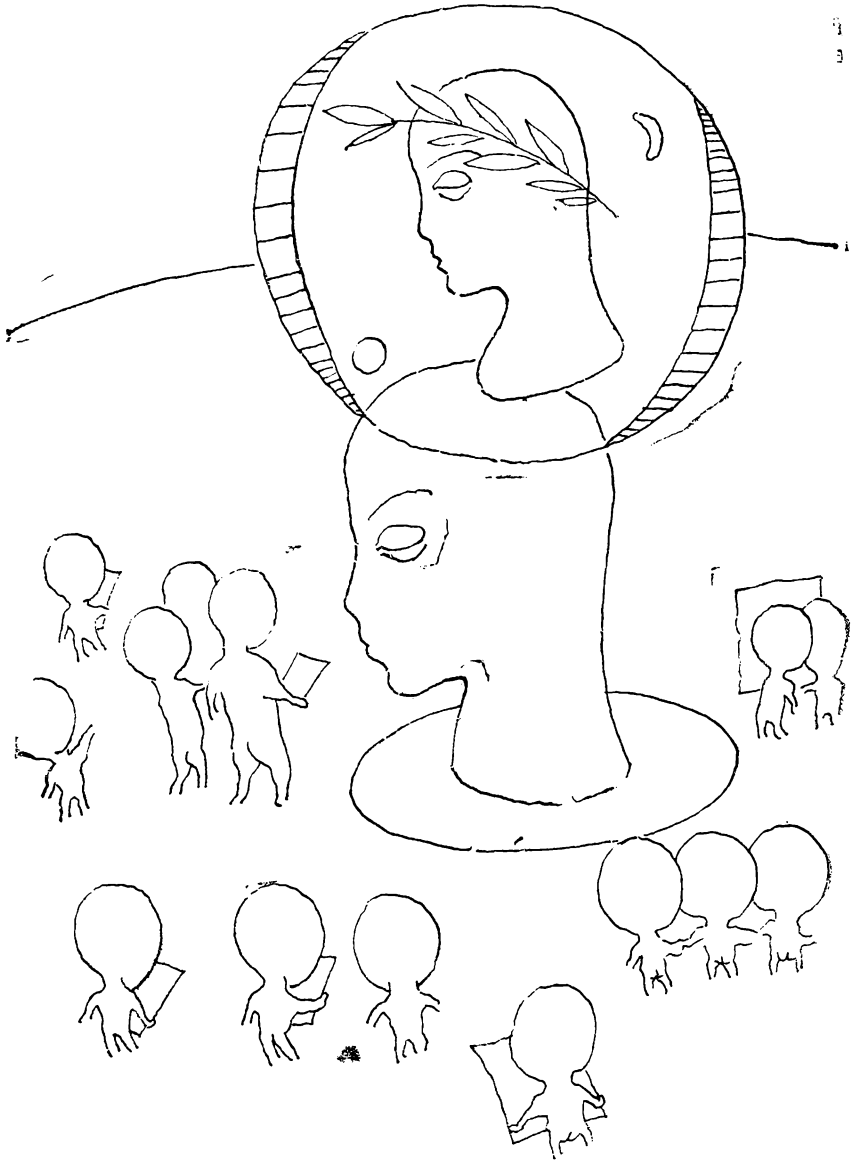
Предмет эмпирической деятельности является исключительно производным от деятельности эмпирического субъекта, лишаящего слово его обыденного основания и обыденных функций и превращающего обыденное наименование в слово как таковое, в предмет как таковой.

§ 5. Эмпирический субъект не выясняет обстоятельств своей деятельности: он держит в поле своего зрения слово как таковое.

На самом деле, эмпирический субъект не рассматривает основания своей деятельности: ни источник возникновения слов, ни то, как он собирается обходиться со словами, ни характер

3
3

своих действий и отличие их от деятельности обыденного субъекта, когда он берет слово как таковое. Главное же то, что он не видит своей роли: того, что он производитель слова, что оно его собственность в полном смысле — собственность, произведенная им самим. Поскольку за словом ему открывается видимость вещи — в то же время эта видимость выступает как логический объект, — то он раздваивается между логической формой слова и «вещью», видимой им в сумеречной глубине всех предшествующих логических превращений. Поэтому пользование словом для эмпирического субъекта всегда двусмысленно, часто неопределенно, загадочно, а то представляется и неразрешимой тайной.

Эмпирический субъект, унаследовав все предшествующие формы деятельности, представляет за словом в превращенном виде исходную форму — вещь — как иллюзию, как превратное, искаженное представление своего собственного логического бытия.

ПРИМЕЧАНИЕ

Платоновский Сократ о природе иллюзии:

У тех, кто имеет неверные мнения о существующем и поддается обману, причина их беды — какое-то подобие между вещами (Федр, 262 В).

Секст Эмпирик приводит высказывание киника **Монима**, называвшего иллюзии мнениями «о несуществующем как о существующем» (Против логиков, II 6).

У Декарта:

Мы можем обманываться только тогда, когда вещи, в которые мы верим, некоторым образом составляются нами самими (1, 122).

Иллюзия эмпирического субъекта — первая

Эмпирический субъект собирается выяснить, что кроется за употребляемым им словом, а на самом деле он создает, производит слово посредством выбора логического объекта среди наименований, создавая новую логическую форму.

АКСИОМА — ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ —

«тождества слова и наименования»:

всякое слово имеет своим источником происхождения наименование.

Следствие аксиомы

Эмпирический субъект не различает наименование и слово, поскольку для него и то и другое в одинаковой мере являются указаниями на вещь, хотя может быть только и видимую.

§ 6. Из области обыденного употребления словом утрачивается все, кроме логической оболочки и видимости вещи, претерпевшей изменения.

Логическая функция эмпирического предмета тождественна именной функции обыденного суждения: первая утверждает предмет как таковой, вторая утверждает «вещь» в любой логической форме, в форме субстантивного или атрибутивного наименования. Следовательно, предмет эмпирического субъекта унаследует от «вещи» ее субстанциональный смысл и по сути является еще одной превращенной формой вещи практического субъекта, что и открывается эмпирическому субъекту за употреблением слова как видимость предмета, поскольку «видимость вещи» становится для него условной, если изначально он полагает заниматься лишь логическими объектами: «видимость вещи» заслоняется логическим основанием употребления слова, а логическое основание представляется ему иллюзорно как предметная видимость.

Слово, оставляющее за собой логическую оболочку наименования, открывает видимость видимости вещи или видимость предмета как такового отдаленно напоминающего вещь.

Иллюзия эмпирического субъекта — вторая.

Эмпирическому субъекту кажется, что он имеет дело с обыденным наименованием, когда пользуется словом, на самом деле он не видит того, что производит особый логический объект — слово, и упускает из виду свое намерение рассматривать именно логическую форму его бытия.

ПРИМЕЧАНИЕ

В том случае, когда **Аристотель** пытается критиковать платоновское «благо само по себе» как выражение «идеи самой по себе», он обнаруживает иллюзорность, заключенную в про-

изведенном эмпирическом субъектом слове и приоткрывает завесу над этой иллюзией:

Невозможно представить себе, какая польза будет ткачу или плотнику для их искусства, если они знают это самое благо [само по себе], или каким образом благодаря уразумению этой идеи врач станет в каком-то смысле лучшим врачом, а военачальник — лучшим военачальником (Никомахова этика, 1097 а 5--10).

Но тут же Аристотель высказывает и утверждает противоположную мысль (см.: 1107 а).

§ 7 Вместе с неотчетливым пониманием того, чем же владеет эмпирический субъект, когда пользуется своими логическими формами, он продолжает открывать за ними видимость предмета как превращенной формы вещи.

Эмпирический субъект понимает, что его деятельность чем-то отличается от обыденной, но в силу нерасчлененности его представлений в характере своих действий эти представления носят интуитивный характер. Намереваясь использовать слова, он не анализирует основания своей деятельности и потому, что это не входит в цели его ближайших действий, если он собрался использовать эти слова, и потому, что он не располагает какими-либо иными средствами, кроме как утверждения предмета как такового за любым словом. Но эмпирический субъект, интуитивно понимая, что действует не с вещами, все-таки продолжает обращаться с ними как с «вещами», поскольку у него есть для этого основания, и он позволяет своим словам действовать по правдоподобному сценарию: «явление» будет «являться», «сущность — «существовать», «качество» — «иметь свойства», а «количество» будет «превращаться в качество». В застывшей форме слово, лишённое предшествующих форм деятельности и используемое только как предмет, отделено от внешнего вещественного основания обыденной деятельности, но логическим основанием, в форме предмета как такового, восстанавливает «вещь».

Использование эмпирическим субъектом слова в качестве «вещи» есть натурфицирование логического объекта, есть его натурфикация, или эмпирическое понятие.

ДОБАВЛЕНИЕ

Вся история человеческой мысли наполнена натурфицированными объектами, рассматривать же каждый из них в отдельности не представляется возможным. Отдельные натурфикации живут долго, другие быстро отмирают, третьи — видоизменяются, наполняясь новыми представлениями. Приведем из Гераклита одну из древнейших натурфикаций — «разум», и, чтобы была видна ее производность от эмпирического субъекта, — с сохранением всех атрибутов правдоподобности, жизненности, придающих ей качества живого существа или «вещи»:

«Хотя этот разум и существует вечно, люди бывают непонимающими и раньше слышания, и после того, как впервые услышат. Именно, хотя [все] совершается согласно этому разуму, они имеют вид неопытных, приступая к тем словам и делам, которые я взвешиваю, различая каждое по его природе и изъясняя, в каком оно находится состоянии. От прочих людей скрыто, что они делают во время бодрствования, как забывают они и то, что [делали] во сне» (Секст Эмпирик. Против ученых, VII 132).

Поскольку эту натурфикацию произвел Гераклит, то понятно, почему никто кроме него не знает о произведенном им продукте. Если натурфикации существуют как «вещи», то они, по представляемости эмпирического субъекта, вполне должны быть обнаруживаемыми, а люди не понимающие, о чем при этом идет речь, просто недалеки, если не видят такие очевидные «вещи». Люди же становятся виновными в том, что произвел эмпирический субъект и о чем они не имеют никакого представления. Самоуверенность и уничижение прочих в отношении к собственным понятиям граничит с чванством, например, у того же Гераклита, как в прочем, по имеющимся свидетельствам, и у многих других древних мыслителей.

«Учитель большинства — Гесиод: про него думают, что он очень много знает — про того, кто не знал [даже] дня и ночи! Ведь они суть одно» (Фрагменты, 22 В 43).

Кто мог бы предположить, ясно представляя себе «день» и «ночь», что нужно знать еще и «одно». Гераклит с уверенностью объявляет необходимость такого знания, как будто его произведенное «одно» должен производить каждый. Но если такие «вещи», как «день» и «ночь», понятны обыденному субъекту, то на какую «вещь» он должен показать, когда, вняв Гераклиту, будет мыслить «одно»? Это понятие вполне эмпирическое, произведенное эмпирическим субъектом.

Иначе говоря, всякая натурфикация является метафорой с той лишь разницей, что в ее действительность верят, не допу-

ская тени сомнения, так, как верят в существование «всцей». На грани метафоры и здравого смысла находится значение эмпирического понятия «истина» в изречении **Демокрита**: «По существу мы ничего не знаем, ибо истина — в глубинах» (Диоген Лаэртский, IX 72).

Достаточно продуктивно создавал натурфикации **Платон**. Вот некоторые из них, взятые из диалога «Федр»: «высшая польза», «единое само по себе», «душа сама по себе», «общее во всех вещах», «подобие само по себе», «справедливое само по себе», «идеи сами по себе», «знание само по себе», «прекрасное само по себе», «сущность сама по себе».

Ранние формы философии очень рельефно представляют длинные ряды эмпирических понятий, как бы любясь самой возможностью произвести их. Вот как это делают последователи Платона в свидетельстве Диогена Лаэртского во втором приложении к биографии Платона: «Разделение предметов, по словам Аристотеля, производил он следующим образом» (III 80), — а далее приводятся эмпирические понятия и говорится, какими бывают эти предметы, в следующей последовательности: благо, приязнь (81), государственная власть (82), справедливость (83), наука (84), врачевание (85), закон (86), речь (86), музыка, благородство (88), прекрасное (89), душа, совершенная добродетель (90), власть (91), красноречие (93), правильность речи (94), услуги (95), конец дела (96), способности (97), обходительность, счастье (98), ремесла (100), добро (101), все сущее (102), порядок в государстве, беспорядок в государстве (103), противоположности (104), блага (105), совет (106), звуки, сущее (107).

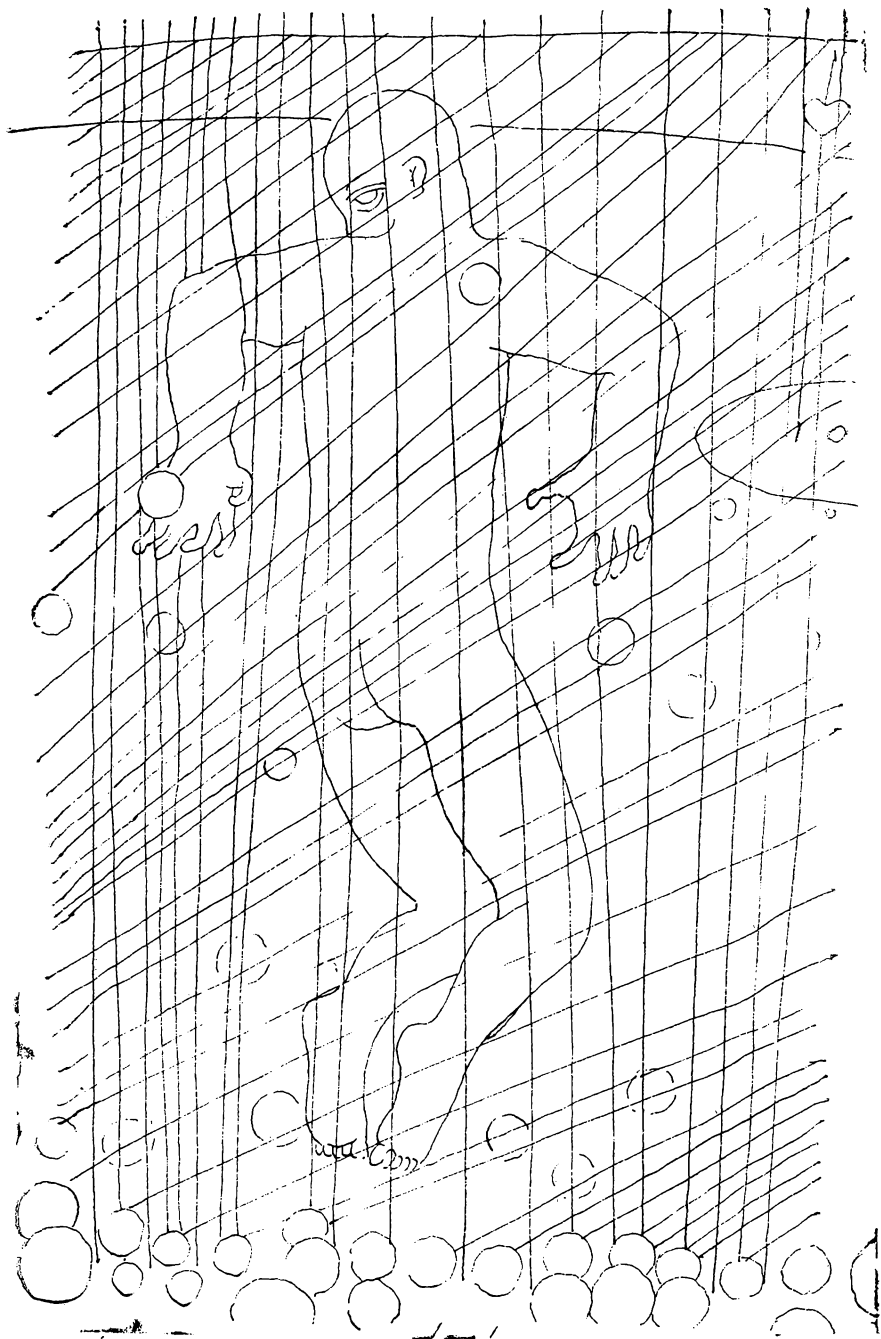
И чтобы как-то закончить бесконечный перечень производимых эмпирическим субъектом натурфикаций, сошлемся на достаточно выразительную реплику из «Парменида» Платона:

И надо быть исключительно даровитым, чтобы понять, что существует некий род каждой вещи и сущность сама по себе, а еще более удивительный дар нужен для того, чтобы доискаться до всего этого, обстоятельно разобратся во всем и разъяснить другому! (135 B).

Намерения эмпирического субъекта ясны, но располагает ли он какими-либо возможностями, чтобы выяснить все, что содержится в произведенных им логических формах?

Иллюзия эмпирического субъекта — третья

Эмпирическому субъекту кажется, что он владеет словом, но это превратное представление, ибо он продолжает пользоваться словом как «вещью».

АКСИОМА — ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ — «тождества слова и вещи»:

каким бы словом ни пользовался субъект, он подразумевает за ним только вещь.

Следствие аксиомы

Эмпирический субъект не знает, какой формой вещи он пользуется, когда употребляет слово. Но то, чего он не знает, восполняется самой формой употребления: он все равно употребляет слово как «вещь».

§ 8. Эмпирический субъект так до конца и не разобрался, когда он пользуется словом, чем он владеет: вещью, наименованием или словом как таковым.

Когда эмпирический субъект сосредотачивает внимание на особенностях логического объекта, каким является слово, он упускает то, что оно является его производным и содержит в себе предшествующие формы деятельности в качестве более далеких оснований. Как только он обращается посредством эмпирического понятия к «вещи» как слова о чем-либо, он утрачивает представление о логической природе своего предмета и о характере своих действий с ним. Короче говоря, в пределах возможностей эмпирического субъекта нет средств, чтобы удерживать все основания обыденной и эмпирической деятельности, и поэтому слово дает ему иллюзорное представление о том, что он рассматривает в тот или иной момент. Но без этой превратной формы он не мог бы владеть своим собственным бытием как опытом всех предшествующих форм деятельности. Именно потому, что слово совокупно представляет природу субъекта, но не в экзистенциальной форме, а овнешненной, а поэтому отторженной и иллюзорной форме. Тем самым он представляет формы своей и предшествующей деятельности или предшествующую деятельность как свою форму, остающуюся достаточно овнешненной, чтобы быть представленной эмпирическому субъекту как серьезная для него реальность, которая хотя и представляется внешней, но уже обработана и подготовлена к дальнейшему овладению. То, что эта «вещь» овладена им, подтверждается тем, что она же им и произведена — и только из предшествующих форм деятельности. Но то, что он собирается как-то осмысливать эту «вещь», говорит о том, что

он готовится к следующему шагу деятельности, к новой форме ее овладения. Натурфицированная логическая оболочка выполняет универсальную роль заместителя внешнего основания обыденной деятельности, но этот логический суррогат вещи тем не менее должен быть овладеен эмпирическим субъектом, по крайней мере это входит в его намерения, хотя овладевает он тем, что уже заключено в этом продукте. Поскольку в натурфицированном эмпирическом понятии уже заключены все основания обыденной и эмпирической деятельности, постольку использование его в нерасчлененном виде составляет противоречие онтологии субъекта, что на поверхности его деятельности выступает в парадоксальной форме.

То, что эмпирический субъект представляет овладеваемую вещь в логической форме эмпирического понятия, и то, что сама эта форма не является вещью, представить которую он может только в логической форме,— все это есть содержание гносеологического парадокса эмпирической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЕ

Лосев А. Ф.:

Так как эйдос вещи есть то, что мы знаем о вещи, то, чем вещь является нам,— нельзя говорить и мыслить о вещи помимо ее эйдоса, помимо того лица и смысла, который ей писущ... Я не понимаю, как можно говорить и мыслить о бытии помимо слова, имени и помимо мысли (Философия имени. М., 1990, с. 217).

Иллюзия эмпирического субъекта — четвертая

Эмпирическому субъекту кажется, что, используя слово, он владеет вещью, но владеет он только логической оболочкой наименования.

§ 9. Некоторые из слов образованы эмпирическим субъектом из наименований с субстантивным значением.

Если субстантивное значение наименования в прошлых формах деятельности прямым образом указывает на «вещь», то слова, образованные от них, усваивают значение «вещи» так непосредственно, что эмпирическому субъекту кажется, что они специально предназначены для указания на «вещи». Функцио-

нально любые наименования и слова все равно восходят к вещи, но в данном случае эмпирическому субъекту открывается «видимость вещи», как ему кажется, по природе самой «вещи» и соотношенного с ней слова, «указывающего» на «вещь» субстанционально. Такие эмпирические понятия, как «вещество», «материя», «космос», «существо», «субстанция», «субстрат», «человек» и т. п., и наконец, само слово «вещь», а также «действительность», «реальность» и т. п., — всех их эмпирический субъект склонен рассматривать как эквивалент многих «вещей». Но в отличие от обыденного субъекта, который употребляет наименования в значении «вещь», эмпирический субъект за использованным словом подразумевает множество «вещей». Таким образом, слова эти становятся субстанциальными по значению для многих «вещей», входящих в континуум значений этих слов. Они служат эмпирическому субъекту средством фиксирования внешнего основания деятельности и носят совершенно обезличенный характер. Он посредством их воспроизводит внешнее, предметное основание, в котором может объективироваться любая деятельность. Но никогда эти эмпирические понятия не рассматриваются им как формы его собственной деятельности, как то, что его способность указывать на каждую «вещь» превращает наименование в слово, теперь уже указывающее на многие «вещи».

Слова, на значения которых распространяется значение многих «вещей», являются субстанциальными натурфикациями или субстанциациями.

ПРИМЕЧАНИЕ

Если понимать термин **Аристотеля** «вторая сущность» как эмпирическое понятие, а судя по примерам, речь идет о субстанциальных словах, то в его высказываниях можно найти утверждение того, что сквозь значения этих слов просвечивает «видимость вещи», в то же время они способны указывать на многие «вещи» в отличие от «первых сущностей», то есть слов, указывающих на каждую «вещь»:

Что касается первых сущностей, то бесспорно и истинно, что каждая из них означает определенное нечто. То, что она выражает, есть нечто единичное и одно по числу. Что же касается вторых сущностей, то из-за формы наименования кажется, будто они в равной степени означают определенное нечто, когда, например, говорят о «человеке» или о «живом существе»; однако это не верно. Скорее они означают некоторое качество, ведь в отличие от первых сущностей подлежащее здесь не нечто одно: о многих говорится, что они люди и живые существа (Категории, 3 Б 10).

§ 10. Посредством субстанциаций эмпирический субъект создает внешнее предметное основание для своей деятельности наподобие того, какое имеется у практического субъекта в качестве вещи.

Разумеется, за субстанциацией в актуальном плане для эмпирического субъекта не существует вещи, но он упорно воспроизводит обыденную ситуацию, указывая на «вещь». Он уверенно ставит перед собой предмет — в логической форме, — представляя его в качестве «вещи», одновременно производя привычную логическую форму предмета как такового. Одновременный акт производства логической формы как высказывания понятия и закрепления за ним «видимости вещи» есть емкая форма естественных, логических превращений фиксированного именованного практического субъекта. Перед логическим взором эмпирического субъекта проходит моментальное развертывание предшествующих форм деятельности: эмпирический субъект есть только он сам и все из него — тут же; и все вне его — тут же; и все, что он в состоянии представить — тут же; — и все это в одном понятии, в одном акте его употребления. Сам же акт начисто лишен всякой личностной формы, обезличен до предела, являя ««вещь»» в ее собственности, но только по видимости, и вне причастности к ней субъекта в какой-либо форме: «вещь как таковая», «реальность как таковая» и т. п. Однако форма субстанциальной натурфикации не может быть вовсе безразличной к личностному основанию, так как оно является одним из оснований логических трансформаций и вполне объективируется в субстанциальных натурфикациях как внешнее предметное основание. Оно принимает характер «персон», характер надчеловеческой «личности» и начинает существовать и как «вещь как таковая» и как «персона как таковая». То, что эмпирический субъект открывает возможность, объективирования личностного основания в субстанциях, показывает их производность от деятельности эмпирического субъекта и одновременно, возможность создания любых субстанциаций, по видимости вмещающих все предметное основание практической и обыденной деятельности.

Эмпирический субъект создает разновидность субстанциальной натурфикации — персонифицированную натурфикацию или персонификацию.

ПРИМЕЧАНИЕ

Создание персонифицированных натурфикаций обнаруживают уже древние авторы, в частности, последователи **Демокрита**, о чем свидетельствует Платон в «Законах»:

Боги существуют не по природе, а в силу искусства и некоторых законов, причем в различных местах они различны сообразно с тем, какими каждый народ условился их считать при возникновении своего законодательства (889 с).

На производство персонификаций указывает и **Секст Эмпирик**:

Но так как соответственно всякому исследованию предшествует понятие искомого предмета, то мы рассмотрим, как, собственно, мы получили мысль о боге.

Итак, некоторые утверждали, что вожди среди людей, обдумывавшие то, что полезно для жизни, будучи [к тому же] весьма разумными, впервые сочинили предположение о богах... Упомянутые вожди, намереваясь сдерживать несправедливо живущих, сначала установили законы для наказания явно несправедливых, а затем они сочинили и богов, надзирающих за всеми человеческими прегрешениями и за хорошими поступками (Против физиков, I 12—16).

Иллюзия эмпирического субъекта — пятая

Эмпирическому субъекту кажется, что, используя понятие в форме субстанциации как «вещь как таковая», он имеет в виду любую вещь практического субъекта. На самом деле он имеет такое представление в силу предшествующей формы деятельности, когда обычно и повседневно им каждая «вещь» называлась ««вещью»».

§ 11. Основная масса слов или эмпирических понятий образуется из атрибутивных наименований.

Независимо от происхождения и логического значения предшествующих слову наименований, атрибутивные наименования, став эмпирическими понятиями, приобретают характер предметов и в полной мере открывают эмпирическому субъекту предметную видимость в значении «видимости вещи». Таких понятий больше всего: «судьба», «жизнь», «отрицание», «бесконеч-

ность», «качество», «сознание», «плюс» и т. п. С их помощью в эмпирическую деятельность вовлекается то, что вовсе не является «вещью», никогда ею не было, даже в предыдущих формах деятельности, кроме наличествования логической формы быть наименованием, а значит, присутствовать в качестве предмета обыденного суждения. Отсюда они заимствуются эмпирическим субъектом и утверждаются в качестве «предметов как таковых». В последующем деятельность эмпирического субъекта, как правило, производится с натурфикациями атрибутивного толка.

Эмпирический субъект использует в качестве эмпирических понятий атрибутивные натурфикации, которые в отличие от других их разновидностей можно назвать натурфикациями в собственном смысле этого слова или собственно натурфикациями.

ДОБАВЛЕНИЕ

Каскад натурфикаций в одном рассуждении представляет Платон в «Пармениде»:

Представляется ли тебе, например, подобие само по себе [1] чем-то отдельным от того подобия, которое присуще нам [2], и касается ли это также единого [3], многого [4] и всего [5].

И таких идей... как, например, идеи справедливого самого по себе [6], прекрасного [7], доброго [8] и всего подобного (130 Б).

Иллюзия эмпирического субъекта — шестая

Эмпирическому субъекту представляется по видимости атрибутивная натурфикация в качестве предмета, но тем самым «вещью как таковой» становится то, что никогда вещью не было, то есть экзистенциальная сила практического субъекта.

ПРИМЕЧАНИЕ

Можно считать, что критический пафос скептиков, обнаруживающих неочевидность мыслимых объектов, приоткрывает их эмпирическую иллюзорность:

Неочевидны раз навсегда — те, природа которых не такова, чтобы подлежать нашему восприятию, как, например, то, что число звезд нечетно (Секст Эмпирик. Пирроновы положения II 97).

§ 12. Эмпирический субъект пытается удержать при производстве понятий фиксируемую область и делает это свойственным ему способом, произведя натурфикацию.

Если у обыденного субъекта в нефиксированном наименовании видимость и является той фиксируемой областью, на которую он указывает, используя свои суждения, то у эмпирического субъекта видимость вещи отсутствует, и он вынужден создать эту фиксируемую область из понятий. Он привлекает понятие «вещь», «единичное», «отдельное» для того, чтобы произвести указание на что-то «конкретное», и это «конкретное» становится таким же понятием, не имеющим никакой конкретности практического субъекта, как и понятие ««вещь»».

Все усилия эмпирического субъекта воспроизвести фиксированную область деятельности практического субъекта оканчиваются созданием понятия «вещи» в ярко выраженной форме натурфикации — «вещи как таковой».

ДОБАВЛЕНИЕ

Упорно стремится к обозначению фиксируемой области практической деятельности **Аристотель**. В частности, он производит понятия «отдельный человек», «отдельная лошадь», настаивая только на использовании их в именной предметной функции и отказывая им в предикативной функции (см.: Категории, 2 а 10).

§ 13. Эмпирический субъект производит из атрибута существования натурфикацию в разных грамматических формах.

Большое количество производных атрибута существования — «бытие», «суть», «сущность» — означает не что иное, как «существование вообще». К этому можно добавить ряд понятий, производность которых может быть восстановлена не по грамматической форме, но по смыслу: «событие», «факт», «явление», «реальность», «действительность» и т. п. Грамматическая перелицовка еще более усугубляет субстантивирование атрибута существования и приближает эти натурфикации к субстанциальному типу натурфикаций. Отличие атрибута существования как обыденной формы употребления и эмпирической формы — весомо. Все, что имеет обыденный субъект, все он ут-

верждает как существующее своими логическими формами, надеясь на фиксирование ситуации, к которой он весьма близок. Его логическая форма — слово, есть ближайшее превращение фиксированного наименования практического субъекта, где утверждение существования производится самим логическим актом любого именованя. Обыденный субъект сохраняет это обстоятельство деятельности практического субъекта в трансформированном виде, и его наименования также тождественны утверждению существования, но по видимости. Эмпирический субъект со своей стороны, ставя перед собой «предмет как таковой» в оболочке «существования» — «бытие само по себе», — утверждает «утверждение как таковое», отнести которое он ни к чему не может, кроме как к самому себе. Он завершает круг логических превращений данного обыденного атрибута тем, что перевертывает логические значения, возникшие в предшествующей деятельности: если практический субъект за указанием на вещь подразумевает, что под него подпадает то, что вещь эта существующая, но в эмпирической деятельности «существование как таковое» превращается в «вещь как таковую», значит, задним числом эмпирический субъект все же воспроизводит обыденную ситуацию, хотя и в превратной, иллюзорной форме. Тем самым «существованию» воздается должное за предыдущие замешательства: оно по функции в перевернутом по отношению к «вещи» виде получает значение той же «вещи», но в еще одном цикле превращения и в еще одной превращенной форме — «вещи как таковой», в ««вещи»».

Эмпирический субъект превращает всякое утверждение существования в «вещь как таковую».

Иллюзия эмпирического субъекта — седьмая

Эмпирический субъект видит за существованием как таковым вещь, и он утратил на самом деле представление о логической форме существования понятия и не воспроизводит его предшествующую форму как акт реализации вещественной силы практического субъекта, утверждающего вещь в форме объективирования этой силы, а следовательно, и утверждающего эту вещь в форме наименования.

ПРИМЕЧАНИЕ

Аристотель, например, произведя натурфикацию «суть бытия», затем обнаруживает ее тождественность «вещи»:

Нелепо давать особое имя для каждой сути бытия; тогда помимо этой [обозначенной особым именем] сути бытия была бы еще и другая, например для сути бытия лошади еще и иная суть бытия. Между тем, что мешает тому, чтобы некоторые вещи сразу же были тождественны сути своего бытия, раз суть бытия вещи есть сущность? Но не только вещь и суть ее бытия одно, но и обозначение их одно и то же, как это ясно и из сказанного... (Метафизика, 1031 В 25 — 1032 а).

§ 14. Весьма загадочной для эмпирического субъекта является натурфикация отрицания.

С логической точки зрения для эмпирического субъекта нет никакой разницы в том, что он натурфицирует,— то, к чему это приводит, остается в пределах его видимости, то есть является формой вещи. Здесь-то и рождаются трудности эмпирических представлений: если производится натурфикация отрицания, то это «отрицание» становится «вещью как таковой». Но отрицание как обыденная предикация не имеет своего собственного предметного значения, и это обстоятельство закрепляется в эмпирической деятельности, но, как это присуще эмпирическому субъекту, иллюзорно. Что делает эмпирический субъект? Он устраняет всякий намек на былую и осуществлявшуюся предикативность отрицания, то есть устраняет своей натурфицированной формой логическое основание предшествующей деятельности. Это углубляется еще и тем, что при производстве понятий он использует такие наименования, которые утрачивают грамматическую форму отрицания, например, «бесконечность», «покой», «смерть», «свобода», «вечность», «нуль» и т. п. В этой форме предшествующее значение «отсутствия» еще более натурфицируется, и, став «предметом как таковым», представляет для эмпирического субъекта загадочное зрелище неизвестно чего: они зримо являют то, чего нет и нельзя найти при самом усердном взоре, овладевающим «вещами». Другие — «не-бытие», «не-сущее» имеют только логическую оболочку и являют собой в эмпирической производности совершенно искусственное, произвольное образование самого эмпирического субъекта, то есть воспроизводят «отсутствие» не в качестве обыденного предиката, но в форме понятия, по своей кажимости равнозначного «вещи как таковой».

Натурфикация отрицательного предиката утрачивает полностью обстоятельства той обыденной деятельности, в которой возникает фиксирование этих обстоятельств, и эмпирическая форма понятия обыденного значения отсутствия превращает в «вещь как таковую».

Иллюзия эмпирического субъекта — восьмая

Эмпирический субъект производит отрицательные натурфикации и ему кажется, что они имеют предметные значения и предметную область, на самом деле утраченные еще в предшествующей деятельности, а в эмпирической деятельности утрачиваются и обстоятельства самой той предшествующей деятельности.

§ 15. Субъектные предикаты обыденного мышления, то есть наименования атрибутов субъекта, также выступают понятиями.

Особого и специфического употребления эти понятия не обживают. Именно потому, что субъектные понятия восходят к атрибутивным значениям, они выступают натурфикациями субъектных атрибутов и открывают видимость вещи как таковой. «Мышление как таковое», «честность как таковая» и т. п. — все они — предметы эмпирической деятельности, и эмпирическому субъекту нет нужды относить их к «ученому» или к «судье». Он правдоподобно усваивает фигуры обыденного суждения, но в превращенной форме они более иллюзорны, чем в обыденной деятельности, не утратившей еще пока «вещи». Если «человек имеет шляпу», то почему бы «человеку не иметь мышление, честность, волю и т. п.», и если «шляпа» «находится на голове», то почему бы «мышлению» не «находиться в голове» и т. п.

Субъектные понятия представляют собой разновидность натурфикаций атрибутивных наименований.

Иллюзия эмпирического субъекта — девятая

Эмпирическому субъекту, употребляющему субъектные понятия, кажется, что он утверждает то, что принадлежит человеку и является его качествами, на самом деле он утверждает это в форме «вещи как таковой».

ПРИМЕЧАНИЕ

Очень серьезной иллюстрацией эмпирического мышления в этом отношении является реплика детского персонажа: «У меня есть мысль и я думаю ее».

В античности предметную иллюзорность субъектной натурфикации приоткрывает **Аристотель**:

Сказать, что душа гневается,— это то же, что сказать — душа ткет или строит дом. Ведь лучше, пожалуй, не говорить, что душа сочувствует, или учится, или размышляет, а говорить, что человек делает это душою, сочувствует, учится или размышляет (О душе, 408 В 10—15).

Он же усмотрел тождество субъектной натурфикации и «вещи» в рассуждениях Демокрита, утверждающего «будто движение исходит из души»:

Ведь если душа находится во всем ощущающем теле, то при предположении, что душа есть некое тело, необходимо, чтобы в одном и том же месте находились два тела (там же, 409 а 30—409 Б).

Иллюзорность эмпирических представлений в виде натурфикации «душа» отмечает **Секст Эмпирик** и восстанавливает атрибутивное значение этого понятия как «силы, производящей движение»:

Душа есть один из предметов, неявных по природе. Ведь она по природе никогда не является объектом для нашего непосредственного усмотрения. Будучи же таковой, она указательно обнаруживается по движениям тела. Ведь мы соображаем, что проникая в тело некая сила производит в нем эти движения (Против логиков, II 154—155).

§ 16. Эмпирический субъект использует ценностные предикаты обыденной деятельности как предметы своей деятельности.

Эмпирический субъект не использует логическую форму обыденной деятельности, где ценностные слова являются предикатами суждения для выражения пристрастного отношения к «вещам» обыденного субъекта. Ценностные слова, и в частности, для выразительного примера, слово «ценность», становясь предметом, становятся «ценностью как таковой», то есть эмпирическим понятием. Если у обыденного субъекта складывается видимость вещи, которой принадлежит свойство «**быть** ценной», то у эмпирического субъекта производится понятие **как** натурфицированный атрибут, утративший признаки обыденного словоупотребления. «Ценность» как таковая становится иллюзорной, превратной формой своего предшествующего аналога обыденного слова «ценность».

Эмпирический субъект создает натурфицированный логический объект «ценность как таковая» в качестве предмета своей деятельности.

ДОБАВЛЕНИЕ

Ни у кого из древних авторов нет такого обилия ценностных натурфикаций, как у Платона. Все его произведения-диалоги насыщены самыми многообразными ценностными понятиями—именно понятиями. Одно из самых первых употреблений ценностной натурфикации «прекрасное самое по себе» содержится в его раннем диалоге «Евтидем», здесь уже различается обыденная и эмпирическая форма употребления ценностных наименований:

— Но вещи эти отличны от прекрасного или они то же самое, что прекрасное?

...Однако я отвечал,— [говорит Сократ],— что прекрасные вещи отличны от прекрасного самого по себе: в каждой из них присутствует нечто прекрасное (301).

С этого момента ценностные натурфикации становятся излюбленными иллюстрациями в развитии тем диалогов, а во многих случаях их анализ—самими темами: «добродетель» («Лакет», «Протагор», «Менон»), «справедливость» («Алкивиад I», «Горгий», «Государство»), «благочестивое и благо» («Евтифрон», «Филеб», «Тимей»), «прекрасное» («Федон», «Гиппий большой», «Пир», «Софист», «Парменид»)

Достаточно высоко ставит ценностные понятия в качестве предмета исследования Платон в «Хармиде»:

Не сознательная жизнь приводит к благополучию и счастью и все науки, сколько их есть, но лишь одна эта единственная наука—о добре и зле (174 с).

Аристотель в «Большой этике» на основе слова «благо» создает целых две натурфикации: «идея блага» и «благо вообще, причастное многим»:

Надо ли говорить об идее блага или, скорее, благо есть то общее, что присуще всему благому? А [благо как общий признак] явно не тождественно идее блага (1182 Б 10—15).

Так же, как и Платон, Аристотель представляет обыденное употребление ценностного слова и противопоставляет его ценностной натурфикации:

Действительно, считается, что почет больше зависит от тех, кто его оказывает, нежели от того, кому его оказывают, а в благе мы угадываем нечто внутренне присущее и неотчуждаемое (Никомахова этика, 1095 Б 20—25).

А в «Метафизике» он представляет эмпирические понятия следующим образом:

Надо также рассмотреть, каким из двух способов содержит природа мирового целого благо и наилучшее — как нечто существующее отдельно и само по себе или как порядок. Или же и тем и другим способом, как у войска (1075 а 10).

У Аристотеля мы найдем и такую сильнейшую натурфикацию как «ценность по природе»:

Есть нечто справедливое и несправедливое по природе, общее для всех, признаваемое таковым всеми народами, если даже между ними нет никакой связи и никакого соглашения относительно этого (Ригорика, 1373 В 5).

И он ссылается на поэта, говорившего о справедливости:

Не сегодня и не вчера, она вечно живет и никто не может сказать, откуда она явилась (В 10).

Предельной натурфикацией ценностного предиката пользуется Прокл, который кладет «благо вообще» в основу мира:

Первично [сущее] благо и то, что есть только благо, предшествует всему, что каким-то образом причастно благу.

В самом деле, если все сущее стремится к благу, то ясно, что первично [сущее] благо — за пределами сущего. Действительно, если оно тождественно чему-нибудь из сущего или тождественны между собой сущее и благо, то это сущее уже не будет стремиться к благу, раз оно само благо. Ведь стремящееся к чему-нибудь нуждается в том, к чему оно стремится, а также и отлично от того, к чему стремится. Другими словами, стремящееся — одно, то, к чему стремятся — другое, и одно-сущее — будет причастно, другое же — благо — будет тем, чему (первое) причастно. Стало быть, находящееся в чем-то из того, что причастно, есть какое-то [частное] благо, к чему стремится только то, что было ему причастно, но оно не благо вообще и не то, к чему стремится все сущее. Благо же вообще есть для всего сущего общий предмет стремления (Первоосновы теологии. Тбилиси, 1972, с. 32).

В дальнейшем изложении «благо» перестанет быть верховным принципом Прокла, но превратится в верховный «атрибут» новой натурфикации субстанциального типа — в атрибут бога.

Иллюзия эмпирического субъекта — десятая

Эмпирический субъект, используя ценностные понятия как натурфикации обыденных ценностных предикатов, открывает за ними видимость «предмета как такового», на самом же деле за этим употреблением стоит производство самим эмпирическим

субъектом этих натурфикаций, лишенных всех оснований предшествующей обыденной деятельности.

§ 17. В обыденной и эмпирической деятельности, использующих слово «ценность», представлен разный предмет деятельности.

В обыденной деятельности предметом выступает «вещь», а ценностным предикатом — атрибут вещи по видимости. В эмпирической деятельности в форме ценностного понятия предметом выступает «ценность как таковая». Не имея возможности анализировать характер собственной деятельности, эмпирический субъект продолжает настойчиво выдвигать свое собственное понятие в качестве «предмета как такового», будто «ценность как таковая» или «блага», «прекрасное», «справедливое», но обязательно «как таковые». И здесь он прав настолько, насколько сам произвел эти натурфикации. Теперь же ему остается пребывать в собственной иллюзии, так глубоко укоренившейся в его деятельности, что он предал забвению свое изначальное намерение рассмотреть понятия и вместо их актуальной логической формы воспроизводит формы обыденной деятельности в качестве «вещи». Обладая новой предметностью, эмпирический субъект независимо от собственной иллюзии обладает и новой формой овладения «вещи». «Ценность как таковая» у него ничем не отличается от «вещи как таковой» — эти понятия в функции предмета эмпирической деятельности уравнились и по значению, хотя, как известно, одно из них восходит к слову с предикативным значением, а другое — к слову с номинативным значением. Для эмпирического субъекта это несущественно, если он превращает средство обыденной деятельности в предмет своей деятельности и уравнивает в логической функции и в логическом значении понятия — то и другое, и логически представляет «предмет как таковой». Это указывает на ближайшее родство эмпирического субъекта с обыденным субъектом, поскольку натурфикация обыденного ценностного предиката восстанавливает внешнее предметное основание обыденной деятельности — «вещь как таковую», хотя и в трансформированном виде, и это восстановление есть уже эмпирическая деятельность, в этом смысле отличающаяся от обыденной, где «предметность» ценностного слова реализуется через предикативный акт обыденного суждения. Таким образом, предметность эмпирического субъекта в форме натурфицирования и предметность обыденного субъекта в форме объективирования имеют общее: оба процесса восходят к вещи. Однако

обыденная предикация является исходной для натурфикации и предстает в ней в превращенном виде. Тем самым разные по своей природе субъекты разными способами добиваются тождества своих собственных логических продуктов с «вещью». В своей объективированной форме предикат «ценность» несет обыденную предметность, выраженную в форме наименования «вещи»; в своей натурфицированной форме — измененную и превращенную форму обыденной предметности — «предмет как таковой». У эмпирического субъекта поэтому и сохраняется основание для натурфикации не своего предиката, потому что в предшествующей деятельности этот предикат объективировался в «вещи», и не в какой-то определенной и только одной, но в любой «вещи»: «ценной» для обыденного субъекта могла быть какая угодно «вещь». Именно поэтому натурфикация обладает для эмпирического субъекта интуитивной ясностью и логическим значением «предмета», что она произвольно реализовалась в предшествующей деятельности, а теперь может подразумевать все то, что с нею происходило там, в прошлом, как само собой разумеющееся. Если обыденная предикация уже была овладением «вещи», то почему же, используя ее в новой форме, нельзя бы продолжить владеть той же «вещью», но как «вещью как таковой». Таким образом, любая натурфикация, как и любой логический объект, с момента фиксированного именованья уже несет в себе интуитивную ясность как предшествующую форму деятельности: для обыденного субъекта — практическую, для эмпирического — обыденную и в отдаленной перспективе и практическую тоже. Все логические превращения, произведенные обыденным субъектом, имеют смысл и для эмпирического субъекта, но последний начинает иметь то, что не имеет уже обыденный. Для эмпирического субъекта останется единственным, что будет его тревожить и вносить расстроенность и смуту в его интуитивно ясное понимание «вещей» — это то, что «ценность как таковая» или «предмет как таковой» не совсем «вещь» и даже совсем не «вещь», а представить, что это только понятие, ему трудно в силу кажущейся предметности того же самого понятия, воспроизводящего предметность в логической форме. Таким образом, эмпирический субъект вечно вынужден колебаться между логической формой того, что он использует как понятие, и иллюзорной видимостью «предмета как такового». Стало быть, все, что ему открывается в иллюзорном представлении, вращается вокруг логической функции натурфицированного логического объекта — быть логически «предметом как таковым», и эта функция не могла быть реализована, если бы не восходила к обыденной логической деятельности, а в конечном счете, учитывая все превращения,—

к «вещи». Следовательно, логическая форма эмпирического понятия, воспроизводит эмпирическую форму предметности, еще более утрачивает исконную, изначальную форму отношения человека к вещи, но все-таки продолжает ее внести после длинного ряда логических превращений, и от того в иллюзорной форме. Эмпирическая предметность утверждается, но окончательно утрачивается форма внешнего предметного основания обыденной деятельности как наименований предметов обыденного суждения: ведь в «ценности как таковой» нет ни намека на наименования «вещи», являющейся предметом обыденного суждения. Здесь не приходится говорить даже о прозрачности этих наименований — их просто нет, но впрочем уже и обыденный субъект, имея их, имел «вещь» только по видимости. От того владение «вещью» у эмпирического субъекта продолжается в совершенно фантастической форме как представление весьма смутное: чем же все-таки он владеет, когда утверждает «ценность как таковую»?

Эмпирический субъект при утрате обыденного характера деятельности утрачивает ее внешнее предметное основание, выраженное в наименованиях «вещи» обыденным суждением, и ему представлен только логический объект в форме понятия — «ценность как таковая».

§ 18. Эмпирическое понятие «ценность» и его аналог обыденное слово «ценность» различается по своим логическим значениям.

Обыденное слово «ценность» имеет функцию предиката обыденного суждения, — обладающего своим собственным только предикативным значением, тогда как эмпирическое понятие «ценность» выступает в функции «предмета». Следовательно, производная форма — эмпирическое понятие — утрачивает исходную логическую функцию и уже не служит формой приписания того значения, которое имеет предикат обыденного суждения, и застывает в форме «предмета как такового». Если в обыденном суждении слово «ценность» относится к «вещи», выраженной наименованием, то эмпирическое понятие становится обозначением обозначений обыденного субъекта, поэтому рамки эмпирической деятельности ограничиваются тем, что он мыслит по поводу средств мышления обыденного субъекта; он высказывается о том, что уже было высказыванием обыденного субъекта о «вещи»; в его определении используется то, что уже использовалось обыденным субъектом как определение «вещи»

и т. п. И этот предмет в форме понятия дается только для того, чтобы указать на рамки деятельности обыденного субъекта. Но пользуясь иллюзорным представлением, видимой предметностью, эмпирический субъект тем не менее производит как бы акт именованя того, что является обыденным «атрибутом вещи», то есть предметом эмпирической деятельности на самом деле является не тот предмет, который иллюзорно открывается за натурализацией «предмет как таковой», а обыденная ценностная предикация. От эмпирического субъекта в процессе его же собственного производства понятия скрыто то, что он тем самым указывает на средства указания в предшествующей деятельности, скрыт действительный предмет эмпирического наименования — обыденная ценностная предикация, но открывается иллюзорный предмет — «вещь как таковая». Принимая во внимание рамки деятельности обыденного и эмпирического субъекта, становится понятным, почему у того и другого одно и то же наименование есть наименование разное — разное по логической форме (слово и понятие), и наименование различного — различного предмета: у обыденного субъекта это «вещь», которой приписывается предикативное значение, у эмпирического — предикат обыденного суждения. Но в своей форме — быть наименованием самого себя — понятие «ценность» утрачивает предшествующее предикативное значение, раз реализует свое собственное предметное значение, и поэтому в иллюзорной видимости представляет совсем не тот предмет, который имеется на самом деле. Кроме того, быть понятию наименованием самого себя это значит не иметь не только свою действительную логическую функцию — акт предикации, но и не иметь какого-либо малейшего указания на предикативность обыденного ценностного суждения.

Логическая функция эмпирического понятия «ценность», представляя «предмет как таковой», исключает предикативность как логическую функцию предшествующей формы наименования, то есть исключает обыденное логическое основание слова «ценность», хотя на самом деле только его и представляет.

§ 19. Деятельность эмпирического субъекта приобретает собственный характер и собственную направленность от того, что он осуществляет выбор предмета своей деятельности среди слов, а не среди «вещей».

Если эмпирический субъект использует понятие «ценность как таковая», то оно не указывает на какую-либо «вещь» обы-

денного субъекта. Но если эмпирическому субъекту потребуется это сделать и «вещь» окажется «ценной» для него, то он распрощается со своей эмпирической деятельностью и займется обыденными суждениями. Причина того, почему эмпирический субъект, не имея ни вещественного основания, ни предикативного акта, наделяющего «вещь» тем, что присуще обыденному субъекту,— может вообще употреблять как натурфицированный логический объект,— заключена в выборе им предмета своей деятельности среди слов, а не среди «вещей». Эмпирический субъект такой же обыденный субъект, имеющий дело с «вещами», но он становится эмпирическим потому, что «вещь», которую он выбрал для своей деятельности, имеет действительно только логическую обыденную природу. А она такова, что имеет лишь значение, которое существует в живом акте надления им какой-либо «вещи». По сути эмпирическое понятие «ценность» должно быть всего навсего указанием на то, чем оно было в предшествующей обыденной деятельности — оно должно указывать на обыденный предикат, привносящий собственное значение обыденного субъекта в «вещь». А на самом деле оно становится только «предметом как таковым», ни каким образом не указывая на действительную обыденную предикативность личностного значения, скрытого за обыденным объективированием от самого обыденного субъекта и тем более скрытого от эмпирического субъекта за надстраивающимся над ним натурфицированием этого значения в эмпирическом понятии. Но эмпирический субъект, взяв обыденный предикат, выраженный наименованием «ценность», выделив его среди объектов, могущих быть только словом, теряет и предметное основание, и логическое основание употребления обыденного слова, теряет и действительное значение этого слова, цепляясь за открываемую иллюзорную видимость «предмета как такового». Какой опыт предшествующей деятельности эмпирический субъект должен объективировать в понятии «ценность как таковая», как это делает обыденный субъект, приписывая «вещи» личностное значение,— если у эмпирического субъекта нет ничего, кроме логической оболочки эмпирического понятия и в его цели не входит допытать с пристрастием то, что он рассматривает как «ценность как таковая»? К чему, к какому предмету будет выражать он свое беспристрастное пристрастное отношение к совершенно безличной натурфикации «ценность как таковая», если она «как таковая» ни к чему не относится и сама является «предметом как таковым»?

Эмпирическое понятие «ценность» в своей натурфицированной форме теряет исходное и тем самым действительное — лич-

ностное — значение обыденного употребления слова «ценность», то есть утрачивает личностное основание обыденного словоупотребления.

§ 20. Заимствует ли эмпирический субъект «ценность» из обыденной деятельности, если он сам был обыденным субъектом и в этом качестве распорядился своими собственными ценностными предикатами?

Вот почему обыденное слово и понятие выражено одним наименованием «ценность». Эмпирический субъект таковым стал, будучи первоначально обыденным субъектом, и стал тогда, когда обратил внимание на свои собственные продукты. Но изменив предмет своей деятельности, он изменил и природу своих логических действий, утратив все основания предшествующей деятельности, и утратил самого себя в том качестве обыденного субъекта, каким был до производства своих собственных понятий. Тем самым осуществился незаметный ни для обыденного субъекта, ни для эмпирического — переход от собственно обыденной деятельности, когда еще остаются теплые видимости от живых вещей и живого экзистенциального опыта, — к голой натурфикации как застывшей предметно-логической форме субъективности, что позволяет сохранять иллюзию, будто эмпирический субъект пользуется тем же самым обыденным словом. А все те обыденные основания слова «ценность» в понятии как натурфикации получают возможность просвечиваться: предметное основание — в значении «предмета как такового», личностное основание — в значении «предпочтительности как таковой», логическое основание — в значении «идеи как таковой». Единственно, что никогда не открывается за эмпирическим понятием даже в иллюзорной форме, это то, что вся деятельность с наименованием «ценность» производится прежде всего обыденным субъектом. Не видится это только потому, что в понятии «ценность как таковая» не содержится указания на того, кто пользовался словом «ценность».

Из области обыденного употребления слова «ценность» за использованием эмпирическим понятием «ценность» утрачиваются не только все основания деятельности обыденного субъекта, но утрачивается и сам обыденный субъект.

§ 21. Видимость вещи, открываемой обыденным субъектом, в деятельности эмпирического субъекта превращается в эмпирическую иллюзорность, которая не умаляет достоинства человеческого мышления.

Являясь необходимым продолжением овладения вещи рядом с потреблением ее и производством средств деятельности, эмпирическая деятельность из средств логической деятельности по владению «вещи» предуготовливает сосуд, который может быть логически наполнен уже освоенными «вещами». Крайняя неопределенность его наполнения, а по сути возможность наполнить чем угодно, снимает с эмпирического субъекта ответственность за область фиксированного употребления логических объектов, что характерно лишь для практической деятельности.

Эмпирический субъект, используя «ценность», располагает только логической оболочкой наименования и владеет только логическим «предметом как таковым».

§ 22. Эмпирический субъект унаследует в ряде понятий экзистенциальную характеристику вещи, приписывая ей «исключительную важность» для обыденного субъекта.

Обыденный субъект при этом указывает на одну из форм своей деятельности как главную, исходную для всего данного цикла деятельности, а потому имеющую несомненную «важность» для него по сравнению с другими формами деятельности. Когда он указывает на то, что «вода важна для посевов и для утоления жажды», то эта экзистенциальная характеристика является предикатом обыденного суждения. Аналогичных предикатов, выражающих аналогичное экзистенциальное значение в обыденной деятельности много: «начало», «основа», «исток», «причина», «первичность», «важность», «главность», «верховенство» и т. п. На основе их эмпирический субъект создает свои эмпирические понятия, содержащие экзистенциальное значение в превращенной иллюзорной форме предметности — «предмета как такового». Это понятия «причина», «первоначало», «сущность», «принцип» и в качестве образчика для всех их — «абсолют». В значении предмета как такового они содержат все, что угодно и все, что — может создать эмпирический субъект по видимости, нарушая в натурфицировании экзистенциального значения всякие границы повседневного употребления. Хотя утрата границ характерна для любой натурфикации:

если это личностные характеристики, то они придают исключительные черты человеку как таковому. Если это номинативная натурфикация, то «вещь» приобретает крайние выражения, например «пространство» «огромно», «бесконечно». Но если это экзистенциальная характеристика, то весь мир приобретает «исключительную важность», и он становится обладателем значения исключительной, абсолютной важности — «абсолютом», получая наивысшее напряжение, соразмерное напряжению экзистенциальной сферы человека, и как бы это ни было прозаично, соразмерное той «важности», которую для обыденного субъекта имеют пища, жилище, объект продолжения рода, то есть вся полнота экзистенциального насыщения содеянного вещественного мира. В эмпирическом понятии, несущем значение «абсолюта», утрачивается исходная форма, и исходное значение почти не просвечивается через толщу всех логических превращений, представляя в превратной форме иллюзорный «предмет как таковой».

Эмпирическое понятия абсолют и аналогичные ему помимо того, что предельно выражают внешнее основание обыденной деятельности, представляют собой не что иное, как предельное выражение человеческих экзистенций, потерявших рамки повседневного обращения и застывших в форме логических предметов.

Иллюзия эмпирического субъекта — одиннадцатая

Эмпирическому субъекту, использующему понятие «абсолют» в любых его формах, кажется, что он выражает «предмет как таковой» в предельном значении этого слова, на самом же деле он производит указание на экзистенциальный источник какой-либо логической формы, взятой из цикла повседневного обращения.

§ 23. Эмпирический субъект пользуется логическим объектом как вещью, но не так как обыденный субъект.

Если обыденный субъект приписывает «вещи» — наименования и логический объект следует за «вещью», являясь вторичной, превращенной формой вещи, то у эмпирического субъекта все наоборот: пустая логическая оболочка понятия тре-

бует наполнения, и, употребление понятия ведет за собой привлечение «вещи», что является всего лишь навсего интуитивной ясностью видимой вещи,— только это обеспечивает осмысленность понятия и интуитивную употребляемость его как наименования. В случае, когда он утрачивает ясность употребления логической оболочки понятия, он все-таки пытается сохранить ее с помощью привлекаемой «вещи», выраженной другими наименованиями, становящихся фиксируемой областью использования эмпирических понятий и оправданием его употребления.

Направленность логических действий эмпирического субъекта противоположна направленности деятельности обыденного субъекта: не от «вещи» к логическому объекту, а наоборот, от логического объекта к «вещи» — по видимости.

§ 24. Эмпирический субъект производит действие с натурфикациями аналогично действиям с «вещами»: он высказывает суждение о предмете своей деятельности.

Эмпирический субъект унаследует характер своей деятельности от обыденного субъекта, так как других форм обращения с логическими объектами нет, кроме как осуществления акта предикации имени суждения и приписания ему значения предикативных слов. Следовательно, эмпирическая деятельность это не только производство понятий, но и предикация этого произведенного понятия, что в целом восходит к обыденной ситуации, воспроизводящей «вещь» и ее «атрибут». Эмпирическое понятие на месте имени суждения еще более упрочивает свое логическое значение «предмета как такового», поскольку реализуется теперь уже логической функцией суждения — быть именем суждения, а значит, воспроизводить положение «вещи», которой присваивается «атрибут». Например, «пространство имеет три измерения», «мышление схватывает», «процесс течет» и т. п. Эмпирический субъект, сначала именуется предмет своей деятельности, а затем формой предикации восстанавливает любое из предшествующих ему оснований, но никогда не восстанавливает действительной формы употребления этого понятия и не сообщает ему той формы, которую оно имело в предшествующей деятельности, а употребление его протекает лишь по видимости. Сама же эмпирическая предикация есть новое усилие субъекта, новый выбор наименований, значения которых все равно будут по видимости «атрибутивными», какие бы исходные формы значений они не имели бы в прошлом. Все

эти «атрибуты» вполне будут обыденными атрибутами вещи, с той лишь разницей, что относится они будут не к обыденной «вещи», а к «предмету как таковому», но все равно как к «вещи». Если обыденному субъекту явно то, о чем он мыслит, но не ясно как он мыслит, то эмпирический субъект, хотя и открывает видимость предмета, но не имея оснований этого предмета, кроме логической оболочки, стремится удержать эту ясность, о чем он мыслит как о видимой «вещи». Соответствие логических действий обыденного субъекта «вещам» определяется тем, что он имеет возможность прибегнуть к фиксации этих действий, раз они представляют лишь средство овладения «вещи», и он убеждается в том, что он ею владеет в должной мере. Вместе с тем, он постоянно сталкивается с противоречиями именуемой и практической деятельности — в незнакомом видит знакомое и наоборот — и постоянно осуществляет поправки, чтобы исключить недоразумения, мало заметные для него самого, раз они тут же преобладают. Иное дело у эмпирического субъекта: он имеет возможность использовать любые понятия и любые предикаты, но такой перебор бесконечного количества логических вариантов представляет унылую возможность, поэтому он берет лишь крайности, доведенные до абстрактного противоположения — и только это кажется ему овладением той «вещи», которая скрывается за понятием: друг—враг, сладкое—горькое, наслаждение—страдание, теплое — холодное, доброе—злое и т. п. Только в этом и заключается особый смысл деятельности эмпирического субъекта.

Логическое действие с понятием, выражающим предмет как таковой в форме эмпирического суждения, присваивающего ему какой-либо атрибут, есть способ эмпирического овладения вещью или эмпиризм человеческого мышления.

ДОБАВЛЕНИЕ

Примеров эмпирического рода суждений можно найти в каждом тексте столько, что можно сказать, что все человеческое мышление эмпирично в целом: эмпиризм — это обычная форма человеческой мысли. Для иллюстрации ограничимся высказываниями, взятыми из древнейших источников:

Главное для людей, говорил Пифагор, в том, чтобы наставить души к добру или злу. Счастлив человек, когда душа у него становится доброю; но в покое она не бывает и ровным потоком не течет. Справедливость сильна, как клятва... (Диоген Лаэртский, VIII 32—33).

С натурфикацией можно поступать, как поступают с людьми, и относиться к высказыванию о ней, как если бы высказывание касалось близкого человека:

Когда он [Сократ] услышал в драме Еврипида такие слова о добродетели:

...Не лучше ль
Пустить ее на произвол судьбы... —

то он встал и вышел вон: не смешно ли, сказал он, что пропавшего раба мы не ленимся искать, а добродетель пускаем гибнуть на произвол судьбы? (Там же, II 33)

У Платона «душа сама по себе, наблюдает общее во всех вещах» (Тезет 185 d—e) Здесь сразу две натурфикации: «душа сама по себе» и «общее во всех вещах», но смысл высказывания доступен потому, что за эмпирическим суждением легко угадывается обыденное представление: кто-то наблюдает за кем-то.

Субъектные натурфикации в эмпирическом суждении сами становятся «субъектами», обладающими одноименными «атрибутами», так что «мысль» может «мыслить», «чувство» — «чувствовать», «воля» — «изъявлять» и т. п. Но в качестве «субъектов» они приобретают и все другие атрибуты, присущие субъекту.

«Все, что имеется, было совокупно, затем пришел Ум и установил в нем распорядок» (АНАКСАГОР.— См.: Диоген Лаэртский, II 6).

Тут же содержится остроумный комментарий главного наместника древней Греции — Тимона, по сути вскрывающего природу натурфицирования атрибутивного наименования:

За это его даже прозвали Умом: Тимон в «Силлах» говорит о нем так:

Был, говорят, и Анаксагор, сей Ум многомогущный:
Впрямь, не его ли умом, от сна пробужденным внезапно,
Все, что разлажено было дотоль, вдруг сладилось вместе?

У Прокла «ум» способен «мыслить» и предметное основание — «то, что» мыслится, и логическое основание — то, что он «мыслит»:

Если ум существует энергично и мыслит сам себя не как иное в отношении мыслимого, то он знает себя и видит себя. Видя же себя мыслящим и познавая себя видящим, он знает, что ум энергичен. Зная же это, он знает, что мыслит, а не то только, что мыслит. Следовательно, он знает и то и другое, и умопостигаемое и то, что он мыслит; и мыслится он самим собой, мыслящим (Первоосновы теологии, с. 99).

§ 25. В качестве предиката используемого понятия эмпирический субъект берет «вещь» в форме слова с номинативным значением.

В данном случае эмпирический субъект употребляет суждения, аналогичные обыденным суждениям принадлежности, где имя и предикат суждения выражены словами с номинативными значениями. Если обыденный субъект использует наименования для обозначения многих «вещей», то эмпирический субъект, используя аналогичные суждения, имеет возможность использовать многие «вещи» для наполнения голой логической формы понятия, сквозь оболочку которого лишь по видимости просвечивает «вещь», и тем самым употребляет натурфицированный предмет наряду с другими «вещами».

Эмпирический субъект унаследует от обыденного субъекта форму деятельности и представляет суждения, где «предмет как таковой» соотнобразится с разными «вещами», то есть он производит классификационное суждение.

ДОБАВЛЕНИЕ

Эмпирический субъект может создавать классификацию только из понятий, по значению субстантивных. Понятия, образованные из атрибутивных наименований, не могут быть подвергнуты классификации. Это происходит потому, что субстанции в своих исходных значениях указывают на многие «вещи», и классификация воссоздает ряд этих «вещей», используя их наименования. А всякая натурфикация атрибутов, хотя в понятии и выступает предметом как таковым, воспроизводя вещь как таковую, но только по видимости, а на самом деле не содержит в исходном пункте деятельности — «вещи», а только логическое объективирование материальной силы субъекта, и поэтому такие вещи не соотносятся друг с другом. Поэтому всякая попытка классифицирования натурфикаций как перечень субстантивированных атрибутов представляется вполне бессмысленной.

Иллюзия эмпирического субъекта — двенадцатая

Эмпирический субъект считает, что любой атрибут принадлежит вещи. Это имеет место потому, что классификационное

суждение указывает на принадлежность одной вещи к другой, а «атрибут», представляемый логическим объектом и становящийся от этого предметом как таковым, начинает принадлежать вещи, как только вещь может принадлежать вещи. Но эмпирический субъект не видит того, что вещи может принадлежать только вещь, и собственность обыденного субъекта он приписывает вещи так же, как вещи вещь.

§ 26. Эмпирический субъект приписывает любой натурфикации атрибут существования.

Эмпирическое суждение приобретает следующий вид: «предмет как таковой существует». Совершенно ясно, что эмпирический субъект не воспринимает различие в тех формах, которые он использует. Поэтому понятие как таковое, являясь логической оболочкой предмета его деятельности, не может обладать статусом существования вещи. Однако иллюзорное представление настолько превратно в эмпирическом суждении существования, что за понятием эмпирический субъект открывает только «вещь», и только ее признает «существующей», хотя в самой натурфикации нет и следа от вещи практического субъекта. Эмпирическое суждение существования в целом также ничего не имеет от области практического употребления вещи, и поэтому ни одно из эмпирических понятий не может обладать статусом существования вещи, что приводит в крайнее противоречие с открываемой видимостью эмпирического субъекта его действительное положение дел. И с этим противоречием он все время сталкивается, как с многочисленными недоразумениями. Что желает сказать эмпирический субъект, высказывая суждение: «жизнь существует», «субстанция существует», «причина существует» и т. п.? Только то, что он может произвести указание на то, о чем утверждает в качестве «существующего», несмотря на то, что форма его указания совсем не похожа на указания практического или обыденного субъекта и содержится только в самом акте предикации атрибута существования и утверждении значения «предмета как такового» в форме имени суждения. Но если эмпирический субъект заспешит утвердить «существование» последующими предикациями, то вряд ли последовательность логических актов сможет что-либо добавить к тем формам, что использованы в суждении существования. Таким образом, открываемая видимость «предмета как такового» эмпирическим субъектом одновременно утверждается «существующей», в то же время ни в одной из функций эмпирического суждения не содержит ничего утверждающего

статус существования вещи. Убедительность «существования» для него «предмета как такового» сосредотачивается на самом акте предикации атрибута существования, хотя имеются все предпосылки в именной функции, утверждающей «предмет как таковой». Но сама форма эмпирического суждения не содержит указания, в статусе чего окажется «предмет как таковой» «существующим». Это «существование как таковое», равное утверждению «предмета как такового», не имеет иных средств указания и обращения к вещи, и поэтому всегда иллюзорно и требует произвести дополнительные усилия по добыванию таких указаний, тогда как практический и обыденный субъект удовлетворяется самим присутствием вещи и открываемой видимостью за средствами указания на вещь. Стало быть, в высказываниях обыденного субъекта производится достаточное «указание» на существование вещи, ибо само высказывание есть еще пользование этими указаниями. В эмпирической деятельности потому и возникает суждение существования, что оно выступает этим дополнительным средством указания и что у эмпирического субъекта нет внешнего предметного основания практической деятельности, и он восполняет его отсутствие этим суждением, хотя даже после совершившихся логических действий — предикации существования — никогда не появится необходимое ему основание.

Эмпирическое суждение существования не содержит в себе статуса существования вещи, но только статус существования логического объекта или существования по видимости предмета как такового.

Иллюзия эмпирического субъекта — тринадцатая

Эмпирическому субъекту кажется, когда он употребляет суждение существования, что «предмет как таковой существует» как всякая иная вещь, хотя на самом деле он утверждает лишь статус существования одноименного предмету его суждения логического объекта, о чем и не подозревает.

ДОБАВЛЕНИЕ

Содержит иллюзию высказывание Аристотеля о «существовании природы»:

А пытаться доказывать, что природа существует, смешно, ибо очевидно, что таких предметов много (Физика, 193 а).

Смешно, по Аристотелю, не то, что «природа существует», а само доказательство этого суждения, поскольку видимость, открываемая за употреблением понятия, не требует для него разъяснений. Это и показывает то, что он настаивает на раскрытии только видимости вещи обыденным субъектом, что для Аристотеля служит гарантом достаточности и ясности эмпирической формулы «природа существует». Однако ссылаясь на обыденную предметность ведется тоже в эмпирической форме «предметов много», а это значит, что он располагает только эмпирическими формами — иллюзорными по характеру открываемой видимости, не воспроизводящей логический характер эмпирической деятельности. Ведь как эмпирический субъект он пользуется только понятиями.

§ 27. То, что эмпирическим субъектом берется как предмет его суждения, объявляется не существующим.

«Душа не существует», «субстанция не существует», «каузальность не существует», «бог не существует», «существование не существует» и т. п.— все это двойные предикации, поскольку «не существует» является суждением — «отсутствие существования», где «существование» выступает предметом как таковым, то есть эмпирическим понятием. Поэтому независимо от того, какое конкретное понятие выступает в качестве приведенных предметов, оно сводится к тому, что «предмет как таковой отсутствует». Но всякое «отсутствие» есть указание на обстоятельства деятельности обыденного субъекта и в этом качестве восходит к актуальной фиксируемости: характер самой обыденной деятельности и порождает отрицательную предикацию. Но в эмпирической деятельности нет никаких обыденных оснований, а собственное обстоятельство заключается в пользовании «предметом как таковым», поэтому и отрицательный предикат эмпирического суждения есть не что иное, как «отсутствие как таковое», как «отсутствие вообще». Эмпирический субъект получает возможность отказать предмету суждения в каком-либо существовании вообще. Здесь он впадает в труднейшее противоречие: он сам произвел натурфикацию, а затем объявляет ее «несуществующей». Значит, дело здесь в том, что он наталкивается на обстоятельства своей деятельности, интуитивно предчувствуя неоднозначность формы, с которой он имеет дело и решает на то, чтобы объявить собственный продукт «несуществующим». И чем с большей уверенностью производится им понятие, тем труднее ему отказать от собственных произведенных продуктов, а следовательно, и от их «существования».

Эмпирический субъект, отказывая «предмету как таковому» в существовании, так и не выяснил статус существования произведенной им натурфикации.

ДОБАВЛЕНИЕ

Последователи Гегесия согласно Диогену Лаэртскому, наглядно демонстрируют противоречивость эмпирического отрицания:

По их мнению, не существует ни благодарности, ни дружбы, ни благодеяния (II 93).

Однако тут же все эти предметы рассматриваются вполне как существующие:

К ним ко всем мы стремимся не ради них самих, а ради их выгод, ибо без выгод их не бывает.

Следовательно, отрицание этих предметов производится не вообще, не в абсолютном их не существовании, а в каком-то определенном, подразумеваемом смысле, восходящем к обыденной предметности, и поэтому не раскрываемом им в эмпирическом суждении. Эмпирический субъект продолжает метаться в противоречиях формы существования понятия.

Иллюзия эмпирического субъекта — четырнадцатая

Эмпирическому субъекту, пытающемуся отвергнуть существование «предмета как такового», кажется, что он устранил в качестве вещи «предмет как таковой», но он не видит того, что логическая форма понятия утверждает «существование предмета как такового» по видимости, даже если ему будет отказано в существовании и приписан отрицательный предикат.

§ 28. Эмпирический субъект использует отрицательные понятия и отрицает их в суждении.

Только эмпирический субъект может производить отрицание отрицательной предикации. Обыденный субъект не может создать отрицательную натурфикацию как предмет своей деятель-

ности, поскольку использует отрицание только как воспроизведение характера своей деятельности посредством приписания предмету особого предикативного значения. Эмпирический субъект заимствует отрицательную предикацию у обыденного— и превращает ее в «предмет как таковой». По видимости, открываемой эмпирическому субъекту за формой употребления понятия, он утрачивает обыденное значение отсутствия и восстанавливает свое собственное значение «предмета как такового», и «отсутствие «вещи» превращается в «вещь как таковую». И только в этой форме и в этом значении он производит новую предикацию «отсутствия». Следовательно, «отсутствие», хотя и присваивается «предмету как таковому», на самом деле присваивается «отсутствию» вещи,— и через нагромождение всех этих логических форм—эмпирическому субъекту, выясняющему «отсутствие отсутствия вещи», проясняется всего-навсего «утверждение существования предмета как такового». Двойное отрицание, стало быть, всегда означает не что иное, как утверждение.

Эмпирический субъект не может добиться от последовательной цепи отрицательных предикаций особого смысла, так как любое количество отрицаний реализует одну единственную форму предметности, а именно «вещи», выраженной утвердительной формой высказывания.

ПРИМЕЧАНИЕ

Что же касается Парменида, то он, кажется, говорит с большей проинициальностью [чем Ксенофан и Меллис]. Полагая, что наряду с сущим вообще нет никакого не-сущего, он считает, что с необходимостью существует [только] одно, а именно сущее (Аристотель. Метафизика, 986 В 25).

Согласие Аристотеля с Парменидом означает только одно, что такой предмет как «отсутствие» «отсутствует». Если «отсутствия сущего нет», значит, только утверждается «предмет как таковой», то есть «сущее», однако в эмпирической, иллюзорной форме.

Классическое высказывание Эпикура о смерти полностью подходит к цепи бессодержательных отрицательных тавтологий, скрытых от эмпирического субъекта, как кажется, в достоверных суждениях, но они только создают впечатление обозримости предмета, иллюзорного в представлениях эмпирического субъекта.

29. Эмпирический субъект приписывает любым натурфакциям ценностные предикаты.

В подобных суждениях, где имена представлены эмпирическими понятиями, а предикаты — обыденными ценностными словами, предмет является лишь только в иллюзорной форме «вещи», и эта форма превращает обыденную предикацию в эмпирическое суждение. Поскольку ценностное слово такого суждения все-таки остается обыденным, а «вещь» утрачивает обыденную видимость, то и значение ценностного предиката, приписываемого этой «вещи», также претерпевает изменение: обыденное ценностное слово утрачивает личностное значение и несет в себе значение «предпочтительности как таковой».

Эмпирическое суждение, использующее обыденную ценностную предикацию к натурфицированному понятию, имеет превращенную форму личностного значения ценностных слов и приобретает ценностное значение — предпочтительности как таковой.

ДОБАВЛЕНИЕ

Вот типичный пример из рассуждений Аристотеля, где обыденные ценностные предикаты «благо» используются в эмпирическом значении, поскольку их значения приписываются натурфакции «цель»:

Если же у того, что мы делаем, существует некая цель, желанная нам сама по себе, причем остальные цели желанны ради нее и не все цели мы избираем ради иной цели (ибо так мы уйдем в бесконечность, а значит, [наше] стремление бессмысленно и тщетно), то ясно, что цель эта есть собственно благо, т. е. наивысшее благо (Никомахова этика, 1094 а 20).

30. Ценностные понятия, как всякие эмпирические, также выступают в значении «предмета как такового».

В своем предметном значении «ценность» может занимать положение, располагаться во времени, классифицироваться среди других «предметов», определяться существующей или не существующей и т. п. Все это возможно потому, что в наименовании «ценность» эмпирический субъект утрачивает все обыденные основания, кроме логической оболочки «ценности как таковой», и эмпирическая предикация способствует упрочению иллюзии эмпирического субъекта, что это «вещь как таковая», раз ей присущи «атрибуты вещи». А логические функции имени

и предиката только к этому и приспособлены: если имя эмпирического суждения производит «предмет как таковой» по видимости, то и предикат воспроизводит атрибут этой «вещи» также по видимости.

Логические действия с натурфикацией «ценность», — приписывающие ей атрибуты вещи, являются ценностным эмпиризмом.

ДОБАВЛЕНИЕ

Рассмотрим из бесконечных примеров ценностного эмпиризма лишь несколько, опираясь главным образом на древние источники. Неоспоримым достоинством вещи обладают ценностные натурфикации у **Демокрита**, эти «вещи» могут расти, управляться, использоваться как средства борьбы и защиты:

У людей зло вырастает из добра, когда не умеют управлять и надлежащим образом пользоваться добром. Неправильно было бы подобные [вещи] относить к числу зол, но [должно] считать их благами. Добром можно пользоваться, если кто захочет, во зло (Материалисты, с. 157).

Основная часть диалогов **Платона** воспроизводит эмпирическую форму понятия «ценность», например, у его персонажа она воспринимается органами чувств: «Только одной красоте выпало на долю быть наиболее зримой и привлекательной» (Федр, 250 е).

«Вещью» становится у **Аристотеля** благо, когда он приписывает ему движение, критикуя таким образом Платона, для которого благо как понятие едино, всеобще и неподвижно, то есть обладает вполне определенными атрибутами вещи.

У **Прокла** благо является хозяином, который охраняет все сущее, «сводит вместе и скрепляет сущее», объединяет все (Основы теологии, с. 35).

Иллюзия эмпирического субъекта — пятнадцатая

Эмпирическому субъекту кажется, что такая вещь как «ценность» должна где-то находиться, и он помещает ее в предметной сфере, в том числе такой сферой становится и сам человек. На самом деле, он в эмпирической форме воспроизводит процесс объективирования обыденным субъектом своих личностных значений в «вещи» и различает внешнее предметное ос-

нование объективирования и личностное основание в иллюзорной предметно-логической форме.

ДОБАВЛЕНИЕ

Вот местонахождение «ценности» по мнению **Платоновского Сократа**:

Благо нужно искать не в беспримесной жизни, а в смешанной (Филеб 61. В).

После того, как Платоном введены понятия «ум», «разумение», его персонаж восклицает: «Уже стоим в предверии обители блага...» (64 с).

Внутри живых существ обнаруживает «ценность» **Аристотель**:

Да, вероятно, и в низших [существах] заключено некое [природное благо], которое выше их как таковых и которое тянется к родственному ему благу (Никомахова этика 1173 а—5).

В эмпирическую форму облакает Аристотель обыденные представления о местонахождении «ценности» в «Большой этике»:

Она (добродетель), по-видимому, есть некая середина между противоположными страстями (1186 В 30).

В зависимости от того, где находится «ценность», так она и подразделяется, и разные ценностные вещи находят себе разные места:

Благо может находиться в душе,—таковы добродетели, или в теле—таковы здоровье, красота, или вне того и другого—таковы богатство, власть, почет и им подобное (1184 В—5).

Душа, утверждаем мы, разделена на две части—обладающую разумом и внеразумную. В обладающей разумом заключены разумность, проницательность, мудрость, способность к научению, память и тому подобное; во внеразумной—то, что зовется добродетелями: благоразумие, справедливость, мужество и другие черты нрава, вызывающие одобрение (1185 В—10).

Благое и прекрасное не одно и то же (первое всегда в деянии, прекрасное же—и в неподвижном) (Метафизика 1078 а 30).

Степень наивысшего состояния «блага» определяется его местоположением: «Самое высочайшее благо—то, которое в душе». (Большая этика 1184 В 5).

§ 31. Эмпирический субъект заимствует у обыденного субъекта установочные суждения — суждения долженствования.

Это не остается без последствий для самих суждений, поскольку эмпирический субъект производит с ними очередное логическое превращение. В обыденном суждении долженствования субъект сам определяет для себя характер и способы действий, поэтому в суждении «вещь» как цель его действий выступает уже как овладеенная вещь — в форме ценностного наименования, а другая часть суждения указывает на способ овладения. Поэтому здесь устанавливаются отношения между ценностным и собственно установочным суждением: чтобы получить ценность, надо сделать то-то. Но эмпирический субъект теряет все основания обыденной деятельности и распространяет указание на «предмет как таковой», следовательно, дает и «рекомендацию как таковую», но эта рекомендация не указывает на способ действия, а только — на предпочтение того или другого характера действия. Эмпирический субъект никогда не возьмет на себя ответственность за то, что выполнить его рекомендации никто не сможет.

Суждения долженствования эмпирического субъекта являются предписаниями как таковыми или императивом.

ДОБАВЛЕНИЕ

Слова с ценностными значениями образуют стержень императива. Это подтверждается древними источниками, которые изобилуют назиданиями, нравоучениями и различными предписаниями. Диоген Лаэртский пишет о предшественниках греческих философов:

Гимнософисты и друиды.. говорили загадочными изречениями, учили чтить богов, не делать зла и упражняться в мужестве.. (1 6).

Они [маги] составляли сочинения о справедливости; утверждали, что предавать покойников огню — нечестиво, а сожительствовать с матерью или дочерью — нечестиво.. (1 7).

Типичным императивом является требование скептиков воздерживаться от суждений:

Представления у них [живых существ] не одни и те же от одних и тех же вещей и что поэтому при таком противоборстве лучше воздерживаться от суждений (Пиррон.— Диоген Лаэртский, IX 79).

В таком назидании есть практический смысл: разность личностных оснований,— определяющая различие суждений не может быть преодолена «противоборством» и вообще вряд ли есть необходимость ее преодолевать. Более того, его нельзя выполнить вообще, так как придется отказаться от значительного человеческого достояния — речи. Но если принять его в частности, то можно рассматривать как способ сгладить человеческие недоразумения, что также трудно выполнить, а чаще всего невозможно.

Иллюзия эмпирического субъекта — шестнадцатая

Эмпирическому субъекту кажется, что он своим императивом кому-либо может передать характер собственной деятельности, и не видит того, что всякая иная деятельность имеет свои собственные основания.

ДОБАВЛЕНИЕ

Эту иллюзию разделяет Демокрит, считая:

Если кто-нибудь с умом станет внимать этим моим изречениям, то он совершит много дел, достойных прекрасного мужа, и избежит многого дурного (Материалисты, с. 153).

ПРИМЕЧАНИЕ

Положение императива в структуре деятельности фиксирует Платон в диалоге «Политик»:

После того, как он [зодчий] вынесет суждение, это еще не конец, и он не может на этом остановиться подобно мастеру счетного искусства: он должен еще отдавать приказания — какие следует — каждому из работающих, пока они не выполнят то, что наказано (260).

Аристотель в «Никомаховой этике» верно подметил иллюзорность представлений эмпирического субъекта в лице «рассудительного человека», предлагающего свои предписания:

Мудрость ведь не учит, отчего человек будет счастлив, ибо ничто становящееся не есть ее предмет, рассудительность же занимается этим...

Если же надо говорить, что рассудительный существует не ради этих [знаний], но ради возникновения [добродетельных устоев], то [людям уже]

добропорядочным [рассудительный] совершенно бесполезен, более того, и тем, кто не обладает [добродетелью],— тоже, ибо не будет различия, сами ли [они] обладают [добродетелью] или слушаются тех, кто ею обладает; и пожалуй, достаточно, если [мы будем поступать] так, как со здравьем: желая быть здоровыми, мы все же не изучаем врачевания (1143 В 15—30).

§ 32. Полностью сохраняя иллюзию видимости вещи, эмпирический субъект предиктирует собственный натурфикацией предмет, выраженный любой из произведенных им натурфикаций.

С логической точки зрения подобные суждения не отличаются от обыденных, если не видеть того, что все они в целом производятся только эмпирическим субъектом и не употребляются в обыденной деятельности, например: «субстанция эманурует». Это становится возможным потому, что понятия, имевшие значения «предмета как такового», выступают предикатами суждения, и по аналогии с обыденным суждением их значения, бывшие в прошлом атрибутивными, как «атрибуты» приписываются другой натурфикации. Подобного рода эмпиризм превозносит сам себя, поскольку является исключительной производностью эмпирического субъекта, где все составные части логической деятельности представлены только его собственными продуктами. От того такие суждения кажутся исключительно искусственными, но тем не менее широко используются в эмпирической деятельности.

Эмпирический субъект, употребляющий суждения, где главными членами являются натурфикации, производит эмпирическую разверстку.

Иллюзия эмпирического субъекта—семнадцатая

Эмпирический субъект, производя эмпирическую разверстку, не видит того, что она продукт только его собственной деятельности, и верит в то, что он открыл особый предмет с особыми качествами.

§ 33. Исключительная собственность эмпирической деятельности обнаруживается в отрицательной эмпирической разверстке.

Эмпирический субъект отрицательной формой суждения восстанавливает предметное основание утвердительного суждения.

Поэтому если эмпирический предикат взят произвольно, то есть в исходных обстоятельствах деятельности отсутствует одно из этих оснований, например, «квадрат круглый», «луна имеет молочные железы», то эмпирический субъект, сконструировав подобную предикацию, имеет возможность ее отвергнуть отрицанием. Но последней формой он только восстановит утвердительную форму, а она произвольна, и тем самым иллюзорность утвердительной предметности усугубится ее отрицанием: «круглый квадрат не круглый», «молочные железы луны не молочны». И чем более произвольна была предикация суждения, тем более бессмысленна предикация отрицания этой произвольности. Вся эта бессмысленная разверстка приобретает следующую последовательность: то, что отсутствует в исходных обстоятельствах, приписывается утвердительной предикацией как присутствие, а затем отрицается это присутствие, поскольку в исходных обстоятельствах его не было. Поэтому вся цепь предикаций и является бессмысленной, ибо она ничего не прибавляет к исходной форме деятельности и является эмпирической конструкцией, надстраивающейся над здравым смыслом.

Произвольность отрицательной эмпирической разверстки, характеризующейся крайней степенью произвольности эмпирической деятельности, вдвойне иллюзорна, а потому бессмысленна.

ДОБАВЛЕНИЕ

Примером отрицательной эмпирической разверстки может служить высказывание Аристотеля о том, что «сущность ни к чему не относится». На самом деле если «сущность» брать как понятие, то оно, лишённое предикации, то есть взятое вне суждения, ни к чему и не может относиться. Но Аристотель берет эту натурфикацию как «вещь» и она им ни к чему не относится, и не только в его указании, но и в отсутствии всяких действий с этой натурфикацией. Хотя эмпирическому субъекту кажется, что он теперь знает, что представляет из себя такая «вещь» как «сущность».

Иллюзия эмпирического субъекта — восемнадцатая

Эмпирический субъект за отрицательной эмпирической разверсткой открывает в вещи видимость существования того, чего

в ней нет, поскольку приписывает ей отсутствующие атрибуты, а затем отказывает ей и в этом; но это только видимость, на самом деле, он утверждает отрицательной эмпирической разверсткой только «вещь».

§ 34. Эмпирический субъект использует для эмпирической разверстки другие формы предикативных значений, кроме отрицания.

Поскольку отрицание представляет собой только одну из форм приписания предикативных значений, то аналогичным образом эмпирические разверстки, использующие другие формы предикативных значений, также являются бессмысленными. К ним можно отнести разверстки ценностных понятий, атрибута существования, и особенно классификации натурфицированных объектов.

Эмпирический субъект не различает форм эмпирических разверсток, поскольку за каждой видит вещь.

ДОБАВЛЕНИЕ

Остановимся на классификациях различных натурфицированных объектов, и особо на классификациях ценностных понятий.

Эмпирическую процедуру классификации ценностных «вещей» производит **Платон** посредством атрибута принадлежности: «Ведь благочестивое — часть справедливого» (Евтифрон 12 d)

Давай не будем поспешно судить обо всей добродетели в целом: наверное, это слишком большое дело. Посмотрим сначала, достаточно ли хорошо мы знаем какую-либо ее часть; тогда, по-видимому, и само исследование окажется для нас более легким (Лакхет 190 с).

Аристотель пытается приписать высшую ценность «благо» какому-либо «началу», следовательно, превращает их в принадлежность друг другу. Затем многочисленные попытки приложить ценностные понятия различным сущностям, как правило натурфицированным, убеждают Аристотеля, что это возможно, но и вызывают у него удивление, что, скажем, «единое» — это благо, но и растения то же благо. А ему хотелось бы, чтобы благо было само по себе или по крайней мере приписано чему-то такому более подходящему, чем в приведенном случае,

но опять-таки в качестве наилучшей прилаженности к какому-нибудь «началу», то есть к логической натурфикации. Вывода же об основаниях своих попыток классифицирования Аристотель не дает.

В «Риторике» Аристотель представляет исключительно унылый эмпиризм в качестве длинной классификации, вот небольшой отрывок:

К числу составных его [счастья] частей необходимо будет принадлежать благородство происхождения, обилие друзей, дружба с хорошими людьми, богатство, хорошее и обильное потомство, счастливая старость, кроме того, еще преимущества физические, каковы здоровье, красота, сила, статность, ловкость в состязаниях, и также такие достоинства, как слава, почет, удача, потому что человек наиболее счастлив в том случае, когда он обладает благами, находящимися в нем самом и вне его; других же благ помимо этих нет. В самом человеке есть блага духовные и телесные, а вне его благородство происхождения, друзья, богатство и почет. К этому, по нашему мнению, должно присоединяться могущество и удача... [И т. д., и т. д.]

Итак, рассмотрим, что такое представляет каждая из названных частей счастья в отдельности... [И т. д., и т. д.]

«Благо» становится у Аристотеля принадлежностью большого количества логических натурфикаций в «Большой этике»:

Свое благо есть для каждой категории, будь то сущность, качество, количество, время, отношение, место, в общем, любая категория (1183 а 5—10).

По Эпикуру, два ценностных понятия «справедливость одна и та же» и «справедливость не одна и та же» ставятся в отношении принадлежности «для всех»:

В целом справедливость для всех одна и та же..., но в применении к особенностям места и обстоятельств справедливость не бывает для всех одна и та же (Диоген Лаэртский, X 151).

ПРИМЕЧАНИЕ

Надо отдать должное Аристотелю, что он, несмотря на иллюзорный характер большинства случаев употребления ценностных натурфикаций, все же сформулировал затруднения, возникающие у эмпирического субъекта при попытке классифицирования натурфикаций атрибутивно-предикативного типа, что можно расценивать как слабую рефлексию характера эмпирической деятельности:

Вызывает затруднение вопрос (а кто намерен легко устранить его, тот заслуживает упрека), как относятся элементы и начала к благому и прекрасному (Метафизика, 1091 а 30).

§ 35. Эмпирический субъект приписывает ценностным понятиям атрибут существования.

Поскольку открываемая для эмпирического субъекта видимость «предмета как такового» является доминирующим мотивом его деятельности, то, следовательно, он утверждает «ценность как таковую» только в этом предметном значении, а отрицанием существования ее также не снимает предметной видимости. Таким образом, эмпирический субъект не преодолевает иллюзорности натурфикации данной формой суждения. Для него остается открытым вопрос о статусе существования этой натурфикации и о всех тех формах существования, которые лежат в основе ее употребления. Но то же самое происходит и в утверждении «ценность не существует» — эмпирическому субъекту кажется, что он отрицает существование «несуществующего», но статус существования утверждаемого предмета остается в еще большей неясности. Отрицательная эмпирическая разверстка ценностного понятия добавляет недоразумения к отрицаемому понятию, от чего деятельность эмпирического субъекта приобретает сомнительный характер: если нет того, чего нет, то почему необходимо его отрицать, проявлять какое-то усилие к тому чего нет, заставлять его своим суждением «не существовать». В парадоксальности, граничащей с бессмысленностью, этого рассуждения виновен ряд обстоятельств. Прежде всего, отсутствие статуса существования предмета высказывания — сразу обеспечивает видимость его как «вещи», и поэтому легко появляется обыденная форма отказа от этой «вещи». Другое, — это возможно только потому, что предмет эмпирической разверстки не имеет фиксированного указания, если он представлен понятием, и вместо того, чтобы выяснить основания его употребления, эмпирический субъект пытается устранить его отрицанием, не задумываясь над тем, что своим эмпирическим шагом он только упрочивает существование натурфикации, чем в большей степени затуманивает ее природу.

Приписание натурфицированному объекту атрибута существования в форме утверждения или отрицания оставляет этот объект в иллюзорной форме представления эмпирического субъекта.

ДОБАВЛЕНИЕ

Те из античных авторов, кто отмечает использование ценностных слов по установлению или обычаю — или по природе,

о чем они спорят между собой, в одинаковой мере упрочивают натурфицированную форму понятия независимо от того, признают ли существование такого объекта или отрицают. Например, **Архелай** отмечает: «Справедливое и безобразное существуют не по природе, а по установлению» (Диоген Лаэртский, II 16). **Киренаики**: «Нет ничего справедливого, прекрасного или безобразного по природе: все это определяется установлением и обычаем» (II 93).

Вопрос о существовании «ценности» — это вопрос практического поведения для многих **платоновских** персонажей:

Каким образом, придав душам их сыновей добродетель, сделать их более достойными людьми? Следовательно, надо начать с того, чтобы узнать, существует ли добродетель? Ведь если мы вообще не будем знать о добродетели, что она существует, как сможем мы стать советчиками для кого бы то ни было в вопросе о том, каким образом приобрести ее наилучшим путем? Значит, мы утверждаем... будто знаем, что она существует (Лакхет, 190 Б).

Но это обращение остается в рамках ценностного эмпиризма, поскольку с добродетелью здесь обращаются как с продуктом в лавке: ее можно приобрести, передать, сообщить кому-либо. Но в то же время мы не найдем здесь указания на формы существования интересующей героев Платона «вещи» — добродетели.

Такой же вопрос задается в «Филебе»: «Нужно ли вообще допускать, что подобные единства [единое благо] действительно существуют?» (15), а далее ему приписываются вещественные атрибуты, превратившиеся в предметно-логические натурфикации: «каждое из них пребывает вечно тождественным, прочным, непричастным ни возникновению, ни гибели» (там же)

Секст Эмпирик использует и утвердительную, и отрицательную форму приписания атрибута существования — ценности: одну он отвергает, другую принимает. Но в обоих случаях ценностная натурфикация представлена в эмпирической форме видимости «предмета как такового»:

Поэтому, если существует какое-либо благо по природе, оно есть благо для всех; и, если есть какое-либо зло по природе, оно есть зло для всех. Но, как мы покажем, ни благо, ни зло не общи для всех. Следовательно, нет никакого блага или зла по природе (Против этиков, 71).

§ 36. Эмпирический субъект, используя «ценность» в качестве предмета суждения, приписывает ей ценностный предикат.

Общность ценностных понятий, употребляемых при этом, определяется не их предметным значением в эмпирическом суждении, а значением в предшествующей деятельности. Именно поэтому они совпадают, если в прошлом выражали пристрастное отношение к «вещи», и в этом значении, выражающем определенную степень напряжения экзистенциальных сил обыденного субъекта, они и совпадают, хотя и употребляются эмпирическим субъектом в превращенном виде. Но и он способствует отождествлению ценностного предмета и ценностного предиката в эмпирической разверстке, поскольку они совпадают и по предметной видимости — как «предметы как таковые», и по ценностному значению — как «предпочтительности как таковые». Поэтому предметность эмпирического суждения не является препятствием для приписания ей эмпирического предикативного значения — все равно за ними открывается только видимость «предмета» и надлежащего для него «атрибута»: «добро прекрасно», «справедливость полезна», «гармония изящна» и т. п. Если ценностные понятия в подобных суждениях и имеют еще остаток значения «предпочтительности», то она полностью утратила характер личностного значения. Учитывая то, что каждое из ценностных понятий приспособлено эмпирической деятельностью нести то предметную функцию, то предикативную, то следовательно, если они поменяются местами в эмпирическом суждении, ничего не изменится — ни смысл, ни характер логических действий. Но эмпирический субъект не замечает всех этих форм деятельности и, перешагивая через них, стремится к обыденной предметности: «вещь» имеет «атрибут». В качестве образца бессмысленности эмпирической разверстки ценностных понятий можно сконструировать суждение: ценностная ценность ценностно ценится оцененной ценностью.

Ценностная предикация ценностных понятий является эмпирической тавтологией, которую не замечает эмпирический субъект, хотя и старается придать ей особый смысл.

ДОБАВЛЕНИЕ

Я настаиваю лишь на том, что все прекрасные вещи становятся прекрасными через прекрасное [само по себе]. Надежнее ответа нельзя, поэтому, дать ни себе, ни кому другому. Опираясь на него, я уже не оступ-

люсь. Да, я надежно укрылся от опасностей, сказавши себе и другим, что прекрасное становится прекрасным благодаря прекрасному (ПЛАТОН, Федон, 100 d).

§ 37 Эмпирический субъект пытается воспроизвести видимость обыденной деятельности, используя собственные натурфикации «предмет», «свойство», «ценность».

Эмпирический субъект имеет возможность утверждать, что «предмет обладает ценностными свойствами», и тем самым он воспроизведет логику обыденного субъекта, которому кажется, что действительно вещь обладает ценностными свойствами. Но эмпирический субъект не указывает на какое-либо обыденное предметное основание и берет его в форме натурфикации «вещь» или «предмет», не располагает он и другими основаниями обыденной деятельности, используя предметно-логическую натурфикацию «свойство» и натурфикацию «ценность». Но таким образом, за понятиями эмпирического субъекта не воспроизводятся действительные формы, которыми он пользуется, но только иллюзорная предметная видимость.

Попытка воспроизведения обыденной деятельности эмпирическим субъектом оканчивается сведением разных натурфикаций к форме «предмета как такового».

§ 38. Эмпирический субъект на основе своей деятельности вырабатывает собственную позицию, дающую ему право высказывать свои предпочтения.

Прежде всего результаты эмпирической деятельности могут содержаться в произведенной им классификации объектов и создания из них определенной иерархии. На базе произведенных действий эмпирический субъект может высказывать свое отношение к включенным в классификацию объектам. Но для этого он будет пользоваться ценностными словами, выражая свое предпочтение. Тем самым он вернется к обыденной деятельности и превратится в обыкновенного обыденного субъекта.

Поскольку эмпирический субъект может быть заинтересован в результатах своей деятельности, то всякое выражение предпочтения будет нести личностное значение, следовательно, он превращается в обыденного субъекта.

ДОБАВЛЕНИЕ

Гераклит создал иерархию из интересующих его объектов и в соответствии с ней высказал свои собственные обыденные оценки:

«Из людей мудрейший по сравнению с богом покажется обезьяной, и по мудрости, и по красоте, и по всему остальному» (Платон. Гиппий большой, 289 В).

«Из обезьян прекраснейшая безобразна, если сравнить ее с человеческим родом» (289).

§ 39. Эмпирический субъект обращает внимание на логическую деятельность обыденного субъекта и предметом его деятельности становится способ представлять овладеваемую вещь.

Уже обыденный субъект, овладев в своей логической деятельности «вещью», называет ее «истиной». Эмпирический субъект, употребляя понятие «истина» в качестве предмета как такового, обращает внимание на способ овладения «вещи» и называет его «критерием». Эмпирический субъект производит понятие «критерий», как присуще ему, в натурфицированной форме, но не видит того, что он воспользовался обыденным указанием на способ осуществления логической деятельности и рассматривает его как «предмет как таковой».

Эмпирический субъект способен натурфицировать текучесть самой деятельности и представлять ее в качестве «вещи».

Иллюзия эмпирического субъекта — девятнадцатая

Эмпирическому субъекту всякий «критерий» кажется вещью, на самом деле он утрачивает представление о способе обыденной деятельности, — лежащем в основе этого понятия. И ему кажется, что он произвел такой предмет, с помощью которого он придает «истине» ее действительное предметное значение, но его предшествующая деятельность застывает в натурфикации как логическая форма.

§ Эмпирический субъект, обнаруживая иллюзорность своих действий, в неявной форме сталкивается с необходимостью определить, чем же он все-таки располагает — понятием, словом или вещью?

Употребляя понятия, эмпирический субъект постоянно соприкасается то с его логическим значением, то с просвечивающимися сквозь толщу превращений логическими формами «вещи», «атрибута» и выражает недоумение, поскольку ему становится не ясно, что из себя представляет употребляемый им объект. Иллюзорная видимость, унаследованная им от обыденного субъекта, предопределяет пользование понятиями и как словом, и как «вещью». Сотворяя этот неопределенный объект предметом своей деятельности, эмпирический субъект признает его ясным, если все-таки представляет за ним «вещь», но ему совсем не ясно, что имеется в виду, если он понятие будет рассматривать как слово и увидит в нем только логический объект. Обобщенная, застывшая форма натурфикации, внушает самому производителю трепет перед огромной постигаемостью вещей посредством понятий, но из того же источника происходит и загадочность, неявность, отличность существования этих объектов, мало похожих на «вещи». Изъятие предшествующих функций данных логических объектов не проходит бесследно для эмпирического субъекта, не способного прояснить собственные основания своих же собственных продуктов деятельности, и чем более не способен он к этому, тем загадочней для него натурфицированный объект. Совершив шаг в сторону к собственному продукту, он решительным образом намерен разобраться «что это такое?» А это значит, что прежде всего он должен будет столкнуться с характером собственных логических действий и вынужден будет их воспроизвести, чтобы представить, что за ними кроется. А также вынужден будет обратиться к предшествующим основаниям деятельности как фундаменту своей собственной. Но как только он предпримет шаги в этом направлении, то он изменит формы своей деятельности: ведь раньше он занимался употреблением понятий, а теперь желает рассмотреть, что они такое есть.

Эмпирический субъект, намеревающийся рассмотреть основания собственной деятельности, а следовательно, желающий раскрыть смысл употребляемых им понятий, есть теоретический субъект.

ДОБАВЛЕНИЕ

Платоновский Сократ в ряде своих диалогов настойчиво предлагает другим персонажам и самому себе решить, что означает то или другое понятие. Например:

Для того чтобы мы могли установить, присуща тебе рассудительность или нет, скажи... что называешь ты, согласно твоему мнению, этим именем (Хармид, 159).

Иллюзия эмпирического субъекта — двадцатая

Эмпирическому субъекту кажется, что он может раскрыть смысл своих собственных понятий, но на самом деле он может только рассмотреть характер собственной деятельности с данными логическими объектами.

ДОБАВЛЕНИЕ

Эмпирический субъект **Платона** во многих диалогах постоянно гордится своим знанием произведенных им же самим натурфикаций:

О тех, кто замечает много прекрасного, но не видит прекрасного самого по себе и не может следовать за тем, кто к нему ведет, а также о тех, кто замечает много справедливых поступков, но не справедливость самое по себе и так далее, мы скажем, что обо всем этом у них имеется мнение, но они не знают ничего из того, что мнят...

А что же мы скажем о тех, кто созерцает сами эти [сущности], вечно тождественные самим себе? Ведь они познают их, а не только мнят... (Государство, 479 е).

А тех, кто ценит все существующее само по себе, должно называть философами [любителями мудрости], а не любителями мнений... (480).

Раз философы — это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей, и потому они уже не философы, то спрашивается, кому из них следует руководить государством? (484 б).

Эмпирическому субъекту только предстоит сделать шаг, чтобы высказать, что он знает о тех понятиях, которые не доступны многим.

Теоретическое мышление имеет возможность рассматривать все что угодно, но из этого следуют его ошибки

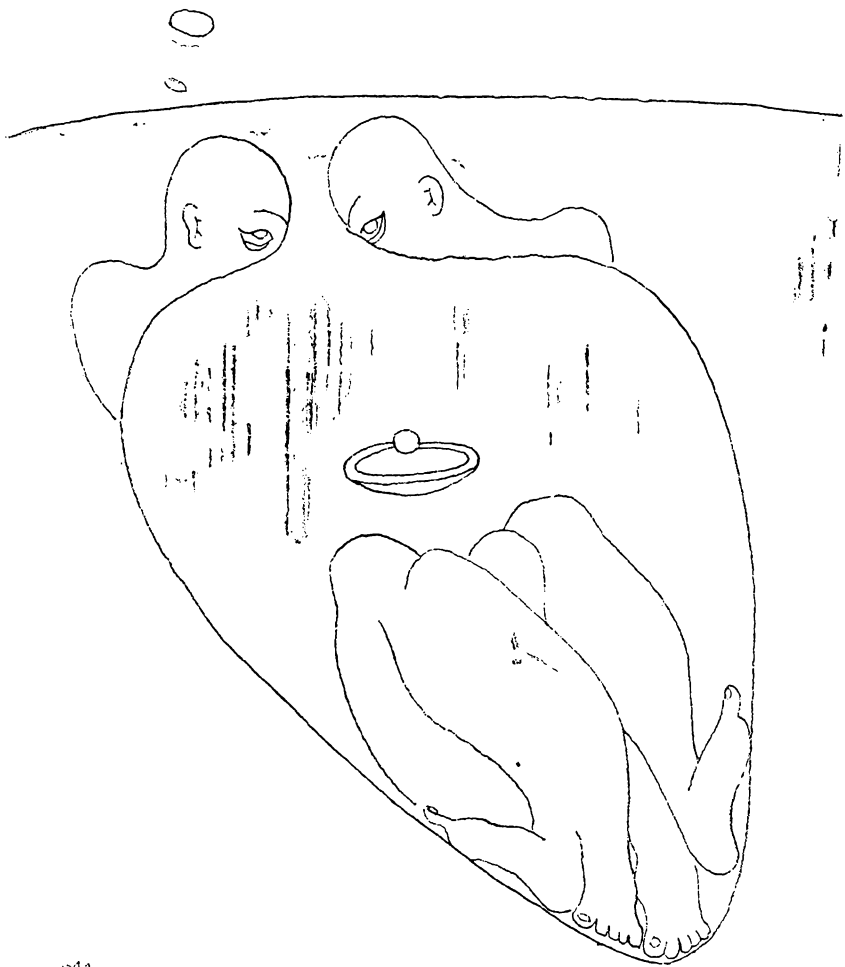
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

§ 1. Деятельности теоретического субъекта предпослан объект в форме эмпирического понятия, и указание на него как ответ на вопрос — что это такое? — завершается суждением «это есть то».

У теоретического субъекта «это» — понятие, заимствованное в эмпирической деятельности, и оно выступает предметом теоретического суждения. Предикация этого предмета — «есть то» — также выступает эмпирическим понятием, значение которого не просто приписывается предмету, а указывается на него как на самое себя. Теоретическое суждение в этом виде восходит к обыденному указательному суждению как первичной форме суждения, — свидетельствующей о переходе именованного в суждение. Таким образом, в теоретическом суждении одна «вещь» указывает на другую «вещь», но на такую, которая, предполагается, равна указываемой «вещи» и принадлежит сама себе. Если бы это было не так, то вряд ли бы теоретический субъект удовлетворился результатом своей деятельности, когда получил бы суждение: «этот объект есть совсем другой объект». И чем более объект в предикате равняется на объект предмета теоретического суждения, тем более теоретический субъект должен удовлетвориться полученным результатом. И уж совсем он останется довольным, если у него будет уверенность, что посредством одного указания он воспроизвел полностью то, что было эмпирическому субъекту неясно. В той мере, в какой разными словами, находящимися в разных частях теоретического суждения, будет означаться один и тот же объект, в той же мере теоретический субъект и обнаруживает смысл своей собственной теоретической деятельности.

Суждение теоретического субъекта, представляющее собой указание на объект как указание его на самое себя, является определением понятия или дефиницией.

13
3
3
3
3
3

ПРИМЕЧАНИЕ

Давид Анахт ставит в определенную связь указательное обыденное суждение с теоретическим суждением, тем самым предугадывая линию превращения одной формы логической деятельности в другую:

Сущее же познается нами либо посредством имени, либо посредством определения. Посредством имени, когда, обозревая предмет, мы спрашиваем: что это такое? И отвечаем: это — человек. А посредством определения, когда говорим, что [человек есть] живое существо, разумное, смертное, способное рассуждать и восприимчивое к науке (Сочинения. М., 1975, с. 32).

§ 2. Теоретическому субъекту представлена вся область человеческой деятельности в форме неограниченного количества логических объектов, заключающих в себе в превращенном виде эту деятельность.

Готовность теоретического субъекта определить эмпирическое понятие похвальна, ведь эмпирический субъект, производивший эти понятия и пользовавшийся ими, вконец запутался, так и не разумея, чем же он пользовался. Вроде бы он пользовался словами, но всегда видел за ними «предмет как таковой». А сталкиваясь с их логической природой, только признавался в собственных затруднениях по их использованию, но выхода из них не находил. Теперь теоретический субъект, настойчиво взявшись за определение этих понятий, точно покажет, что они из себя представляют.

Эмпирическое понятие, став предметом дефиниции, то есть «предметом как предметом», превращается в понятие теоретическое.

АКСИОМА — ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ — «тождества понятия и слова»:

всякое понятие ничем не отличается от слова, кроме характера употребления.

Следствие аксиомы

Если принять во внимание то, что в дефиниции теоретического субъекта предмет уравнивается сам с собою, то, следовательно, он не видит логической природы понятия и пред-

шествующих логических форм, из которых оно происходит. А это значит, что теоретический субъект продолжает и посредством дефиниции указывать на вещь, но не на характер объекта, которым он пользуется.

§ 3. Если теоретический субъект определяет какой-то объект, значит, он не знает, что он из себя представляет.

Но это не так. Если бы теоретический субъект не знал определяемого понятия, он не смог бы дать дефиницию. На самом деле, теоретический субъект, употребляя эмпирическое понятие в качестве предмета дефиниции, пользуется неясностью его превращенной формы, ведь дефинируемое понятие есть голый логический объект, лишенный всех предшествующих оснований употребления, а потому в своей застывшей предметно-логической форме представляет собой непонятно какое, но загадочное зрелище. Впрочем, как предшествующая деятельность дает ему видимость предмета как такового, так и собственно теоретическая деятельность в функции предмета дефиниции не только сохраняет эту видимость, но и еще более упрочивает, расширяя формы его употребления в этом качестве. Вторая, предикативная часть дефиниции, восходящей к обыденному суждению принадлежности, также указывает на видимость предмета и того же самого предмета. Однако вместо «вещи» обыденного субъекта здесь присутствует эмпирическое понятие, по видимости напоминающее «вещь» в форме указания на обыденное предметное основание с приоткрытым континуумом атрибутов. Теоретический субъект обязательно должен приоткрыть завесу над эмпирической натурфикацией и снизить до обыденного представления, чтобы представить хотя бы какую-нибудь ясность; и самым доступным для этого приемом становится воспроизведение в предикативной части дефиниции «вещи» и ее «атрибута». Таким образом, обе части дефиниции в своих именованьях содержат «вещь» в той или иной превращенной форме, приоткрывая обыденную видимость вещи и усиливая тем самым эмпирическую иллюзию предметности. То, почему теоретический субъект решается на теоретическое суждение, оставляя все предшествующие иллюзии не затронутыми, заключено в природе понятия, совмещающего интуитивную ясность как открываемую видимость предмета и неясность всех предшествующих логических превращений. Интуитивная ясность понятия подталкивает его к указанию на какую-нибудь «вещь» как на ту самую, которая заключена в понятии, а неясность предшествующих форм деятельности представляет этот предмет в зага-

дочной, неопределенной форме, требующей последующих указаний. Поэтому теоретическому субъекту и кажется, что он легко даст такое указание, если укажет на «вещь» и рассеет все недоразумения, которые все-таки беспокоят его, когда он привычно, не задумываясь, пользуется понятием. То, что беспокойство за неявность сокрытого за понятием перевешивает интуитивную ясность, очевидно, ибо зачем тогда давать указание на «предмет как таковой», если он достаточно определен, более естественным в таком случае является использование его таким, как у эмпирического субъекта, употребляющего понятия как «вещи как таковые». Поэтому ключевая в мотивах деятельности теоретического субъекта неявность логических превращений, скрытых за понятием, стимулирует его к указаниям, а интуитивная ясность обеспечивает его уверенность тем, что ему открыт тот «предмет как таковой», который также скрывается за логической оболочкой понятия. Но все, что скрыто для эмпирического субъекта, скрыто и для теоретического, поскольку последний не утруждает себя представлениями о логических превращениях всех предшествующих уровней деятельности, производя указание на «вещь», унаследовав иллюзии эмпирического субъекта и упрочивая их в своих теоретических формах деятельности.

Теоретический субъект утверждает предметность своих частей деятельности и, раскрывая «предмет как таковой»—«что он есть», производит на него указание как на «вещь», тем самым сохраняет эмпирическую предметную иллюзорность в превращенном виде.

ПРИМЕЧАНИЕ

На парадоксальный характер теоретической деятельности указали одними из первых **скептики**:

Не знающий определяемого не может определить неизвестного ему, а знающий и потом определяющий воспринял определяемое не из определений, но составил определение на основании этого воспринятого раньше; в таком случае определение не является необходимым для воспринимания вещей (Секст Эмпирик. Пирроновы положения, II 207).

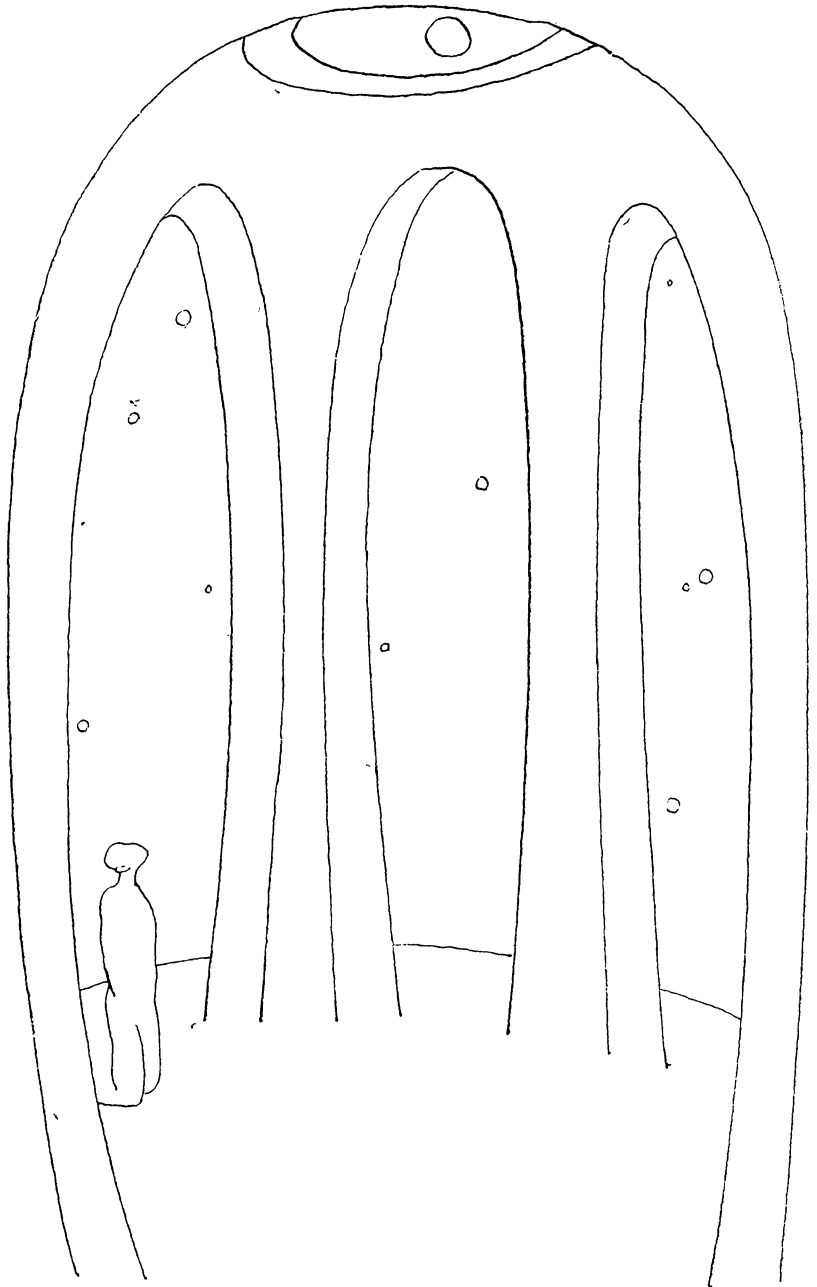
Не знающий ничего о сущем не может знать и его акциденции. Например, говорящий тому, кто не знает, что такое конь: «Конь есть животное ржущее»,— не научает тому, что такое конь, ибо тот, кто не знает коня, не знаком и с ржаньем, которое является акциденцией коня (Секст Эмпирик. Против этиков, 38).

§ 4. Помимо того, что теоретический субъект сообщает элементам своей деятельности — предмету дефиниции и предикату — видимость вещи, он окончательно ее утверждает, как только совершит сам акт предикации.

Сам акт дефинитивной предикации представляет собой приписание значения предиката — понятию в форме отнесения одной «вещи» к другой «вещи», но по видимости той же самой. Поэтому действие теоретического субъекта приобретает следующий смысл: «предмет как таковой есть тот же самый предмет». Таким образом, осуществившаяся теоретическая деятельность оставляет видимость предмета в эмпирической форме, усугубленной в лучшем случае обыденным самоуказанием. Другими словами говоря, эмпирический субъект превращается в теоретический тогда, когда он пытается использовать обыденную форму для своего собственного предмета деятельности. Тем самым натурфицированный объект, заменяясь на обыденную «вещь», для теоретического субъекта продолжает выступать — и после предикатирования особенно — как тот же самый объект, натурфицированный с частичной обыденной видимостью, но преломленный теперь уже собственно теоретической деятельностью. Иллюзорная форма «вещи», открываемая за логическим объектом, усугубляется новым циклом деятельности, возводящей «вещь» к «вещи». Деятельность теоретического субъекта, натурфицированный с частичной обыденной видимостью, но настойчиво добивался рассмотрения логической формы объекта, который уже эмпирическому субъекту внушает опасения своей неопределенностью. Убедительно или сомнительно полагая понятие в качестве предмета своего рассмотрения, теоретический субъект прежде всего пытается увидеть его содержание, но располагает только содержанием эмпирической и обыденной деятельности, а формы этой деятельности — и обыденной, и эмпирической, и своей собственной теоретической — остаются за пределами суждения «предмет как таковой есть предмет как таковой». Если теоретический субъект пользуется продуктом эмпирической и обыденной деятельности, хотя и понятиями, но как «вещами», то в его пределы не вошло осмысление природы своего занятия, поскольку его предположение, что он «знает», что такое данный «предмет», вынуждает давать указание на него как на «вещь», оставляя в стороне логическую природу и воспроизведение предшествующих оснований употребления понятий. Как следует из того, что будто теоретический субъект не знал определяемого понятия, а теперь узнал, как определил «предмет есть предмет», так следует и то, что теоретический

субъект добавил к иллюзии эмпирического и свою собственную. Он не только не раскрывает иллюзорный характер предшествующей деятельности, но и скрывает его за формой своей деятельности. Можно сказать, что теоретический субъект есть дважды эмпирический субъект, иллюзия которого удвоена: вместо обнаружения употребления логических объектов по видимости, он удваивает видимость, утверждая «предмет как таковой есть предмет как таковой» и нисходя до тавтологии по смыслу «вещь есть вещь».

*Сохраняя иллюзорность предшествующей деятельности и умножая ее своей дефинитивной деятельностью, теоретический субъект сообщает ей **ошибочный характер**.*

АКСИОМА — ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ — «тождества дефиниции и вещи»:

всякая дефиниция, утверждая тождество вещи самой с собою, тавтологична.

Следствие аксиомы

Теоретический субъект полагает, что он «знает предмет, который собирается рассмотреть». На самом деле он опирается на интуитивную ясность, представленную предшествующими формами понятия, но оставляет в стороне неявные для него логические превращения этих форм.

Ошибка теоретического субъекта — первая

Дефинитивное суждение, воспроизводящее натурфицированное понятие в иллюзорной форме «вещи», является натуралистической ошибкой теоретической деятельности.

Натуралистическая ошибка в теоретической деятельности возникает потому, что предикативная часть дефиниции восстанавливает лишь иллюзорное предметное основание логического объекта и исключает представление о статусе существования превращенной формы данного объекта.

§ 5. Дефиниция в неявной форме воспроизводит область предшествующей деятельности.

Все, что представлено в теоретическом суждении, представлено эмпирическими понятиями. Следовательно, область предшествующей обыденной деятельности является в дефиниции в превращенной форме. То есть теоретический субъект воспроизводит то или иное основание обыденной деятельности или совокупность этих оснований, но не саму обыденную деятельность. И за приведенным в предикативной части дефиниции основанием теоретическому субъекту кажется, что он будто бы воспроизвел саму обыденную деятельность.

Областью определения теоретического суждения является воспроизведение области предшествующего употребления понятия как указание на то или иное основание обыденной деятельности.

Ошибка теоретического субъекта — вторая

Теоретический субъект, давая определение понятию, полагает, что он определяет действительное значение этого понятия.

На самом деле, теоретический субъект воспроизводит продукт эмпирического субъекта в форме предмета как такового.

§ 6. Дефиниция теоретического субъекта унаследует не только обыденную форму указательного суждения, но и эмпирическую форму классификационного суждения.

Теоретический субъект производит выбор своего предмета среди эмпирических понятий, но точно также производит выбор понятий для предикации предмета. Но поскольку каждое из этих понятий имеет собственные основания в предшествующей деятельности, и поскольку выбор каждого есть произвольный акт теоретического субъекта, и поскольку акт предикации как приписание значения предиката значению имени тоже произволен, то полученная теоретическим субъектом тавтология значений дефиниции не вытекает из природы самих дефинитивных понятий, и сами по себе значений тавтологии не имеют. Тавтология как смысл теоретического суждения, следовательно, получается по причине осуществившейся деятельности, то есть акта теоретической предикации в ней, и становится результатом затраченных усилий теоретического субъекта. Но теоретический субъект рассматривает за своей дефиницией — «предмет как предмет» и не способен определить произвольность характера своей деятельности. Напротив, все его усилия дают ему представление о том, что только его дефиниция способна установить тождество «вещи самой с собою», и он уходит от воспроизведения предшествующих форм деятельности и своей собственной ради предметной видимости, усугубленной его тавтологией. Превращенная эмпирическая форма в дефиниции обнаруживает себя как классификация «вещи» с самой собой, и, как всякая классификация, стремится к выстраиванию ряда «вещей». Однако большинство понятий не являются субстантивными, а атрибутивные и предикативные понятия в дефиниции унаследуют все достоинства «вещи» и представляют превратную эмпирическую форму, например: атрибут есть атрибут, справедливость есть справедливость и т. п. Кажется бы, что всякая превратная форма должна быть преодолена за счет воспроизведения ближайшего основания употребляемого понятия, но теоретический субъект ошибочно полагает таковым лишь иллюзорное предметное основание.

*Теоретическое суждение укладывается в один ряд с его предшествующей обыденной и эмпирической формой, но от этого оно не перестает быть менее произвольным, а поэтому представляет собой лишь **концептуацию** теоретического субъекта.*

Ошибка теоретического субъекта — третья

Теоретический субъект полагает, что значение предикации дефинитивного суждения есть действительное значение натурализованного понятия.

На самом деле он не видит того, что предикация является его произвольностью, и каково бы ни было ее значение, откуда бы оно ни взялось, к чему бы ни относилось, — раз возникшее в дефиниции, оно будет с непреложностью приписано предмету как таковому.

ДОБАВЛЕНИЕ

Произвольность дефиниции настолько основательна для теоретического субъекта, что он ее не замечает или не придает ей должного внимания. Пусть теоретический субъект произведет дефиницию «луна — это кастрюля», и она будет иметь для него смысл, и никто его не переубедит до тех пор, пока он не даст другое определение, например, «луна это блин».

Показательно в этом смысле определение «человека», как его давал **Платон**: это двуногое существо, не имеющее перьев. И тот, кто, приобретя подобную дефиницию, попытается произвести указание на определяемую вещь, заслуживает похвалы. Им, согласно легенде, был **Диоген Синопский**, бросивший к ногам Платона ощипаного петуха со словами: вот твой «человек».

Если в эмпирической части дефиниции находится отрицание, то вся дефиниция в целом становится бессодержательной.

Богом он [**Фалес**] считал вот что: «То, у чего нет ни начала, ни конца» (Фрагменты, 11 А 12 Б).

Он [**Анаксимандр**] утверждал, что начало и элемент — бесконечное (Диоген Лаэртский, 11 1—2).

Гераклит: «Людей ожидает после смерти то, чего они не чают и не воображают» (Фрагменты, 22 В 74 а).

АКСИОМА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ — «тождества всех суждений»:

какое бы суждение субъект ни высказал, оно остается только превращенной формой обыденного суждения.

Следствие аксиомы

Теоретический субъект, давая определение понятию, не догадывается о том, что он определяет «вещь», которую никогда не определял обыденный субъект, но он все равно определяет ее как вещь.

Ошибка теоретического субъекта — четвертая

Теоретический субъект полагает, что его дефиниция потому имеет важное значение, что как именная часть, так и предикативная, указывает на один и тот же предмет, поэтому предикативная часть объясняет, что есть определяемое понятие.

На самом деле, совпадение именной и предикативной части теоретического суждения обусловлено природой суждения вообще, а именно реализацией предикативной функции этого суждения, приписывающего с необходимостью значение предиката значению имени, какими бы они ни были, и теоретический субъект видит их тождественными, но не видит, в силу чего они тождественны.

Ошибка теоретического субъекта — пятая

Теоретический субъект создает отрицательную форму теоретического суждения «не вещь есть не вещь» или «не вещь не есть вещь».

На самом деле, отрицательная тавтология не имеет предметного основания, отличного от предметного основания утвердительного суждения.

§ 7 Теоретический субъект дает дефиницию понятию со значением «абсолют».

Логическое выражение «абсолюта» позволяет теоретическому субъекту придать такому понятию черты сверхреальности,

сверхперсоны, сверхлогичности, и эти значения дублируются дефинитивной предикацией в форме наивысшего предпочтения. Поскольку понятие «абсолют» не содержит ничего, кроме указаний на основания обыденной деятельности — предметное, личностное, логическое, то теоретический субъект представляет дефиницией какие-либо комбинации этих оснований, превращенных в значения используемых понятий. Вместо предметного основания теоретический субъект видит за «абсолютом» любую субстанцию, вмещающую в себя «весь мир в целом». Если теоретическим субъектом производится дефинитивное тождество «абсолюта» с какой-либо натурфикацией, то им востребуются натурфикации наивысших напряжений человеческих экзистенций: вечность, бесконечность, благо, красота, справедливость и т. п. В качестве же сверхперсоны «абсолют» получает возможность быть творцом, думающим, действующим, изъясляющим волю, желающим, общающимся с другими субъектами и т. п., но никогда не получает возможности совершать обычные жизнедействия.

Дефиниция понятия абсолют указывает на «абсолют как абсолют» и воспроизводит вещь и натурфицированный ее атрибут.

ДОБАВЛЕНИЕ

В качестве определений «абсолюта» может быть извлечено необъятное количество литературных свидетельств. Для упорядочения можно привести некоторые из них в следующей последовательности: А — «абсолют», тождественный наименованиям «вещи»; Б — тождественный наименованиям «атрибута вещи»; В — ценностным «атрибутам», Г — персонификациям, Д — тождественный натурфикациям логического основания обыденной деятельности; Е — тождественный всем возможным комбинациям значений, восходящих к любому из оснований обыденной деятельности. Так как все формы «абсолюта» заимствованы теоретическим субъектом из эмпирической деятельности, то они в теоретическом суждении тавтологичны не только по природе самой этой деятельности, но и по видимости, — раз они восходят к основаниям одной и той же эмпирической деятельности. Тождественность этих форм в предшествующей деятельности и в равной степени возможность их существования в одинаковых логических объектах предопределяет и то, что все они могут занимать любое положение в дефиниции — место имени или место предиката.

А.

«Небо» тавтологично «благу» у Платона в «Послезаконии»:

Кто вообще виновник всех человеческих благ?.. Пожалуй, это — Небо, и всего справедливее почитать его и преимущественно к нему обращаться с молитвами; так поступают и все прочие божественные существа и боги. Все мы согласились бы, что Небо стало для нас виновником и всех других благ (976 е).

Б.

«Число» как атрибут вещи тавтологично «благу» у Платона:

...Ясно, что число — виновник всех благ, а это самое главное (Законы, 978).

В «Метафизике» Аристотель рассматривает «существующие вещи и сущность» слагающимися из противоположностей, и они называются «началами», то есть эмпирическим выражением «абсолюта», а затем у всех их он обнаруживает другие начала — единое и множество:

Действительно, все это или противоположности, или происходит из противоположностей, начала же противоположностей — это единое и множество (1005 а).

Стоило бы заметить, что «единое и множество» — это те же наименования атрибутов вещи.

В.

Демокрит:

Первое же и простейшее во всяком роде есть совершенство. Итак, совершенство есть начало самого познания любой вещи; следовательно, познание всякой вещи совершается в познании ее совершенства (Материалисты Древней Греции, с. 80).

В качестве «абсолюта» у Платона Диоген Лаэртский выделяет следующее:

Оттого и Платон говорит: кто хочет познать начала всего, тому следует: во-первых, различить идеи сами по себе — например, подобие, единство, множество, величину, состояние, движение; во-вторых, положить в основу идеи, существующие сами по себе, — красоту, благо, справедливость и тому подобное... (III 12).

Таким образом, ценностные понятия — красота, благо и т. п. — становятся выше начал, то есть «идей самих по себе»:

Считай, что и познаваемые вещи могут познаваться лишь благодаря благу; оно же дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно — за пределами существования, превышая его достоинством и силой...

Аполлон! Как удивительно высоко мы взобрались! (Платон. Государство, 509 В).

Прокл неоднократно ссылается на благо как верховный принцип, начало, первейшую причину:

Начало и первейшая причина всего сущего есть благо...

Если же благо есть то, от чего зависит все сущее, то благо есть начало и первейшая причина всего (Первоосновы теологии, с. 34).

Г

Одной из древнейших персонификаций является понятие «душа»:

Мы и теперь считаем душу причиной всего, в том числе и всех благ, а все дурное — иным по своим свойствам. Ничего удивительного нет в том, что душа — причина всякого рода перемещения и движения; перемещение и движение в сторону блага есть свойство совершенной души (Платон. Законы, 988 В).

Но после этого не нужно ли будет согласиться, что душа — причина блага и зла, прекрасного и постыдного, справедливого и несправедливого и всех других противоположностей, если только мы решим считать ее причиной всего? (Там же, 896 д).

Одна из верховных персонификаций — «бог».

Бог, и то, что с ним сопряжено, это во всех отношениях наилучшее... По этой причине бог всего менее должен принимать различные формы (Государство, 381 В).

Даже максимальное выражение «абсолюта» всегда остается лишь приписанием ему всех тех «атрибутов», которые имеют место в обыденной деятельности:

Во-первых, нет ничего более сильного, что могло бы привести его [божество] в движение или изменить (в противном случае оно превосходило бы его по божественности), во-вторых, — тем, что у него нет никакого недостатка, и, в-третьих — тем, что оно не лишено ни одного из надлежащих ему совершенств (О себе, 279 а 30).

Вполне естественно, что самое совершенное существо обладает благом (там же, 292 а 20).

Эмпиризм комбинирует всеми возможными ценностными понятиями как принадлежностями «абсолюта», но в рамках обыденной логики — вещь имеет атрибут, — то есть отношения между понятиями сводит к базовой модели отношения субъекта к вещи.

Д.

Платон ярче других представил «абсолют» в форме натурфикации логического основания обыденной деятельности как «идею»:

В том, что познаваемо, идея блага — это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она — причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама — владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни (Государство, 517 В).

И например, как «первообраз»:

Первообраз был вечным: ведь космос — прекраснейшая из возникших вещей, а его демиург — наилучшая из причин. Возникши таким, космос был создан по тождественному и неизменному [образцу], постижимому с помощью рассудка и разума (Тимей, 29).

Е.

«Причина» становится верховенствующей над целым рядом аналогичных натурфикаций, по свидетельству древних комментаторов у Эмпедокла:

Эмпедокл сущностью необходимости считает причину, господствующую над [движущими] началами и [материальными] элементами (Фрагменты, 22 В 115).

Тождество большого количества «абсолютов», представленных разными по значению наименованиями, приводится Проклом:

И благость есть единение, и единение — благость, и благо едино, и единое — первично [сущее] благо (Первоосновы теологии, с. 35).

А далее в этот ряд выстраиваются и «число», и «бог»:

...Божественное число единично, если только единое — бог. А это так, если только благо и единое тождественны, ибо тождественны благо и бог (ведь то, выше чего ничего нет и к чему все стремится, есть бог. И то, от чего и к чему все, — благо (там же, с. 76).

Ошибка теоретического субъекта — шестая

Теоретический субъект, не рассматривая всех форм понятия «абсолют», употребляет их одно возле другого исключительно по своему выбору, но полагая при этом, что одно из них непременно раскрывает другое.

На самом деле теоретический субъект в лучшем случае воспроизводит обыденный порядок дел и приписывает «вещи» какой-либо «атрибут», но в форме абсолютных понятий, абсолютных потому, что в них утрачено обыденное представление «вещи».

§ 8. Теоретический субъект определяет атрибут вещи так, как если бы он давал определение самой вещи.

Любое натурфицированное понятие, атрибутивное по значению, теоретический субъект не рассматривает как прошлую осуществленную деятельность и не выводит на поверхность своего рассмотрения его предшествующее логическое значение. Став определяемым предметом как таковым, «атрибут» не может быть отнесен к какой-либо «вещи» обыденного субъекта и потому, что он никогда «вещью» не являлся, и потому, что в логической форме понятия он только предмет как таковой, и единственным способом его теоретического употребления остается признание тавтологии «предмет как таковой» есть «предмет как таковой». Поэтому «цвет как таковой» может быть только «цветом как таковым» и т. п. При этом определяющая, предикативная часть дефиниции также берется в форме натурфикации.

Каким бы ни было желание теоретического субъекта по представлению «атрибута», но теоретическая деятельность предопределяет тавтологию «атрибут есть атрибут», то есть он продолжает пользоваться атрибутом как превратной формой вещи.

ДОБАВЛЕНИЕ

Скептики неоднократно задаются вопросом: таково ли сладкое, как мы говорим о нем? То есть полагается сладкое как таковое, которое может быть сладким, как это бывает обычно.

Но таково ли сладкое, как мы о нем говорим, мы сомневаемся; однако это сомнение касается не явления, а того, что говорится о явлении (Секст Эмпирик. Пирроновы положения, I 20).

«Таково сладкое» — это и есть эмпирическое понятие с логическим значением «атрибута как такового», — понятия, используемого в качестве предмета теоретического определения. «Сладкое, как мы говорим о нем» — это попытка воспроизвести обыденное основание используемого слова. Выходит: сладкое как таковое, представляемое обыденным субъектом, не есть сладкое как таковое эмпирического субъекта. Однако сладкое как таковое представляется самим теоретическим субъектом только как «вещь», и это представление подчеркивается термином «явление», что говорит о глубокой натурфикации эмпирического понятия и натуралистической ошибке теоретического субъекта. Он видит различие частей тавтологии совсем не в том, что каждая из них есть определенная форма логической деятельности, а только в том, что они выражают разные «явления», разные «вещи». В то же время, хотя это различие представлено скептиками в натурфицированном виде, оно важно, поскольку в своей основе опирается на различия в логических формах деятельности и является тем самым предпосылкой для их воспроизведения. Но скептики до этого не доходят.

Ошибка теоретического субъекта — седьмая

Дефиниция теоретического субъекта «атрибут как атрибут» натурализирует формы человеческой деятельности и не раскрывает их действительного онтологического основания.

ПРИМЕЧАНИЕ

Но пора рассказать действительную историю. Как-то один человек заявил, что он всю свою жизнь думал над вопросом о «смысле жизни», прочитал много авторов, исследовал их тексты и пришел наконец к такому выводу: «смысл жизни» в «труде». Тогда от одного из присутствовавших молодых людей последовал вопрос: а в чем же смысл Вашей жизни?

Теоретический субъект когда-то должен расплачиваться за свою деятельность.

§ 9. Теоретический субъект дает определение деятельности, рассматривая ее в натурфицированной форме, в частности, он определяет, что такое «критерий истины».

Учитывая, что всякое натурфицированное понятие есть владение вещью, а понятие «истина» в этом случае ничем не отличается от всяких других, то способ этого владения и желает оп-

ределить теоретический субъект. Но поскольку в этом симбиозе натурфикации теоретический субъект не вычленил основания их употребления, то единственным способом дефиниции для него остается указание на то или другое основание предшествующей деятельности. Теоретический натурализм остается не преодоленным, если основания собственной деятельности остаются не раскрытыми.

Всякая дефиниция «критерия истины» лишь указывает на предшествующую деятельность, но не может быть самой этой деятельностью.

Ошибка теоретического субъекта — восьмая

Теоретический субъект использует понятие «критерий истины» как вещь и определяет ее натурфицированными понятиями, не имеющими указания на форму той или иной деятельности и представляющими деятельность в застывшей форме вещи.

ПРИМЕЧАНИЕ

Над развенчанием иллюзорности логического образования «критерий истины» потрудились **скептики**. Для этого они приводят некоторые из возможных дефиниций:

Одни говорят, что критерий — это человек; другие — это чувство, третьи — что разум, четвертые — что постигающие представления (Диоген Лаэртский, IX 95).

Любое из оснований человеческой деятельности, взятой как владение тем или иным предметом, не нуждается в концептуации «критерий истины», поскольку в каждом виде деятельности происходят свои собственные превращения, которыми владеет субъект как своими собственными продуктами. И поэтому логика той или иной деятельности является формой владения вещи и обращения с ней. Если это вещь практического субъекта, то он овладевает ею без всякого «критерия истины», изобретенного эмпирическим субъектом. Если это чувственная деятельность, то она осуществляется практическим субъектом в той мере, в какой он реализует свои собственные материальные силы и в какой мере удовлетворяется осиленной вещью. Если это логическая деятельность в форме суждения, то ее продукты настолько востребуемы субъектом, насколько с помощью их он владеет «вещью» в каждой дефиниции.

§ 10. Теоретический субъект дает определение ценностным понятиям.

Всякое определение «ценности» оставляет это понятие в форме натурфикации, лишенной всех предшествующих оснований деятельности, кроме логической оболочки и той видимости, которая открыта теоретическому субъекту за использованием этого понятия. Видимость предмета как такового — это все, что в дефиниции теоретического субъекта представляет определяемое понятие. С другой стороны, предикация этого предмета может лишь указать на аналогичный предмет, обладающий значением того или иного основания предшествующей деятельности. Но взятый в форме предмета предикат усугубляет натурфицированность определяемого ценностного понятия — предмета теоретической деятельности. Так что сама форма теоретического суждения «предмет как предмет» оставляет любую дефиницию ценностного понятия в рамках теоретического натурализма.

Дефиниция теоретического субъекта не может преодолеть натурфикацию ценностного понятия и представляет собой разновидность теоретического натурализма — ценностный натурализм.

ДОБАВЛЕНИЕ

Поскольку всякой дефиниции понятия предшествует эмпирический вопрос, а что есть оно, или в эмпирической натурфицированной форме, где не различается способ употребления предмета деятельности — что есть ценность? — то такой вопрос представляет собой **проблему ценности**, тогда как всякая дефиниция «ценности» может рассматриваться как **решение проблемы ценности**.

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТИ

В истории человеческой мысли постановка проблемы ценности является беспримерной по масштабам предпринятых усилий, а ее решение — беспримерным по масштабам бессмысленности и бесперспективности. Каждый исследователь здесь похож на легкомысленную птицу, влетевшую в узкое отверстие форточки обыденного мышления и без усталости бьющуюся о прозрачные стекла ценностного натурализма в частности и теоре-

тического натурализма вообще. Любой шаг в определении «ценности» никому из исследователей не давал покоя, ибо интуитивное ощущение каждого из них подсказывало, что все время определяется что-то не то, что так ясно и отчетливо представляется до всякого определения. Это еще более стимулировало на все новые и новые дефиниции, по сути мало отличающиеся друг от друга. Полнейший мыслительный туман, усугубленный изрядным оптимизмом и самоуверенностью исследователей, бравшихся незамедлительно за определение ценностных понятий, придавал в конце концов ощущение собственной беспомощности их авторам и лишал их какого-либо критического оружия против других точек зрения, так как в такой критике нуждалась прежде всего своя собственная позиция.

Несомненная заслуга в постановке проблемы ценности и многочисленных попыток ее решить принадлежит **Платону**.

В системе взглядов Платона ценностная проблематика занимает центральное место и конкурирует с любимыми другими темами его учения. Лишь в немногих его произведениях отсутствует прямой анализ ценностных понятий, но все предметы исследования так или иначе представлены в отблесках ценностной проблематики.

Из немногочисленных фрагментов предшествующих Платону философов видно, что, в том виде, в каком проблема ценности поставлена Платоном, она не представлена ни у кого, а настойчивость, с которой она исследуется Платоном, будет повторена лишь в самое позднее от него время.

Что касается **Сократа**, на которого ссылаются как на основоположника учения о нравах,— а здесь легко узнается проблема ценности в виде рассмотрения «добродетели»,— то о нем мы узнаем главным образом из платоновых диалогов. Поэтому о том, что говорил Сократ на самом деле, как ставил проблему и было ли у нее какое-либо решение, сказать невозможно, не отождествляя его с платоновским Сократом. Если рассматривать сочинения Платона с драматургической точки зрения, то очевидно, что импульс к развитию этой темы заложен у прототипа, то есть у исторического Сократа. И хотя Платон не может не привносить в черты героев изрядную долю своего вмешательства, но он все-таки ограничен рамками своего времени и окружения, и не таким уж невероятным покажется то, что Платоном воспроизводятся некоторые действительные черты в своих персонажах, поэтому предположение о наличии в воззрениях исторического Сократа ценностной проблематики имеет основания. Но следует также видеть, что зрелость изложения ценностной проблематики никому из античных и позднейших философов так не присуща, как Платону, и что взгляды

платоновского Сократа как персонажа даны в перспективе философского и теоретико-ценностного развития. Но за это отвечает только сам Платон.

ПРЕДЫСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТИ

Использование ценностных слов можно найти в текстах, написанных задолго до появления первых развернутых философских систем: в мифологии, в учениях деятелей древних культов. Почти с первой страницы своего исторического труда Диоген Лаэртский в качестве становления философии рассматривает употребление представителями предантичной мысли ценностных слов — «зло», «справедливость», «мужество», «нечестивость» и др.

Гимнософисты и друиды... говорили загадочными изречениями, учили чтить богов, не делать зла и упражняться в мужестве... (I 6).

Они [маги] составляли сочинения о справедливости, утверждали, что предавать покойников огню — нечестиво, а сожительство с матерью или дочерью — не нечестиво... (I 7).

Аристотель в I книге «О философии», по свидетельству Диогена Лаэртского, считает, что маги древнее, чем египтяне, что они признают два первоначала — доброго демона и злого демона...*(см.: I 8).

Египтяне в своей философии рассуждали о богах и о справедливости (I 10). А в заботе своей о справедливости они установили у себя законы и приписали их самому Гермесу (I 11).

Признание «доброго и злого начала» и наличие рассуждений о справедливости указывает, что ценностные слова уже натурализованы, превращены в эмпирические понятия и в этой форме древним мышлением включены в картину мира. Таким образом, устройство мира по их представлениям ценностно различено, соотносится с ценностными значениями, а из этого выходит то, что уже в древнейшую эпоху экзистенциальная сфера человека вынесена во внешнее предметное основание и представлена как своеобразная картина мира, в основе чего лежат объективированные личностные значения. Естественно, что внимание древних не обращено на сам характер использования каких-либо логических средств, а только в натуралистических целях — представить бытие, и естественно, что ценностная проблематика, еще не поставленная на уровень философской проб-

лемы, уже находится в центре мировоззренческих систем как мифологии, так и ранних форм философии. Еще не вполне сложились ценностные понятия — по приведенным фрагментам видно их почти обыденное использование, но уже готовится их вынесение в область мистифицированных объектов: «Полезных для человека животных они считают богами» (Диоген Лаэртский, I 11). Здесь ценностные слова являются атрибутами сверхчувственных сущностей, а ценностная окраска этих сущностей показывает, что в них вносится человеческое содержание.

В древних высказываниях легко вычленяется обыденная модель использования ценностных слов. Для древних это необходимо, чтобы подчеркнуть величие обсуждаемого предмета, и предмет определяется в превосходной степени. Например, **Фалес**, которому приписывают следующие слова: «Прекраснее всего мир, ибо он творение бога» (Диоген Лаэртский, I 35). В дальнейшем обыденные ценностные суждения наполняются эмпирическим содержанием, и рассматриваются и используются преимущественно разнообразные натурфикации как ценностные, так и номинативные.

Аристотель в «Метафизике» вспоминает **Гесиода** и **Парменида**, полагающих в качестве начала любовь и вождение, которые можно рассматривать как экзистенциальные характеристики бытия. А **Эмпедокл** одним из первых использует натурфикации «зло» и «благо» как первоначала, но Аристотель не склонен считать их конечными причинами, в виду недостаточности их и несогласованности между собой: часто «дружба разделяет, а вражда соединяет» (985 а 20).

В «Большой этике» Аристотель однако замечает:

Первым взялся говорить о добродетели Пифагор, но рассуждал неправильно. Он возводил добродетели к числам и тем самым не исследовал добродетели как таковые. Ведь справедливость, например,— это вовсе не число, помноженное само на себя (1182 а 10).

Таким образом, «рассуждения»ми о нравах» занимались до Сократа и другие. И у Пифагора можно найти следующее определение «ценности»: «Добродетель есть лад, здоровье, всякое благо и бог» (Диоген Лаэртский, VIII 33). Но в основном в сохранившихся фрагментах, относящихся к учению Пифагора, заключены обыденные сентенции:

Главное для людей, говорил Пифагор, в том, чтобы наставить душу к добру или злу. Счастлив человек, когда душа у него становится доброю; но в покое она не бывает и ровным потоком не течет. Справедливость сильна, как клятва, потому и Зевс именуется Клятвенным (там же, 32—33).

Аристотель в отрицательной форме воспроизводит некоторые суждения пифагорейцев о ценностных понятиях:

Неправильное мнение тех, кто, как пифагорейцы и Спевсипп, полагает, что самое прекрасное и лучшее принадлежит не началу, поскольку начала растений и животных хотя и причины, но прекрасно и совершенно лишь то, что порождено этими началами (Метафизика, 1072 Б 30).

А некоторые не признают благо и зло даже за начала; между тем начало всех вещей скорее всего благо. Что же касается тех, о ком мы говорили выше, то они правы, утверждая, что благо есть начало, но в каком смысле оно начало, они не говорят,— как цель ли, или как движущее, или как форма (1075 а 35).

В основе теоретических положений пифагорейцев находилось ценностное понятие «гармония»: так как «они видели, что свойства и соотношения, присущие гармонии, выразимы в числах» (там же, 985 Б 30). В ряд важнейших предметно-логических категорий они также включают и ценностные понятия:

Другие пифагорейцы утверждают, что имеется десять начал, расположенных попарно: предел и беспредельное, нечетное и четное, единое и множество, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, хорошее и дурное, квадратное и продолговатое (Метафизика, 986 а 20—25).

Заслуживает внимания свидетельство Диогена Лаэртского о том, что у авторов древности было мнение, что основной труд **Гераклига** касался не природы, а государства и установлений к жизни:

А из грамматиков — Диодот, который уверяет, что сочинение это было не о природе, а о государстве, и о природе в нем говорилось только в виде примера (IX 15).

Иные дают ей [книге] заглавие «Музы», иные — «О природе», а Диодот —

«Правило негрешимое уставу жить»;

называют ее также «Указатель» нравам» и «Единый порядок строю Всего» (IX 12).

Из объяснений ценностных натурфикаций дошло от Гераклита, по Аристотелю: «Благо и зло одно и то же» (Тописка, 159 Б 30).

Но у Гераклита, так же как и у Демокрита, нет объяснений природных явлений с помощью ценностных понятий. Даже о богах они говорят натуралистически и по сути раскрывают мистифицированность этих объектов:

Боги существуют не по природе, а в силу искусства и некоторых законов, причем в различных местах они различны сообразно с тем, какими каждый народ условился их считать при возникновении своего законодательства. Точно так же и прекрасно по природе одно, а по закону — другое; справедливого же вовсе нет по природе (Платон. Законы, 889 е).

У **Эмпедокла**, хотя и кладутся в основу мира огонь, вода, земля, воздух, но они управляются другими началами — «дружбой» и «враждой», отражающими экзистенциальную сферу человека:

То, влекомое Дружеством, сходится все воедино,
То ненавистой Враждой вновь гонится врозь друг от
друга (Диоген Лаэртский, VIII 76).

Экзистенциальные причины Эмпедокла близки по природе ценностным натурфикациям, и они именно натурфицированы потому, что включаются в классификацию элементов бытия, но не человеческого бытия:

А так как в природе явно было и противоположное хорошему, и не только устроенность и красота, но также неустроенность и уродство, причем плохого было больше, чем хорошего, и безобразного больше, чем прекрасного, то другой ввел дружбу и вражду, каждую как причину одного из них. В самом деле, если следовать Эмпедоклу и постичь его слова по смыслу, а не потому, что он туманно говорит, то обнаружат, что дружба есть причина благого, а вражда — причина злого (См.: Аристотель. *Метафизика*, 984 Б 30—985 а).

Недостаточность определения начал мира Аристотель полагает в том, что из учения натурфилософов не следует, почему «одни вещи бывают, а другие становятся хорошими и прекрасными»:

Причиной этого не может, естественно, быть ни огонь, ни земля, ни что-либо другое в этом роде, да так они и не думали; но столь же неверно было бы предоставлять такое дело случаю и простому стечению обстоятельств. Поэтому тот, кто сказал, что ум находится, так же как в живых существах, и в природе и что он причина миропорядка и всего мироустройства, казался рассудительным по сравнению с необдуманными рассуждениями его предшественников. Мы знаем, что Анаксагор высказал такие мысли, но имеется основание считать, что до него об этом сказал Гермотим из Клазомен. Те, кто придерживался такого взгляда, в то же время признали причину совершенства [в вещах] первоначалом существующего, и притом таким, от которого существующее получает движение (*Метафизика*, 984 Б 10—20).

Таким образом, у **Анаксагора** полагаются два высших начала, одно из них — Ум — вытекает из логического основания обыденной деятельности, другое — совершенство — из экзистен-

циального, личностного основания. Но между ними он также производит классификацию:

Часто он называет ум причиной прекрасного и справедливого, а иной раз он говорит, что ум есть душа, так как ум, мол, присущ всем живым существам, большим и малым, высшим и низшим (Аристотель. О душе, 404 Б).

Однако если ум — основа мира, то логическое основание плохо согласуется со своей отрицательной формой, которую также нельзя исключать из общей картины мира. Это отмечает Аристотель: «Нелепо также и то, что Анаксагор не предположил чего-то противоположного благу, т. е. уму» (Метафизика, 1075 Б 10).

У Демокрита также были многочисленные сочинения по этике (см.: Диоген Лаэртский, IX 46) и у Протагора (IX 55). Демокритова этика, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, состоит вся из предписаний. Например:

Если кто-нибудь с умом станет вникать этим моим изречениям, то он совершит много дел, достойных прекрасного мужа, и избегнет многого дурного (Материалисты, с. 153).

Имеется у него и ненастойчивое определение «высшего блага»:

Высшее благо он называет «хорошим расположением духа» и часто [также] «неустрасимостью», т. е. состоянием души, свободным от страха (там же, с. 154).

Справедливость есть исполнение долга, несправедливость — неделание того, что должно, уклонение [от выполнения своих обязанностей] (там же, с. 158).

Все это похоже на обычное нравоучение, как и в политике Демокрита, где он только морализирует.

Известный своим релятивизмом Протагор в доплатоновской философии, пожалуй, более всего подверг пересмотру обыденные представления о «ценности»:

Что же касается... справедливого или несправедливого, священного или нечестивого, то протагоровцам угодно настаивать, что ничто из этого не имеет по природе своей сущности, но становится таким поистине лишь тогда, когда представляется таким в общем мнении, и на такой срок, на какой это мнение сохраняется. И сколько людей ни перетолковывало всячески рассуждение Протагора, они так или иначе приходили к этой же мудрости (Платон. Теэтет, 172 Б).

Любопытной представляется в интересующем нас плане фигура Архелая, предвосхитившего постановку проблемы ценности, но о нем почти нет сведений.

Он говорил, что есть две причины возникновения: тепло и холод. Живые существа возникли из ила. Справедливое и безобразное существуют не по природе, а по установлению (Диоген Лаэртский, II 16).

Согласно Диогену Лаэртскому, Архелай примыкает к предтече античных этиков, которых можно считать родоначальниками теории ценности: «До Архелая [включительно] существовал только один род — физика; от Сократа, как сказано выше, берет начало этика» (I 18).

Платоновский Сократ никогда не ссылается на Архелая, хотя он, по некоторым свидетельствам, был его учителем, и это вызывает недоумение, потому что в диалогах Платона действует много известных и не очень известных философов той поры. Но вот краткие сведения о Сократе, помимо сочинений Платона.

[Темнота вещей] привела Сократа к убеждению, что он ничего не знает, и уже ранее Сократа — Демокрита. Демокритом было сказано о добродетели немного и недостаточно ясно. Затем такие разыскания были начаты в этом городе [Афины] Сократом (Лурье, II).

Другие начинали с этических вопросов, как наиболее необходимых и приводящих к блаженству, согласно чему и Сократ увещевал ничего не исследовать, кроме как то, «что у тебя и худого и доброго дома случилось» (Секст Эмпирик. Против ученых, VII 21).

Сократ исследовал нравственные добродетели и первый пытался давать их общие определения (ведь из рассуждавших о природе только Демокрит немного касался этого и некоторым образом дал определения теплого и холодного...) (Аристотель. Метафизика, 1078 Б 15).

У Сократа же [применение этого метода, т. е. метода Аристотеля] усилилось, но он перестал изучать явления природы, и [под его влиянием] философы обратились к полезной добродетели и политике (Материалисты, с. 75).

Потом пришел Сократ и говорил о добродетелях лучше и полнее, однако тоже неверно. А именно он приравнивал добродетели к знаниям, но это невозможно. Дело в том, что знания связаны с суждением, суждение же возникает в мыслящей части души, так что, если верить Сократу, все добродетели возникают в разумной части души. Получается, что, отождествляя добродетели с науками, Сократ упраздняет внеразумную часть души, а вместе с нею и страсть и нрав. Этим его подход к добродетелям неверен (Аристотель. Большая этика, 1182 а 15).

Сведения Сократом «ценности» к знанию отмечает и Диоген Лаэртский:

Он говорил, что есть одно только благо — знание и одно только зло — невежество. Богатство и знатность не приносят никакого достоинства — напротив, приносят лишь дурное (II 31).

Обращает внимание в этих источниках тяготение не-платоновского Сократа к назидательности и предписаниям при рассмотрении и использовании ценностных слов и понятий, что вполне соответствует становлению проблемы ценности в ранних диалогах Платона.

Но другое дело — постановка проблемы ценности у самого Платона.

ПЛАТОН

В ранних диалогах Платона мы видим, как Сократ — главный персонаж — еще только высказывает обыденные ценностные суждения («Феаг», «Алкивиад II», «Гиппий меньший» и особенно «Эвтидем»). Постепенно обилие ценностных суждений, переходящих из диалога в диалог, подготавливает использование ценностных натурфикаций, и в «Гиппии большем» возникает совершенно четкая постановка проблемы ценности: «а что такое прекрасное?» (286 d, 287 d). А что есть справедливость? (287 с.). И Платон изобретает специального «человека», который целеустремленно, со слов Сократа, спрашивает и пытается добиться ответа именно на эти вопросы. Далее следуют многочисленные попытки определить разные ценностные понятия. И с «Кратила» проблема ценности отодвигается на второй план, а выдвинувшаяся тема существования «идеи самой по себе» — наиболее известная и берущаяся во внимание всеми комментаторами — вполне укладывается в рамки теоретического подхода, применяемого к анализу ценностных понятий. К этому моменту Платону совершенно ясно, что существует и «прекрасное само по себе» и «благо само по себе» и другие ценностные натурфикации, и он их использует для доказательства существования «идей самих по себе» в качестве уже доказанных и очевидных положений. Но таким образом, один из вариантов решения проблемы ценности становится обосновывающим принципом — ключевым для всей платоновской философии.

Собственно, постановка проблемы ценности начинается в диалогах «Лакет», «Евтифрон», «Хармид», но без развернутого ее решения.

Постарайся же определить, как я говорю, что такое мужество... (Лакет, 190 е).

Так скажи же, что именно ты называешь благочестивым и нечестивым? (Евтифрон, 5 d).

Так припомни же, что я просил тебя не о том, чтобы ты назвал мне одно или два из благочестивых деяний, но чтобы определил идею как тако-

вую, в силу которой все благочестивое является благочестивым. (Евтифрон, 6 d).

Точно так же настойчиво ставится проблема ценности и в других диалогах, после чего следуют не менее настойчивые попытки ее решения.

«Откуда тебе знать, Сократ... что именно прекрасно и что безобразно? Давай-ка посмотрим, можешь ли ты сказать, что такое прекрасное?» (Гиппий больший, 286 d).

И вот я снова возвращаюсь к уже сто раз слышанному и с него начинаю, полагая в основу, что существует прекрасное само по себе, и благое, и великое, и все прочее (Федон, 100 б).

Если существует что-либо прекрасное помимо прекрасного самого по себе, оно, мне кажется, не может быть прекрасным иначе, как через причастность прекрасному самому по себе (Федон, 100 с).

Центральным диалогом в становлении проблемы ценности представляется «Гиппий больший». Здесь концентрируются все усилия предыдущих диалогов поставить и как-то решить проблему ценности, здесь волнообразные приступы к проблеме особенно настойчивы. Так и не достигнув удовлетворительного решения, а об этом платоновский Сократ, как и его собеседники, признаются не раз (эта откатная волна звучит особенно в «Меноне»), и исчерпав все возможности и не имея более неиспробованных средств для расширения фронта подступов к проблеме, Платон постепенно свертывает тему анализа ценностных понятий.

Чрезвычайно удивительным по развитию этой тематической линии является диалог «Кратил» — последний приступ к проблеме, где осваивается новое направление в решении проблемы ценности. Это и представляется удивительным, поскольку Платон предугадывает и предвосхищает здесь действительное направление в решении проблемы, а именно рассмотрение словесной деятельности человека. Но он понимает ее очень узко — только как обращение с продуктами этой деятельности в превратной, натурфицированной форме и только как обращение с грамматическими формами, но не с логическими. Но в том и заключается значение реализованного Платоном подхода, что он всесторонне воспроизводит действия эмпирического субъекта, удаленного от обыденных оснований логической деятельности.

Произведя предельную натурфикацию ценностного слова, Платон тем самым создает предпосылку для натурфицирования логического объекта как такового — в форме «идеи как таковой». Эта линия до «Гиппия большего» намечена в «Хармиде»,

где ценностная проблематика уже подчинена рационализму, то есть обособлению логических действий в застывшую форму понятий. Попытки здесь подвести «рассудительность» под ценностное понятие «блага» оказались с точки зрения даже действующих персонажей неудачными. Кажется, что Платон подходит вплотную к вопросу о механизме логической деятельности, но специфическая логическая предметность никак не ухватывается им, пока не воспроизведена структура логических действий и пока не снята призрачная оболочка с используемых натурфикаций, принимаемых всерьез за реально существующие объекты. Натурфицированная «рассудительность» тем не менее наделяется им ценностными качествами и действие с ней завершается типичным для платоновского Сократа призывом-императивом: всегда стремиться к рассудительности и разбираться в добре и зле. Интересно, что комментаторы склонны считать все это диалектикой, на самом же деле Платон демонстрирует гибкость эмпирического мышления как произвольного выхватывания разных фрагментов логической деятельности в натурфицированной, призрачной форме.

Самым широким образом ценностные натурфикации представлены в зрелых диалогах «Теэтет» и «Парменид», где они не только создаются, но и используются в качестве основополагающего принципа бытия. (Эта же тема имеет место и в диалогах «Кратил», «Пир», «Софист», «Федон».)

Частью этого бытия становится и «душа», а для доказательства этого положения опять-таки используются ценностные характеристики.

Если до «Парменида» существование натурфикаций «прекрасного самого по себе» обосновывает существование логической натурфикации «идеи самой по себе», то теперь они меняются местами и «идея сама по себе» начинает обосновывать существование «прекрасного самого по себе». Таким образом, Платон провел логические превращения ценностных слов через все уровни логической деятельности: вначале прекрасным назывались вещи, но таковыми они признавались в силу причастности к прекрасному как таковому, которое в свою очередь становилось таковым в силу причастности к идее как таковой. И вот сама идея как таковая делится теперь своей могущественностью с теми, от кого она ее получила — она начинает обосновывать существование всего чего угодно.

О том, что Платон исчерпал весь арсенал теоретических средств в решении ценностной проблемы, свидетельствует один из самых объемных диалогов позднего периода — «Государство». Центральное место в нем занимает опять-таки анализ ценностного понятия «справедливость». Но масштаб предпри-

нятых действий по определению ценностной натурфикации уже не соответствует уровню теоретических разработок предшествующих диалогов и по своему характеру более всего походит на эмпирические разверстки ранних диалогов. Платон здесь останавливается на одной мысли, что «справедливость это то, что должен каждый делать свое дело», а по сути происходит возвращение к обыденным представлениям, облеченным в эмпирические одежды. Следует только не забывать, что обыденность этих суждений есть приобретение самого Платона.

Итак, Платон, хотя и не смог преодолеть ценностный натурализм и создал одну из самых рафинированных его разновидностей, но в этом и заключается его заслуга, поскольку он реализовал в своих грандиозных построениях логические возможности эмпирического и теоретического субъекта. Добавим к этому то, что он предельно четко сформулировал проблему ценности, максимально заострил ее постановку, показал неспособность обыденного мышления понять, с какими объектами ему приходится иметь дело, им испробованы различные средства в решении проблемы ценности. И главное, он выразил неудовлетворенность достигнутыми результатами, показал, на чем основаны его сомнения — все это историко-философский опыт, все это — несомненная заслуга Платона, чьи достижения не смогли не только превзойти, но и достичь их вплоть до 19 века.

Схема употребления ценностных натурфикаций и постановки проблемы ценности в диалогах Платона

Феаг

Обучение мудрости.

Алкивиад II

Вымолить у богов благо.
Знание того, что справедливо.

Евтидем

Обучать добродетели.
В репликах Сократа: существование прекрасного самого по себе наряду с существованием вещей.

Гиппий меньший

Софистика: из отрицательных ценностных суждений следуют утвердительные.

Алкивиад I

Научаться различать справедливое.

Когда Алкивиад узнал, что такое справедливое?

Лакет

Приобщение к добродетели.

Существует ли добродетель? — Проблема поставлена.

Евтифрон

Сократ настойчиво предлагает определить, что такое благочестивое само по себе.

Лисид

Восхождение к абсолютности ценностного понятия — мудрость.

Хармид

Что такое рассудительность?

Сократ не удовлетворяется подведением этого понятия под общее ценностное понятие — добро и зло.

Гиппий больший

Что такое прекрасное? — Настойчивое вопрошание через весь диалог. Четкая постановка проблемы.

Протагор

Добродетель единая. Можно ли преподавать добродетель?

Горгий

Неоднократное звучание вопроса — что такое природная справедливость?

Менон

Сократ не знает, что такое добродетель?

Государство управляется не всегда мудрыми, поэтому нет справедливости.

Кратил

Платон обращается к наименованиям и, казалось бы, открывается путь к выяснению логического характера употребления имен. Но везде натуралистическая трактовка имен.

Употребление ценностных понятий — против «текучести» Гераклита — как выражение принципа вечного бытия.

Федон

Существование сущностей прекрасного и доброго.

Причастность бессмертия души к прекрасному самому по себе. Прекрасное (наилучшее) — признак космоса.

Пир

Постижение прекрасного самого по себе через любовь.

Теэтет

Использование ценностных понятий для иллюстрации анализа познавательных способностей.

Софист

Признаются существующими красивое-некрасивое, справедливое-несправедливое.

Парменид

Иллюстрации ценностными понятиями анализа подобного-неподобного.

Нужен дар, чтобы видеть прекрасное само по себе.

Филеб

Определение блага, подведение под понятие «ум».

«Разумение» против концепции блага как удовольствия.

Появляется актуальное основание ценностной натурфикации — речь.

Государство

Центральное место — определение «справедливости».

Справедливость как «добро друзьям, зло врагу».

Как «пригодность для сильнейшего».

Как «каждый делает то, что ему положено» — позиция самого Платона.

Благо само по себе. Прекрасное само по себе.

Все усилия сведены к обыденным суждениям. Сильнейший социальный натурализм. Благо как таковое высвечивается как нечто высшее, в этой форме застывает и пребывает в неизвестности.

Тимей

Использование ценностных натурфикаций в качестве принципа построения космоса.

Ценностный эмпиризм: бог благ.

ПОСЛЕПЛАТОНОВСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Вслед за Платоном, поставившим проблему ценности, его последователям остается только повторение:

Ясно, что о «благах» тут говорят в двух смыслах: одни блага — это блага сами по себе, а другие — как средства для первых. А потому, отделив

блага сами по себе от вспомогательных, посмотрим, можно ли определять первые как объединенные одной идеей. Какие же блага можно полагать благами самими по себе? (Аристотель. Никомахова этика, 1096 B 10—15).

Исключительно высоко ставит ценностную проблематику **Аристотель** как в самом учении, так и при оценке разных наук, которые с древних пор состязаются друг с другом в главенстве:

Действительно, как самую главную и главенствующую науку, которой все другие науки, словно рабыни, не смеют прекословить, следовало бы называть мудростью науку о цели и о благе (ибо ради них существует другое) (Метафизика, 996 B 10).

И в картине мира, создаваемой Аристотелем, ценностный аспект занимает центральное место:

Надо также рассмотреть, каким из двух способов содержит природа мирового целого благо и наилучшее — как нечто существующее отдельно и само по себе или как порядок. Или же и тем и другим способом, как у войска? Ведь здесь и в самом порядке — благо, и сам предводитель войска — благо, и скорее даже он: ведь не он зависит от порядка, а порядок — от него (Метафизика, 1075 a 10).

Стоики отводят часть философии проблеме ценности:

Этическую часть философии они разделяют на вопросы о пробуждении, о благе и зле, о страстях, о добродетели, о цели, о первой ценности и поступках, о надлежащем, о пособиях и препятствиях (Диоген Лаэртский, VII 84).

Таким образом, складывается античная традиция создания картины мира, в которой главенствующий принцип выражен ценностным понятием. Этот принцип переходит и в средневековую философию через позднюю античность. Например, у **Прокла** благо тождественно единому и является абсолютным принципом. Благо как предикат единого и как объяснительный принцип верховенствует над единым. При исхождении из единого: чем далее отстоит пункт рассмотрения от верховного принципа, тем менее обнаруживается причастность к нему, то есть к ценностному понятию «благо». Уже следующий за исхождением шаг полностью утрачивает ценностную проблематику. Незрелость верховного принципа, выраженного ценностным понятием, обнаруживается и в отсутствии нечто противоположного благу. У Прокла, как и у Платона, в учении которого «идея как таковая» тождественна «благу как таковому», верховное понятие имеет только положительное значение, отрицательного значения нет. Поэтому «дружба» и «вражда» в картине мира Эмпедокла более соответствует житейским обстоятельствам, чем логический натурализм и ценностные концеп-

туации Платона и Прокла. Уход из обыденной области использования логических средств в логицированное пространство лишь создает проблему, но не решает ее, ибо в том пространстве нет человеческих измерений в их обыденности, но только в превратной, мистифицированной форме. Надо было пройти и этот путь.

Ошибка теоретического субъекта — девятая

Какое бы определение ценностному понятию ни давал теоретический субъект, он совершает натуралистическую ошибку, поскольку обыденное слово с личностным значением становится предметом как таковым и тождественным самому себе.

§ 11. Теоретический субъект хотя и дает определение «ценности», но высказывается о затруднениях в понимании того, что он только что произвел.

После того, как в предшествующей форме логической деятельности слово «ценность» очистилось от всех оснований его обыденного употребления, и теоретический субъект столкнулся с необходимостью выяснить, а что же это такое — «ценность», — неясность для теоретического субъекта всех предшествующих логических превращений поставила его перед зияющей пустотой эмпирической абстракции, перед голой логической оболочкой натурфикации и перед неизбежностью ее заполнения, — и у нетерпеливого или скептически настроенного теоретического субъекта возникают затруднения в решении проблемы, поскольку в его задачи не входит предпринимание шагов по воспроизведению всех предшествующих форм употребления своих логических продуктов, которыми он пользуется.

Теоретический субъект не обнаруживает ясности понимания ценностных понятий посредством даваемых им дефиниций, и неясность значения эмпирического понятия оборачивается для него в затруднение решения проблемы ценности.

ДОБАВЛЕНИЕ

О неопределенности объекта, выраженного ценностным словом или понятием, свидетельствует **Пифагор**, сомневающийся в возможности представить такой объект. У Диогена Лаэртского читаем: «Он запрещает молиться о себе, потому что в чем наша польза мы не знаем» (VIII 9).

Так и Платон, довольно много потративший усилий в определении «ценности», настойчиво спрашивает в «Алкивиаде I»:

Если бы кто-нибудь тебя спросил, сколько у тебя глаз — два или три или рук — две их у тебя или четыре, или задал бы тебе другие подобные же вопросы, ты колебался бы в ответах, говоря то одно, то другое, или всегда отвечал бы одно и то же?.. Ты ведь признаешь, что и относительно справедливого и несправедливого, прекрасного и безобразного, хорошего и дурного, полезного и бесполезного ты колеблешься в своих ответах? И не объясняются ли твои колебания тем, что всего этого ты не знаешь?.. Вот таким-то образом и обстоит дело: если кто-либо чего-то не знает, душа его по необходимости в этом колеблется (116 е).

В «Филебе» затруднение выражено таким образом:

Если кто-нибудь пытается допустить единого человека, единого быка, единое прекрасное и единое благо, то по поводу таких и им подобных единств возникают споры (15).

В «Государстве»:

Теперь, Главкон, нам нужно, словно охотникам, выстроиться вокруг этой чащи и внимательно следить, чтобы от нас не удрала справедливость, а то она ускользнет, и опять все будет неясно. Ведь она явно прячется где-то здесь: ты гляди и старайся ее заметить, а если видишь первым, укажи и мне (432 б).

Милый мой, она чуть ли не с самого начала вертится у нас под ногами, а мы на нее и не смотрим — просто смех! Это вроде того как иной раз ищешь то, что у тебя в руках: вот и мы смотрели не сюда, а куда-то вдале, где она будто бы от нас укрылась (432 д).

Здесь не следует поддаваться влиянию рассудительности Сократа, «справедливость», не выбежит из чащи и не поднимется из-под ног, а то, что так легко определит Сократ, в следующий момент он же и подвергнет сомнению.

Серьезной проблемой оказывается вопрос о «ценности» и для Аристотеля:

Вызывает затруднение вопрос (а кто намерен легко устранить его, тот заслуживает упрека), как относятся элементы и начала к благому и прекрасному; вопрос заключается в том, имеется ли среди этих начал такое, какое мы хотим называть благом самим по себе и наилучшим, или нет... (Метафизика, 1091 а 30).

Несмотря на то, что в двух «Этиках» ведутся многочисленные рассуждения о разных ценностных понятиях, Аристотель представляет «благо» как нечто «расплывчатое»:

Между тем [в понятиях] прекрасного и правосудного, которые, собственно, имеет в виду наука о государстве, заключено столько разного и расплывчатого, что начинает казаться, будто [все это] возможно только условно, а от природы этого нет. Такая же своего рода расплывчатость за-

ключена в [выражении]: «благо», потому что многим от [благ] бывает вред. Ведь известно, что одних сгубило богатство, других — мужество (Никомахова этика, 1094 В 15).

§ 12. Сущность натуралистической ошибки в истолковании природы «ценности» заключена в попытке воспроизвести логику деятельности обыденного субъекта неадекватными средствами.

Логическая форма реализации обыденного смысла слова обнаруживается только в природе обыденного суждения. Теоретическое же суждение имеет всего-навсего в качестве предмета понятие, а не «вещь». Только потому, что обыденный субъект дает не определение своему собственному определению (ценностному слову, которое выступает для него определением «вещи»), а определяет «вещь». Для него «ценность» и «вещь» одно и то же. Его личностное определение как объективирование личностного значения слова «ценность», отождествлено с самим предметом. Следовательно, «быть ценным» для обыденного субъекта значит видеть предмет, а не собственный характер определения этой «вещи». Индивидуальное предписание, привнесение, объективирование личностного значения прирастает к самой «вещи» обыденного определения, представляя форму ее овладения. Другое дело в дефиниции теоретического субъекта: ему кажется совершенно очевидным; что такое «ценность», потому что все употребляют это слово в обыденной деятельности и каждый вкладывает в это слово определенное значение. Но тут же возникает серьезная трудность, ибо никто не знает, чем это значение отличается от «значения» «вещи», в которой объективируется значение слова «ценность». Виртуальность этого значения, то есть употребление слова в неисчерпаемых ситуациях и в различных способах употребления, делает это значение неопределенным. Однако в дефиниции — «ценность» стоит в предметном значении, но в предметном не в обыденном смысле, и потому кажется, будто это понятие воспроизводит действительное предметное основание, хотя воспроизводится только предметно-логическое основание в эмпирической форме, а не в обыденной, как «вещественное». И в форме натурфикации затемняется природа как исходной формы предметного основания, так и производной формы — предметно-логического основания дефиниции.

Слитность форм человеческого мышления в теоретической деятельности не позволяет теоретическому субъекту вычленить **предметное основание** собственной деятельности.

Теоретический субъект, давая определение натурфикации «ценность», не видит того, что в предшествующей деятельности это наименование было только предикатом обыденного суждения.

Не различая теоретическую, эмпирическую и обыденную форму употребления слова «ценность», теоретический субъект определяет то, что в предшествующей деятельности обыденный субъект никогда не определяет, а само это слово использует как определение «вещи», вкладывая при этом свое собственное неопределяемое им самим, недифинитивное — личностное значение, чего не имеет ни эмпирический субъект, ни тем более теоретический.

§ 13. Теоретическое значение дефиниции «ценности» не может быть действительным значением такого же наименования обыденной деятельности.

Главной причиной ценностного натурализма является усвоение теоретическим субъектом все-таки оснований предшествующей деятельности, но в иллюзорной, превратной форме. Теоретический субъект своей мыслительной деятельностью не может не быть обязан обыденному субъекту, который ближайшим основанием своей деятельности имеет овладение вещью. Обязан он также и эмпирическому субъекту, создавшему понятия и наделившему их всеми достоинствами, хотя и иллюзорными, но достоинствами «вещи». Выбор же теоретической предикации из бесчисленного количества логических объектов только и является его собственным, произведенным им самим продуктом, но который он представляет как нечто независимым от него и тождественным предмету дефиниции. Разумеется, что значение предикативной части дефиниции не вытекает из значения понятия «ценность», а только приписывается теоретическим субъектом, и таким образом эмпирический продукт присваивается им самим и начинает принадлежать его собственному продукту. Следовательно, для теоретического субъекта определяемое понятие становится содержательным только через теоретическое суждение. Но поскольку предшествующая форма понятия также была содержательна, но только для обыденного субъекта, который владел совсем другим предметом — «вещью», то отсюда теоретический субъект черпает уверенность, что пользуется тем же самым предметом, не зависящим ни от кого, а только

таким, каким он есть в природе. Но это и есть усвоение того, чего уже не осталось в деятельности самого теоретического субъекта, а вера в овладении иллюзорными «вещами» остается его главной ошибкой, показанной тем, что как обыденный, так и теоретический субъект, используя логические объекты, действуют с «вещами». Но если для одного из них «вещь» является ближайшим основанием, то для другого — лишь иллюзорным. Надстроенность теоретической деятельности над обыденной очевидна и в способе владения «вещью», когда логические превращения на разных уровнях обнаруживаются как аналогичные: обыденный субъект придает «вещи» свой собственный личностный смысл, называя ее «ценностью», а теоретический субъект придает определяемой «вещи», которой является «ценность», свое собственное теоретическое значение. И в том и в другом случае владение «вещью» оказывается превращенной формой действительного овладения вещи: у обыденного субъекта — видимость владения вещью, у теоретического — ошибочное представление об овладеенной «вещи». К этому добавляется и то, что теоретические превращения мыслительных форм имеют необратимый характер, то есть не могут влиять непосредственно на обыденную деятельность. Все, кто повседневно пользуется ценностным словом, не могут употреблять его так, как его определяет теоретический субъект, хотя то, как определяет его теоретический субъект, может иллюзорно походить на обыденное употребление и казаться аналогичным повседневному употреблению, но только эта кажимость открывается лишь теоретическому субъекту, что усугубляет ошибочность его действий. Вот почему теоретический субъект так глубоко отождествляет свою деятельность с обыденной, раз она опирается и вытекает из природы мышления, имеющего основания в обыденной, а не теоретической деятельности. Не теоретический субъект навязывает процедуру мышления обыденному субъекту, а наоборот — все, что присуще обыденному субъекту, унаследуется теоретическим, но в трансформированном виде. Невозможность критического рассмотрения того, чем пользуется теоретический субъект сам, является предпосылкой для ошибочных представлений, которые он не может избежать потому, что употребляет чужие продукты, а свой собственный — предикацию теоретического суждения — уподобляет тем формам мысли, которые он заимствует. Выставление напоказ своих дефиниций и утверждение их преимуществ перед любыми другими показывает, что натуралистическая ошибка не осмыслена теоретическим субъектом, и он предпочитает одни «вещи» другим «вещам». Если бы теоретический субъект заметил, чем он владеет на самом деле, то у него не было бы необходимости

относиться к «ценности» как к «вещи», и там, где поставлена задача определить понятие, там нет практической задачи определять «вещь». Ведь практический субъект, который только и действительно владеет вещью, включен в отношения к вещам своей собственной вещественной природой, и он включен так, что вынужден сам себя ставить по отношению к вещам для того, чтобы обеспечить свое существование. Не имея ничего этого, теоретический субъект может позволить себе ошибаться как угодно, определяя как угодно, даже то, что никогда не было вещью. Аналогично тому, как понимание «что такое жизнь» связано с предварительным расчленением мертвого организма, теоретическая деятельность по объяснению понятия «ценность» никогда не будет являться действительным, реальным употреблением слова «ценность». Поэтому единственным, на что оказывается способным теоретический субъект, это то, чтобы дефиниция воспроизводила основания предшествующей деятельности: логическое, личностное, предметное, онтологическое. При этом указание на логическое основание есть воспроизведение логического объекта как обыденного слова, имеющего определенную логическую функцию в обыденном мышлении, в частности — предикативную функции суждения обыденного субъекта, и тем самым воспроизведение логического значения, по видимости совпадающего с «атрибутом вещи». Воспроизведение личностного основания есть указание на того, кто действует, высказывая обыденное суждение о «вещи», и на то, что он вкладывает свой собственный смысл как личностное значение обыденного предиката. Воспроизведение предметного основания есть указание на «вещь» в превращенной логической форме как видимости вещи, открываемой наименованием обыденного суждения. Воспроизведение онтологического основания есть указание на прошлую деятельность по овладению вещами, переносимыми логической деятельностью в актуальный план словесного выражения. Таким образом, создается определяемая область понятия «ценность», куда включаются все основания предшествующей обыденной деятельности. Она включает в себя деятельность обыденного субъекта, вкладывающего свой собственный смысл в определение «вещи», и тем самым овладевающего «вещью» хотя бы мысленно; и он использует при этом такой логический объект, как слово «ценность», которое все равно остается не чем иным, как только «словом обыденного субъекта о какой-либо вещи».

Определяемой областью понятия «ценность» является «слово кого-либо о чем-либо».

Ошибка теоретического субъекта — однанадцатая

Теоретический субъект не воспроизводит своей дефиницией определяемую область понятия «ценность» в полном объеме. Он указывает только на то или другое основание предшествующей деятельности в превратной форме — в форме «предмета как такового».

§ 14. Теоретический субъект использует суждение, в котором называет «ценность» какой-либо «вещью».

На первый взгляд такая дефиниция как бы повторяет обыденное суждение. Например, теоретический субъект утверждает, что «ценность это Парфенон», что вполне схоже с тем, как если бы утверждалось «Парфенон это ценность». Однако в обоих этих случаях представлены разные предметы суждения: у обыденного субъекта определяется «вещь — Парфенон, а у теоретического — натурфицированное понятие «ценность». Следовательно, теоретический субъект своей предикацией восстанавливает только предметное основание обыденного суждения и так конкретно, что не учитывает, что предикат «ценность» может относиться к любой «вещи». Но это возможно только потому, что эмпирическое понятие «ценность» включает в себя возможность указывать на что угодно, а теоретический субъект воспользовался этой возможностью в очень узких пределах. На самом деле, подобная дефиниция менее всего претендует на теоретическое обобщение, но она показывает, что любая попытка определить «ценность» через предметное основание не затрагивает действительной природы этого странного объекта, а именно быть словом обыденного субъекта, а не «вещью». Но в этом и заключается натуралистическая ошибка, что подобная дефиниция не воспроизводит то, чем является определяемый объект.

Теоретическое суждение, определяющее «ценность» в качестве какой-либо «вещи», является дефиницией «ценности» по предметному основанию обыденной деятельности и представляет собой наиболее яркую форму ценностного натурализма.

ДОБАВЛЕНИЕ

Наиболее зримо данную модель дефиниции представил Платон в диалоге «Гиппий больший». Он рельефно подчеркнул грубость этой формы ценностного натурализма:

Отвечу ему [спрашивающему], что такое прекрасное, и уж ему меня не опровергнуть. Знай твердо, Сократ, если уж надо говорить правду: прекрасное — это прекрасная девушка (287 e).

Ведь если ты ответишь ему, что прекрасное, о котором он спрашивает, не что иное, как золото, он попадет в тупик и не будет пытаться тебя опровергнуть (289 e).

Сократ, не удовлетворенный ответами на вопрос, что такое прекрасное, аргументирует свою неудовлетворенность тем, что предлагает считать прекрасным и кобылицу, и лиру, и горшок, то есть специально утрируя,— и уполовник, причем не из золота, а из бревна смоковицы, что только и делает уполовник прекрасным. Тем самым он убеждает собеседника не искать прекрасное само по себе в вещах, потому что в одних случаях они прекрасны, а в других таковыми не считаются. Сократ добивается своего, если его собеседник приходит к выводу:

Мне кажется, ты добиваешься, чтобы тебе назвали такое прекрасное, которое нигде никогда никому не покажется безобразным (291 d).

Тем самым Платон уводит своих героев от дефиниции «ценности» по предметному основанию.

§ 15. Если «ценность» есть не только Парфенон, то тогда «ценность» есть любая «вещь».

Данная дефиниция расширяет своей предикацией обыденное предметное основание по сравнению с предыдущей дефиницией. Эта дефиниция кажется наиболее приближенной к логике обыденного субъекта и исключающей недоразумения, которые возникают при указании на конкретную «вещь». «Ценность как таковая», таким образом, становится тождественной «вещи как таковой». Но если предметная функция ценностного понятия прямо указывает на то, что его значение восходит в овладеенной «вещи», а предикация — вещь как таковая — в свою очередь остается абстрактным эмпирическим понятием, то их теоретическая тавтология только подчеркивает, что «ценность» каким-то образом восходит к «вещи», но не указывает каким образом. На самом деле, данная дефиниция является воспроизведением, наиболее полным, предметного основания обыденной деятельности, но не может воспроизвести все другие основания определяемой области понятия «ценность». Обе части дефиниции, представляемые эмпирическими натурфикациями, однако лишены обыденного характера употребления, и их тавтология означает, что превращенная форма «вещи» есть «вещь как та-

ковая». Теоретическому субъекту кажется в силу употребления эмпирической предикации «вещь как таковая», что включает в определение любые «вещи», все то, что имеется в обыденной деятельности, но ничего более он не достигает, как только усвоения иллюзии эмпирического субъекта, будто предметное основание есть действительное основание «ценности». Но если в эмпирическом понятии «ценность» еще остается возможность свернутых в нем всех оснований обыденной деятельности, то в дефиниции «ценность есть любая вещь» прямо указывается только на предметное основание. Различие здесь большое. Обыденный субъект объективирует значение ценностного слова в «вещи», а теоретический субъект это слово и только слово объявляет «вещью». Становится это возможным потому, что в предшествующих основаниях употребления слова «ценность» смысл его открыт обыденному субъекту, примеряющему его к «вещи» и овладевающему с его помощью «вещью». А теоретический субъект объективирование значения ценностного слова заимствует в форме натурфикации эмпирической деятельности и продолжает внутренне владеть перспективой прошлого овладения «вещью» — то, что в открытом виде обнаруживается в дефиниции по предметному основанию. Благодаря тождественности всех логических превращений, теоретический субъект легко восстанавливает в качестве теоретического значения предикации — предметное основание обыденной деятельности, превращая видимость обыденного субъекта и иллюзию эмпирического субъекта в натуралистическую ошибку теоретической деятельности. Точно так же, как в предшествующих формах деятельности за предметным основанием скрывалось действительное основание деятельности, точно так же и в последующих формах деятельности оно продолжает быть скрытым, и за напластованием логических форм еще более усугубляется и в дефиниции оказывается совсем не обнаруживаемым. Теоретическая деятельность, принимающая нерасчлененность всех оснований предшествующей деятельности и оставляющая теоретического субъекта заложником обыденной формы мышления, не может получить оправдания за теоретический натурализм, как получает оправдание деятельность обыденного субъекта, присваивающего «вещь» по видимости. Теоретическим субъектом эта видимость и иллюзорность должна быть преодолена, если он пожелал разобратся, что представляет из себя этот загадочный, фантастический объект — «ценность как таковая». Но он только попадает в ловушку, созданную им самим в виде теоретического суждения — в ловушку ценностного натурализма, как превратной формы обыденной видимости. Коварство ловушки сильно тем, что попадают туда собственные продукты теорети-

ческого субъекта, а потому он особенно горячо защищает свое пребывание в ней, ибо его убеждения питаются превращенными формами повседневного опыта, интуитивно развертывающегося как ощущение «вещности» за любыми мумифицированными логическими объектами.

Дефиниция «ценность есть любая вещь» является разновидностью натуралистической трактовки «ценности» по предметному основанию.

§ 16. Теоретический субъект в своей дефиниции представляет «ценность» как неопределенный объект, используя неопределенный указательный предикат «то».

Самой распространенной дефиницией ценностного понятия является теоретическое суждение «ценность есть то, что...». Теоретический субъект не замечает, что указательное слово «то» несет теоретическое значение, и переносит свое внимание на вторичную предикацию, например: есть «то», «что» приносит удовольствие. Однако смещение внимания теоретического субъекта с ближайшей к понятию «ценность» предикации на вторичную наглядно показывает, что он не владеет своими собственными формами выражения и допускает натуралистическую ошибку в силу не критического отношения к своим собственным продуктам. На самом деле малозаметное указательное слово «то» воспроизводит не что иное, как «любую вещь», например: «ценность есть любая вещь, которая приносит удовольствие». Таким образом, неопределенность теоретической предикации скрывает предметное основание, но от этого оно не перестает находиться в дефиниции, а теоретический субъект получает возможность протащить в дефиницию форму словоупотребления обыденного субъекта. Ведь «вещь приносит удовольствие» — это эмпирическая форма выражения, внешне повторяющая логику обыденного субъекта. То, что это эмпирическая форма, то есть голая словесная оболочка, обнаруживается, если представить, что «вещь» может и не приносить удовольствия. Но здесь обнаруживается хитрость теоретического субъекта, который заранее ценностью определил эту неопределенную «вещь» — «то»: «ценность» безусловно имеет положительное экзистенциальное значение, значит, и «то» или «неопределенная вещь» уже начинает иметь это положительное значение, тем более вторичная предикация вновь воспроизводит положительное значение как «удовольствие». Все это не что иное, как подгонка теоретическим субъектом своих действий под видимость

обыденного субъекта и воспроизведение иллюзий эмпирического субъекта теоретическим суждением. «Ценность как таковая» продолжает оставаться «вещью как таковой» и даже теряет функцию определяемого понятия, так как начинает определять неопределенную «вещь» — «то». Но «то» определяется еще и вторичной предикацией, и таким образом, «неопределенная вещь» ставится в центр данной, если теперь можно назвать, дефиниции.

К разновидности дефиниции «ценности» по предметному основанию, а значит, к еще одному варианту натуралистической ошибки, можно отнести такую, в которой предикативная часть представлена неопределенной «вещью».

ДОБАВЛЕНИЕ

Образчиками многочисленных теоретических суждений подобного типа могут служить примеры, взятые из Секста Эмпирика:

Некоторые же из них [стоиков] утверждали, что благо есть то, что достойно выбора само по себе. Другие же говорили: «Благо есть то, что содействует счастью». Иные называли благо тем, что «восполняет счастье» (Против этиков, 30).

ПРИМЕЧАНИЕ

Секст Эмпирик обнаруживает неопределенность предметного основания дефиниции ценностных понятий и отказывается признать такую дефиницию:

Непонимающему блага напрасно и бесполезно говорить, что благо есть то, что достойно выбора и полезно. Ведь прежде всего нужно узнать природу самого блага, а затем уже заметить, что оно полезно, достойно выбора и создает счастье. А при неизвестности природы [блага] подобные определения не поясняют искомого (Против этиков, 39).

§ 17 Если «ценность есть любая вещь», то, следовательно, возможна дефиниция, что «ценность есть вся действительность в целом».

На самом деле теоретический субъект здесь имеет на месте предиката дефиниции эмпирическое понятие-абсолют и отождествляет его с понятием «ценность как таковая». Поскольку

оба понятия — и определяемое, и определяющее — являются эмпирическими натурфикациями абсолюта, то их тождественность предопределена эмпирической природой их происхождения. Теоретическая тавтология здесь формальна, если они имеют одно и то же логическое значение. Заглядывая в прошлую историю этих понятий можно заметить, что «ценность» в обыденном словоупотреблении указывает на любую «вещь», а понятие «действительность» как субстанциальное понятие указывает на прошлое наименование «вещи» как наименование эмпирическое на «многие вещи» и наименование «любой вещи». Следовательно, дефиниция «ценности», использующая субстанциальные понятия, несет в своем теоретическом значении превращенную форму «вещи».

Теоретический субъект, определяющий «ценность» через любое субстанциальное понятие, употребляет одну из наиболее общих разновидностей дефиниции по предметному основанию, допуская натуралистическую ошибку.

ПРИМЕЧАНИЕ

Все те, кто указывает на действительное основание «ценности», ссылаясь не на предметное основание, а на другое, например, личностное, онтологическое, — все те авторы имеют возможность быть критиками ценностного натурализма в дефиниции* по предметному основанию. Например, **скептики**:

От природы не существует ни добра, ни зла. Если бы от природы существовали добро и зло, они были бы добром или злом для всех, как снег холоден для всех; но нет такого добра или зла, которые были бы общими для всех, а стало быть, нет добра и зла от природы. В самом деле, или мы должны называть добром все, что человек считает добром, или не все. Но все мы не можем назвать добром, ибо одно и то же кажется одному добром, а другому злом, как наслаждение — Эпикуру и Антисфену; стало быть, одна и та же вещь окажется и добром и злом (Диоген Лаэртский, IX 100—102).

§ 18. Если теоретическое значение дефинитивной предикации воспроизводит «вещь», то оно может воспроизводить и «атрибут» «вещи»: «ценность есть атрибут».

С точки зрения того, что открывается теоретическому субъекту в видимости предмета дефиниции, дефиниция «ценность есть атрибут» воспроизводит иллюзию эмпирического субъекта: «вещь обладает «ценностью», следовательно, она — «атрибут

вещи». Но теоретический субъект опускает упоминание о «вещи» и делает не явным то, что открывается за дефиницией — эту «вещь». Ее в дефиниции нет, но есть значение «атрибута» только в форме эмпирического значения «атрибута как такового». Этим дефиниция отличается от обыденного суждения, где «атрибут» принадлежит «вещи». Теоретический субъект, безусловно, обращаясь к «атрибуту», обращается с ним как с «вещью», так как эту «вещь» приходится определять, то есть что-то с ней делать. Но одновременно это теоретическое действие есть отход от логики обыденной деятельности, поскольку обыденный субъект лишь относит «атрибут» к «вещи», указывает на принадлежность этого «атрибута» к «вещи», а теоретический субъект употребляет «атрибут» вместо «вещи». Следовательно, «ценность», превращенная теоретическим субъектом в «атрибут как таковой», является только логическим объектом, но в функции, не свойственной ценностному слову в обыденной деятельности. Воспроизведение иллюзорного логического основания в дефиниции «ценность есть атрибут» обусловлено теоретическим натурализмом, относящим это основание — по видимости — к «вещи», а затем, придающим «вещи» ценностное значение через определяемое понятие «ценность», и данная модель дефиниции не производит указания ни на одно из оснований обыденной деятельности, поскольку «атрибут» иначе представляться не может даже для обыденного субъекта, как только в форме логического объекта.

В дефиниции «ценность как атрибут» теоретический субъект использует логический объект, несущий в себе натурфицирование экзистенции человека, и тем самым представляет разновидность теоретического натурализма — логический натурализм.

ДОБАВЛЕНИЕ

Аристотель представляет логический натурализм в следующем положении **платоников**:

Что же касается блага, то оно определяется [в категориях] сути, качества и отношения... (Никомахова этика, 1096 а 20).

А далее в качестве теоретической предикации приводится большое количество натурфицированных объектов с атрибутивным значением:

И вот если «благо» имеет столько же значений, сколько «бытие» (так, в категории сути благо определяется, например, как бог и ум, в категории качества, например, — как добродетель, в категории количества — как мера,

в категории отношения — как полезное, в категории времени — как своевременность, в категории пространства — как удобное положение и так далее), то ясно, что «благо» не может быть чем-то всеобъемлюще общим и единым (там же).

Оставляя в стороне вопрос, интересующий Аристотеля, о всеобщности и единичности «блага», стоит обратить внимание на те «атрибуты» которые приписываются «ценности», как ее определение, — из чего становится ясным, что возможности логического натурализма безграничны в комбинировании значений, но они ограничены характером употребления значений — значения «атрибута» к значению «вещи».

Такой атрибут вещи как «движение» становится предикатом теоретического определения «блага» у Аристиппа, согласно Диогену Лаэртскому:

«Конечным благом он объявлял плавное движение, воспринимаемое ощущением» (II 85).

Ясно, что «плавное движение» может относиться только к «вещи». Следовательно, то, что будет иметь плавное движение, то есть «вещь» — она и будет «ценностью». Но это — все тот же натурализм, который воспроизводит предметное основание обыденной деятельности, но только в скрытой, превратной форме воспроизведения «атрибута» вещи.

§ 19. В качестве «атрибута» теоретический субъект в дефинитивной предикации представляет свойства, принадлежащие субъекту.

Дефиниция по принципу «ценность есть атрибут субъекта» всецело остается ценностным натурализмом в логической его разновидности, поскольку всякое субъектное качество — идеал, интерес, наслаждение и тому подобное — является «атрибутом» такого предмета как «человек», и поэтому такая дефиниция приобретает по сравнению с любой другой, использующей логические натурфикации, лишь своеобразное предметное основание. Как бы это ни показалось странным, но использование в дефиниции субъектных качеств в роли определяющих понятий не раскрывает личностного основания деятельности — одного из тех, что входят в определяемую область дефиниции, — хотя на что же здесь стремится указать теоретический субъект, как не на «личность». Но дело в том, что личностное основание — это основание собственной деятельности, употребляющей логический объект «ценность», тогда как включение в предика-

тивную часть субъектных понятий не является указанием на собственные основания деятельности, и «личность» берется в натурфицированной форме как понятие, в основе которого лежит атрибутивное значение. Не раскрывает теоретическое суждение и других оснований деятельности — ни экзистенциальное, ни онтологическое, ни логическое: теоретический субъект пытается сконструировать теоретическое значение «ценности» из атрибутивных натурфикаций, не имеющих в области обыденного словоупотребления «ценности». Все они являются только производными эмпирического субъекта. Если опять-таки восстановить эмпирическую форму выражения «идеал это ценность», то теоретический субъект, утверждающий «ценность это идеал», не увидит различий между этими формами. Но тогда потребуется обыденная форма суждения, чтобы увидеть, что обыденный субъект никогда не определяет ни «идеал», ни «интерес», а только «вещь». А эмпирический субъект как всегда сведет употребляемое понятие к «вещи», и поэтому может и «идеал», и «интерес» называть «ценностью», подразумевая только то, что он утверждает «вещь, которая интересна — ценность», «вещь, идеальная — ценность» и т. д. А теоретический субъект совершает с ними теоретические превращения в форме дефиниции, утрачивая обыденную предметность и продолжая иметь в виду только ее. Следует отметить и то, что взятые вне натурфицированной формы, а только как факты обыденного словоупотребления, «идеал», «интерес», по своему значению близки к экзистенциальному значению слова «ценность», так как все они являются предикатами обыденного суждения, выражающего предпочтение к «вещи». Их тождественность в обыденной области словоупотребления и является предпосылкой эмпирической и теоретической тавтологии. Логический характер эмпирической и теоретической деятельности, представляя натурфикации как равноправные «вещи» — «ценность как таковая», «идеал как таковой», «интерес как таковой» — приобретают это качество только в предикативном акте теоретического субъекта, только через его предикативное усилие, что является неременной произвольностью. Если «ценность есть интерес» или «ценность есть идеал», то, принимая теоретическую тавтологию как неременность, следует принять и равновеликость обыденных суждений: «проявлять интерес к вещи», «проявлять ценность к вещи», «проявлять идеал к вещи». Очевидно, что теоретический субъект глух к обыденной практике словоупотребления, а свои концептуации принимает некритически. И то, чем теоретический субъект определяет «ценность», не имеет отношения к тем формам, какие «ценность» имела в прошлой обыденной деятельности. За исключением —

«вещи», видимость которой открыта обыденному субъекту, но следующие ее заимствования есть упрочение и усвоение иллюзии, а в теоретической деятельности есть только натуралистическая ошибка. «Ценность» можно определять чем угодно, в том числе и психологическими атрибутами, но только тогда, когда она в представлении теоретического субъекта есть «вещь». Но только тогда дефиниция и обладает внешним правдоподобием, заключая в себе теоретический натурализм.

Дефиниция «ценность есть атрибут субъекта» может считаться психологическим натурализмом как разновидностью натурализма логического.

ДОБАВЛЕНИЕ

Вполне определенными свойствами субъекта наделяет ценностное понятие «высшее благо» **Демокрит**:

Высшее благо он называет «хорошим расположением духа» и часто [также] «неустрасимостью», т. е. состоянием души, свободным от страха (Материалисты, с. 154).

Персонификации «дух», «душа» вполне могут трактоваться здесь как субъекты, а все, что им будет принадлежать,— как атрибуты этих субъектов.

Аналогичным образом определяет «благо» **Эпикур**, но в качестве теоретической предикации использует иное субъективное качество:

Я со своей стороны не знаю, что разумеет мне под благом, если исключить удовольствия... (там же, с. 226).

Область интеллектуальных качеств проецирует на «ценность» **Анаксагор**, на что отсылает Аристотель:

Часто он называет ум причиной прекрасного и справедливого (О душе, 404 б).

У **Сократа** то же самое, согласно Диогену Лаэртскому:

Он говорил, что есть одно только благо — знание и одно только зло — невежество (II 31).

Эту линию продолжает **Платон**:

Справедливость не есть ли некая способность или знание или то и другое вместе?.. А ведь если справедливость — это способность души, то более

способная душа будет и более справедливой... Ну а если справедливость есть знание? Разве более мудрая душа — не более справедливая, а более невежественная — не менее справедливая? (Гиппий меньший, 375 d—e).

Очень выразительным является фрагмент диалога Платона «Филеб», где сталкиваются различные трактовки психологической модели ценностного натурализма:

Филеб утверждает, что благо для всех живых существ — радость, удовольствие, наслаждение и все прочее, принадлежащее к этому роду; мы же оспариваем его, считая, что благо не это, но разумение, мышление, память и то, что сродно с ними: правильное мнение и истинные суждения (II B—c).

Склонен к психологической трактовке ценностных понятий и **Аристотель**:

Теперь надо рассмотреть, что такое добродетель. Поскольку в душе бывают три [вещи] — страсти, способности и устои, то добродетель, видимо, соотносится с одной из этих трех вещей (Никомахова этика, 1105 B 20).

Добродетель есть сознательно избираемый склад [души], состоящий в обладании серединой по отношению к нам, причем определенной таким суждением, каким определит ее рассудительный человек (там же, 1107 a).

К этому же можно добавить и телеологическую трактовку Аристотелем «блага»:

Каким образом может начало движения или благо как таковое существовать для неподвижного, раз все, что есть благо, само по себе и по своей природе есть некоторая цель... (Метафизика, 996 a 20).

Но другие психологические определения Аристотель отвергает: «...добродетели определяют даже как некое бесстрашие и безмятежность. Но это [определение] не годится...» (Никомахова этика, 1104 B 20)

Последователи **Аристиппа** подводят под ценностные понятия натурафикации чувственности:

Они различают конечное благо и счастье: именно конечное благо есть частное наслаждение, а счастье — совокупность частных наслаждений, исключая также наслаждения прошлые и будущие (Диоген Лаэртский, II 87).

§ 20. Теоретическое суждение может представлять ценностный предикат, тавтологичный определяемому ценностному понятию.

Тавтология двух ценностных понятий «ценность есть ценность» обеспечивается совпадением предпочтений, заключенных в прошлых формах употребления, а именно, обыденного упот-

Добро и зло — это соответственно истина и ложь; ибо это — дело всего мыслящего... (Никомахова этика, 1139 а 25).

Когда в рассуждении налагается несколько тавтологических ценностных предикаций, то оно в целом производит впечатление нелепости:

Совестливость же — это умеющая судить совесть доброго человека, причём судить правильно, а правилен [этот суд], когда исходит от истинно [доброго человека] (Никомахова этика, 1143 а 20).

Благом называется либо то, что является лучшим для каждого сущего, т. е. нечто по самой своей природе достойное избрания, либо то, что делает благами другие причастные ему вещи, т. е. идея блага (Большая этика, 1182 Б 5).

Не более чем ценностным натурализмом являются классические, «аристотелевские» умозаключения:

Например, желая доказать, что благородство — благо, мы говорим, что справедливость — благо, мужество и вообще добродетели — блага, а благородство — добродетель, поэтому благо и оно (там же, 1182 Б 35).

Такой же ход суждений приводит **Секст Эмпирик**:

При следующем рассуждении: «Справедливое прекрасно; прекрасное же — благо; значит, справедливое — благо» — либо надо согласиться с ним, и будет вполне очевидно, что прекрасное — благо, либо оно будет спорно и неочевидно (Пирроновы положения, II 163).

Развернутые ценностные тавтологии можно найти у **Стокков**:

Благо есть польза или не иное, чем польза, называя «пользой» и добродетель, и добросовестную деятельность, а «не иным, чем польза» добросовестного человека и друга. Ибо добродетель, будучи руководящим началом, направленным известным образом, и добросовестная деятельность, будучи деятельностью, направленной на добродетель, являются прямо пользой; а добросовестный человек и друг — не иным, чем польза. Ибо польза есть часть добросовестного человека, являясь его руководящим началом... Поэтому, говорят они, добросовестный человек, будучи целым по отношению к своему руководящему началу, которое они называли пользой, будет не иным, чем польза... В одном смысле, говорят они, благо есть то, от чего можно получить пользу, и это есть самое начальное и [именно] добродетель; во втором смысле оно есть то, от чего случается получать пользу, как добродетель и добросовестные поступки, в третьем же смысле это есть то, что в состоянии приносить пользу, а это есть как добродетель, добросовестные поступки, так и добросовестный человек, и друг, и боги, и благодетельные демоны; таким образом, второе значение блага обнимает первое значение, а третье — и второе, и первое (Секст Эмпирик. Пирроновы положения, III 169).

Отождествляет одно ценностное понятие — справедливость — и другое — польза — **Эпикур**:

В целом справедливость для всех одна и та же, поскольку она есть польза во взаимном общении людей... (Диоген Лаэртский, X 151).

ребления аналогичных слов. Потеряв все основания обыденной деятельности, натурфицированные понятия в своих голых логических оболочках совпадают еще и потому, что многие из них не имеют специфической предметности в обыденном мышлении и относятся к любым «вещам». Став в дефиниции «предметами как таковыми» с просвечивающимися ценностными значениями «предпочтения как такового» одного понятия и «предпочтения как такового» другого понятия, они не содержат даже намека на воспроизведение какого-либо основания предшествующей деятельности, полностью игнорируя область обыденного словоупотребления. Такая дефиниция существует как одна из самых бессодержательных теоретических тавтологий, к тому же содержательность всех их вызывает сомнения.

Модель дефиниции, раскрывающей понятие «ценность» посредством другого ценностного понятия, не преодолевает натуралистической ошибки и является аксиологическим натурализмом.

ДОБАВЛЕНИЕ

Диоген Лаэртский обратил внимание, что Платон «первый дал определение прекрасного: в него входит и похвальное, и разумное, и полезное, и уместное, и пригожее» (III 79).

В текстах же самого Платона можно найти немало тому примеров:

Если мы не в состоянии уловить благо одной идеей, то поймем его тремя — красотой, соразмерностью и истиной; сложив их как бы воедино, мы скажем, что это и есть действительная причина того, что содержится в смеси, и благодаря ее благодати самая смесь становится благом (Филеб, 65).

Все благочестивое необходимо должно быть справедливым? ...Значит, и все справедливое должно быть благочестивым или же все благочестивое будет справедливым, справедливое же не все будет благочестивым, но в одних случаях будет, а в других — нет (Евтифрон, 11 е).

Платоновский Сократ демонстративно пугается, когда вдруг производится отрицательная аксиологическая тавтология: «Что ты говоришь, Дионисидор? Прекрасное не прекрасно и безобразное не безобразно?» (Евтидем, 301 Б). Ирония высказывания Сократа предполагает, что «прекрасное прекрасно».

Аристотель, подразумевая Платона, приводит определение ценностных понятий через ценностные же понятия: «Как говорят, справедливость — это, по-видимому, некая совершенная добродетель» (Большая этика, 1193 Б 5). Но и его собственные определения не чужаются ценностных тавтологий:

Добро и зло — это соответственно истина и ложь; ибо это — дело всего мыслящего... (Никомахова этика, 1139 а 25).

Когда в рассуждении налагается несколько тавтологических ценностных предикаций, то оно в целом производит впечатление нелепости:

Совестливость же — это умеющая судить совесть доброго человека, причем судить правильно, а правилен [этот суд], когда исходит от истинно [доброго человека] (Никомахова этика, 1143 а 20).

Благом называется либо то, что является лучшим для каждого сущего, т. е. нечто по самой своей природе достойное избрания, либо то, что делает благами другие причастные ему вещи, т. е. идея блага (Большая этика, 1182 Б 5).

Не более чем ценностным натурализмом являются классические, «аристотелевские» умозаключения:

Например, желая доказать, что благородство — благо, мы говорим, что справедливость — благо, мужество и вообще добродетели — блага, а благородство — добродетель, поэтому благо и оно (там же, 1182 Б 35).

Такой же ход суждений приводит Секст Эмпирик:

При следующем рассуждении: «Справедливое прекрасно; прекрасное же — благо; значит, справедливое — благо» — либо надо согласиться с ним, и будет вполне очевидно, что прекрасное — благо, либо оно будет спорно и неочевидно (Пирроновы положения, II 163).

Развернутые ценностные тавтологии можно найти у стоиков:

Благо есть польза или не иное, чем польза, называя «пользой» и добродетель, и добросовестную деятельность, а «не иным, чем польза» добросовестного человека и друга. Ибо добродетель, будучи руководящим началом, направленным известным образом, и добросовестная деятельность, будучи деятельностью, направленной на добродетель, являются прямо пользой; а добросовестный человек и друг — не иным, чем польза. Ибо польза есть часть добросовестного человека, являясь его руководящим началом... Поэтому, говорят они, добросовестный человек, будучи целым по отношению к своему руководящему началу, которое они назвали пользой, будет не иным, чем польза... В одном смысле, говорят они, благо есть то, от чего можно получить пользу, и это есть самое начальное и [именно] добродетель; во втором смысле оно есть то, от чего случается получать пользу, как добродетель и добросовестные поступки, в третьем же смысле это есть то, что в состоянии приносить пользу, а это есть как добродетель, добросовестные поступки, так и добросовестный человек, и друг, и боги, и благодетельные демоны; таким образом, второе значение блага обнимает первое значение, а третье — и второе, и первое (Секст Эмпирик. Пирроновы положения, III 169).

В целом справедливость для всех одна и та же, поскольку она есть польза во взаимном общении людей... (Диоген Лаэртский, X 151).

Если в предикативной части дефиниции содержится хотя бы оттенок оценочного характера значения предиката, то вся дефиниция приобретает качество аксиологического натурализма: «А счастье, по мнению последователей Зенона, Клеанфа и Хрисиппа, есть «удачное течение жизни» (Секст Эмпирик. Против этиков, 30).

§ 21. Теоретический субъект производит дефиницию «ценности», где предикативная часть воспроизводит личностное основание обыденного употребления слова «ценность».

Если любое ценностное понятие несет в себе, безусловно, превращенное личностное значение, то именная функция его в дефинитивном суждении упрочивает эту утрату. Поэтому теоретический субъект использует возможности дефинитивной предикации, чтобы задним числом хотя бы указать на личностный, пристрастный характер значения этого понятия, забывая о том, что само понятие этого значения иметь не может. Из этого получается, что теоретический субъект для определения «ценности» употребляет понятия с аналогичными предшествующими модальными значениями: «значимость», «желательность», «предпочтение» и тому подобное. Но несмотря на это получаемая дефиниция продолжает нести в себе натуралистическую ошибку, потому что ценностное понятие само по себе не может нести личностное значение, трансформированное в значение «предмета как такового». Оно несет только это значение и ему приписывается теоретическим предикатом «причастность», «предпочтение» и т. п. По внешней форме дефиниция типа «ценность есть значимость» остается теоретической формой деятельности, но по сути это замаскированная эмпирическая форма обращения с понятием, это эмпирическая тавтология, когда эмпирический субъект «выражает» отношение не к «вещи», а к «предмету как таковому». Это выражение носит абстрактный характер и представляется не чем иным, как эмпирическим понятием. Но, например, в деятельности обыденного субъекта употребляется форма — «вещь значима», где обыденный предикат «значимость» относится к «вещи» и никогда не относится к натурфицированным понятиям, ибо обыденный субъект не определяет для себя ничего, кроме «вещи». В теоретическом суждении «значимость» относится к «ценности» как к «предмету как таковому», в превратной форме воспроизводя обыденную форму логического объекта. Но от того «ценность» продолжает пребывать в своей натурфицированной форме, ни

на йоту не лишаясь своей «вещественности». Допустим, что «значимость» указывает все-таки на значение такого объекта как «ценность». Выходит, что «значимость» сама по себе есть значение «значимости». Такая форма теоретического указания допустима чисто формально, но потому требует воспроизведения того, о чем здесь умалчивается: значимость чего и значимость для кого,— то есть воспроизведения хотя бы предметного и личностного основания, конечно же, обыденной деятельности, чего все равно недостаточно, ибо требуется также воспроизведение и других оснований. Но как только последовали бы такие указания, то ничего, кроме как воспроизведения определяемой области понятия «ценность», из этого не вышло. Однако рассматриваемая дефиниция этого не содержит, и неопределенный предмет «ценность как таковая» остается не менее неопределенным, когда утверждается как «значимость», «предпочтение» и т. п. Неопределенность данного типа дефиниции в видности теоретического субъекта преодолевается за счет эмпирической иллюзии, поскольку ему представляется за утверждением «ценность есть значимость» то же самое, что и «некий предмет имеет значение». Таким образом, «ценность» остается в ярко выраженной натуралистической оболочке, хотя направление усилий теоретического субъекта нельзя не признать верным. Просто средства, им используемые, не адекватны предмету, который им определяется, так как сам характер определения и является этим средством. Здесь обе натурфикации — и «ценность», и «значимость» взаимопределяются лишь по видимости, ибо их глубокое совпадение обусловлено прежней деятельностью, когда у обыденного субъекта была «вещь», и он ее характеризовал или как «ценной», или как «значимой» для себя. Но в теоретической деятельности этих оснований нет, и теоретический субъект не имеет возможности их иметь, а значит, его стремление к тому, чего у него нет и быть не может, порождает лишь те или иные концептуации, то есть продукты его собственной, теоретической деятельности.

Всякое указание теоретического субъекта на личностное основание употребления «ценности» посредством дефинитивной предикации есть разновидность аксиологического натурализма.

§ 22. Теоретический субъект обнаруживает деятельное качество субъекта и проецирует его обозначение на понятие «ценность»: «ценность есть деятельность».

Теоретический субъект затрагивает действительно важное основание определяемой области объекта, интересующего его.

Но в какой степени возможности дефиниции соответствуют тому, что он избирает своей теоретической предикацией и что приписывает «ценности как таковой»? Сразу бросается в глаза, что в обыденной деятельности «ценность» является логическим объектом и в этом качестве представляет собой средство деятельности. Значит ли это, что средства деятельности и есть сама эта деятельность, как утверждает дефиницией теоретического субъекта? Но как деятельность не может осуществляться без средств, так и средства деятельности существуют лишь в процессе их использования. Это и показывает, что в одном акте деятельности происходит распадение ее на разные формы, имеющие разные онтологические основания: средства деятельности и собственно актуальную деятельность. Средства деятельности олицетворяют собой прошедшую, осуществленную, реализованную в прошлом силу субъекта, овеществленную и в застывшей форме перенесенную в актуальный план деятельности. А собственно актуальная деятельность есть привлечение новых сил субъекта, и они актуализируются в данный момент деятельности, совпадая с используемыми средствами этой деятельности. Таким образом, любой акт деятельности одновременно содержит и то, что было ранее, и то, что происходит только сейчас,— и в то же время все это сливается в едином акте и в едином предмете, и единых средствах деятельности. Раз так, то, безусловно, средства деятельности и актуальная деятельность — это разные формы, имеющие различное онтологическое основание, и только при наличии средств деятельности происходит перетекание прошлой деятельности в актуальную и использование уже затраченных сил, вызванных из руин прошлого. Стало быть, теоретический субъект, утверждающий то, что «ценность есть деятельность», не различает эти основания, как впрочем и другие тоже. Допустим, что он прав, не различая средства деятельности и саму деятельность. Но тогда он должен произвести указание на того, кто производит такую деятельность: им может быть практический субъект, обыденный, эмпирический и т. п. Как только он произведет такое указание, то он вынужден будет указать и на средства той деятельности, которую он имеет в виду. Если «ценность» есть «практическая деятельность», то такое утверждение нелепость, ибо практический субъект преобразует вещи и не использует такой объект как «ценность». Если теоретический субъект подразумевает под «деятельностью» обыденную деятельность, то тогда дефиниция его примет следующий вид: «ценность есть обыденное суждение». Однако это не так, ибо «ценность» в обыденной деятельности является предикатом суждения, а не суждением. Менее всего стоит подозревать, что теоретический субъект

ект, давая дефиницию «ценность есть деятельность», имеет в виду эмпирическую или теоретическую деятельность. В противном случае получаются дефиниции «ценность есть создание натурфикации ценности как таковой» и «ценность есть создание тавтологии ценность как таковая есть ценность». Бессмысленность подобных теоретических конструкций очевидна. Но что же тогда имеет в виду теоретический субъект, когда определяет «ценность» как «деятельность»? Скорее всего — только обыденную деятельность. У него сохраняется иллюзорное представление о том, что все-таки что-то происходит, если человек имеет дело с «ценностью», и он это выражает в дефиниции превратным образом. На самом деле за этим кроется только то, что в обыденной деятельности посредством слова «ценность» обыденный субъект своеобразным способом овладевает «вещью». Поэтому с большой натяжкой и только как метафору можно признать справедливой такую интерпретацию дефиниции теоретического субъекта — «ценность это овладение вещью». Допущение это страдает все теми же недостатками: здесь нет указания, как это происходит, нет и указания на все те основания обыденной деятельности, без чего пользование логического объекта «ценность» остается не проясненным. Но указание в превратной форме на отдаленное основание употребления этого объекта, на деятельность, оставляет не раскрытым ближайшую природу его, а именно логическую природу. В этой теоретической ошибке меньше натурализма, чем в предшествующих дефинициях. Просто теоретический субъект не угадал, чем же на самом деле является «ценность», как если бы кто-нибудь спросил, что такое «звезда», и получил бы ответ: «звезда в небе». Попытка теоретического субъекта ухватить то обстоятельство, что при использовании «ценности» что-то человеком делается, совершается, производится, оканчивается тем, что теоретический субъект так и не решается выяснить, а что же собственно происходит тогда, когда человек употребляет слово «ценность». Вместо этого «ценность как таковая» остается по-прежнему загадочным, туманным объектом, хотя как раз потому, что называется «деятельностью».

Дефиниция «ценность есть деятельность», являясь попыткой определения понятия «ценность» через онтологическое основание его обыденного употребления, есть онтологический натурализм.

ДОБАВЛЕНИЕ

Демокрит:

Справедливость есть исполнение долга, несправедливость — неделание того, что должно, уклонение [от выполнения своих обязанностей] (Материалисты, с. 158).

Диоген Лаэртский приводит слова **Эпихарма**, где ценностная натурализация выступает деятельностью: «Добро само есть дело: кто учен добру, сам делается добрым в силу этого» (III 14)

У **Аристотеля** в связи с данной моделью дефиниции можно найти определения ценностного понятия «благо» — и как «деятельность» души, и как «действие» самой себя, и как «состояние», что уже ближе к психологическому натурализму:

Человеческое благо представляет собою деятельность души сообразно добродетели... (Никомахова этика, 1098 а 15).

Счастье — это некая деятельность души в полноте добродетели (там же, 1102 а 5).

Что счастье — деятельность, можно видеть и из следующего: мы не согласимся назвать счастливым человека во время сна — скажем, если кто-то проспит всю жизнь — именно потому, что в этом случае он живет, но не живет сообразно добродетели, т. е. не действует (Большая этика, 1185 а 5—10).

Теперь следовало бы сказать, что такое добродетель, если ее действие есть счастье. В самом общем смысле добродетель — это наилучшее состояние (там же, 35).

Такую деятельность как «договор», «общение» включает в определение «справедливости» **Эпикур**:

Справедливость не существует сама по себе; это — договор о том, чтобы не причинять и не терпеть вреда, заключенный при общении людей (Диоген Лаэртский, X 150).

ПРИМЕЧАНИЕ

Секст Эмпирик подмечает несуразность определения «ценности» по онтологическому основанию:

Некоторые говорят и то, что благо есть либо само стремление, либо то, к чему мы стремимся. Но стремление по собственному смыслу не есть благо, ибо тогда мы не торопились бы достигнуть того, к чему мы стремимся, чтобы не выйти из состояния стремления; так, например, если бы было благом стремиться к питью, ты бы не торопились бы достигнуть питья,

ибо, насладившись им, мы избавляемся от стремления к нему. И то же самое можно сказать по поводу голода, любви и остального (Пирроновы положения, III 183).

§ 23. Теоретический субъект использует возможность дать дефиницию «ценности» по логическому основанию и утверждает: «ценность есть логический объект».

Казалось бы, наиболее очевидным является указание на то, что «ценность» есть только слово или логический объект. Это — единственная классификационная процедура, которая ставит настоящий мифологизированный объект в какие-то реальные и от того понятные рамки. Но почему же это совершается чрезвычайно трудно для теоретического субъекта, Ответ достаточно прост: в силу теоретического натурализма или некритического эмпиризма, унаследованного теоретическим субъектом от предшествующей деятельности, когда за всяким понятием открывается предметное основание — «вещь». Тем самым между «вещью» и понятием скрывается слово, легко отождествляемое то с тем, то с другим — и с «вещью», и с понятием. Потому теоретический субъект бьется над этим предметом, а он ускользает от его взора, оставляя пустоту за своей иллюзорной оболочкой, что он привык иметь дело с «вещами», а когда ему встречается не совсем «вещь», но очень даже похожая на «вещь», то он ухватывается прежде всего за вещественность этой не-вещи. И в случае, когда он понимает, что имеет дело только с логическими объектами, ему не легко различить словесную оболочку и то, на что она указывает, и он не знает, как поступить с тем фактом, что он имеет дело лишь с понятием. Теоретическое суждение «ценность есть логический объект» не может ему подсказать что-либо до тех пор, пока он не различит понятие, слово и «вещь». А видеть только слово ему мало, так как он вообще все время имеет дело лишь с логическими объектами, и ему хочется увидеть, что скрывается за ними — что за «вещь», и он упорно бьется над определениями, не задумываясь об основаниях своих теоретических действий. Но как только теоретический субъект находит свой определяемый объект «ценность» среди именно логических объектов и как только он усматривает возможность пользоваться им не столько в своей деятельности, но в обычной деятельности, — так сразу же отпадает необходимость в мудрствованиях по поводу «ценности», и его дефиниция превращается в типично эмпирическое классификационное суждение и будет указывать на совершенно простую ситуацию: интересующий его предмет — предмет его разысканий, принадлежит к разряду логических объектов, либо к

обыденным словам, либо к эмпирическим понятиям. Но такое суждение уже утрачивает характер теоретической тавтологии «вещь есть вещь», ибо «определяемая вещь есть совсем не то, что является вещью, а есть только слово». А теоретический субъект постоянно забывает, что помимо слов, явно восходящих к наименованию «вещи», есть обширный класс слов с модальным значением, восходящим к экзистенциальной сфере человека.

Дефиниция «ценность» есть «логический объект» утрачивает свой теоретический характер и вместе с тем утрачивает натуралистическую ошибку, так как натурфикация «ценность» не получает подтверждения своей принадлежности к «вещам» и денатурализируется предикативной частью такого суждения.

§ 24. Теоретический субъект не останавливается на том, что перебрал все способы дефиниции «ценности», и предлагает еще один вариант: включить в определение комбинацию различных оснований.

Очевидно, что если каждая дефиниция решает проблему ценности в натуралистическом плане, то сумма различных вариантов ценностного натурализма в одной дефиниции даст ту же ошибку, умноженную на количество этих вариантов. Другого быть не может, если вместо одного основания, ошибочно кладущегося в дефиницию, предлагается несколько, в той же мере ошибочных. Ведь теоретический субъект лишен возможности вкладывать в логический объект, каким является «ценность», свое собственное личностное значение, поэтому обезличенная форма «ценности» и позволяет ему соотносить с различными элементами абстрактно полагаемого фрагмента определяемой области — то предметное основание, то саму деятельность, то определенное субъективное качество, но только не то, что вкладывает в аналогичные слова обыденный субъект. А раз так, то до тех пор пока теоретический субъект не воспроизведет своим теоретическим суждением все основания определяемой области в целом, он не приблизится к пониманию того, что такое «ценность» ни на шаг.

Уверенность теоретического субъекта в том, что он решает проблему ценности, если приведет различные теоретические значения в совокупности, завершается эклектикой и окончательной неспособностью определить статус определяемого объекта, по сути являющегося логическим средством обыденного употребления.

ДОБАВЛЕНИЕ

У Пифагора одно из самых ранних определений ценностного понятия отличается приведением в предикативной части различных оснований: «Добродетель есть лад, здоровье, всякое благо и бог» (Диоген Лаэртский, VIII 33)

Но всех авторов античности превосходит по собирательности понятия «ценность» Аристотель:

Одним словом, благом необходимо признать следующее: счастье, потому что оно желательно само по себе и обладает свойством самодовлеемости; кроме того, ради него мы избираем многое. Справедливость, мужество, умеренность, великодушие, щедрость и тому подобные качества, потому что это — добродетели души. Красота, здоровье и тому подобное — также блага, потому что все это — добродетели тела, которые создают много благ, например, здоровье создает удовольствие и жизнь, почему оно и считается высшим благом, так как служит причиной двух вещей, имеющих для большинства наибольшую ценность — удовольствия и жизни. Богатство, так как оно представляет собой достоинство имущественного состояния и служит причиной многих благ. Друг и дружба, потому что друг желателен сам по себе, а кроме того, он может сделать многое. Честь, слава, потому что они приятны и потому что они создают многое; с ними по большей части сопряжено присутствие того, в силу чего [люди] пользуются почетом. Умение говорить и искусно действовать, потому что все подобное создает блага. Сюда же относятся даровитость, память, понятливость, сметливость и все тому подобные качества, потому что они создают блага. Равным образом [сюда принадлежат] все отрасли знания и все искусства. Сама жизнь [есть благо], потому что, если бы даже с ней не было сопряжено никакое другое благо, она желательна сама по себе. Наконец, справедливость [есть также благо], потому что она полезна всем.

Вот приблизительно все то, что люди согласны признавать благом (Риторика, 1362 В 18—30).

Казалось бы, что все, что можно, уже исчерпано в определении. Но ниже:

Что же касается благ спорных, то заключения относительно их нужно выводить на основании вышеупомянутых благ. Благо — то, противоположное чему есть зло, а также то... (1362 В 30).

И т. д., и т. д.

§ 25. Теоретический субъект, окончательно запутавшись в рассмотрении ценностных понятий, признается в неспособности решить проблему ценности или в невозможности ее решения.

Если «неспособность решить проблему ценности» можно отнести целиком на счет теоретического субъекта, то «невозможность ее решения» теоретический субъект видит в ней самой и

тем самым отводит от себя подозрение в неспособности решить проблему. Однако это не так. Ясно, что какие бы то ни было дефиниции не решают проблемы ценности, оставляя любую попытку в пределах ценностного натурализма, следовательно, ответственность за неразрешенность проблемы принимает тот, кто пользуется всеми перечисленными способами, не затрачивая сил для выяснения оснований своей собственной деятельности. **Выход только один — воспроизвести все основания обыденной деятельности и раскрыть ближайшее основание, а именно употребление логических форм, превращенный характер которых скрывает за иллюзорной оболочкой действительную природу определяемого объекта.** Но как только теоретический субъект начинает заниматься формами как своей деятельности, так и всей предшествующей, он утрачивает свою роль теоретического субъекта, поскольку ему приходится отказаться от дефинитивного способа исследования, от теоретических тавтологий, усугубляющих превратность использования обыденных логических объектов.

Теоретический субъект, воспроизводя область обыденного словоупотребления интересующего его логического объекта, утрачивает свою природу быть субъектом теоретическим.

ДОБАВЛЕНИЕ

Признание больших затруднений в решении проблемы ценности театрально демонстрирует Платон в диалоге «Менон», где его герой, ведомый Сократом, с большими трудностями все-таки добился дефиниции и определил «добродетель» как способность повелевать. Здесь-то Сократ подбрасывает еще ряд определений: если добродетель есть справедливость, то и мужество, и рассудительность, и мудрость, и щедрость и др. И Менон признается, что никак не может найти какое-то одно из них, а Сократа при этом называет колдуном.

В «Государстве» Платон театрализирует такую же ситуацию. Он выводит на сцену действия юношу, разъяренного беседой Сократа о справедливости, и Сократ просит не сердиться:

Мы разыскиваем справедливость, предмет драгоценней всякого золота — ужели же мы так бессмысленно уступаем друг другу и не прилагаем всяческих стараний, чтобы его отыскать? ...Нет, это, по-моему, просто оказалась выше наших сил (336 е).

ПРИМЕЧАНИЕ

Если герои Платона сомневаются в результатах своей деятельности по определению ценностных понятий, то скептики, используя свой метод сомнения, наблюдают как бы со стороны за тщетными усилиями разрешения этой проблемы:

Но если бы кто-нибудь назвал благо либо полезным, либо желательным само по себе, либо действующим для счастья, то он не определял бы, что такое благо, но назвал бы какое-нибудь из его качеств... А что благо приносит пользу, что оно желательно, вследствие чего благом названо и достойное удивления, и что оно достойно создать счастье, в этом, пожалуй, согласны все; но спроси их, что такое то, чему все это принадлежит как качества, и они затеют непримиримую войну, и одни скажут, что это добродетель, другие — что удовольствие, третьи — что беспечальность, четвертые — что что-нибудь другое. А если бы из приведенных раньше определенных было доказано, что такое само благо, то они не спорили бы, как те, кто не знает его природы (Секст Эмпирик. Пирроновы положения, III 173—176).

Однако скептики не показывают почему проблема определения ценностных понятий не решается, почему возникают затруднения. И в формулировках, принадлежащих собственно сомневающемуся субъекту, ценностные понятия сохраняют свою натурализованную форму:

Очевидно, что они не привели нас к понятию каждой из названных раньше вещей; но, обманувшись в несуществующих, может быть, вещах, они не испытали ничего необыкновенного (там же, 178).

Ошибка теоретического субъекта — двенадцатая

Теоретический субъект, получив дефиницию «ценности», считает, что он достиг своего результата и теперь ему ясно, что это такое. Поэтому он продолжает пользоваться ценностными натурализациями, но уже для того, чтобы с помощью совершенно «ясных» для него предметов объяснить другие, не совсем пока еще ясные предметы.

ДОБАВЛЕНИЕ

Теоретическому субъекту кажется, что он с помощью дефиниции «ценности» докажет все что угодно, на самом же деле, он один неопределенный объект будет объяснять другим неопределенным объектом:

Желая доказать, что благородство — благо, мы говорим, что справедливость — благо, мужество и вообще добродетели — блага, а благородство — добродетель, поэтому благо и оно (Аристотель. Большая этика, 1182 В 35).

Но теоретический субъект, не сомневающийся в своих приобретениях, не далеко уходит от ценностной проблематики, когда предлагает использовать ценностные понятия для решения других проблем. В этом смысле круг ценностных понятий превращается в постулирование таких сущностей и принципов, которые для теоретического субъекта представляются исключительно важными в силу их доказательности. Кажалось бы, проясненные таким образом принципы приобретают объяснительную силу, в которую верует теоретический субъект, хотя ему так кажется только потому, что он для этого использует свои собственные дефинитивные действия по отношению к столь важным для него понятиям. Дело же заключается в том, что вся эта сила берется из обыденных представлений, скрывающихся за натурфицированными оболочками используемых им объектов и питается за счет универсальности их актуальных логических форм: они несут в себе экзистенциальные значения, способные объективироваться в любой «вещи», и в превращенных формах могут быть самими этими любимыми «вещами», и они могут применяться в любых формах мышления: обыденного, эмпирического, теоретического. Этим объясняется то, что ценностные понятия становятся главнейшими принципами, вокруг которых строится вся проблематика многих философских систем, и не только в античности.

Мотивы теоретического субъекта, использующего ценностную проблематику

Разнообразие побуждений, определяющих привлечение ценностных понятий тем или иным писателем для объяснения различных фрагментов мира, можно представить в разновидностях теоретического натурализма. Сообразно этому будут группироваться наиболее типичные случаи употребления ценностной проблематики в философских концепциях.

1. Одним из исходных побуждений теоретического субъекта в привлечении ценностных понятий является их включение в качестве фрагментов естественной реальности в картину мира и объяснение этой картины посредством ценностных определений. Без этого мир для теоретического субъекта является пустым, не наполненным движущей силой, не напряженным, — если мир представляется ценным, то все исходит из ценности; и

все проявления мира объясняются ценностью. Вот, например; рассуждения **пифагорейцев**:

По их мнению, наиболее ценному [телу] надлежит занимать наиболее ценное место; огонь превосходит по ценности землю, предел — промежуток, а край и центр суть пределы: отсюда они делают вывод, что в центре Сферы находится не земля, а скорее огонь (Аристотель. О небе, 293 а 30).

У самого **Аристотеля** природа мирового порядка требует привлечения ценностного понятия «благо», от которого этот порядок зависит (см.: **Метафизика**, 1075 а 10).

Включение ценностных понятий в естественно-научную картину мира — мира без человека — и использование их в эмпирической и теоретической форме есть **собственно ценностный натурализм** или естественно-логический натурализм. Теоретический субъект таким образом представляет человека в мире, но способ этот превратный, ибо от человека отчуждается его экзистенциальная сфера в виде ценностных понятий, и она вернется к нему в личности чуждой, сверхреальной воли.

2. У **Платона** существование сущностей — ценностных понятий прекрасного, доброго — в диалоге «Федон» является аргументом в пользу дожизненного существования души: если первые существуют, то существует и душа (см.: 76 d—e)

Это есть не что иное, как **психологический натурализм**.

3. Главенствующим среди других направлений использования концептуальных возможностей ценностных понятий во всей философской античности, да и в последующих философских системах является **этический натурализм**. Его достаточно четко выразил **Аристотель**:

Мы ведь проводим исследование не затем, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы стать добродетельными, иначе от этой [науки] не было бы никакого проку (Никомахова этика 1103 Б 25).

Наиболее широко анализ ценностных понятий в целях использования его результатов для этических императивов проводит **Платон**. Он предлагает обсудить нравственные основы управленческой деятельности в государстве («Феаг», «Алкивиад I», «Менон»); воспитания юношества («Алкивиад II», «Евтидем», «Лакет», «Протагор»); судопроизводства («Евтифрон», «Горгий»). Основой для этого Платону служит рассмотрение ценностных понятий, но поскольку многие предписания, вытекающие из употребления ценностных понятий, касаются не только нравственных отношений, но и социальных, то можно гово-

зить о социальном натурализме или о **социально-этическом натурализме** Платона.

4. Очень редким аспектом использования ценностной проблематики является ориентация писателя на интеллектуальную игру, когда значения ценностных понятий преднамеренно обыгрываются, демонстрируя гибкость эмпирического мышления, что обычно называется парадоксом. Примерами могут служить рассуждения **Платона** в диалогах «Гиппий меньший», «Лисид».

5. Собственно анализ ценностных понятий как превращенных форм логической обыденной деятельности не обнаруживается у представителей ранней философии. Кроме кажущегося случайным совпадением в «Кратиле» **Платона** употребления ценностных понятий и анализа языковой практики, можно указать на соображение **Аристотеля** из «Политики», где он связывает употребление ценностных понятий с речью, но тут же сбивается на социальный натурализм:

Речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства (1235 а 10).

§ 26. Теоретический субъект, представив всевозможные дефиниции, исчерпывает свои теоретические возможности.

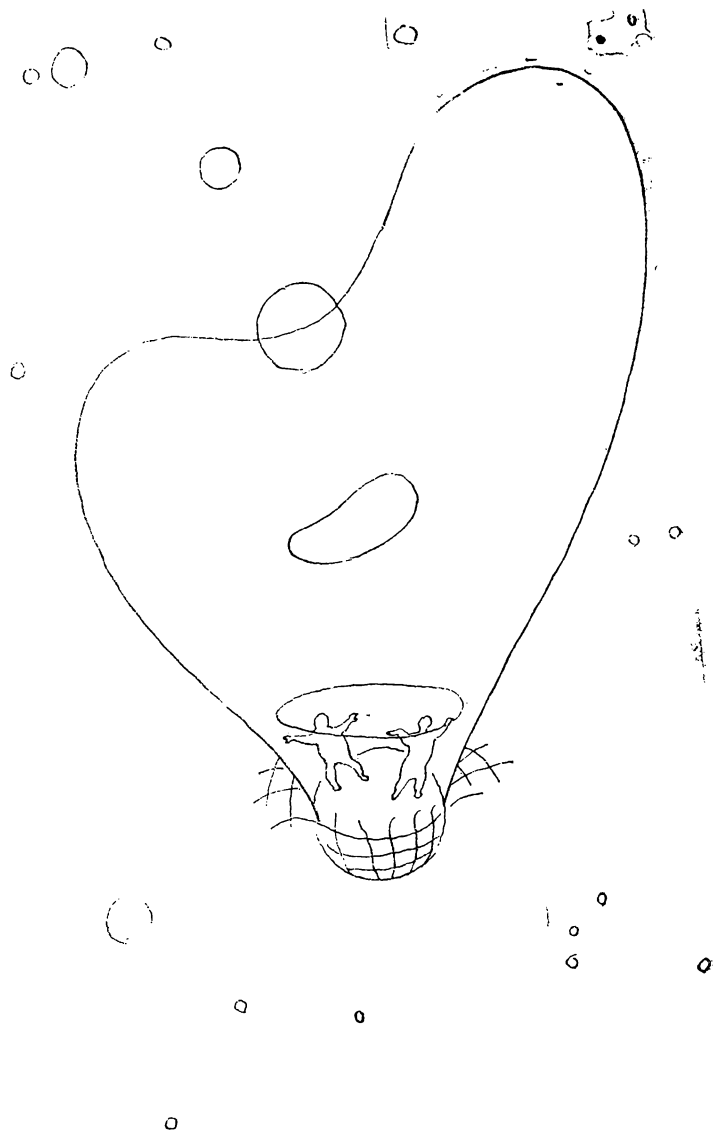
Он, безусловно, доверяет своим результатам и полагает, что вполне обладает знаниями об определяемых понятиях. Это дает ему право советовать другим, как нужно жить достойно,— право распоряжаться чужой волей. Но за окончанием теоретической деятельности, приобретшей прозаический конец, скрывается исключительно важное обстоятельство, касающееся характера человеческого мышления в целом,— то, что самому теоретическому субъекту не представлено в его собственной деятельности. А именно, созданием тавтологии теоретического суждения, открывающего видимость «вещи как вещи», завершается производство логических форм мысли. И то, что человеческое мышление не имеет принципиальной возможности еще создать какую-либо иную форму мышления, говорит об исчерпаемости его механизма, не зависящего в своей реализации от того, кто производит мышление. Тавтологией завершаются логи-

ческие способы овладения вещью и исчерпываются логические возможности предикации — самого бурного и управляемого реактора на Земле. Прежде всего исчерпывается материал комбинирования: значения наименований — субстантивные, атрибутивные, модальные; исчерпываются возможные комбинации между ними как приписание предикативной функцией одних значений — другим значениям. Вот и все, что лежит в пределах человеческого мышления. Когда теоретический субъект вполне овладел «вещью», имея ее перед своим умственным взором в богатстве всех ее определений, хотя только своих собственных, только тогда он предпринимает усилия рассмотреть, а как собственно он овладел этой «вещью». Теоретический субъект имеет возможность рассмотреть все что угодно, поэтому он и выбирает в качестве еще одного предмета рассмотрения — деятельность по овладению вещи. А значит, он вынужден заниматься не чем иным, как воспроизведением всех оснований своей деятельности.

Теоретический субъект утрачивает характер своей деятельности как только прекращает производить дефиницию понятий для того, чтобы понять «что такое «вещь», но как только принуждает себя к деятельности по овладению такой «вещи», как «деятельность по овладению вещи», то он превращается в рефлектирующего субъекта.

ДОБАВЛЕНИЕ

Как бы ни казалась странной мысль об ограниченности мышления, хотя вроде бы в представлениях человека размещается огромный мир, со временем со все более раздвигающимися границами, но это происходит только потому, что человек владеет этим миром как «вещью» и всей своей деятельностью подтверждает, что он овладел именно этой «вещью». Таким образом, вся его совокупная деятельность является тавтологией самого себя через огромную вещь, равновеликую «всему миру», то есть тому, во что он вложил свои природные силы. Беды в том нет, если овладение «вещью» завершилось, природа человека предрасположена к тому, что после овладения одной «вещью» он переходит к овладению другой, но при этом он пользуется одним механизмом овладения. Ведь не в природе вещи заключено то, как человек овладевает ею, и если с каждой «вещью» человеку приходилось бы менять механизм мышления, то сколько бы «вещей» ни существовало, столько бы собственных природ мышления должен был нести в себе человек. Но есть одна природа человека, есть одна природа овладения вещью, следова-

тельно, есть одна природа мышления и один его механизм, овладевающий всякой «вещью», — это — предикативная функция мышления с неизменным приписанием значения предиката значению имени суждения.

АКСИОМА—ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ — «тождества всех тождеств»:

какие бы превращения вещи ни производил субъект, он остается единственным владельцем и носителем всех превращенных форм вещи, — свидетельствующих о превращениях субъектом самого себя.

Следствие аксиомы

Теоретический субъект, производящий тавтологию предмета своего суждения, не догадывается о всех формах логических превращений, которые предшествовали его суждению, как не догадывается он о том, что только сам является предметом всех своих превращений. Не суждено ему постигнуть и то, что с его дефиницией завершилась длинная цепь превращений вещи — зато он становится обладателем «вещи как самой себя».

ПРИМЕЧАНИЕ

Прокл в чрезвычайно абстрактной форме излагает идею нахождения всех мыслительных форм — одной в другой:

Все мыслительные формы находятся и одна в другой и каждая сама по себе.

В самом деле, если всякий ум неделим, то и заключенное в нем множество объединено мыслительной неделимостью, и все [формы], будучи в одном [уме], не имеющем частей, объединяются друг с другом; и все проникает все. С другой стороны, если все мыслительные формы лишены материи и бестелесны, то они не слиты одна с другой, и каждая форма, отдельно оберегая свою чистоту, остается тем, что она есть (Первоосновы теологии, с. 102).

У Прокла мы не найдем конкретизации этого положения, но оно предопределяет постановку вопроса: а как все это происходит?

*Рефлектирующая деятельность,
рассматривающая деятельность
как таковую, не рассматривает
самое себя, и потому из нее
следуют заблуждения*

ГЛАВА ПЯТАЯ

БЕСКОНТРОЛЬНОЕ БЛУЖДЕНИЕ РЕФЛЕКТИРУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

§ 1

Рефлектирующий субъект намеревается рассмотреть, что же собственно представляет собой та деятельность, которой все занимаются. Если это так, то он желает представить именно «деятельность как таковую», распространяемую на всех. Но рефлектирующий субъект унаследует от предшествующей деятельности все ее формы и не добавляет к ним ничего, что бы приносило в его рассмотрение нечто особенное. При этом он унаследует все превратные формы — иллюзии и ошибки, превращая в свои собственные заблуждения. Из того, что утверждает рефлектирующий субъект о деятельности, мы и узнаем, что думает теоретический субъект, когда ошибочно истолковывает продукты эмпирической деятельности, и что иллюзорно представляет эмпирический субъект, когда смело пользуется обыкновенными формами видимости вещи. Вот почему рефлектирующему субъекту кажется, что все, что происходит в его представлении и есть «человеческая деятельность как таковая», и ее он может рассмотреть и о ней поведать другим — другим, которые не догадываются о том, что происходит с ними, когда они что-либо делают. Эта «общая» — в эмпирической формулировке — «деятельность» заслоняет от внимания рефлектирующего субъекта то, что он владеет только собственными формами деятельности.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — первое

Рефлектирующий субъект считает, что он рассматривает какую-то деятельность, и не догадывается о том, что это есть только его собственная деятельность.

§ 2

Какую бы деятельность ни собирался рассмотреть рефлектирующий субъект, перед его взором протекают лишь картины своей собственной деятельности. Он рассматривает, следовательно, всякую деятельность как только что осуществляющуюся, определенную данным временем рассмотрения, всегда имеющую место в любых условиях, распространяющуюся на всякого человека, а потому его постулируемая «деятельность» выступает «деятельностью как таковой» и как актуально совершающаяся деятельность. Но таким образом, он не видит распада деятельности на разные планы, на прошлую, осуществленную деятельность и деятельность актуальную и превращенную.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — второе

Рефлектирующий субъект не различает деятельность как таковую и ее прошлые превращенные состояния.

§ 3

От того, что рефлектирующий субъект всякую деятельность берет как «деятельность как таковую», он не только не видит превращенного характера прошлой деятельности, но — что самое главное — не различает уровней и форм прошлой деятельности: практической, обыденной, эмпирической, теоретической и собственной рефлектирующей. Как правило, при этом он возлагает ответственность за результаты одной деятельности на субъекта совсем другой деятельности.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — третье

Рефлектирующий субъект не различает практическую, обыденную, эмпирическую, теоретическую и собственную рефлективную деятельность.

ДОБАВЛЕНИЕ

Платоновский Сократ вызывает большие затруднения у своих собеседников зачастую только потому, что не различает суждения, относящиеся к разным уровням деятельности. Вот пример из диалога «Филеб».

Сократ приводит ряд суждений. Удовольствие можно назвать благом — обыденное суждение. Но удовольствия бывают дурные и хорошие — эмпирическое суждение. Следовательно, благо может быть и дурным и хорошим — теоретическое суждение, тавтология ценности. В теоретическом суждении натурафикация «благо» лишена всяких значений, кроме предметно-логического, и потому через предикативную функцию ей приписываются альтернативные значения как бы вновь — чем она начинает теперь обладать после теоретического акта. Но помня лишь положительное значение в обыденном употреблении слова благо, рефлектирующий субъект начинает удивляться, как положительное может быть и положительным и отрицательным (11 с.).

Точно такую же ситуацию создает Аристотель, он пишет:

Определение имеет целью назвать сущность каждого [предмета и говорит], что [предмет] хорош, плох или еще какой-нибудь; и определение именуется такое-то благо как благо вообще, т. е. как нечто само по себе достойное избрания... Но определение говорит: то и то есть благо (Большая этика, 1182 Б 15—20).

То, что Аристотелем названо «определением», не является определением теоретического субъекта в том случае, когда ценностное понятие является предикатом «предмета» — это эмпирическое суждение, за которым Аристотель желает видеть суждение обыденное. Только тогда, когда он говорит, что «определение именуется такое-то благо как благо вообще, т. е. как нечто само по себе достойное избрания», — только тогда это — действительно определение. Но Аристотелю кажется, что в обоих случаях он говорит об одном и том же.

Далее он предчувствует, что теоретическое суждение и обыденное не одно и то же:

Никакая наука и никакое умение не заявляют о себе, что их цель — благо...

Следовательно, никто в повседневной жизни не пользуется теоретическими определениями: «Так, ни врач, ни строитель не говорят, что здоровье или дом — это благо» (там же, 25). Но вместо примера с теоретическим суждением, Аристотель приводит обыденное суждение. Это суждение ценностное, значит, Аристотель отказывает обыденной речи иметь ценностные суждения, и в качестве обыденных отмечает только номинативные:

...Но говорят: один — что такие-то вещи создают здоровье и как именно создают, другой — что [такие-то вещи создают] дом (там же).

Скептики сводят вместе и не различают обыденную деятельность — «мы видим», «мы знаем», — рефлексивную деятельность — «как мы видим», — и теоретическую деятельность — утверждение тавтологии: «такая-то вещь» есть вещь «как таковая»:

...Так, мы признаем, что мы видим, и мы знаем, что мы мыслим, но как мы видим и как мы мыслим — это нам неизвестно; так, мы говорим в разговоре, что такая-то вещь кажется белой, но не утверждаем, будто бы она и действительно такова (Диоген Лаэртский, IX 103).

Скептики допускают двойную ошибку отрицательной эмпирической разверстки, когда к деятельности обыденного субъекта привязывают теоретическую и рефлексивную деятельность, за что он не отвечает, а затем отказывают ему в том, за что он не отвечает.

§ 4

Хотя все то, что рассматривается рефлектирующим субъектом, протекает в формах его собственной деятельности, но он не может взять свою собственную деятельность в качестве предмета рассмотрения, поскольку она еще не осуществилась, чтобы о ней можно было бы судить как о совершившемся действии. Рассматривать «деятельность» во всех ее превращенных формах он также не может, если рассматривает ее как «деятельность вообще» и если относит ее к субъекту, то относит как к «субъекту вообще». Не имеет рефлектирующий субъект и особых способов деятельности, отличных от тех, которые он унаследовал в своем опыте из прошлой деятельности, — потому, что они исчерпаны были еще теоретическим субъектом. Приспосабливая свой предмет к тому, что он перенес из прошлого, он будет облекать его в форму «вещи», как это совершалось до него, и как он сам вынужден совершать, идя к своим целям через такое состояние, в каком он сам был в прошлом, и субстантивируя текучесть, подвижность, процессуальность «деятельности» человека — в эмпирическую форму «деятельности как таковой», по сути превращает он эту деятельность в форму «вещи». Но только так он может представить то, что «вещью» собственно не является.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — четвертое

Рефлектирующий субъект превращает «деятельность» в «вещь», то есть в ту форму, которой эту деятельность замечает.

ДОБАВЛЕНИЕ

Платон не мог пройти мимо творящей силы, чтобы ее не натурфигуровать, и созданный им продукт в качестве демиурга — персонификации этой силы — содержит самое себя:

Если демиург любой вещи взирает на неизменно сущее и берет его в качестве первообраза при создании идеи и потенции данной вещи, все необходимо выйдет прекрасным (Тимей, 28).

§ 5

Пусть «деятельность» застывает в представлениях рефлектирующего субъекта. Для того, чтобы показать, что она такое есть, он все равно вынужден будет выделить все ее формы, средства, способы и т. п., в которых она застывает. Если же эти формы воспроизводятся рефлектирующим субъектом, то, следовательно, он раскрывает текучесть «деятельности» в последовательной смене этих форм. Однако рефлектирующий субъект, рассматривая «деятельность» только как «деятельность как таковую», не видит оформленности различных ее проявлений; удовлетворяясь представлением о ней — «как таковой», уверовав в то, что таким образом он знает об этой «деятельности».

Заблуждение рефлектирующего субъекта — пятое

Рефлектирующий субъект берет «деятельность как таковую» без указания на формы, в которых она застывает.

ДОБАВЛЕНИЕ

Можно приводить большое количество рассуждений о «мышлении», о «творчестве» и т. п., как это, например, делает **Прокл**, но все эти рассуждения остаются голыми указаниями на какую-то деятельность до тех пор, пока не приобретут форменных очертаний:

Всякий ум дает существование следующему за ним через мышление, и творчество его заключается в мышлении, а мышление — в творении.

В самом деле, если умопостигаемое и ум тождественны и бытие каждого ума [тождественно] мышлению, совершающемуся в нем, а что ум творит, творит он [своим] бытием и производит то, что он есть, сообразно

бытию,— то он производит то, что производится мышлением, так как бытие и мышление — оба одно, поскольку ум и все сущее тождественно тому, что в нем. Значит, если ум творит бытием, а бытие есть мышление, то творит он мышлением (Первоосновы теологии, с. 101).

Декарт так и не показывает, к чему все-таки можно отнести такую натурфицированную деятельность как «душа»:

Если я захочу... показать, что разумная душа не является телесной... будет достаточно если я разом распределю все тела по нескольким группам таким образом, что докажу: разумная душа не может быть отнесена ни к одной из них (I 99).

§ 6

С формами деятельности у рефлектирующего субъекта возникают сложности, поскольку они не вещественны. Но точно такие же сложности возникают у него с объектами деятельности, которые в грубом приближении можно назвать «вещественными», так как все они представляют собой превращенные формы «вещи». Но тем самым рефлектирующий субъект не различает эти объекты как понятие, слово, наименование и вещь.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — шестое

Рефлектирующий субъект спутывает употребляемые им для воспроизведения «деятельности» ее объекты как понятия, слова, наименования, вещи.

ДОБАВЛЕНИЕ

Аристотель пытается лишить обыденного субъекта его предмета деятельности — «вещи» — и подменяет его предметом эмпирической деятельности — натурфикацией «суть бытия вещи»:

О чем бы то ни было имеется в одном смысле лишь одна речь, а именно речь о сути бытия вещи (Метафизика, 1024 б).

Не различает обыденную, теоретическую и свою собственную рефлектирующую деятельность **Секст Эмпирик**, желая приписать обыденному субъекту то, что характерно только для других превращенных форм:

Мед не то же самое, что мое ощущение сладости, и полынь не то же самое, что ощущение горечи, но отличны от них. Если же это состояние отличается от внешнего предмета, то и представление будет представлением не внешнего предмета, а чего-то другого, отличного от него (Пирроновы положения, II 72).

Все, что утверждается в обыденной деятельности, имеет форму: «мед сладкий», «полынь горькая». Но все другие формы, приведенные Секстом Эмпириком, не являются этими обыденными формами. Он натурфицирует основания обыденной деятельности: предметное — «внешний предмет» — и личностное — «представление»; отделяет их друг от друга, что возможно лишь в эмпирической форме, комбинирует ими произвольно как «вещами», полагая тем самым то, что он якобы рассматривает обыденную деятельность, то есть то, что будто бы присуще всем, наделенным ощущением.

Как не знающий Сократа и посмотревший на его изображение не знает, похоже ли изображение на Сократа, точно так же и мышление, глядя на состояние чувств, но не видя внешнего, не будет знать, подобны ли состояния чувств внешним предметам (там же, 75).

Помимо того, что «состояние чувств» берется как «вещь», ибо на него приходится смотреть, «мышление» становится персоной, ибо оно «глядит», «но не видит». А в целом здесь та же процедура замены обыденных форм деятельности эмпирическими формами и воспроизведение оснований предшествующей деятельности в неадекватной форме.

Никто, вероятно, не поколеблется относительно того, таким ли или иным является подлежащий предмет, но сомневаются в том, таков ли он на самом деле, каким кажется (Пирроновы положения, I 22).

Очень наглядно Секст Эмпирик приписывает обыденному субъекту, который не поколеблется по отношению к подлежащему предмету, суждение эмпирического субъекта о «предмете на самом деле». Бесспорно то, что это две формы «вещи»: одна — обыденного субъекта — та, которая кажется, — и другая — эмпирического субъекта — «каков предмет на самом деле».

Рефлектирующий субъект может представлять разные формы предшествующей деятельности таким образом, как будто бы экзистенциальные силы человека должны создавать логические объекты, исключая промежуточные формы превращения, и поэтому, имея только логическую оболочку понятия, ему остается лишь недоумевать, где же здесь экзистенции человека:

Хотя мы признаем (что довольно спорно), что мыслительная способность иногда образует понятие единичной субстанции как таковой, тем не

менее невероятно, что оно является первоначальным понятием, образованным в силу впечатления чувств или фантазии (Суарес Франсиско.— См.: Декарт, I, 623).

Декарт не различает такие формы человеческой деятельности, как «вещь», «наименование атрибута», «понятие», «теоретическое суждение», разделяя вещи на «интеллектуальные», «материальные», «общие» с добавлением к ним «общих понятий» (I, 119). Под интеллектуальными вещами он понимает такие, о которых «невозможно измыслить какую-либо телесную идею, которая дала бы нам представление о том, что такое познание, сомнение, незнание, а также что такое действие воли...» (там же). Очевидно, что речь идет о субъектных понятиях, а не о «вещах», и все эти понятия характеризуют «деятельность», то есть суждение о них выдвигает только рефлектирующий субъект.

Чисто материальными являются те вещи, которые познаются существующими только в телах: такие, как фигура, протяжение, движение и т. д. Наконец, общими следует называть те, которые без различия приписываются то телесным вещам, то духовным, как, например, существование, единство, длительность и тому подобное (там же).

Однако все перечисленные «вещи» таковыми не являются, но только «атрибутами вещи», выступающими логическими объектами, и прежде всего понятиями. Принципиальной разницы между логическими объектами с субъектным значением — «чисто интеллектуальные вещи» — и с значениями «атрибута вещи» — по Декарту, «чисто материальные вещи» и «общие вещи», — нет. Примером «общих понятий» для Декарта служит высказывание: «две величины, равные какой-либо третьей, равны между собой». Но это всего-навсего теоретическое суждение, теоретическая тавтология, но даже совсем не «понятие». Поэтому классификационные различия, которые производит Декарт, показывают, что он воспроизводит логические объекты не в форме, соответствующей тому или иному характеру деятельности.

ПРИМЕЧАНИЕ

Некоторое требование о различении логических объектов можно найти у Эпикура:

Разыскания могут вестись или о предметах, или о чистых словах (Диоген Лаэртский, X 34).

Но как будет выполнять эту установку рефлектирующий субъект?

РЕФЛЕКСИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Заблуждение рефлектирующего субъекта — седьмое

Рефлектирующий субъект считает, что теоретическая деятельность есть последовательность вытекающих друг из друга суждений, т. е. предикаций.

На самом деле рефлектирующий субъект не видит, что каждое суждение представляет собой акт предикации, произвольный и зависимый от теоретического субъекта, то есть концептуацию.

ДОБАВЛЕНИЕ

Разделяет заблуждение рефлектирующего субъекта **Декарт**:

Очень многие вещи, хотя сами по себе они не являются очевидными, познаются достоверно, если только они выводятся из истинных и известных принципов посредством постоянного и нигде не прерывающегося движения мысли, ясно усматривающей каждую отдельную вещь; точно так же мы узнаем, что последнее звено какой-либо длинной цепи соединено с первым, хотя мы и не можем обозреть одним взором глаз всех промежуточных звеньев, от которых зависит это соединение,— узнаем, если только мы просмотрели их последовательно и помнили, что каждое из них, от первого до последнего, соединено с соседним (1, 85).

Заблуждение рефлектирующего субъекта — восьмое

Рефлектирующий субъект полагает, что теоретическая деятельность является чем угодно, но только не дефиницией.

Как только теоретическому субъекту отказано в дефинитивной деятельности, то он принужден будет давать только эмпирические и обыденные суждения. Однако этот императив никогда не будет соблюдаться самим теоретическим субъектом. Как только он будет давать дефиницию, так сразу же станет субъектом теоретическим. Следовательно, предписание рефлектирующего субъекта относится к тому, что он теоретическую деятельность усматривает в чем угодно, но только не в том, в чем состоит ее особенность и ее тотальная форма — в тавтологии.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — девятое

Рефлектирующий субъект не различает формы теоретического суждения — тавтологии — и формы эмпирического и обыденного суждения принадлежности.

ДОБАВЛЕНИЕ

Секст Эмпирик, ставя сначала в дефинитивной тавтологии одно понятие предикатом другого, затем переворачивает их по функции и отказывает им в равенстве значений:

Называющий благом полезное или достойное выбора само по себе, или содействующее счастью, или еще что-нибудь не научает тому, что есть благо, но показывает его акциденцию. А показывающий акциденцию блага не показывает самого блага (Против этиков, 35).

Несмотря на то, что процедура обращения понятий носит произвольный характер, она допустима для ценностных понятий, имеющих общее экзистенциальное значение. Но тем самым Секст Эмпирик не усматривает особенность теоретической деятельности — тавтологию имени и предиката — и сводит ее к характеру обыденного суждения принадлежности.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — десятое

Рефлектирующий субъект полагает, что если теоретический субъект произвел дефиницию, то он тем самым решает практические проблемы.

На самом деле, он посредством дефиниции может произвести указание на какое-либо основание предшествующей деятельности, но не имеет возможности производить практические действия.

ДОБАВЛЕНИЕ

Платон в «Федре» словами Сократа пытается убедить в том, что ораторы должны знать, что такое «добро» и «зло», иначе незнание этого приведет к плачевным последствиям:

Когда оратор, не знающий, что такое добро, а что — зло, выступит перед такими же несведущими гражданами с целью их убедить, причем

будет расхваливать... зло, выдавая его за добро, и, учтя мнения толпы, убедит ее сделать что-нибудь плохое вместо хорошего, какие, по-твоему, плоды принесет впоследствии посев его красноречия? (260 с—d).

В данном рассуждении обнаруживается не что иное, как несоответствие между теоретической и обыденной деятельностью. То, что Платон выдает за правило теоретических действий — знать «добро» и «зло» — есть императив рефлектирующего субъекта, призывающего толпу к предписанным им самим действиям, но таким действиям, которые он будет считать «плохими» или «хорошими».

Несколько иначе аналогичную мысль выражает Аристотель:

Мы ведь проводим исследование не затем, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы стать добродетельными, иначе от этой [науки], не было бы никакого проку (Никомахова этика, 1103 В 25).

Эту мысль Аристотель повторяет неоднократно (см.: Большая этика, 1182 а), но все-таки в том случае, когда он спрашивает, есть ли польза для ткача и других работников от того, что они будут знать, что такое благо само по себе, — в этом случае он предуготовливает предпосылки для различения обыденной и теоретической деятельности (см.: Никомахова этика, 1097 а 5)

РЕФЛЕКСИЯ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Заблуждение рефлектирующего субъекта — одиннадцатое

Рефлектирующий субъект наделяет статусом существования вещи любое понятие, не раскрывая натурфицированный характер его значения.

На самом деле, он исключает деятельность эмпирического субъекта, производящего понятие в виде выбора предмета своей деятельности среди логических объектов, а не среди вещей, или представляет деятельность как деятельность с «вещами». При этом рефлектирующий субъект использует так называемое «онтологическое доказательство» существования натурфицированных объектов: мы не можем мыслить «кувшин», если нет в природе кувшина; мы не можем мыслить натурфикацию, если нет в природе натурфикации. Поскольку здесь исключается статус существования логических объектов, то остается полагание натурфикаций в статусе существования вещей. Можно было бы продолжать называть данное доказательство «онтологическим»,

но только в ироническом смысле, так как онтологическим основанием всякой натурфикации является деятельность того или иного субъекта или, точнее будет сказано, «овладение вещью», но учитывая превратный характер представления рефлектирующего субъекта об «овладении вещью», стоит перевести термин «онтологический» в распространенном смысле этого слова на «натуралистический» в том смысле, который более соответствует заблуждению рефлектирующего субъекта, в основе чего лежит «натуралистическая ошибка», отождествляющая натурфицированное понятие с «вещью».

ДОБАВЛЕНИЕ

Платон прямо указывает на форму существования натурфицированного объекта — «идеи» как на существование вещи в виде «образца»: «Идеи пребывают в природе как бы в виде образцов» (Парменид, 132 d).

С другой стороны, натуральные вещи превращаются у Платона в субъекты, обладающими способностями к самопроизвольным действиям, если они сами по себе могут «уподобляться» образцам.

Прочие же вещи сходны с ними [образцами] и суть их подобия, самая же причастность вещей идеям заключается не в чем ином, как только в уподоблении им (там же).

• Но у героя диалога возникают затруднения в объяснении того, как это происходит, и он вынужден признать: «Значит, вещи приобщаются к идеям не посредством подобия: надо искать какой-то другой способ их приобщения» (там же, 133 a).

Если Платон пытается рассмотреть уподобление вещи идеям, а идею он представляет натурфицированной, в форме превращенной «вещи», то попытку его можно признать вполне обыденной, как обычное уподобление вещи и вещи. Большого в рассуждениях Платона о причастности вещей к идеям не найти, ибо идею он не рассматривает как логический объект и как форму логической деятельности.

Одно из первых употреблений «натуралистического (онтологического) доказательства» существования натурфицированных логических объектов можно найти у **Секста Эмпирика**:

Действительно, если нет богов, то нет и благочестия, первой из добродетелей. Благочестие есть наука служения богам. Но невозможно никакое служение тому, что не существует, а следовательно, и никакой науки его. И как не может быть науки служения гиппокентаврам, поскольку они не существуют, так не может быть и науки служения богам, если они не

существуют. Поэтому, если нет богов, не существует и благочестия. Но благочестие существует; поэтому следует сказать, что боги существуют (Против физиков, I 123—124).

Далее он ссылается на Зенона Китийского и приводит более краткую форму «натуралистического доказательства»:

«Разумно почитать богов, но почитать несуществующих богов неразумно. Следовательно, боги существуют» (там же, 133—134).

Причем этот вариант «натуралистического доказательства» кладет в основу положение не о существовании «вещи», а положение о наличии какой-либо деятельности: если есть какая-то деятельность, то, следовательно, есть ее предмет. Но откуда взялся этот предмет, что он собой представляет и что это за деятельность — это остается неясным.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — двенадцатое

Рефлектирующий субъект, представляя понятие как «вещь», утверждает, что понятие делится.

ДОБАВЛЕНИЕ

В основе заблуждения рефлектирующего субъекта, считющего, что понятия делятся, лежит неразличение форм мысли — понятия и суждения: Только предикация эмпирического суждения принадлежности позволяет сделать рефлектирующему субъекту вывод о том, из чего «состоит» эта «вещь», хотя, разумеется, эта «вещь» берется только в форме понятия:

Для нас же в первую очередь ясны и явны скорее слитные [вещи], и уж затем из них путем их расчленения становятся известными элементы и начала. Поэтому надо идти от вещей, [воспринимаемых] в общем, к их составным частям... Имя, например, «круг» обозначает нечто целое, и притом неопределенным образом, а определение расчленяет его на составные части (Аристотель. Физика, 184 а 20).

«Расчленение» это происходит по видимости и является превратной формой мышления, поскольку предикативная часть суждения приписывает любое значение предиката значению имени. Рефлектирующий субъект игнорирует произвольность предикации суждения.

То же самое у Секста Эмпирика:

Для тех, кто принимает стоическое наукоучение, возникает другое, еще большее затруднение. А именно, подобно тому как мы, желая узнать, что такое человек, должны сначала знать что такое живое существо, что такое разумное существо и что такое смертное существо (ибо из этих трех элементов состоит понятие «человек»), и подобно тому как, предполагая узнать, что такое собака, мы должны сначала понять «живое существо» и «лающее существо» (ибо из этих элементов состоит понятие «собака»)… (Против логиков, II 87).

Заблуждение рефлектирующего субъекта — тринадцатое

Рефлектирующий субъект берет натурфицированное понятие в форме «вещи» и не восстанавливает его предшествующее значение — субстантивное, атрибутивное, модальное.

ДОБАВЛЕНИЕ

Декарт в одном из своих правил метода призывает искать «простые вещи», из которых состоят тела. По его мнению всякое тело состоит из трех простых вещей: «Таковы фигура, протяжение, движение и т. д., все же остальные вещи мы представляем себе некоторым образом составленными из этих простых» (I, 118).

* Таким образом, понятия, взятые Декартом, остаются «вещами» как таковыми, и Декарт не видит того, что он имеет дело с превращенными «атрибутами», но не с «вещами».

Заблуждение рефлектирующего субъекта — четырнадцатое

Рефлектирующий субъект рассматривает натурфицированный «атрибут существования» как «вещь».

ДОБАВЛЕНИЕ

То, что «атрибут существования» получает возможность посредством натурфицированного понятия быть «вещью» подтверждает Давид Анахт, приписав «атрибут существования» натурфицированному «существованию» — «сущему»:

По отношению к несуществующим вещам и вещам, имеющим сомнительное бытие, необходимо исследовать существует ли сущее? (с. 31—32).

Подобные взгляды выражает Гегель:

В предложении «бог есть бытие» предикат «бытие» имеет субстантивное значение... «бытие» здесь должно быть не предикатом, а сущностью... Сам предикат высказан в качестве субъекта, в качестве бытия... (Соч. М., 1959, т. IV, с. 34).

Разверстка «бытия» как понятия, имеющего «субстанциональное значение», исключает воспроизведение его предшествующего атрибутивного значения. К тому же, сведение его к натурфикации «сущность» есть еще одна попытка придать ему форму «вещи». И даже нахождение этого понятия в функции предиката не дает подсказки о том, что «бытие» выступает здесь «атрибутом» в логической функции. Но Гегель все равно рассматривает его как «субъект» (т. е. в функции имени — предметом как таковым), игнорируя логические функции частей суждения, несущих в себе превращенную форму исходных значений — функция имени — субстантивное значение, функция предиката — атрибутивное значение.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — пятнадцатое

Рефлектирующий субъект в качестве действительного основания существования «ценности» рассматривает любое из оснований предшествующей деятельности, кроме логического. Тем самым, он не видит логической природы этого объекта.

ДОБАВЛЕНИЕ

Согласно Диогену Лаэртскому, **стойки** рассматривают в качестве действительного основания ряда логических объектов — «справедливость», «закон», «разум» — только внешнее предметное основание:

Справедливое существует от природы, а не по установлению, равно как и закон, и верный разум (так говорит Хрисипп в книге «О прекрасном») (VII 128).

Другие, а их большинство — по онтологическому основанию — установлению, обычаю и т. п.

Однако различия в отношении этих объектов к логическому основанию в обеих позициях нет: и те и другие, спорящие между собой, не воспроизводят логического основания обыденного употребления «ценности», оставляя эмпирическую иллюзию

«вещной ценности» и аналогичную натуралистическую ошибку в теоретическом определении — в неприкосновенности.

Платон отмечает, что действительное основание «ценности» лежит не в предметном основании:

О любом деле можно сказать, что само по себе оно не бывает ни прекрасным, ни безобразным (Пир, 181).

Но данное высказывание эпизодично и противоречит массе других, где, напротив, утверждается предметный характер ценностных натурфикаций. Но самое главное, Платон не указывает на логическую природу того, что он хотел бы увидеть за ценностными понятиями.

Равным образом не затрагивает природы ценностных объектов и указание только на личностное основание, чему в античной литературе можно найти много примеров. Предпочтение тех или иных вещей и выражение его словесным и иным образом слишком очевидно, чтобы его не заметили древние авторы. Но такое указание не исчерпывает природы искомого объекта.

Не преодолевает заблуждение рефлектирующего субъекта и указание на различие использования ценностных объектов в повседневной, обыденной деятельности и в эмпирической, как это делает **Аристотель**, когда говорит о том, что если ткач, плотник, врач, военачальник будут знать, что такое благо, то как это скажется на их ремесле (см.: Никомахова этика, 1097 а 10; Большая этика, 1183 Б 10—15). Точно так же указание на обыденный характер использования «ценности» в виде обращения к чувственным предметам, а не к «идеям», уводит от логического основания этих объектов:

Опять-таки при желании разъяснить что-либо не надо пользоваться неясными примерами, но неясное разъяснять при помощи очевидного, причем уместимое — при помощи чувственного: оно всего яснее. Именно поэтому, заводя речь о благе, не надо говорить о его идее. Однако люди думают, что, раз зашла речь о благе, надо говорить об идее: надо-де разбирать высшее благо, а оно принадлежит к тому, что существует само по себе, поэтому, считают они, идея — это, пожалуй, и есть высшее благо (Большая этика, 1183 а 25—35).

Уход Аристотеля от логического основания, хотя здесь и представленного в натурфицированной форме — в форме «идеи», не решает проблемы ценности и не рассеивает заблуждение в том, что представляет из себя природа натурфицированного понятия, даже если обратиться только к чувственной деятельности с «вещами», что лишь может служить предпосылкой для

выяснения, зачем обыденный субъект пользуется ценностными словами.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — шестнадцатое

Рефлектирующий субъект утверждает, что «ценность» не существует, ссылаясь на какое-либо основание.

На самом деле, отрицательная форма суждения не может указывать на природу объекта, которому отказывается в существовании. Но поскольку объект взят в натурфицированной форме, то, следовательно, рефлектирующий субъект усваивает двойную иллюзию отрицательной эмпирической разверстки и не показывает действительных форм — логических — такого объекта как «ценность».

ДОБАВЛЕНИЕ

Наиболее решительно в пользу «несуществования ценности» высказываются **скептики** и **Эпикур**: «от природы не существует ни добра ни зла» (Диоген Лаэртский, IX 100), «Справедливость не существует сама по себе» (X 150).

Хотя отрицание существования ценности — по природе — является попыткой критики наиболее грубой формы ценностного натурализма, но оно, унаследовав иллюзии эмпирического мышления, не воспроизводит действительной формы рассматриваемого объекта и противоречит обыденному факту существования этого объекта в речи. Пусть он существует не в той форме, в какой усматривает рефлектирующий субъект. Но на то он и занимается рефлектирующей деятельностью, чтобы видеть как «ценность существует». Отрицание одного из способов ее существования не прекращает существования другого способа. Следовательно, рефлектирующему субъекту остается только определить этот более действительный, как он мог бы считать, способ существования натурфицированных объектов. Представленная критика этого не делает.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — семнадцатое

Рефлектирующий субъект не различает формы мышления — понятие и суждение.

ДОБАВЛЕНИЕ

Аристотель пишет: «Общее существует на правах определения и результата индукции» (Большая этика, 1182 В 15). Но «общее» — это понятие, это натурфикация, и в этом смысле оно не может быть суждением — «на правах определения». Точно также не может являться результатом суждения или развернутой цепи суждений — «индукции», поскольку оно только выполняет ту или иную функцию в суждении и никак не может быть продуктом своей превращенной формы: суждение завершается лишь после того, как понятие уже выражено. По Аристотелю, надо ждать вылупившегося птенца из съеденного яйца.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — восемнадцатое

Рефлектирующий субъект не различает эмпирические и обыденные суждения.

ДОБАВЛЕНИЕ

Сталкивает обыденную ситуацию и эмпирическое суждение Секст Эмпирик, от чего создает впечатление, что они противоречат друг другу:

• Если же с нами происходит нечто от находящегося вне нас, например, от друга или от сына, а именно какое-либо приятное состояние или веселое настроение, то друг или сын будут достойны выбора не сами по себе, а вследствие этого самого приятного состояния или веселого настроения. Но подобное состояние находится не вне нас, а в нас. Следовательно, ничто из внешнего не достойно выбора само по себе и не есть благо (Против этиков, 86).

Эмпирическое высказывание — «ничто из внешнего не достойно выбора само по себе» — будет противоречить позиции обыденного субъекта, который производит выбор среди «вещей», отождествляя свое отношение к «вещи» и никогда не рассматривая основания своего выбора. Следовательно, если выдвинуть противоположное эмпирическое суждение — все внешнее может быть достойно нашего выбора, потому оно будет благом, — то оно более точно отразит виденье вещи обыденным субъектом. Но рефлектирующий субъект, приводя противоположное высказывание, тем самым отражает не то, что видит обыденный субъект, а то, что его выбор предопределен прошлой деятельностью, превращенной в актуальное состояние обыденного субъекта. Усматривая это обстоятельство, рефлектирую-

щий субъект должен был бы показать, что виденье обыденного субъекта не противоречит обоим эмпирическим суждениям, производящим логику обыденной деятельности в разных отношениях. Но если этого не было сделано, то значит, рефлектирующий субъект не видит специфики эмпирической деятельности и не отличает ее от деятельности обыденной.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — девятнадцатое

Рефлектирующий субъект не видит того, что отрицательное понятие представляет собой суждение, где в качестве предиката приписывается вещи «отсутствие».

ДОБАВЛЕНИЕ

Мы, когда нас спросили, к чему следует относить имя «небытие», полностью стали в тупик (Платон. Софист, 250 d).

Заблуждение рефлектирующего субъекта — двадцатое

Рефлектирующий субъект не различает предмет эмпирической деятельности и предмет обыденной деятельности.

ДОБАВЛЕНИЕ

Аристотель лишает обыденного субъекта его предмета деятельности — «вещи» — и подменяет его предметом эмпирической деятельности — натурфикацией «суть бытия вещи»: «О чем бы то ни было имеется в одном смысле лишь одна речь, а именно речь о сути бытия вещи» (Метафизика, 1024 Б 25).

РЕФЛЕКСИЯ ОБЫДЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Заблуждение рефлектирующего субъекта — двадцать первое

Рефлектирующий субъект пытается увидеть природу человеческого мышления в чем угодно, но только не в реализации предикативной функции суждения, то есть не в приписании значения предиката значению имени суждения.

ДОБАВЛЕНИЕ

Исключительно натуралистично понимает мышление **Демокрит**, за что заслужил упреки еще в древности:

Оно бывает при гармоническом состоянии души относительно составляющей ее смеси. Если же кто-либо станет слишком теплым или слишком холодным, то [гармоническое состояние души] нарушается... Таким образом, ясно, что мышление он ставит в зависимость от смеси, образующей тело, что, может быть, и последовательно для него, делающего душу телом (Материалисты, с. 80).

Если у **Демокрита** в основе мышления вещественная «смесь», то у **Гераклита** «разум» представляет собой более общую вещь-персону, обладающую чрезмерными способностями — «знание, которое правит всем через все» (**Диоген Лаэртский**, IX 1).

Платон стоит ближе к пониманию мышления как логического действия:

Подобно тому как некоторые вещи совмещаются одна с другой, другие же нет, так же и обозначения с помощью голоса: одни не сочетаются, другие же, взаимно сочетаясь, образуют речь (**Софист**, 262 d).

Он указывает на «сочетаемость» обозначений, но эта «сочетаемость» не носит универсального для суждения характера, поскольку одни обозначения сочетаются, а другие не сочетаются. Следовательно, главнейшая функция суждения — предикация — скрывается за предметной сочетаемостью, как сочетаемостью «вещи» с «вещью», и за грамматической сочетаемостью одной языковой формы с другой. Но логический механизм универсален и позволяет «сочетаться» чему угодно с чем угодно.

Рассматривая различные мнения о мышлении, **Секст Эмпирик** приходит к выводу, что природа его неясна:

Мышление есть самое неявное в душе (как показывают те, кто согласен между собой в существовании души, но расходятся в вопросе о мышлении)... (**Пирроновы положения**, II 33).

К этому он добавляет свои соображения:

Если оно даже самого себя не видит точно, а произносит разноречивые свидетельства как о своей собственной сущности, так и о способе [своего] происхождения, и о месте, в котором оно находится, то как оно могло бы точно воспринять что-нибудь об остальных вещах? (Там же, 58).

Мышление рассматривается **Секстом Эмпириком** как «вещь», как персона, но не как действие, поэтому ему присваивается любой из атрибутов вещи, но только не характер логических действий и оперирование логическими объектами.

Гегель если и замечает различие между именем и предикатом, то только в обыденном суждении, в теоретической тавтологии это различие не усматривается:

Со стороны формы сказанное можно выразить так, природа суждения или предложения вообще, заключающая в себе различие субъекта и предиката, разрушается спекулятивным предложением (Соч., IV, с. 34).

Такая констатация оставляет без внимания логический механизм, общий для любого суждения. Различие между обыденным и теоретическим суждением важно, но указание на него исключает рассмотрение «природы суждения вообще», так как лишает универсального признака одно из них: то, что распространяется на одно, не распространяется на другое,— какая же это «природа суждения вообще»? Указание Гегеля на различие между главными членами суждения не является указанием на природу суждения, потому что за пределами внимания рефлектирующего субъекта остаются функции главных членов суждения и описание их реализации в суждении. То есть остается неясным все тот же механизм суждения. Гегель, безусловно, увлечен превознесением философского мышления над всяким иным, но не природы мышления как такового.

Хайдеггер, натурфицируя атрибут существования в форме «бытия» в книге «Разговор на проселочной дороге», вслед за тем решительно настроен раскрыть природу мышления и после многочисленных обещаний сделать это сообщает вконец заинтригованным персонажам: это — «приближение к чему-то», «хождение-вблизь», «вхождение-в-близость», «впускаясь-вблизость». Снижая поэтико-метафорический пафос речений автора, следует сказать, что «приближение», констатируемое персонажем, есть приближение к неопределенному объекту и являет само по себе неопределенное вещественное действие к этому неопределенному объекту, что в переводе на язык обыденной деятельности означает не что иное, как «овладение вещью». Но Хайдеггер так и не решается указать на онтологию мышления— овладение вещью, он еще только «приближается»... к ней, к этой «вещи».

Заблуждение рефлектирующего субъекта — двадцать второе

Рефлектирующий субъект указывает на отношения между главными членами суждения, но не раскрывает характера этих отношений, а следовательно, и природы суждения.

Он не показывает то, что именная и предикативная функции не просто относятся друг к другу, но предикативная функция олицетворяет собой логическое воление обыденного субъекта и является приписанием значения предиката значению имени суждения.

ДОБАВЛЕНИЕ

О «соединении» главных частей суждения как основном признаке человеческой речи говорит **Платон** в «Софисте»:

Если произносится «лев», «олень», «лошадь» и любые другие слова, обозначающие все, что производит действие, то и из их чередования не возникает речь. Высказанное никак не выражает ни действия, ни его отсутствия, ни сущности существующего, ни сущности несуществующего, пока кто-либо не соединит глаголов с именами. Тогда все налажено, и первое же сочетание [имен с глаголами] становится тотчас же речью — в своем роде первую и самую маленькую из речей (262 B).

Платон указывает здесь на производность «соединения» от «кого-либо», то есть от говорящего субъекта. Далее главную логическую функцию суждения он называет «сплетением»:

Ведь в этом случае он [кто-либо] сообщает о существующем или происходящем, или происшедшем, или будущем и не только произносит наименования, но и достигает чего-то, сплетая глаголы с именами. Поэтому-то мы сказали о нем, что он ведет речь, а не просто называет, и такому сочетанию дали имя речи (там же, 262 d).

Логической природе суждения **Аристотель** посвящает целую главу в «Категориях» (Глава седьмая. «О соотносении»). Однако множество соотносений по лексическому и грамматическому значению не позволило Аристотелю выявить характер логических функций главных членов суждения, поскольку его все время интересует предметная видимость, открываемая тем или иным конкретным суждением. Аристотель, рассматривая сочетаемость имен, озабочен их совпадением по смыслу или просто указывает на сам факт соотносения:

Соотносенным называется то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому (6 а 35).

Большой откровенностью является один из заголовков трактата **Дионисия Галикарнасского** «О соединении слов» — «Соединение слов — дело только искусства, а не природы». Однако такая определенность высказывания не присуща автору, но

только переводчику, предложившему заголовок. Автор, напротив, заявляет: «Я считал нужным следовать природе и сочетать части речи так, как она требует (33). Но рассмотрение возможностей одних частей речи следовать за другими увенчалось неожиданным для него противоположным результатом: части речи могут, как выяснил автор, сочетаться в любой последовательности.

Так же о речи как соединении слов говорил автор первой греческой грамматики **Дионисий Фракиец** (2 в. до н. э.).

Однако характера предикативной функции, — заключающегося в приписании значения предиката значению имени, здесь мы не найдем.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — двадцать третье

Рефлектирующий субъект утверждает, что значение предиката вытекает из значения имени суждения. На самом деле, он не видит характера осуществляющихся функций суждения — приписания значения предиката значению имени.

ДОБАВЛЕНИЕ

Декарт, занимаясь предметной стороной мыслительной деятельности, увлечен идеей выводимости «знания»:

Следует отыскивать... то, что мы можем ясно и очевидно усмотреть или достоверным образом вывести, ибо знание не приобретается иначе (1, 82).

Тем самым природа мышления, заключенная в волевых усилиях субъекта, предиктирующего предмет суждения, представляется Декарту в перевернутом виде. «Выводимость знания» он представляет как способ рассуждения и называет его «дедукцией», «посредством которой мы постигаем все то, что с необходимостью выводится из некоторых других достоверно известных вещей» (85).

Однако заблуждение рефлектирующего субъекта обнаруживает себя, как скоро Декарт присваивает способность вывести знание только своему методу. Когда же он сталкивается с сочинениями других авторов, то сомневается в справедливости своего же положения о выводимости одних суждений из других:

Но для того, чтобы еще очевиднее обнаружилось, что упомянутое искусство рассуждения совершенно ничего не привносит в познание истины, следует заметить, что диалектики не могли бы составить при посредстве

этого искусства ни одного силлогизма, приводящего к истинному заключению, если бы они не знали уже раньше ту самую истину, которая выводится в этом силлогизме. Отсюда явствует, что они сами не узнают ничего нового при помощи такой формы, и потому общепринятая диалектика является совершенно бесполезной для стремящихся исследовать истину вещей, но только иногда может быть полезной для более легкого разъяснения других уже известных доводов, ввиду чего ее нужно перенести из философии в риторику (1, 110).

Заблуждение рефлектирующего субъекта — двадцать четвертое

Рефлектирующий субъект не видит, что предикативная функция суждения, отвечая за природу человеческого мышления вообще, является общей функцией для любого суждения.

ДОБАВЛЕНИЕ

Аристотель пытается различить суждения, где предикат выражен словом с субстантивным значением и словом с атрибутивным значением: «Сократ человек» и «Сократ бел». Для него эмпирическое, классификационное суждение — «Сократ — человек» — не является действительным суждением, в отличие от обыденного суждения — «Сократ бел». Не видя реализации предикативной функции, ему представляется «Сократ» и «человек» исключительно в предметном, «вещественном» плане, а как совмещаются разные «вещи» — такая, как «Сократ», и такая, как «человек», а последняя для Аристотеля не является «отдельной вещью», — он не представляет. Но только потому, что не видит, что предикат есть превращенная форма «атрибута» и любое наименование, став предикатом, автоматически становится «атрибутом» предмета суждения. То есть рефлектирующий субъект не видит всех логических превращений, стоящих за суждением.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — двадцать пятое

Рефлектирующий субъект отказывается признать тождественными именную и предикативную функцию суждения.

На самом деле, он не видит как осуществляются эти функции, и особенно предикативная.

ДОБАВЛЕНИЕ

Отказывает в тождестве имени и предиката Гегель, полагая, что природа суждения или предложения вообще заключает в себе различие «субъекта» и предиката. И лишь в теоретическом суждении он видит тождество их и называет «тождественным предложением». Однако различие между именем и предикатом, безусловно, имеющееся, не означает, что между именем и предикатом, тем более не философского, а обыденного суждения, — нет тождества, иначе не возможно было бы суждение (см.: Соч., IV, с. 34).

Заблуждение рефлектирующего субъекта — двадцать шестое

Рефлектирующий субъект исключает произвольность суждения и роль субъекта в логических действиях, связанных с выбором, осуществляющимся обеими частями суждения, и утверждает произвольность, автоматизм мышления самого по себе.

Он не видит того, что только через реализацию волевого усилия субъекта, все логические функции срабатывают автоматически.

ДОБАВЛЕНИЕ

Аристотель в «Большой этике» пишет:

Ведь о многом мы думаем и составляем себе мнение при раздумывании, но выбираем ли мы, когда раздумываем? Скорее, нет. Ведь часто мы раздумываем о том, что [делается] в Индии, однако не выбираем ничего. Следовательно, выбор — это и не раздумывание (1189 а 15—20).

В «Никомаховой этике» он указывает: «Мнением выбор то же не будет» (1111 Б 30).

В «Категориях» Аристотель не признает произвольность предикации:

Если то, о чем говорится в связи с другим, указано не так, как следует, а тот, кто указал это, сделал ошибку; так, например, если указано «крыло птицы», то нельзя указать наоборот: «птица крыла», так как первое — «крыло птицы» — указано не так, как следует (6 Б 35).

С грамматической точки зрения может быть и верно замечание Аристотеля, но тем не менее предикация, считаемая ошибочной, была произведена самим Аристотелем. Следовательно,

логическая, предикативная функция была все-таки реализована. Далее же Аристотель сам производит с обыденной точки зрения совершенно нелепую предикацию и считает ее подходящей:

Поэтому, если указывать подходящим образом, то обоюдность возможна; так, крыло есть крыло крылатого, а крылатое есть крылатое крылом (там же, 7 а).

Также идея «выводимости знания», отчасти разделяемая **Декартом**, принижает роль субъекта в производстве суждений, поскольку противоречит характеру реализации предикативной функции.

ПРИМЕЧАНИЕ

Автоматизм мышления самого по себе все-таки заслуживает критического отношения **Декарта**, самого склонного к созданию метода «выведения знания»:

Но некоторые, возможно, удивятся, что в этом месте, где мы исследуем, каким образом мы можем стать более способными к выведению одних истин из других, мы умалчиваем обо всех предписаниях диалектиков, при посредстве которых они рассчитывают управлять человеческим рассудком, предписывая ему некие формы рассуждения, которые приводят к заключению с такой необходимостью, что, положившись на них, рассудок, даже если он некоторым образом отлынивает от ясного и внимательного рассмотрения самого вывода, сможет тем не менее вывести что-либо достоверное лишь на основании формы. Мы же заметим, что истина часто ускользает из этих уз, а те, кто ими пользуется, сами оказываются запутанными в них. (1, 109).

Заблуждение рефлектирующего субъекта — двадцать седьмое

Рефлектирующий субъект называет предикатом только «атрибут существования» в грамматической форме «есть» и тем самым предикацию рассматривает в натурфицированной форме, но не как логическую функцию, осуществляющуюся в любом суждении и в любой грамматической форме.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — двадцать восьмое

Рефлектирующий субъект не видит того, что слово, поставленное вне суждения, лишено каких бы то ни было функций суждения.

Это типичная отрицательная эмпирическая разверстка: вещь, не имеющая отношения к чему-либо, не имеет этого отношения.

ДОБАВЛЕНИЕ

Почему-то у Аристотеля «истинное» и «ложное» утратили всякие логические функции и полагаются им как «безотносительные»:

Не относящиеся ни к какой деятельности истинное и ложное одного рода с благом и злом. Разница лишь в том, что истинное и ложное берутся безотносительно, благо и зло по отношению к чему-нибудь (О душе, 431 Б 10).

Скептики применительно к главным частям суждения создают аппорию, наподобие аппорий Зенона Элейского:

Не существует никакого сложного словесного обозначения. Возьмем, например, речение: «Дион существует». Когда мы произносим слово «Дион», то еще не произносим «существует»; а когда произносим это последнее слово, то уже не говорим первого (Секст Эмпирик. Против логиков, II 136).

Если отклонить деятельность обыденного субъекта, как это сделано в рассуждении, и представить его, не производящим никаких действий, кроме произнесения отдельных слов, то это будет разверстка рефлектирующего субъекта, но не факт обыденной речи.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — двадцать девятое

Рефлектирующий субъект не видит того, что отрицательная предикация есть только проявление собственности обыденного субъекта, поскольку сами «вещи» не имеют альтернативных значений, приписываемых субъектом.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — тридцатое

Рефлектирующий субъект не различает номинативные и ценностные суждения.

ДОБАВЛЕНИЕ

Платон смешивает предметные и ценностные характеристики «вещи»:

Аристократия — та, при которой правят не богатые, не бедные, не знаменитые, но первенство принадлежит лучшим людям в государстве (Диоген Лаэртский, III 82).

Одно дело определить предмет посредством другого предмета, то есть произвести эмпирическую классификационную процедуру. И другое — наделить предмет ценностными характеристиками, то есть выразить к нему свое собственное отношение.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — тридцать первое

Рефлектирующий субъект полагает, что его собственные оценки носят необходимый и обязательный характер, тогда как они вполне обыденны.

Любое оценочное суждение имеет одну и ту же форму логического действия: «вещи» присваивается ценностный «атрибут». У рефлектирующего субъекта предмет может менее всего походить на «вещь», но в своей превращенной форме он непременно будет выступать «вещью», а всякий предикат, представленный ценностным словом, будет выражать позицию этого субъекта через личностное значение. Если порядок выражения этой позиции не изменит сам субъект, то, какими бы заявлениями он его ни предвозвещал, субъект останется быть обыденным.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — тридцать второе

Рефлектирующий субъект не соглашается с другими оценками того же предмета и признает только свои, используя свою мотивировку как эмпирическую разверстку.

При этом рефлектирующий субъект не может получить преимущества, поскольку все оценки будут обыденными и будут каждая по-своему приносить в предмет опыт предшествующей деятельности, а эмпирические разверстки будут избыточными в силу необратимости логических превращений и невозможно-

сти эмпирических форм предопределять обыденные формы логических действий.

ДОБАВЛЕНИЕ

Диоген Лаэртский приводит рассуждение киника **Феодора**:

Кража, блуд, святотатство — все это при случае допустимо, ибо по природе в этом ничего мерзкого нет, нужно только не считаться с обычным мнением об этих поступках, которое установлено только ради обуздания неразумных (II 99).

Рефлектирующему субъекту остается признать свою оценку более приемлемой и отказаться от противоположной, потому что она противоречит своей как собственному продукту.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — тридцать третья

Рефлектирующий субъект относит «ценность» к предметам, полагая, что она неотъемлемо присуща природе этого предмета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Платон наделяет «аристократию» ценностными характеристиками — «лучшие люди» — как будто от природы ей присущими (см.: Диоген Лаэртский, III 82).

Аристотель относит ценностные характеристики к сущности предмета:

Определение имеет целью назвать сущность каждого [предмета и говорит], что [предмет] хорош, плох или еще какой-нибудь (Большая этика, 1182 В 15).

Усиливает натурализм Аристотеля указание на логическое действие — «определение», посредством которого и устанавливается «сущность каждого предмета».

ПРИМЕЧАНИЕ

Платон обнаруживает в диалоге «Горгий», что ценностная характеристика не раскрывает сущности предмета. Если Горгий «причастен самому прекрасному из искусств» (448 с), то

Сократ на это замечает, что так и не добился от него определения — что это за искусство.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — тридцать четвертое

Рефлектирующий субъект отказывает ценностным словам обыденного субъекта в выражении личностного значения.

Смысл подобной процедуры очевиден: рефлектирующий субъект увлечен тем, что эмпирический субъект создает понятие «ценность», и, чтобы представить слово «ценность» в натурфицированной форме, вынужден лишить его обыденных функций, в частности, выражать личностное значение.

ДОБАВЛЕНИЕ

Платоновский Сократ, желая увидеть предметы такими, как они есть, предлагает рассматривать в них только то, что не зависит от кажимости субъекта:

Пожалуй, это [прекрасное как таковое] не подходящее; ведь последнее, как ты сказал, заставляет предметы казаться прекраснее, чем они есть на самом деле, и не позволяет видеть их такими, каковы они есть. Нужно попробовать показать, что же делает предметы, как я только что заметил, прекрасными, кажутся они таковым или нет. Вот что мы исследуем, коль хотим найти прекрасное (Гиппий больший, 294 Б).

Отказ от личностного основания употребления ценностных слов противоречит не только характеру обыденной деятельности, но и методике рассмотрения ценностной проблематики самого Платона, так как он широко использует разную степень предпочтений обыденного субъекта, чтобы преодолеть ценностный эмпиризм, то есть отсылку к «вещи» как источнику «ценности». Но здесь играет свою роль теоретическая установка Платона представить «ценность как таковую», в форме абсолютной натурфикации.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — тридцать пятое

Рефлектирующий субъект отмечает различие «вещи» и «мысли», представляя и то и другое в качестве натурфицированных понятий, не рассматривая их как формы предшествующей деятельности и не видя их тождественности в силу логических превращений.

Суждение совпадает с «вещью» не потому, что оно указывает на нее, а потому, что содержит все формы предшествующей деятельности, превращенной в логическую деятельность.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — тридцать шестое

Рефлектирующий субъект не различает форму употребления «вещи» как логического значения наименования и «предмета» как логической функции любого наименования на месте имени суждения.

ДОБАВЛЕНИЕ

Одним из универсальных «предметов», имеющих возможность встать на место любого имени, является указательное слово «это», «то». Казалось бы, грамматическая форма слова — указательное местоимение — проясняет способ происхождения и употребления этого объекта. Однако его универсальная природа принимать любые формы «вещи» предопределяет, например, область метафизического значения «Это» у Хайдеггера (Разговор, 95). Какие бы значения ни приобретало «Это» в метафизическом анализе писателя, оно мистифицируется тем более, чем дальше удаляется от исходной формы деятельности — указания на всякую «вещь». Любые манипуляции значением этого слова не могут определить того, что в повседневной жизни обыденный субъект обращает внимание на «вещь», используя указующий жест, слово. Но если указание закрепляется за «вещью», то «вещь» закрепляется за наименованием. Хотя наименование будет только предметом обыденного суждения. Стало быть, «это» всегда фиксирует речевой поток, представляя указание на «вещь» и ее наличие в речи не содержит ни малейшей частицы метафизического бытия, напоминая того, что создается Хайдеггером, кроме логической функции предмета суждения, сквозь форму которого просвечивает значение «вещи», взятой из прошлой деятельности.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — тридцать седьмое

Рефлектирующий субъект не видит разной природы субстантивных и атрибутивных слов и рассматривает их как одно и то же слово, с одним и тем же значением.

ДОБАВЛЕНИЕ

Аристотель в «Категориях» указывает на слова с субстантивным значением, а пытается в них увидеть атрибутивное значение «качества»:

Всякая сущность, надо полагать, означает определенное нечто... Например, говорят о «человеке» или о «живом существе»... Скорее они означают некоторое качество... (З Б 10).

Заблуждение рефлектирующего субъекта — тридцать восьмое

Рефлектирующий субъект пытается представить себе, что за каждым словом видит обыденный субъект, тогда как последний никогда не пользуется словом как таковым, а только — словом в суждении, и то, что он видит, он раскрывает суждением.

Рефлектирующий субъект тем самым пытается сравнивать «вещь» с «видимостью вещи» обыденного субъекта и, таким образом, сравнивает между собой одну и ту же форму логического объекта, используя тождество «вещи» и «видимости вещи».

***Заблуждение рефлектирующего субъекта — тридцать девятое**

Рефлектирующий субъект считает, что слово представляет «вещь».

На самом деле обыденный субъект за словом представляет свои объективированные в прошлом силы как континуум атрибутов «вещи».

Заблуждение рефлектирующего субъекта — сороковое

Рефлектирующий субъект ограничивает сферу употребления обыденных слов, хотя обыденный субъект никогда не пользуется его предписаниями и употребляет слова во всех случаях своей деятельности по своему усмотрению.

ДОБАВЛЕНИЕ

Аристотель пишет:

Некоторые софисты, например, Аристипп, относились к математике пренебрежительно: в остальных искусствах, мол, даже в ремесленнических, например в плотничьем и сапожном, всегда ссылаются на то, что так лучше или хуже, математическое же искусство совершенно не принимает во внимание хорошее и дурное (Метафизика, 996 а 30).

Аристотель соглашается с Аристиппом, ограничивающим употребление обыденных оценок по отношению к математике, но, пытаясь оправдать математику и нагромождая эмпирическую разверстку, указывает на непричастность математики движению, а отсутствие движения и есть отсутствие блага.

С обыденными суждениями не согласен Аристотель, когда пытается покритиковать пифагорейцев и Спевсиппа за то, что им нравятся растения и животные, а не логические натурфакции — «причина» и «начала»:

Неправильно мнение тех, кто, как пифагорейцы и Спевсипп, полагает, что самое прекрасное и лучшее принадлежит не началу, поскольку начала растений и животных хотя и причины, но прекрасно и совершенно лишь то, что порождено этими началами (там же, 1072 Б 30).

Дело доходит до того, что Аристотель вообще сомневается в праве обыденного субъекта высказывать свои оценки:

Все, по-видимому, признают, что дело обстоит вполне определенно, если не со всем, то с тем, что лучше и хуже. Если же люди признают это не на основании знания, а на основании одного лишь мнения, то тем более им необходимо заботиться об истине, как больному нужно гораздо больше заботиться о здоровье, чем здоровому, ибо тот, у кого одно лишь мнение, в сравнении со знающим не может здраво относиться к истине (там же, 1008 Б 25).

Заблуждение рефлектирующего субъекта — сорок первое

Рефлектирующий субъект признает невозможным существование и несуществование, представляемые словом.

На самом деле, он не замечает того, что именно слово может представлять и существующее и несуществующее, поскольку оно открывает видимость вещи, — вещи, которая не существует актуально, но существует слово как логический объект, заменяющий эту «вещь».

ДОБАВЛЕНИЕ

Секст Эмпирик замечает о невозможности «существования» и «несуществования»:

Действительно, несуществующее не может преподаваться в силу несуществования. Ведь если оно преподается, оно преподаваемо, а будучи преподаваемо, оно окажется существующим и вследствие этого одновременно будет и несуществующим и существующим. Однако во всяком случае невозможно, чтобы одно и то же было и существующим и несуществующим (Против разных наук, 10).

Заблуждение рефлектирующего субъекта — сорок второе

Рефлектирующий субъект считает, что ближайшим основанием слова является вещь, и поэтому слово отражает вещь.

На самом деле, он не видит того, что слово есть обыденное употребление наименований, следовательно, ближайшим основанием является логическое основание, а не предметное. И хотя слово представляет «вещь», но только теми наименованиями, которые являются наименованиями вещи. Дело в том, что многие слова — большинство — представляют человеческую собственность, его экзистенции в превращенной логической форме и поэтому имеют атрибутивные или модальные значения. Безусловно, все они представляются субъекту в виде «вещи». Именно потому и заблуждается рефлектирующий субъект, что всякая деятельность есть только овладение «вещью» в той или иной форме.

ДОБАВЛЕНИЕ

Уже в древних источниках содержатся попытки выяснить природу слов, и первым делом они ставятся в зависимость от «вещи», от «природы».

Почему у Сократа столь велико благоговение перед именами богов? Потому ли, что соответствующие им имена посвящены соответствующим богам и нелепо менять то, что не подлежит изменению, или потому, что они свойственны богам по природе, согласно взгляду, изложенному в «Кратиле», или, наконец, потому, что и эти слова являются звуковыми изображениями богов, как говорит Демокрит (Лурье, 564).

Большого расхождения в представленных взглядах нет, так как имена по природе это то же самое, что имена как изобра-

жения природы. Правда, преимущество позиции **Демокрита** в том, что он указывает на форму существования слова — «изображение», тогда как у **Платона** эта форма отсутствует.

Но и те, кто полагают, что имена даны по решению мудрых людей, думают, что в самом имени заключено значение того, на что оно указывает:

Имя Зевса — символ и звуковой образ творческой сущности вследствие того, что первые люди, давшие названия вещам, благодаря своей исключительной мудрости выразили с помощью имен внутренние сущности вещей, подобно тому как значительные скульпторы делают это в своих изображениях (там же).

Здесь еще нет логической деятельности в полном смысле этого слова, но уже появляется субъект, который пока пассивно, но производит наименования.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — сорок третье

Рефлектирующий субъект полагает, что слово происходит от практической деятельности.

Это заблуждение, потому что практическая деятельность не является ближайшим основанием употребления слова, — ближайшим основанием употребления слова является использование наименований, а это есть логическое основание.

ПРИМЕЧАНИЕ

Платон в метафорической форме показывает различные виды деятельности, в которых производятся разные продукты, но все они тождественны «вещи»:

Живописец, плотник, бог — вот три создателя этих трех видов кровати. Бог, потому ли, что не захотел или в силу необходимости, требовавшей, чтобы в природе была завершена только одна кровать, сделал, таким образом, лишь одну-единственную — она-то и есть кровать как таковая... (Государство, 597 Б).

Расшифровывая метафору, можно указать, что плотник — это практический субъект, живописец — обыденный субъект, а бог — эмпирический субъект, — каждый из них пользуется одним и тем же объектом, но в разных формах — наименование, слово, понятие.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — сорок четвертое

Рефлектирующий субъект утверждает, что предметом деятельности обыденного субъекта является не «вещь», но любое из оснований его деятельности.

ДОБАВЛЕНИЕ

Аристотель приводит утверждение:

Действительно, никто не станет спрашивать, «ради чего» получают удовольствие, подразумевая, что удовольствие избирают само по себе (Никомахова этика, 1172 В 20).

В данном утверждении представлена в качестве предмета обыденной деятельности не «вещь», а личностное основание деятельности — «удовольствие» — в натурафицированной форме.

РЕФЛЕКСИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Заблуждение рефлектирующего субъекта — сорок пятое

Рефлектирующий субъект думает, что наименование вещи происходит от представленности атрибутов этой вещи.

На самом деле, он не видит того, что это разные наименования и что в основе их значений лежат разные процессы объективирования собственности субъекта. Одно дело указание на вещь, другое — наименование объективирующейся силы, выраженной в наименовании атрибута. Следовательно, указание на овладеенную вещь и указание на осиление этой вещи, хотя и связаны между собой процессом овладения вещи, но, как предлогические действия, эти именования различны и не определяют друг друга.

ДОБАВЛЕНИЕ

Эпикур утверждает:

Все эти свойства имеют свои специальные возможности быть познаваемыми и различаемыми [познаются отдельно и различаются], если только целое сопутствует им и никогда от них не отделяется, но вследствие совокупного представления свойств имеет название тела (Материалисты, 192).

Представленность вещи и наименование ее — это разные действия, хотя и присвоение наименования, как овладения вещи в прошлом или использование наименования актуально. Реализация силы субъекта, о чем говорит Эпикур, и актуализация наименования — это обыденный процесс, но не наименования как овладения вещью, поскольку использование наименования — это обращение к уже овладеенной вещи.

ПРИМЕЧАНИЕ

В нерешительности перед природой атрибута находится **Платон**: признать ли ее за природу вещи или за природу человеческой способности? Он выбирает нечто третье, не получившего определения:

Ведь то, что ты называешь белым цветом, не есть что-то инородное, вне твоих глаз, но ведь и в глазах его тоже нет, и ты не назначишь ему какого-либо определенного места, ибо тогда, оказавшись как бы в строю, он пребывал бы на месте, а не оказывался бы в становлении...

А все то, что мы называем цветом, не есть ни обращающееся, ни предмет обращения,— это нечто особое, возникающее посредине между тем и другим (Тезтет, 153 d — 154).

Как разместить в вещах атрибуты не знает и **Эпикур**:

Форма, цвет, величина, вес и все остальное, что перечисляется как свойство тел (всех или только видимых) и познается соответствующими им ощущениями, не должно мыслиться в виде самобытных естеств (это и невообразимо), не должно мыслиться как несуществующее, не должно мыслиться как нечто бестелесное, присущее телу, ни как части этого тела; нет, постоянная природа всего тела состоит из всех этих свойств, но не так, будто все они сложены вместе, как плотные частицы слагаются в более крупные составы или малые части в большие, а просто, как я сказал, постоянное естество всего тела состоит из всех этих свойств (Диоген Лаэртский, X 68).

Эпикур пытается не сводить природу атрибута к составу вещи, но он и не находит эту природу. Более того, если, как он считает, тело «просто состоит из свойств», то такое «составление» аналогично совокупности телесных частей, хотя Эпикур пробует отрицать это.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — сорок шестое

Рефлектирующий субъект отрицает тождество наименования вещи и вещи.

ДОБАВЛЕНИЕ

Секст Эмпирик пишет о позиции стоиков:

Тело не изучается, особенно, по мнению стоиков, поскольку изучаемое есть словесное обозначение, а словесное обозначение не есть тело (Против этиков, 224).

Но если бы стоики видели, что словесное обозначение или наименование является действием вещественного субъекта, то может быть тогда они признали бы тождественность указания на вещь с самой вещью.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — сорок седьмое

Рефлектирующий субъект не видит того, что атрибут вещи является объективированием практической силы человека в этой вещи, и считает его независимым от субъекта, который имеет дело с вещью.

ДОБАВЛЕНИЕ

В учении Платона и Аристотеля о «привходящих свойствах» ничего не говорится, откуда они привходят и как они сопричастны с чем бы то ни было, хотя ясно, что с сущностью вещи они не причастны, но все равно относятся к «вещи» — «привходящее всегда означает нечто высказываемое о некотором предмете» (Метафизика, 1007 а 35). Аристотель здесь берет атрибут в логической форме «высказывания» и не указывает на онтологическое основание этого «высказывания» о вещи. Может быть мышление вносит в предмет эти свойства? Однако Аристотелем «привходящее» понимается скорее как «случайное», «несущественное», «необязательное» в противоположность «сущности», полагаемой как «вещь». К примеру, человек обычно здоров, но случайно оказался «бледен»; «бледное есть нечто привходящее для человека» (там же, 1007 а 30). Но такая позиция не отражает онтологии атрибута.

Связь «атрибута» с «сущностью» типична для Аристотеля, но это показывает, что он не связывает атрибут с объективированием экзистенции человека в вещи:

Ясно поэтому, что благодаря сущности есть и каждое из тех действий или состояний, так что сущность есть в первичном смысле сущее (Метафизика, 1028 а 25).

В этом месте можно вспомнить об очень шумном в истории философии вопросе о первичных и вторичных качествах. Но он теряет всякий смысл, если видеть, что любой атрибут является привнесением человеческой силы, ее объективированием в вещи.

Заблуждение рефлектирующего субъекта — сорок восьмое

Рефлектирующий субъект считает, что субъекту представлен атрибут, но не вещь.

Тем самым он отнимает атрибут от вещи, наделяя их общим статусом существования — статусом существования вещи.

ДОБАВЛЕНИЕ

В нижеприведенном высказывании **Аристотеля** данная форма заблуждения, представленная с оговоркой, все-таки весьма живуча:

Хотя чувственное восприятие есть восприятие определенного свойства, а не [просто] определенного нечего, однако необходимо воспринимается определенное нечего где-то и теперь (Об истине, 310).

«Восприятие свойства» и есть не что иное, как наделение «атрибута» статусом существования вещи.

Секст Эмпирик:

Что нельзя воспринять тело, ясно из следующего: принадлежащее к чему-нибудь есть нечто другое, нежели то, к чему оно принадлежит. Поэтому, когда нам представляется цвет или что-нибудь подобное, то, вероятно, нам представляется нечто принадлежащее к телу, но не само тело (Пирроновы положения, II 29).

Заблуждение рефлектирующего субъекта — сорок девятое

Рефлектирующий субъект рассматривает атрибут существующим наряду с вещью как нечто иное, чем вещь.

ДОБАВЛЕНИЕ

Аристотель противоречив в рассмотрении природы атрибута: в одном случае он признает атрибут неотъемлемостью вещи, а в другом — существующим отдельно от вещи:

Свойства же, которые хотя и неотделимы от тела, но, поскольку они не состояния определенного тела и берутся отвлеченно от тела, изучает математик; отделенное же от всего телесного как таковое изучает тот, кто занимается первой философией (О душе, 403 В 10).

Заблуждение рефлектирующего субъекта —
пятидесятое

Рефлектирующий субъект называет атрибуты вещи вещами.

ДОБАВЛЕНИЕ

Декарт называет атрибуты — «движение», «протяжение», «фигуру» — «вещами», из которых состоят другие «вещи»:

Вот почему, говоря здесь о вещах лишь постольку, поскольку они воспринимаются разумом, мы называем простыми только те, познание которых является столь ясным и отчетливым, что они могут быть разделены умом на большее число познаваемых более отчетливо частей; таковы фигура, протяжение, движение и т. д.; все же остальные вещи мы представляем себе некоторым образом составленными из этих простых (1, 118).

Заблуждение рефлектирующего субъекта —
пятьдесят первое

Рефлектирующий субъект полагает, что «атрибут принадлежит вещи».

Рефлектирующему субъекту кажется, когда он говорит «атрибут принадлежит вещи», то это все равно, как если бы он сказал, что «красное принадлежит яблоку» или «яблоко красное». Но тем самым он выдает свое заблуждение, поскольку обыденное суждение «яблоко красное» есть объективирование экзистенции обыденного субъекта и актуализация этого объективирования посредством логического действия — обыденного суждения. Тогда же, когда рефлектирующий субъект утверждает «атрибут принадлежит вещи», он натурфицирует «атрибут», представляет его как «вещь» и как «вещь» относит к другой «вещи» посредством эмпирического суждения принадлежности. Использование натурфикации и есть заблуждение рефлектирующего субъекта.

ДОБАВЛЕНИЕ

Неотъемлемость атрибута от вещи фиксирует **Аристотель** в «Метафизике»:

«Ходить», «быть здоровым», «сидеть» и тому подобное — есть ли каждое из них сущее или не-сущее? Ибо ни одно из них не существует от природы само по себе и не может отделяться от предмета; а если что-то здесь есть, то скорее то, что ходит, то, что сидит, и то, что здорово. А они, видимо, есть сущее в большей мере, потому что субстрат у них есть нечто определенное, а именно сущность или единичный предмет, который и представлен в таком виде высказываний, ибо о хорошем и сидящем мы не говорим без такого субстрата (1028 а 20—25).

Это же повторяет **Эпикур**: «постоянное естество всего тела состоит из всех этих свойств...» (Диоген Лаэртский, X 69).

Заблуждение рефлектирующего субъекта — пятьдесят второе

Рефлектирующий субъект полагает, что «вещь» зависит от атрибутов.

Он в превратной форме пытается воспроизвести онтологическое основание деятельности как способ реализации экзистенциальных сил человека, но представляет их в форме натурфикаций «атрибутов как таковых».

Заблуждение рефлектирующего субъекта — пятьдесят третье

Рефлектирующий субъект утверждает, что атрибуты являются предметами человеческих экзистенций.

Он так утверждает потому, что «атрибуты» представляет не чем иным, как «вещью», а всякая «вещь» может быть предметом человеческих усилий.

ДОБАВЛЕНИЕ

Эпикур пишет: «Все эти свойства и улавливаются и различаются каждое по-своему, но всегда в сопровождении с целым и никогда отдельно от него... (Диоген Лаэртский, X 69).

Хотя **Эпикур** пытается связать атрибуты и вещь вместе, но все-таки атрибуты у него становятся отдельными предметами, раз «улавливаются и различаются каждое по-своему».

Заблуждение рефлектирующего субъекта —
пятьдесят четвертое

Рефлектирующий субъект не видит того, что вещи представлены субъекту как овладеенные вещи и вещи как предметы его силы, то есть осиленные вещи.

Если не видеть этого, то остается не понятным, почему появляются именованья вещи и соответствующие субстантивные наименования вещи и именованья атрибутов и соответствующие атрибутивные наименования.

ДОБАВЛЕНИЕ

Антисфен, высказывающийся довольно причудливо, разделяет данное заблуждение:

Об одном может быть высказано только одно, а именно единственно лишь его собственное наименование (Аристотель, *Метафизика*, 1024 Б 30).

Но практический субъект никогда не догадается о предписаниях Антисфена и всегда будет высказывать суждения о любой вещи, присваивать ей атрибуты, даже такие, каких она не заслуживает. В данном случае это делает Аристотель, соглашаясь, однако, с его доводом и тем самым разделяя заблуждение, но сглаживая противоречивость высказывания Антисфена:

Между тем всякую вещь можно обозначать не только ее собственным определением, но и определением чего-то иного, притом ложно — безусловно, но некоторым образом и правильно, как, например, восемь можно обозначить как двойное, используя определение двойки (там же, Б 35).

Заблуждение рефлектирующего субъекта —
пятьдесят пятое

Рефлектирующий субъект определяет то, что принадлежит только практическому субъекту, в исключительно овеществленной форме и определяет его собственность как вещь.

На самом деле, рефлектирующий субъект не видит, что собственностью практического субъекта выступает его экзистенциальная сфера, сфера его естественных сил, но видит только внешнее предметное основание реализации его сил.

ДОБАВЛЕНИЕ

Всего лишь на внешнее предметное основание практической деятельности указывает **Аристотель**, определяя «собственность»:

Собственность есть часть дома, и приобретение есть часть семейной организации: без предметов первой необходимости нельзя не только хорошо жить, но и вообще жить... Собственность же является орудием деятельности активной; ведь пользуясь ткацким челноком, мы получаем нечто иное, чем его применение... Человек же принадлежит другому в том случае, если он, оставаясь человеком, становится собственностью; последняя представляет собой орудие активное и отдельно существующее (Политика, 1253 Б 25—1254 а 15).

Заблуждение рефлектирующего субъекта — пятьдесят шестое

Рефлектирующий субъект отказывает субъекту и вещи в каком-либо тождестве.

На самом деле, он не видит онтологического основания человеческой жизни — овладения вещью, и исключает из рассмотрения вещественную природу человека, и если можно так сказать — и вещественность вещи.

ДОБАВЛЕНИЕ

Аристотель отвергает тождество субъекта и вещи как возможность подобного познать подобное — по ряду причин. Во-первых, он указывает на отличие души и тела (О душе, 410 а 5), во-вторых, на различие органических и неорганических элементов (а 30). Далее он ссылается на природу бога — бог не будет знать вражду (Б 5); так же, как отсутствие души у материальных элементов кажется ему достоянным основанием для опровержения мысли о познании подобного подобным (там же).

Декарт не находит познавательную силу человека сходной с чем-либо, присущим вещи:

Эта познающая сила иногда является пассивной, иногда деятельной и уподобляется то печати, то воску, что однако, следует принимать здесь лишь за аналогию, ведь в телесных вещах не обнаруживается чего-либо совершенно подобного этой силе (1, 116).

Заблуждение рефлектирующего субъекта — пятьдесят седьмое

Из человеческого бытия рефлектирующий субъект выбирает какой-либо один из способов деятельности, но не указывает на его действительное основание — овладение субъектом вещью.

ДОБАВЛЕНИЕ

Как правило, тем способом деятельности, на который обращается внимание, является использование логических объектов, но имеется ли у такой деятельности основание — остается вопросом. Таким образом определяет природу человека **Аристотель**:

Жизнь представляется [чем-то] общим как для человека, так и для растений, а искомое нами присуще только человеку. Следовательно, нужно исключить из рассмотрения жизнь с точки зрения питания и роста. Следующей будет жизнь с точки зрения чувства, но и она со всей очевидностью то общее, что есть и у лошади, и у быка, и у всякого живого существа. Остается, таким образом, какая-то деятельная [жизнь] обладающего суждением [существа] (Никомахова этика, 1097 Б 30).

Так же и для **Гегеля** природа человеческого бытия производна от мышления:

«Но если верно — а это, конечно, верно, — что человек отличается от животных мышлением, то все человеческое таково только потому, что оно произведено мышлением (Энциклопедия философских наук, 1, 85).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рефлектирующий субъект считает, что он выяснил все основания употребления логических объектов и теперь знает, что это такое — человеческая деятельность.

На самом деле он выяснил только то, что человеческая мысль погружена во всевозможные человеческие заблуждения, ошибки, иллюзии, видимости, но что он при этом не владеет никакой вещью, но только всеми превращенными ее формами, потому ему и кажется, что он не только знает, как он овладел вещью, но и действительно овладел вещью.

В том случае, когда он имеет дело только с логическими объектами, он легко различает их, но именно как вещи, и когда он указывает на что угодно, вещь проглядывает сквозь логический туман, зовя, интригуя, поработая. Да и значения всех логических объектов так глубоко сидят в каждом человеке, что ему легче отдать какую-нибудь очень важную для него вещь, чем то значение, которое он сам приписывает употребляемым им словам. Не потому ли многие скорее пойдут безмолвно на казнь, фанатично сжав зубы, чтобы не проронить ни одного звука, чем обронят какие-либо слова, могущие возбудить лишь предполагаемое подозрение, что их собственные, личностные значения и собственная позиция претерпели изменения. Из безраздельного господства личностных значений над своим субъектом берут начало альтернативные ценностные значения, конкурирующие с предметными значениями слов и переплетенные все вместе в общей логической деятельности. И если не провести рефлектирования, то природа слов, например, со значениями собственности субъекта, остается покрытой мраком. И первым шагом к этому было бы сомнение в том, чем тот или иной субъект пользуется, когда производит высказывания. Далее следует недоверие к тем, кто некритически усваивает иллюзии предшествующей деятельности и умаляет достоинство человека в том, что он будто бы не может своими собственными продуктами, какими являются слова, выразить свое собственное достояние, как будто бы за него все это делает какая-то природа, либо еще какие-либо персоны. Кто готов сколько угодно рассматривать, куда выносятся человеческая

собственность, и описывать многообразные причудливые монстроальные образования, получающиеся при этом, тот не готов увидеть, как они создаются, но чаще всего не может, а затем уже и не желает, смиряясь с подсказками обыденных представлений. Сила готового предубеждения заставляет его наслаивать на многочисленные создания человеческой мысли еще и свои собственные, вместо того чтобы исходить из самого факта употребления слов. Может быть вера в природный смысл употребляемых слов, может быть избыточность человеческого мышления, пытающегося схватить все сразу,— может быть, все это вместе взятое заставляет искать «действительную» природу слова не в том, в чем она является, а только в том, что этому сопутствует в качестве многих оснований деятельности. Кроме того, многочисленны и продукты, нагромождаемые человеческой мыслью, не дошедшей до своих собственных истоков. К примеру, одно из самых фантастических приобретений человечества является «ценность как таковая», представляемая обычно высшим мерилем всех человеческих проявлений. Но единственной реальной формой существования такого объекта, как «ценность» есть то, что это — только слово.

Рефлектирующий субъект должен признать логическую природу этого объекта и только в этом видеть статус его существования.

Многое в этом слове должен видеть рефлектирующий субъект.

Как слово, «ценность» кто-то употребляет.

Как слово, «ценность» выражает пристрастное отношение субъекта к предмету своей деятельности.

Как слово, «ценность» для субъекта есть только атрибут вещи, которой он приписывает в своем суждении личностное значение как свое собственное пристрастие.

Как слово, «ценность» способна актуализироваться и вносить опыт человека в предмет его суждения, то есть привносить в него характер овладения вещи в прошлой, прошедшей деятельности.

Как слово, «ценность» переносит в актуальный план деятельности только значение прошлой осуществленной деятельности, являющейся глубинным, онтологическим основанием всякой актуальной деятельности.

Как слово, «ценность» глубоко отождествляется субъектом с вещью и несет видимость этой вещи.

Как слово, «ценность» превращается в понятие, лишаясь всех обыденных оснований своего употребления, но несет их в иллюзорной форме.

Как слово, «ценность», превращенная в понятие, получает

разнообразные определения, восстанавливающие из его прошлого бытия все что угодно, кроме того, что оно — это слов.

Как слово, «ценность» будет существовать только словом, и его будут употреблять все, кто способен мыслить, то есть владеть вещью по видимости.

Рефлектирующий субъект, постигший основания своей собственной деятельности и овладевший ими как овладевают вещью, превращается в действующего, строящего, культивирующего субъекта — **субъекта культуры**, субъекта, создавшего свой собственный предмет — **предмет той же культуры**.

Потому главным для него вопросом является вопрос о том, *как делается что-либо, когда что-либо делается.*

ИСТОЧНИКИ

АНТИЧНЫЕ РИТОРИКИ. М., 1978.

АРИСТОТЕЛЬ. Соч. в 4 томах. М., 1976—1984.

ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.

ЛУРЬЕ С. Я. Демокрит. Тексты. Исследования. Л., 1970. (В тексте: Лурье, номер фрагмента).

МАТЕРИАЛИСТЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ. М., 1955. (В тексте: Материалисты, страница):

ПЛАТОН. Соч. в 3 томах. М., 1970—1972.

ПЛАТОН. Диалоги. М., 1986.

ПРОКЛ. Первоосновы теологии. Тбилиси, 1972.

СЕКСТ ЭМПИРИК. Соч. в 2 томах. М., 1976.

ФРАГМЕНТЫ РАННИХ ГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ. М., 1989. (В тексте: Фрагменты, номер главы, номер фрагмента).

ЗАЩИТА ДЕФИНИЦИИ ЦЕННОСТИ, ДАННОЙ
РАЛЬФОМ БАРТОНОМ ПЕРРИ

I

Цель этой статьи — защита определения ценности, данного Ральфом Бартоном Перри, от многочисленных возражений, которые уже имели место или могут возникнуть. В частности, я защищаю его от возражений, которые пытаются показать, что существуют **априори** причины думать, что Перри, давая свое определение, надеется достигнуть цели, которой невозможно достичь.

Перри определяет ценность «как особое отношение, в которое включаются вещи, обладающие некоторым онтологическим статусом, реальным или мнимым, и люди, проявляющие к ним интерес»¹. Всякий раз как объекты становятся элементами такого отношения, Перри полагает, что они приобретают ценность или становятся ценными. Он выражает это в уравнении: «X есть ценное = интерес, проявленный к X»². То есть он утверждает, что если нечто становится целью, и всякий раз, когда кто-либо пытается достичь эту цель, это нечто становится ценным.

Это определение было задано как «реальное» или описательное определение. Перри полагает, что помимо удовлетворения обычным требованиям, таким как свобода от неопределенности, двусмысленности, завершенности, описательные определения должны удовлетворять и другим требованиям. «Дискриптивное определение... есть гипотеза. Ее решающей задачей является выяснение упорядоченной структуры некоторой области факта, определенное состояние дел, которое есть истина»³. Поэтому, Перри предложил свою дефиницию ценности как «**эксперимент в обобщении**»⁴.

Таким образом, основной вопрос, который рассматривает Перри, заключается в следующем:

Если мы примем факт интереса за главное и рассмотрим другие факты в этом отношении, если, короче, мы рассмотрим жизнь с ее **интересами** и **мудростью**, как в самом деле это может быть рассмотрено: возьмем факты и дилеммы, обозначенные как «добро» и «зло», «правда» и «несправедливость», «лучше» и «хуже», ...в пределах особой области моральной практики, искусства, религии и сходных институтов, то попадем в точку и образуем всестороннюю систему.⁵

James Gene G. Defense of Ralph Barton Perry's Definition of Value.— «Personalist», Los Angeles, 1976, № 3, p. 230—238.

Философский анализ, в том виде как он был задуман Перри, содержит в себе переход от неопределенности к большей ясности. Он считает, что в начале исследования ценности имеется только «приближение, неопределенно ограниченная область, которую... мы можем согласиться впоследствии назвать ценностью»⁶. Целью Перри было проследить границы этой области и обозначить ее типологию посредством развития системы взаимосвязанных понятий, которые будут расширять наше понимание этой области. Перри предложил продолжать, опираясь на опыт, однако не на методы естественных наук. Он не думал, что теория ценности может быть эмпирической в этом смысле слова, но полагал, что она может быть эмпирической «в том смысле, что она пытается обнаружить и описать порядок вещей, которые независимы от пристрастия исследователя и предвзятых идей»⁷.

Перри не претендовал на то, что его дефиниция будет использоваться в обычном словоупотреблении. «Эту работу,— заявляет он,— уже выполнили полные словари, в которых дается превосходно отмеченное все разнообразие значений, встречающихся в литературе и обыденной речи»⁸. По мнению Перри, проблема заключается в том, чтобы дать отчет о правильности употребления термина ценность в обыденном языке. «Проблема заключается в том, чтобы определить, то есть **дать** значение термину, выбирая одно из существующих значений или создавая новое значение»⁹. Это не значит, что Перри считал будто обыденный язык можно игнорировать или обходиться с ним грубо. Как во «Всеобщей теории ценности», так и в «Сферах ценности» он пытался показать, что его определение таких терминов, как «интерес» и «ценность», не есть произвольное условие, а согласующееся с обыденным словоупотреблением¹⁰. Перри даже полагает, что обыденный язык может быть «грубым проводником к истине». Но для Перри философский анализ только **начался** с лингвистического анализа, но первый не является **кульминацией** последнего.

Перри также не считал, что его дефиниция ценности может заменить это слово в обыденном употреблении. В действительности он придерживался точки зрения, что любая попытка заменить термины обыденного языка более точными терминами науки или философии приводит к абсурдности¹¹. По мнению Перри, цель философского анализа не в том, чтобы создать альтернативный язык, заменяющий обыденный язык, вполне адекватный для своих целей, а в том, чтобы помочь нам получить ясность об основных и фундаментальных категориях, посредством которых мы познаем мир, и дать **концепцию о развитии событий и целей мира** или метафизическую перспективу

для приведения в порядок и интерпретации опыта как целого¹². Именно такой перспективы, полагал Перри, часто не хватает современной философии, которая в некоторых случаях кажется вырождающейся в лексикографическую концепцию, не выходящую за рамки языка.

II

Возражение, согласно которому философский анализ искажает значение ценностных понятий.— Возможно, самое резкое возражение, которое могло бы быть приведено против дефиниции ценности, данной Перри, или тех терминов, которые он определяет посредством этой дефиниции,— было бы возражение, применимое к любому философскому анализу. То есть то, что уже проанализировано, явно отличается от того, что должно подвергаться анализу, возможно, это спорно, что анализ больше искажает, нежели чем проясняет наше понимание ценности. Действительно, Перри допускает, что «дефиниция изменяет значения, даже она не более, чем прояснение, освещение или их анализ»¹³. И он допускает, что в анализе «что-либо теряется, даже если в нем не будет ничего, кроме обычной темноты, неизвестности и невнятности»¹⁴. Но он доказывает, что более разумно предположить, что «вещи являются тем, чем они кажутся, когда мы их узнали, а не тем, чем они кажутся в момент начала познания»¹⁵.

Возражение, согласно которому некоторым понятиям свойственна простота.— Другим возможным возражением против ценностного определения Перри является аргумент Дж. Е. Мура, очевидный любому, кто размышляет на предмет того, что некоторые ценностные понятия просты и неанализируемы и что попытка определить такие понятия содержит в себе путаницу предметов или свойств, требующих особого определения. Как хорошо известно, Мур говорил об этом как о натуралистической ошибке. Несмотря на интуитивную ясность, на которую ссылается Мур, критики не смогли обнаружить ошибочное содержание. Как указывает Вильям Франкена в ставшей сейчас классической статье, кто-либо может заблуждаться, если путает один объект или свойство с другим, но при этом он едва ли совершает ошибку. Таким образом, Франкена заключает:

М-р Перри предлагает находить лишь свойство того, что желается, тогда как Мур предлагает находить и свойство быть добром. Спорный вопрос, кроме того, заключается в признании интуиции или интроспекции и касается осознания или отличия свойств и отношений. В этом заключается то, почему его нельзя разрешить, используя понятие ошибочности¹⁶.

Здесь затруднение, согласно Франкена, должно быть улажено. Тем не менее, Перри не желал разрешить затруднение на этом уровне. Может быть, если размышлять долго и достаточно энергично, то станет очевидным, что «добро есть добро, и что это есть конец вопроса», и если Перри был прав, предполагая, что дескрипция — объяснительная сила философского определения — есть истинный критерий его ответственности, то обращение к интуиции не является конечным критерием этого обращения. Перри считает, что его дефиниция дает нам возможность построить исчерпывающую концептуальную систему, которая разрешит наши затруднения относительно ценности, и я не понимаю, как такое требование может быть исключено априори без проверки выводов, исходящих из его дефиниции.

Кроме того, истина, может быть, заключается в том, что у неопределенностей имеется предел, Перри же, учитывая наличие прошлого опыта, по-видимому, высказывается не в пользу, а против таких неопределенностей. «История мысли, — писал он, — полна отказов от неопределенностей»¹⁷ Конечно, верно то, что Перри хорошо осознавал, а именно то, что в построении аксиоматической системы нужно брать определенные понятия как неопределяемые, но это еще ни в коей мере не значит, что они не могут быть определены. В конце концов, давая какое-нибудь понятие и выражая критическое отношение к определениям этого понятия, мы имеем в самом лучшем случае индуктивное обобщение, но не абсолютную уверенность, если мы решили, что термин неопределяем.

Возражение, согласно которому ценностные понятия не имеют описательных значений.— Хотя немногие из философов приняли тезис Мура, что добро есть простое, неанализируемое свойство, его вывод, что этические концепции не могут быть определены в неэтических терминах, принимается большинством. Даже философы, не симпатизирующие исследованиям Мура, такие как Айер А. Дж, согласны с ним по этому вопросу. Конечно, у Айера причины принять этот вывод были в корне отличны от причин Мура. Вместо обращения к интуиции, чтобы показать, что описательные значения, предложенные натурализмом, отличны от описательных значений ценностных понятий в обыденном языке, Айер не соглашается с тем, что этические понятия не имеют дескриптивных значений. «Мы говорим, что причина, почему они неанализируемы, заключается в том, что они существуют как псевдо-понятия. Наличие этических символов в предложении ничего не добавляет к их фактическому содержанию»¹⁸. Перри полагал, что это заявление основывается на слишком строгой теории и считал напротив, что

нет причины, мешающей этическим терминам выражать и то и другое: эмоции и обозначение. Таким образом, факт, что этические понятия имеют эмоциональное значение, не препятствует им иметь дескриптивное значение¹⁹

Возражение, согласно которому Перри не принимает в счет эмоциональное значение. Как мало философов сегодня признает положение Мура о том, что доброта есть простое неанализируемое свойство, так же мало философов признает и положение, что этические понятия не имеют описательного значения. Но даже философы, относящие себя к эмотивистам, отвергли это положение. Например, Чарлз Стивенсон в работе «Этика и язык» не только признает за этическими понятиями описательное значение, но и требует «уделить полное внимание взаимодействию... между эмоциональным и описательным значением»²⁰

Хотя Стивенсон выражает свою признательность Перри, он отмечает, что анализ ценностных понятий, проделанный Перри, был неполным, потому что тот недостаточно учитывал эмоциональную функцию ценностных понятий. Однако обвинения Стивенсона ошибочны. Как отметил Генри Айкен, задолго до популярности эмотивизма, Перри уже обсудил и проанализировал некоторые детали эмоциональной функции ценностных понятий²¹. Действительно, он открыто апеллировал к эмоциональному значению, как способу объяснения «движущих влечений» или способности возбуждать действие, которое определяет ценностные понятия²². К тому же он обсудил разнообразные нерациональные методы убеждения, используемые людьми, где важную роль играет эмоциональное значение²³. Далее, в 1931 году через несколько лет после первой статьи Стивенсона по поводу эмоционального значения, Перри ссылается на эмоциональное значение как на причину того, что люди неохотно принимают философский анализ ценностных понятий. Он писал:

Эта характерная черта дефиниции особенно проявляется в случае, когда понятия являются эмоционально насыщенными. Так, например, не существует метафизического определения понятия «бог», которое могло бы хоть сколько-нибудь удовлетворить тех, кто поклоняется богу, и такое неудовлетворительное отношение не может согласоваться с (описательной.— Дж. Дж.) правильностью определения²⁴.

Возражение, согласно которому дефиниция Перри является предписывающей дефиницией.— Стивенсон изменил или, пожалуй, дал свою собственную своеобразную интерпретацию положения Мура о натуралистической ошибке.

Никакое аналитическое суждение типа: «Н есть добро» не может быть представлено как неопровержимая аксиома, так как можно не согласиться с

предписывающей дефиницией, благодаря которой оно становится аналитической. Где бы Мур ни упоминал о «натуралистической ошибке, везде у этого автора имеется в виду предписывающее определение»²⁵.

Другое возможное возражение по поводу дефиниции Перри заключается в том, что предписывающее определение может быть отвергнуто всяким, кто не разделяет позиции, на которой оно основано. В этом случае, предписывающее определение в том виде, как его характеризует Стивенсон, является попыткой изменить роль описательного значения, несмотря на утверждение постоянства эмоционального значения, так чтобы «предписать этим взаимодействием направление всех тех координальных изменений, которые происходят в отношениях людей»²⁶.

Даже если мы предположим, что Перри допустил эту «ошибку», то также трудно увидеть, какую практическую цель он надеялся достичь, определяя ценность в понятиях интереса, как и увидеть то, какую практическую цель имел Аристотель, желая определить *супптим вопит* [высшее благо] как счастье. Истина заключается в том, что ни тот ни другой не пытались направить отношения людей так, чтобы использовать их для практического назначения, но оба они были философами-аналитиками, пытавшимися сформулировать дескриптивные значения для ценностных понятий. Таким образом, вместо того, чтобы, используя эмоциональное значение, получить какой-то практический результат, Перри пытался не принимать во внимание и нейтрализовать его последствия. Он ясно заявляет, например, что одной из причин того, что он избрал «ценность» центральным понятием своей теории, является то, что это — «самое безцветное слово, которое можно заимствовать из обычной речи»²⁷ Точно так же одной из причин его отказа от понятия «добро» как основного понятия теории является то, что оно «наполнено» ароматом святости»²⁸

Возражение, согласно которому Перри игнорирует оценочное значение.— Аргумент, подобный аргументу Стивенсона, был выдвинут против натуралистов Р. М. Хеаром; кроме того, Хеар считает, что натуралистические определения больше пренебрегают оценочным значениям, чем эмоциональным.

Ценностные понятия имеют в языке специальную функцию, а именно, служат рекомендацией [осуждают?]; и поэтому они просто не могут быть определены с помощью других понятий, не выполняющих эту функцию, но если это сделано, то мы лишаемся средств выражения этой функции»²⁹.

Хеар видит в этом безответное опровержение натурализма, так как «то, что мы пытаемся предпринять, является оценкой

понятия «добро» в том виде, как оно употребляется, а не в том виде, в каком оно могло бы быть употреблено, если бы были изменены его значение и употребление»³⁰

Лишаются ли ценностные понятия положительных и отрицательных оценочных функций при определении с помощью слов, не имеющих этих функций? Если так, то свойственно ли это дефиниции Перри? Отметим, что Хеар, кажется, предполагает, что одной единственной целью, ради которой стоит проводить философский анализ ценностных понятий, является или описание — как такие понятия употребляются в обыденном языке, или создание другого понятийного аппарата, чтобы им заменить ценностные понятия. Таким образом, требуя для дефиниции ценностных понятий употребления слов, не имеющих негативной или позитивной оценки, он, по-видимому, считает, что если бы мы восстанавливали в обыденном языке ценностные понятия, но уже в измененном виде, то мы бы не смогли применить их в роли оценки.

Итак, как уже отмечалось выше, Перри не предназначал свои дефиниции ценностных понятий ни для описания, ни для замены ценностных понятий в обыденном языке. Его основной целью было доказательство правильности положений натуралистической метафизики, исходя из того, что ценностный язык содержит в себе явления, исключительно натуралистического порядка, и, следовательно, того, что наше знание о ценности в этом отношении не отличается от всякого другого знания. Иными словами, наиболее важным положением Перри было то, что ценность «не обладает единственным в своем роде статусом в отношении познания и истины»³¹, и поэтому «не существует особого образчика, такого как «действительность», подходящего во всех отношениях к ценностным аргументам»³². Таким образом, Перри был прежде всего заинтересован в том, чтобы дать философский анализ семантики ценностного языка, нежели чем описывать его прагматику. Предложенный философский анализ ценностного языка не более лишает нас обыденного употребления ценностных понятий, чем научный анализ таких терминов, как «пространство» и «время», лишает нас обыденного употребления этих понятий. Отсюда следует, что аргумент Хеара не уместен, как и возражение, адресованное Перри. Я нахожу курьезным, что Хеар выдвинул такие аргументы, так как он сам придерживается точки зрения, что ценностные понятия имеют как оценочное, так и дескриптивное значение, и по-видимому он не думает, что его собственный анализ их описательного значения лишает их оценочного значения.

Совершенно верно, что хотя Хеар считает, что ценностные понятия имеют описательные значение, он не утверждает, что

они имеют постоянные описательные значения. Но так же считает и Перри: «Нет неизменных объективных значений, которые приписываются таким понятиям... в обычном употреблении. Иногда они значат одно, иногда другое»³³. Считая это само собой разумеющимся, Перри восклицает: «Допустим, но что из этого? В том и состоит смысл теории ценности, чтобы определить такое неизменное значение»³⁴. Тот факт, что Перри не предназначал свой анализ ценностных понятий ни для описания, ни для замены ценностных понятий в обыденном языке, не значит, что он не надеялся на то, что его определения ценностных понятий повлияют на то, как мы осмысливаем ценности. Таким образом, хотя Перри не предлагал, чтобы мы заменили выражение формы «X есть объект, представляющий интерес» на выражение формы «X есть добро». Он не думал, что если нам нужно было бы «взять жизненный интерес как способ», то это бы прояснило наши метафизические и эпистемологические затруднения относительно ценностей. И это в свою очередь приведет к большей ясности в отношении моральных и политических проблем. Еще раз уместна аналогия с наукой. Точно так же, как теоретическая ясность при осмыслении мира помогает нам в совершенствовании технологии, точно так же Перри надеется, что теоретическая ясность относительно природы ценности даст нам возможность развить более адекватную нормативную этику и политические системы.

Возражение, согласно которому Перри не различает коннотацию и денотацию.— Здесь может быть отмечено еще одно возражение против дефиниции Перри. Можно считать спорным, что даже если понятие «имеющий жизненный интерес», согласно Перри, прояснит наши метафизические и эпистемологические затруднения относительно ценности, то это потому сделал Перри, что указал на универсальное соответствие между интересом и ценностью, но не показал правомерность определения ценности в терминах интереса. Источником этого вида аргументов снова является Дж. Мур, который утверждал:

Может быть, верно, что все хорошие вещи имеют *одновременно* и еще какое-то свойство, как верно, например, то, что все предметы желтого цвета производят определенный вид световых волн... Но слишком многие философы думали, что когда они устанавливают эти другие свойства, они действительно дают определение добра³⁵.

Хотя этот аргумент Мура сходен с аргументом, рассмотренным выше, согласно которому доброта есть простое и неанализируемое свойство, тем не менее это не одно и то же. Или во всяком случае, он может быть объяснен по-другому. То объяснение, которое я имею в виду, лучше всего сформулировано Артуром Приором.

То, что профессор Мур считает «натуралистической ошибкой», есть предположение, что так как свойство или комбинация свойств неизменна и непременно сопутствуют свойству доброты или являются постоянно сопутствующими ему, то это свойство или комбинация свойств является идентичными доброте... То, что человек, допускающий натуралистическую ошибку, терпит при этом неудачу, объясняется тем, что понятие «добро» или другой какой предикат может обозначать или быть применимым к тем же самым вещам, но в то же время не выражать это самое свойство³⁶.

Натуралистическая ошибка, согласно этому объяснению, заключается в том, что два понятия, имеющие обозначение одного и того же — денотат, должны также иметь одну и ту же отличительную особенность — коннотат. Это — в самом деле ошибка, хотя я не вижу в этом особого основания для того, чтобы приклеивать ярлык «натуралистическая» или для ограничения этики. Верно, что из признания факта о том, что два термина имеют один и тот же денотат, еще не следует, что они также имеют один и тот же коннотат, но из этого и не следует, что они не имеют один и тот же коннотат. В противном случае это будет выглядеть претенциозно. Предположим, например, что мы почти не выяснили коннотат выдвинутой концепции Т. Предположим далее, что мы обнаружили то, что вещи, обозначаемые Т, также обозначаются с помощью F. Если бы мы хотели, то мы бы могли определить затем коннотацию F, то есть те свойства, которые характеризуют его употребление, так же характеризуют и употребление Т. Это значит, что мы могли предположительно выдвинуть условие, что с этого времени Т и F приобретают одну и ту же коннотацию. Степень, до которой эта процедура обоснована, зависит от того, как хорошо наше рассуждение о F согласуется с рассуждением о Т, также и степень решения наших затруднений с Т.

Этот метод принятия дефиниции может быть проиллюстрирован на примере, заимствованном у Хеара³⁷. Предположим, что имеется группа людей, которые не знают о том, что головастики являются лягушатами. Для них слова «головастик» и «лягушка» имеют совершенно разные коннотаты. Далее предположим, что тем не менее они обнаружили, что головастики всегда становятся лягушатами. Они могут затем выдвинуть предположение, что «головастик» и «лягушонок» имеют обязательно одно и то же значение. Конечно, если они должны были обнаружить живых существ, похожих на головастиков во всех отношениях, за исключением того, что они не превратятся в лягушат, они, возможно, захотели бы исправить уравнение «головастик=лягушонок». С другой стороны, если бы противоположные примеры не были обнаружены, то не было бы причины изменять уравнение. Хотя этот пример тривиален, но та ясность, которую он вносит по поводу заявления Перри,

согласно которому его дефиниция ценности служит экспериментом обобщения, должна быть очевидна.

Возражение, согласно которому Перри не различает синтетическое и аналитическое суждение.— Существует еще один возможный вариант интерпретации натуралистической ошибки, якобы ставящий проблему для Перри. Мур писал:

Вполне естественно ошибиться, предполагая, что то, что универсально правильно, таково по природе, что его отрицание было бы внутренне противоречивым... Таким образом, из этой ошибки просто заключить то, что кажется нам универсальным этическим принципом, на самом деле есть синтез идентичных понятий; если, например, все, названное «добром», кажется приносящим удовольствие, то суждение «удовольствие есть добро» не утверждает связи двух понятий, но содержит одно³⁸.

Обвинение против сторонников натурализма заключается в том, что они будто бы принимают синтетическое за аналитическое суждение, или, что более характерно, они смешивают суждения о добре с дефиницией понятия «добро». А что станет с аргументом, интерпретированным таким образом? Опровергает ли он натурализм? Совсем нет,— как указывал Франкена: «Здесь опять обнаруживается затруднение: хотя верно, что ошибочно конструировать универсальное синтетическое суждение как дефиницию, но это — требование, предъявляемое к интуитивистам, заявляющим: что дефинист принимает за дефиницию, то в действительности является универсальным синтетическим суждением»³⁹.

Возражение, согласно которому Перри использует в своей дефиниции оба, и синтетическое, и аналитическое суждение.— Несмотря на то, что предшествующий аргумент недостаточно основателен, он допускает другой, более строгий, который, кажется, может вызвать затруднения для Перри. Этот аргумент заключается в том, что сторонники натурализма трактуют свои дефиниции и как синтетическое, и как аналитическое суждение, и таким образом, незаконно претендуют на эмпирическую верификацию и логическое обоснование. Короче, сторонники натурализма обвиняются в попытке сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

Кажется справедливым то, как утверждал Мур, что можно всегда задать исключительно важный вопрос по поводу любой предложенной дефиниции ценностного понятия. Мур считает, что многие сторонники натурализма пытаются уклониться от вопросов по поводу их дефиниций с помощью ответа: «Этот вопрос не подлежит обсуждению; это уже предрешено самим значением слова; нельзя думать по-другому, не испытывая при этом затруднений». В данный момент, я думаю, Мур прав, аргументируя, что, если натуралист ответит подобным образом,

то он, а не Мур будет тем самым поставлен в затруднение, так как в этом случае натуралисту придется объяснить очевидную важность вопроса, который, согласно его теории, не может быть важным. Вся тяжесть доказательства, таким образом, ложится на натуралиста. Но обязан ли натуралист отвечать на этот вопрос посредством способа, описанного Муром? Я представляю другим натуралистам возможность защищать себя и покажу, как Перри мог бы ответить на вопросы, предъявляемые к его дефиниции, особенно к его дефиниции ценности. Дело в том, что Перри не испытывает никаких затруднений в объяснении важности исходного вопроса, ибо он не претендует на то, что его определение является самоочевидным или необходимо истинным. Наоборот, он поддерживает то, что именно эмпирическая гипотеза подтверждается или не подтверждается эмпирическим основанием (эмпирическим — в широком смысле, как обсуждалось выше). Тогда не было бы удивительным, что по поводу его дефиниции могут быть заданы многозначительные вопросы, так как именно этого и следовало ожидать. Сам факт, что по поводу его дефиниции могут быть заданы значительные вопросы, едва ли является достаточным для того, чтобы опровергнуть его анализ ценности.

Я прихожу к выводу, что те аргументы, которые были выдвинуты, чтобы показать, что существуют априорные причины думать, будто цель, которую Перри надеялся достигнуть, давая свое определение ценности,— являются неадекватными; и пока не появится другой аргумент такого рода, можно опровергнуть позицию Перри, только доказав, что дефиниция, данная им, и система, которую он сконструировал на ее базе, включает в себя противоречия или другие внутренние дефекты, или же показав, что его позиция не проясняет метафизические и эпистемологические затруднения, которые возникают при нашем размышлении о ценности в соответствии с его трактовкой. Моя собственная позиция, которую я собираюсь выразить в другой статье, заключается в том, что теория Перри неудачна в последнем отношении, но модификация его теории в определенном смысле оказывается тем не менее наилучшей альтернативой в понимании природы ценности.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Ralph Barton Perry. *General Theory of Value: Its Meaning and Basic Principles Construed in Terms of Interest* (Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1954), p. 116, Hereafter refferred to us GTV.

- ² Ibid.
- ³ Ralph Barton Perry. *Realms of Value: A Critique of Human Civilization* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1954), p. 13.
- ⁴ Perry, GTV, p. 126.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Ralph Barton Perry. The Definition of Value.—*The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, XI, N. 6 (1914), 141.
- ⁷ Perry. GTV, p. 26.
- ⁸ Perry. *Realms of Value*, p. 2.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid, pp. 2—9; Perry. GTV, pp. 20—27.
- ¹¹ Ralph Barton Perry. Value as Simply Value.—*The Journal of Philosophy*, XXVIII, N. 19 (1931), p. 523.
- ¹² Ralph Barton Perry. *The Approach to Philosophy* (New York: Charles Scribner's Sons, 1910), pp. 149—150.
- ¹³ Perry. Value as Simply Value, p. 522.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Ibid., p. 523.
- ¹⁶ W. K. Frankena. The Naturalistic Fallacy. *Mind*, XLVIII, N 192, (1939); reprinted in Wilfrid Sellars and John Hospers, eds., *Readings in Ethical Theory* (New York: Appleton-Century-Crofts, Inc. 1952), p. 112.
- ¹⁷ Perry. *Realms of Value*, p. 10.
- ¹⁸ Alfred Jules Ayer. *Language, Truth and Logic* (New York: Dover Publications, Inc., n. d.), p. 107.
- ¹⁹ Perry. *Realms of Value*, pp. 7—8.
- ²⁰ Charles L. Stevenson. *Ethics and Language* (New Haven: Yale University Press, 1944), p. 268.
- ²¹ Henry David Aiken. Reason and Conduct.—*New Bearings in Moral Philosophy* (New York: Alfred A. Knopf, 1962), p. 35.
- ²² Ralph Barton Perry. Value and its Moving Appeal.—*The Philosophical Review*, XLI, N 4 (1932), 337—350.
- ²³ See, e. g., Perry, GTV, chap. XVIII, passim.; Perry. Value as Simply Value, passim.
- ²⁴ Perry. Value as Simply Value, p. 523.
- ²⁵ Stevenson, *Ethics and Language*, pp. 272—273.
- ²⁶ Ibid., p. 210.
- ²⁷ Perry, GTV, p. 21.
- ²⁸ Ibid., p. 6.
- ²⁹ R. M. Hare. *The Language of Morals* (Oxford: University Press, 1952), p. 91.
- ³⁰ Ibid., pp. 91—92.
- ³¹ Perry. Value and Its Moving Appeal, p. 337.
- ³² Ibid.
- ³³ Perry. *Realms of Value*, p. 9.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Мур Дж. Принципы этики. М. 1984, с. 67.
- ³⁶ Arthur N. Prior. *Logic and the Basis of Ethics* (Oxford: Clarendon Press, 1949), pp. 1—2. See also: Morton White. *Toward Reunion in Philosophy* (Cambridge, Mass.; Harvard University Press, 1956) pp. 174—176.
- ³⁷ Hare. *Language of Morals*, pp. 86—93.
- ³⁸ Мур Дж. Принципы этики, с. 74.
- ³⁹ Frankena. *The Naturalistic Fallacy*. p. 111.

Пер. с англ. С. Г. Чиликова, Л. С. Чикилевой.

SUMMARY

The work by ARTSEG «The owner of the thing, or Ontology of subjectivity» is devoted to consideration of sphere of subjectivity through human activities. On the author's opinion, subjectivity shouldn't be taken as a certain capacity and analysed separately from man's activities who is the subject of all his functions. That's why the reader won't find here even mentioning of the term «subjectivity», as terminological presentation, on the author's opinion, creates material analogue out of it. Thus, this book is about what it the least contends about.

According to this the conclusion can be made: to present subjectivity in the appearance of this or that way of the subject's activities as well as this or that from of owning the thing. The author neglects the traditional alternatives between material and spiritual, sensual and rational, objective and subjective regarding them as preconceived product of metaphysical thinking: thinking knowing what to explore, but never making exploring efforts. It's important for the author what the subject does produces and possesses. But if the subject possesses a thing, and only a thing it changes this thing in every form of its activities, transforms it, and therefore possesses only this or that transformed form of it. The scrupulous analysis of each form makes up the stage of exploration and is fixed by axioms, the system of which serves the basis for further consideration of ways of the subject's activities. At the same time every way of possessing a transformed form of a thing makes up the fundamental level of subjectivity — practical, ordinary, empirical, theoretical, reflex, cultivated. A separate chapter is devoted accordingly to each of them. Parallel with creation and mastering this or that transformed form of a thing the subject acquires visibility, illusions, mistakes, errors in connection with a thing which it possess.

This is analysed on the examples taken from the antique texts, and this makes up one more independent but not the main lion of exploring as if the philosophy on the whole becomes the

subject of analytical radiology through numerous false form of empirical, theoretical and reflex action. Thereby the author creates a perspective for himself to project any philosophical form on the fundamental basis, made up from indivisible space of everyday and philosophical thinking.

Though the thing is much spoken about and is examined from different sides, it remains only the object of owning to such an extent to which the subject would wish to possess it. Therefore the given work is not devoted to what is the most spoken about in it.

To get a full idea of analytical approach to the phenomena under review as a supplement to the given edition the article of American explorer J. James is offered; the reader can be convinced of possibilities of different schools of analytical philosophy.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
§ 1. Человек — разумное существо	3
Использование слов	
§ 2. Слова имеют смысл	4
Слово смысла не имеет	
§ 3. Слово в повседневной жизни	6
Практический субъект	
ГЛАВА 1. ЕСТЕСТВЕННАЯ НЕОБХОДИ-	
МОСТЬ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬ-	
НОСТИ	9
§ 1. Вещь	9
Владение вещью	
Аксиома — 1 — тождества субъекта и вещи	9
§ 2. Материальная сила человека	10
Вещественное основание деятельности	
§ 3. Вещественная природа человека	11
Онтология человеческого существования	
§ 4. Материальная сила и вещь	12
Экзистенциальная сфера бытия	
§ 5. Экзистенция и вещь	13
Реализация экзистенции	
§ 6. Отчуждение экзистенции	15
Собственность практического субъекта	
§ 7. Отрыв экзистенции от человека	16
Личностное основание деятельности	
§ 8. Преобразованная вещь	17
Актуальная и прошлая деятельность	
§ 9. Вещь как внешнее для субъекта	17
Опыт	
§ 10. Возобновление предшествующей деятель-	
ности	18
Превращенная форма деятельности	
Аксиома — 2 — тождества превращений	
§ 11. Актуальная форма вещи	21
Ясность представления вещи	
§ 12. Вещь и прошлая деятельность	22
Неявная представленность превращенной	
формы	
§ 13. Изменение направленности деятельно-	
сти	22
Средство деятельности	
§ 14. Вещественность средств деятельности	23
Вещь в собственном смысле слова	
§ 15. Вещь как предмет силы	24
Атрибут	
Аксиома — 3 — тождества субъекта и атри-	
бута	27
§ 16. Атрибут как принадлежность вещи	27
Осиление вещи	

Аксиома — 4 — тождества атрибута и вещи	29
§ 17. Разнообразие атрибутов	29
Континуум атрибутов	
Аксиома — 5 — континуума атрибутов	31
§ 18. Ограничение континуума атрибутов	33
Предмет деятельности	
Аксиома — 6 — тождества существования и вещи	33
§ 19. Овладение вещью разными субъектами ,	35
Отношения между субъектами	
Аксиома — 7 — тождества субъектов	35
§ 20. Предметность деятельности	35
Непересекаемость атрибутов	
§ 21. Преобразование практической деятельности	37
Вычленение вещи	
§ 22. Появление новой деятельности	37
Указание	
§ 23. Указания на вещи	39
Именованье	
§ 24. Средство и предмет именованья	39
Наименование	
Аксиома — 8 — тождества наименования и именованья	39
§ 25. Использование наименований	41
Функция средств именованья	
Аксиома — 9 — тождества наименования и вещи	41
§ 26. Актуальное именованье вещи	42
Фиксированное именованье	
§ 27. Именованье и практическая деятельность	43
Превращенная форма практической деятельности	
§ 28. Средства именующей и практической деятельности	45
Логические средства	
Аксиома — 10 — тождества наименования и существования	47
§ 29. Необратимость наименования в вещь	47
Субстантивное значение наименования	
§ 30. Использование наименования вместо вещи	49
Нефиксированное именованье	
Аксиома — 11 — тождества нефиксированного и фиксированного именованья	49
§ 31. Исключение вещи из актуальной деятельности	50
Видимость вещи	
Аксиома — 12 — тождества видимости вещи и вещи	53
§ 32. Общность наименования и различие предмета для нефиксированного и фиксированного именованья	53
Обыденный субъект	

ГЛАВА 2. ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ОБЫДЕННОГО МЫШЛЕНИЯ	55
§ 1. Использование логических средств Логическая деятельность	55
Аксиома — 13 — тождества существования и несуществования вещи	59
§ 2. Превращение вещи во внутреннюю принадлежность субъекта Предмет обыденной деятельности	60
§ 3. Представление вещи Логический объект	61
§ 4. Превращение атрибутов Атрибутивное значение наименований	62
§ 5. Актуальное ограничение континуума атрибутов Общее наименование вещей	65
Аксиома — 14 — тождества наименования и всех вещей	67
§ 6. Однофункциональность атрибутивного значения Общее основание наименований атрибутов	67
Аксиома — 15 — тождества наименования атрибута и наименования вещи	69
§ 7. Порядок наименования овладеенной и осиленной вещи Суждение	69
§ 8. Суждение о вещи Имя и предикат	71
§ 9. Функция имени Предмет суждения	72
Аксиома — 16 — тождества имени и вещи	75
§ 10. Суждение как указание на атрибут вещи Предикативная функция	75
Аксиома — 17 — тождества предиката и атрибута	77
§ 11. Произвольность именной функции Предметность значения имени	77
Аксиома — 18 — тождества имени и наименования	79
§ 12. Предметность имени и значения наименований Субстантивирование атрибута	79
§ 13. Расширение предметной области Субъектные суждения	83
Аксиома — 19 — тождества вещи и субъекта	83
§ 14. Безразличность логических функций к предметности Личностное отношение	84
§ 15. Средства личностного отношения Личностное значение наименования	85
§ 16. Вещь и окружение вещей Суждение принадлежности	85
Аксиома — 20 — тождества всех вещей	87
§ 17. Указание на вещь с помощью вещи Элементный состав наличного бытия	89

Аксиома — 21 — тождества суждения и наличного бытия	89
§ 18. Несимметричность именной и предикативной функции	90
Природа предикативной функции	
Аксиома — 22 — тождества предиката и имени	93
§ 19. Роль субъекта, производящего суждение	93
Природа суждения	
Аксиома — 23 — тождества имени и предиката — вещи и атрибуту	97
§ 20. Завершение цикла обыденной деятельности	97
Природа человеческого мышления	
Аксиома — 24 — тождества наименования и суждения	99
§ 21. Автоматизм логических функций	99
Интуитивная ясность суждения	
§ 22. Активность обыденного и практического субъекта	103
Направленность предикации	
Аксиома — 25 — тождества суждения и вещи	105
§ 23. Суждение как овладение вещью	105
Неявная представленность превращенной формы вещи	
§ 24. Фиксируемая область суждения	106
Собственно логическая деятельность	
§ 25. Видимость вещи в суждении	107
Утвердительное суждение	
Аксиома — 26 — утвердительного суждения	109
§ 26. Атрибут существования	110
Указание на указание вещи	
§ 27. Существование логических объектов	110
Статус существования	
§ 28. Указание на отсутствие вещи	111
Отрицательное суждение	
§ 29. Предикат отрицания	111
Предикативное значение собственности субъекта	
Аксиома — 27 — отрицательного суждения	117
§ 30. Наименования, выражающие собственное бытие субъекта	119
Модальное значение наименования	
Аксиома — 28 — тождества наименований	119
§ 31. Обнаружение произвольности предикации	120
Вопросительное суждение	
§ 32. Выбор субъектом предикации	121
Альтернативная функция суждения	
Аксиома — 29 — тождества отрицательного и утвердительного суждения (альтернативности мышления)	123
§ 33. Суждение с модальным личностным значением	123
Ценностное суждение	
§ 34. Употребление ценностных наименований	124
Виртуальность личностного значения	

Аксиома — 30 — ценностного суждения . . .	127
§ 35. Произвольность ценностной предикации Личностное основание ценностного суждения	127
§ 36. Место ценностных наименований в суждении Логическое основание ценностного суждения	130
§ 37. Видимость, открываемая ценностным суждением Предметное основание ценностного суждения	131
§ 38. Ценностное суждение и предшествующая деятельность Онтологическое основание ценностного суждения	133
§ 39. Актуализация прошлой деятельности Объективирование личностного значения	135
§ 40. Предметность ценностных суждений Обобщенность значений ценностных наименований	136
§ 41. Общая деятельность в основании ценностного суждения Отвлечение от специфики деятельности	138
§ 42. Функционирование обобщенных значений ценностного суждения Превращенность общественных отношений	140
§ 43. Номинативные и ценностные суждения Область употребления ценностного суждения	141
§ 44. Фиксирование обыденной деятельности Представленность собственной позиции	142
§ 45. Оценка собственной деятельности Представленность суждения субъекту	143
§ 46. Сравнение собственной деятельности с практической Оценочный предикат «истина»	144
§ 47. Овладение вещью как предмет Установочное суждение	146
Аксиома — 31 — установочного суждения	149
§ 48. Неоднозначность логического объекта Онтологическое основание обыденной деятельности	149
§ 49. Рамки обыденной деятельности Эмпирический субъект	150
ГЛАВА 3. РАЗУМНЫЙ СМЫСЛ ЭМПИРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ	151
§ 1. Обращение к именуемой деятельности Превращение наименований в предмет деятельности	151
§ 2. Выбор наименований Слово	152
§ 3. Наименование и слово Эмпирическая деятельность	154

§ 4. Слово и вещь	154
Производность слова	
§ 5. Область виденья эмпирического субъекта	155
Иллюзорность эмпирического представления	
Иллюзия — 1	157
Аксиома — 32 — тождества слова и наименования	157
§ 6. Область эмпирической и обыденной деятельности	158
Видимость предмета	
Иллюзия — 2	158
§ 7. Предмет как превращенная форма вещи	159
Натурфицирование логического объекта	
Иллюзия — 3	161
Аксиома — 33 — тождества слова и вещи	163
§ 8. Неявность предмета эмпирической деятельности	163
Гносеологический парадокс	
Иллюзия — 4	164
§ 9. Происхождение слов с субстантивным значением	164
Субстантивные натурфикации	
§ 10. Использование субстанциаций	166
Персонификации	
Иллюзия — 5	167
§ 11. Слова с атрибутивным значением	167
Собственно натурфикации	
Иллюзия — 6	168
§ 12. Фиксирование фиксируемой области	169
Вещь как таковая	
§ 13. Натурфикация атрибута существования	169
Превращение существования в вещь	
Иллюзия — 7	170
§ 14. Натурфикация отрицания	171
Отсутствие как вещь	
Иллюзия — 8	172
§ 15. Натурфикация атрибутов субъекта	172
Субъектные слова	
Иллюзия — 9	172
§ 16. Натурфикация ценностных наименований	173
Ценность как таковая	
Иллюзия — 10	175
§ 17. Обыденное и эмпирическое употребление наименования ценности	176
Утрата внешнего основания	
§ 18. Ценность как слово и как наименование	178
Исключение логического основания обыденной деятельности	
§ 19. Ценность как продукт эмпирического субъекта	179
Утрата личностного основания	

§ 20.	Роль эмпирического и обыденного субъекта в использовании ценностных наименований	181
	Утрата обыденного субъекта	
§ 21.	Иллюзия и видимость вещи	182
	То, чем владеет эмпирический субъект	
§ 22.	Привнесение в предмет экзистенциальной характеристики	182
	Абсолют как форма превращения вещи	
	Иллюзия — 11	183
§ 23.	Эмпирическое владение вещью	183
	Направленность эмпирической деятельности	
§ 24.	Эмпирическое высказывание	184
	Эмпиризм человеческого мышления	
§ 25.	Эмпирический предикат с номинативным значением	187
	Классификационное суждение	
	Иллюзия — 12	187
§ 26.	Приписание натурфикации атрибута существования	188
	Статус существования логического объекта	
	Иллюзия — 13	189
§ 27.	Эмпирическое суждение не-существования	190
	Неявность отрицательной предикации существования	
	Иллюзия — 14	191
§ 28.	Отрицание отрицательной натурфикации	191
	Реализация предметности высказывания	
§ 29.	Приписание натурфикациям ценностных предикатов	193
	Ценностные значения	
§ 30.	Ценностные натурфикации в эмпирическом суждении	193
	Ценностный эмпиризм	
	Иллюзия — 15	194
§ 31.	Использование установочных суждений	196
	Императив	
	Иллюзия — 16	197
§ 32.	Предикатирование натурфикации натурфикацией	198
	Эмпирическая разверстка	
	Иллюзия — 17	198
§ 33.	Отрицательная эмпирическая разверстка	198
	Двойная иллюзия отрицательной разверстки	
	Иллюзия — 18	199
§ 34.	Различные виды эмпирических разверсток	200
	Видимость, открываемая эмпирическими разверстками	
§ 35.	Приписание ценностным словам атрибута существования	202
	Иллюзорная форма представления	

§ 36. Приписание ценностному слову ценностного предиката	204
Эмпирическая тавтология	
§ 37. Воспроизведение обыденной видимости	205
Сведение натурфикаций к иллюзорной форме предметности	
§ 38. Обращение эмпирического субъекта к обыденной форме деятельности	205
Утрата эмпирическим субъектом собственного характера деятельности	
§ 39. Представление обыденной деятельности	206
Натурфицирование деятельности в форме вещи	
Иллюзия — 19	206
§ 40. Обращение внимания на иллюзорный характер собственной деятельности	207
Теоретический субъект	
Иллюзия — 20	208

ГЛАВА 4. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ 209

§ 1. Теоретическое суждение	209
Дефиниция	
§ 2. Область представления теоретического субъекта	211
Теоретическое понятие	
Аксиома — 34 — тождества понятия и слова	211
§ 3. Видимость теоретического субъекта	212
Предметность теоретической деятельности	
§ 4. Структура дефиниции	214
Ошибочность теоретических действий	
Аксиома — 35 — тождества дефиниции и вещи	217
Ошибка — 1	217
§ 5. Дефиниция и предшествующая деятельность	217
Область определения дефиниции	
Ошибка — 2	218
§ 6. Дефиниция как превращенная форма классификационного суждения	218
Концептуация	
Ошибка — 3	219
Аксиома — 36 — тождества всех суждений	221
Ошибка — 4	221
Ошибка — 5	221
§ 7. Дефиниция абсолюта	221
Абсолют как абсолют	
Ошибка — 6	226
§ 8. Дефиниция атрибута	226
Атрибут как атрибут	
Ошибка — 7	227
§ 9. Дефиниция способа деятельности	227
Указание на предшествующую деятельность	
Ошибка — 8	228

§ 10. Дефиниция ценностных понятий	229
Ценностный натурализм	
ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТИ	229
ПРЕДЫСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТИ	231
ПЛАТОН	237
<i>Схема употребления ценностных натурфикаций и постановки проблемы ценности в диалогах Платона</i>	240
ПОСЛЕПЛАТОНОВСКАЯ ФИЛОСОФИЯ	242
Ошибка — 9	244
§ 11. Затруднения в решении проблемы ценности	244
Неявность оснований превращенной формы ценности	
§ 12. Природа натуралистической ошибки	246
Невыделенность определяемой области понятия	
Ошибка — 10	247
§ 13. Значение теоретического понятия «ценность» и значение обыденного наименования «ценность»	247
Определяемая область понятия «ценность»	
Ошибка — 11	250
§ 14. Ценность как вещь	250
Дефиниция по предметному основанию	
§ 15. Ценность как любая вещь	251
Разновидность натурализма по предметному основанию	
§ 16. Ценность как неопределенная вещь	253
Разновидность натурализма по предметному основанию	
§ 17. Ценность как действительность в целом	254
Разновидность натурализма по предметному основанию	
§ 18. Ценность как атрибут	255
Логический натурализм	
§ 19. Ценность как атрибут субъекта	257
Психологический натурализм	
§ 20. Ценность как ценность	260
Аксиологический натурализм	
§ 21. Дефиниция ценности по личностному основанию	264
Разновидность аксиологического натурализма	
§ 22. Ценность как деятельность	265
Онтологический натурализм	
§ 23. Дефиниция ценности по логическому основанию	269
Денатурализация ценности	
§ 24. Комбинация теоретических значений в дефиниции	270
Эклектика	
§ 25. Признание в невозможности решить проблему	271

Утрата теоретическим субъектом своей роли	
Ошибка — 12	273
<i>МОТИВЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ИСПОЛЬЗУЮЩЕЙ ЦЕННОСТНУЮ ПРОБЛЕМАТИКУ</i>	274
§ 26. Пределы теоретической деятельности	276
Рефлектирующий субъект	
Аксиома — 36 — тождества всех тождеств	279
ГЛАВА 5. БЕСКОНТРОЛЬНОЕ БЛУЖДАНИЕ РЕФЛЕКТИРУЮЩЕГО СУБЪЕКТА	280
Рефлексия теоретической деятельности	288
Рефлексия эмпирической деятельности	290
Рефлексия обыденной деятельности	298
Рефлексия практической деятельности	315
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	324
ИСТОЧНИКИ	327
Приложение. ДЖИН ДЖ. ДЖЕЙМС. Защита дефиниции ценности, данной Ральфом Бартоном Перри. Пер. с англ.	328
Summary	340

АРТСЕГ Владелец вещи, или Онтология субъективности. (Теоретический и исторический очерк) //Прилож. Дж. Дж. Джеймс. Защита дефиниции ценности, данной Ральфом Бартоном Перри, пер. с англ. /Науч. ред. С. Г. Чиликов.— Йошкар-Ола — Чебоксары: АФИТ—Владиком, 1993.—352 с.; 37 илл., худ. Любовь Ямская.— (Русская аналитическая философия).

Рекламное агенство Фот-издат. Йошкар-Ола,
424000, а/я 95, тел. (836—22) 520—56.
Владиком. Чебоксары.

Типография № 1 Госкоминформпечати Чувашской Республики.
Сдано в набор 1.04.93. Подписано в печать 23.12.93. Формат 60×84/16. Тираж 10000 экз.
Заказ 1113.

Предлагается широкий выбор фотографических изданий, а также художественных, популярных, научных изданий.

Персональные каталоги фотомастеров:

«Супрун», «Пожерскис», «Филонов», «Воецкий», «Чиликов», «Зюбрицкий», «Глейдз», «Осьмачкин», «Рубцов», «Бинде»

Каталоги выставок:

«Молодежь» (Салон в Узваре), «150 лет фотографии» (Салон в Риге) — альбомы с цветными вкладками зарубежных мастеров. «Группа «Факт» в Москве», «Группа «Факт» в Сыктывкаре», «Мираж», «Женщина в фотографии», «Аналитическая выставка», «33 фотографа Поволжья», «Мир тебе — планета Земля», «Россия — отчий дом». «Фотография в Йошкар-Оле» (книга — 100 фотографий мастеров Поволжья), «Вечер памяти Аналитических выставок».

Каталоги художественных выставок:

«Любовь Ямская»

«Эротика Ямской» (8 листов с двусторон. репр.)

«Ольга Брель» (36 цв. репр.)

«Александр Насекин»

Фотографический вестник, 1990, 1991, 1992, 1993 (№ 1—17)

Сборник рецептов: ванны для больных и здоровых, народные способы лечения ревматизма (40 с.).

Заявки присылать по адресу:

424000, Йошкар-Ола, а/я 95

тел. (836-22) 5-20-56

РЕКЛАМНОЕ АГЕНТСТВО
Марийской организации Союза фотохудожников России

АФИТ

Выдающиеся фотомастера России выполняют рекламные съемки в любом стиле.

*Авангард, модерн, фотографические трюки
в рекламе*
ТОЛЬКО У НАС

г. Йошкар-Ола, а/я 95

т. (836—22) 520—56.

РОССИЙСКИЙ ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК «РЕТИКУЛЯЦИЯ»

Editorial stuff of the photo-herald requires sponsors and looks for partners for joint publication of the herald in 1994.

ATTENTION TO ADVERTISERS!

Professional photographers and photoamateurs from 100 cities of the ex-USSR and 15 countries read «Reticulation» while the price for a page of advertisement is only 300 dollars (rouble payment is possible).

Address for contact:
«Reticulation»
box 16 Cheboksary
Russia 428000
tel: 22-50-99
fax: 21-42-52

ВНИМАНИЮ РЕКЛАМОДАТЕЛЕЙ

«РЕТИКУЛЯЦИЮ» регулярно читают профессиональные фотографы и любители в 100 городах бывшего СССР и 15 зарубежных странах, при этом стоимость одной страницы рекламы для рекламодателей из России — 200 000 руб. Для частных объявлений «куплю-продам» — 10 рублей за букву. Информация некоммерческого характера публикуется бесплатно.

Адрес для контакта:
428000 г Чебоксары, а/я 16.
«РЕТИКУЛЯЦИЯ»

МАРИЙСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

КРУИЗ

ШИРОКИЙ ВЫБОР УСЛУГ

Звягинцев Анатолий Николаевич

г. Йошкар-Ола

т. (836—22) 9-87-51

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

«СЛАВИЧ» — 60 ЛЕТ

УСПЕШНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **ПРОИЗВОДИТ И РЕАЛИЗУЕТ**
черно-белые фотобумаги в комплекте с фотообработывающими растворами и без них;
- **ВЫПУСКАЕТ**
мелованную бумагу одно- и двухстороннюю на бумажной основе массой 120—250 г кв. м, в рулонах шириной 600, 860, 1240 мм, клеевую ленту на бумажной основе;
- **ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ**
на ламинирование бумаги-основы различной плотности не ниже 60 г/кв. м.
на изготовление черно-белых фотобумаг для выставочных работ по заявкам профессиональных фотографов, творческих объединений, фотоклубов и любителей.

контактные телефоны: 99-298, 99-293, 99-583

Россия, 152140, г. Переславль-Залесский

Ярославской области, пл. Менделеева, 2.

АО «Славич», завод фотобумаг. Телекс: 217218 IVA, факс: (08535) 22500

J. S. Co., Slavich, Mendeleeva sq., 2, Pereslavl-Zalessky, 152140, Russia,
Telex 217218 IVA SU, Telefax (085—35) 22560